

Свой вариант

Альманах

Межрегионального союза писателей
и Конгресса литераторов Украины

№ 18

*При поддержке
Городского головы Луганска
Сергея Кравченко*

и

*Генерального директора
Научно-производственного центра
«ТРАНСМАШ»
Сергея Мокроусова*

Луганск, 2012

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ АЛЬМАНАХА «СВОЙ ВАРИАНТ»!

Мне, как городскому голове Луганска, отрадно, что мы оказываем поддержку выходу в свет одного из лучших в СНГ литературных изданий. Под этой обложкой собраны произведения десятков талантливых авторов из многих областей Украины, их коллег из России.

Не зря говорят, что независимость страны – это, прежде всего, зависимость от культуры, порядочности и справедливости. Ну, а одним из высших проявлений культуры является литература, уровень развития которой отражает в определённой степени уровень развития государства, региона.

Мы гордимся тем, что в Луганске, прославленном своими заводами, живут и замечательные поэты и прозаики, широко известные не только в Украине, но и за её пределами. Николай Малахута, Ирина Гирлянова, Василий Дунин, Татьяна Дейнегина, Елена Руни... Их список можно продолжать долго, а это значит, что у нашего города и у всей страны – должно быть хорошее будущее.

Мы будем способствовать тому, чтобы стихи и проза современных писателей Украины и нашего региона легче находили путь к читателям, особенно, к молодёжи. И потому надеемся на встречу с вами в новом выпуске альманаха «Свой вариант», тираж которого должен расти. Ведь вариант решения жизненных проблем, предлагаемый авторами, основан на доброте и нравственности. А этих качеств должно быть у всех нас, как можно больше.

С уважением
Городской голова Луганска

Сергей Кравченко

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Очередной выпуск альманаха «Свой вариант» знакомит читателей с новыми произведениями уже полюбившихся авторов и тех, кто дебютирует в нашем альманахе. Надеемся, что радости открытий удачных строк, оригинальных мыслей, талантливых стихотворений и рассказов будет значительно больше, чем разочарований. На наш взгляд, здесь, под одной обложкой, собрались очень интересные и разноплановые авторы из Украины, России, Беларуси, США, Германии, Израиля. Их вновь более 150, и уже становится отличительной чертой альманаха калейдоскопичность творческих стилей и жанров.

Мы благодарны всем, кто оказал поддержку этому выпуску альманаха. Прежде всего, это – наш коллега, поэт и публицист, и, в то же время, серьёзный учёный, академик Транспортной академии Украины, генеральный директор НПЦ «Трансмаш» Сергей Мокроусов. Откликнулись на нашу просьбу помочь Луганский Городской голова Сергей Кравченко и депутат Луганского облсовета Олег Акимов.

Можно много говорить о необходимости развивать в стране украинский и русский языки (а, значит, украинскую и русскую литературы), но при этом – ничего не делать. А можно помогать находить пути к читательским сердцам таким изданиям, как «Свой вариант», в которых русская и украинская культура получают своё дальнейшее развитие.

Уверены, что большинство читателей найдёт на страницах альманаха произведения, созвучные их душам. Ну, а тем, кто не сможет этого сделать, обещаем, что в следующих выпусках постараемся, чтобы их вариант мироощущения получил своё отражение в альманахе. А пока давайте вместе перечитаем стихотворение одного из лучших русских поэтов Евгения Баратынского:

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдёт далёкий мой потомок
В моих стихах; как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношенье,
И как нашёл я друга в поколенье,
Читателя найду в потомстве я.

Повторим с надеждой вслед за классиком, что наш негромкий голос услышат друзья из нашего поколения, а, может быть, и читатели в потомстве. Мы рады новой встрече с читателями.

С уважением,
Владимир Спектор,
Наталия Мавроди-Морозова

ПРОЛОГ

*Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.*

*Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.*

*Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.*

*И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.*

*И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.*

*Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.*

*И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.*

Б. Пастернак

ПЕГАС-КЛАССИК О ПУШКИНЕ

Эдуард Багрицкий

О ПУШКИНЕ

...И Пушкин падает в голубоватый
Колочий снег. Он знает – здесь конец...
Недаром в кровь его влетел крылатый,
Безжалостный и жалящий свинец.
Кровь на рубахе... Полость меховая
Откинута. Полозья дребезжат.
Леса и снег и скука путевая,
Возок уносится назад, назад...
Он дремлет, Пушкин. Вспоминает снова
То, что влюблённому забыть нельзя, –
Рассыпанные кудри Гончаровой
И тихие медовые глаза.
Случайный ветер не разгонит скуку,
В пустынной хвое замирает край...
...Наёмника безжалостную руку
Наводит на поэта Николай!
Он здесь, жандарм! Он из-за хвои леса
Следит – упорно, взведены ль курки,
Глядят на узкий пистолет Дантеса
Его тупые, скользкие зрачки...
И мне ли, выученному, как надо
Писать стихи и из винтовки бить,
Певца убийцам не найти награду,
За кровь пролитую не отомстить?
Я мстил за Пушкина под Перекопом,
Я Пушкина через Урал пронёс,
Я с Пушкиным шатался по окопам,
Покрытый вшами, голоден и бос.
И сердце колотилось безотчётно,
И вольный пламень в сердце закипал
И в свисте пуль за песней пулемётной
Я вдохновенно Пушкина читал!
Идут года дорогой неуклонной,
Клопочет в сердце песенный порыв...
...Цветёт весна – и Пушкин отомщённый
Всё так же сладостно-вольнлюбив.

Борис Ластовенко
ЦВЕТЫ ПУШКИНУ

Вновь я посетил...

А. Пушкин

Я снова в общежитии, в котором
мне довелось прожить немало дней;
иду давно знакомым коридором
и вижу номер комнаты своей.

Какие только здесь кипели страсти!
Какие бури отшумели здесь!
Когда я нынче думаю о счастье,
мне кажется,

что счастье все же есть.

О поиски единственного слова!..

Средь юных лиц и звонких голосов
печально пел

свои стихи Рубцов нам
и спорил с нами Юрий Кузнецов.

Я выхожу на улицу... В лицо
швыряет снег

крутой январский ветер...

Да, я горжусь, что Николай Рубцов
меня читал, мои стихи – заметил.

Посаженные нами в оны дни,
рябины у крылечка стали выше.
«Россия, Русь, храни себя, храни...» –
я тоже я общежитии услышал.

Оставя ряд алеющих рябин
и белую останкинскую рошу,
в потоке лихо мчащихся машин
приеду я на Пушкинскую площадь.

Здесь, посреди завьюженной Москвы
и осенённый снежным хороводом,
он, не клонивший гордой головы,
стоит,

склонив её перед народом.

«Младое племя»... Вот людской поток
течёт, спешит, но яростная вьюга
не заметёт алеющий венок
бессмертников с Михайловского луга.
И сквозь кристалл магических стихов,
сквозь мысль и боль

его прозрачной прозы,
отсюда видно очень далеко,
и каждый здесь становится серьёзным.

Не потому ль, на лекции спеша,
вдыхая синь московского рассвета,
мы здесь всегда придерживали шаг
и мысленно здоровались с Поэтом.

Пугающе-безмолвный белый лист,
высокое служение Искусству...

«Я не студент, старик,
я — лицеист!» —
торжественно сказал мне
первокурсник.

Он был, конечно, очень молодой,
но не беда: с годами мы умнеем,
а если верить рифме корневой —
Литинститут рифмуется с Лицеєм!

Ах, сколько нас, явивших «божий дар»
и жаждущих своё прославить имя,
сюда явилось, на Тверской бульвар
с потёртыми тетрадами своими.

Мы все успели вовремя начать,
с надеждой разлетелись по Союзу,
но многих реже стала посещать,
а многих вовсе позабыла муза.

С потёртою тетрадошкой стихов,
когда бывать приходится в столице,
я посещаю бывших земляков
и напряжённо всматриваюсь в лица.

В тех — радость,
в этих — менторская спесь,
а кто с чужого голоса вещает:
«Провинция...

Все стоящее — здесь!» —
и тут же мне стихи свои вручает,
чтоб напечатал дома... Земляку
я рад помочь. Но все-таки печально,
коль он забыл, что «Слово о полку...»
на родине его — берёт начало.

Я не люблю надменно-постных лиц,
но я всегда готов поспорить с теми,

кто позабыл, что несколько страниц
пропахли в «Тихом Доне» нашей степью.

Знакомые по «Слову...» соловьи,
седой Донец, закаты и рассветы
не обеднеют без его любви,
но все же дело, видимо, не в этом.

Сужается Отечества простор,
давно угрюмы города и веси,
и мне сказал товарищ мой шахтёр:
«В Донбассе нашем

больше нету песен...»

Без родников невысказана река,
(я не открыл великого секрета),
без Родины невысказана строка,
ну а без строк – какие мы поэты!

Я очень скромно мыслю о себе,
и не из тех, кто на судьбину ропщет,
ведь навсегда останутся в судьбе
Тверской бульвар

и Пушкинская площадь.

Не всё дойдёт до завтрашнего дня,
но не пугает сумрачная Лета:
за Слово, что явилось из огня,
спасибо вам, великие поэты!

Я через площадь к Пушкину бегу,
в моей руке качаются под ветром
из той степи,
где «Слово о полку...» –
бессмертники бессмертному поэту.

Марина Цветаева

СТИХИ К ПУШКИНУ

Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, услада жён –
Пушкин – в роли монумента?
Гостя каменного – он,

Скалозубый, нагловзорый
Пушкин – в роли Командора?

Критик – ноя, нытик – вторя:
– Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры? Чувство моря

Позабыли – о гранит
Бьющегося? Тот, солёный
Пушкин – в роли лексикона?
Две ноги свои – погреться –
Вытянувший – и на стол
Вспрыгнувший при Самодержце –
Африканский самовол –
Наших прадедов умора –
Пушкин – в роли гувернёра?
Чёрного не перекрасить
В белого – не исправим!
Недурён российский классик,
Небо Африки – своим
Звавший, невское – проклятым!
Пушкин – в роли русопята?
К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесём:
Всех румяней и смуглее
До сих пор на свете всём,
Всех живучей и живее!
Пушкин – в роли мавзолея?
Уши лопнули от вопля:
– Перед Пушкиным во фронт!
А куда девали пекло
Губ, куда девали – бунт
Пушкинский, уст окаянство?
Пушкин – в меру пушкиньянца!
Что вы делаете, карлы,
Этот – голубей олив –
Самый вольный, самый крайний
Лоб – навеки заклеив
Низостию двуединой
Золота и середины.
Пушкин – тога, Пушкин – схима,
Пушкин – мера, Пушкин – грань..
Пушкин, Пушкин, Пушкин – имя
Благородное – как брань
Площадную – попугаи.
Пушкин? Очень испугали!

ГОСТИ НА ПАРНАСЕ

Анатолий Аврутин Минск Беларусь

Вот и снова метель...
Загудело в ночи, заревело.
Фонари ослепило,
забило оплывшую щель.
Эти груди сугробов,
как белое женское тело,
Только женское тело
белее, чем эта метель.
Всё гудят в проводах
Чьи-то судьбы, забытые в строки:
«Тчк... Телеграмма...
Прости... Не звони... Тчк...»
Только низкие тучи
и голос, и голос высокий,
Да шальная сосулька
похожа на отсвет штыка.
А взглядишься в метель,
видишь – грузные сучья провисли,
И тяжёлая наледь
на каждой из хрупких ветвей.
Это белое буйство...
И чёрные-чёрные мысли...
Эта нежная снежность...
И снежная наледь на ней...
Повезёт, и дождусь –
вот и эта метель отгудела,
Отсвистала сквозь ветви,
на время тропинок лишив.
Но позволив подумать –
вначале тайком и несмело, –
А потом всё уверенней:
«Кажется, кажется жив...»
Возликует душа:
«Просто жив... Ни отнять, ни прибавить...»
И опять телеграммы
о чём-то талдычат взахлёб.

Солнце брызнет в зрачки...
И при чём тут какая-то наледь,
На которой споткнёшься
и рухнешь в тяжёлый сугроб?..

Не закрыта калитка...
И мох на осклизлых поленьях.
На пустом огороде
разросся сухой бересклет...
Всё тревожит строка,
Что «есть женщины в русских селеньях»...
Но пустуют селенья,
и женщин в них, в общем-то, нет.

У столетней старухи
Белёные, редкие брови,
И бесцветный платочек
опущен до самых бровей.
Но осталось навек,
Что «коня на скаку остановит...»
Две-три клячи понурых...
А где ж вы видали коней?..

Поржавели поля,
Сколь у Бога дождя ни просили.
Даже птенчику птица –
и та не прикажет: «Лети!...»
И горячим июлем
Всё избы горят по России,
Ибо некому стало
в горящую избы войти...

ХОЛОП

– За что сечёте?.. Смилуйтесь... Ну, барин...
Не поджигал я дом... Не поджигал...
Прапрадед мой прапрадеду подарен
Господскому... Я смалу это знал...
Не бейте... Ой!.. Постойте... Пощадите...
Да чтобы я... Господское... Свят, свят...
За что?.. Ой... Ой... Невинного вините...
Господь свидетель... Ой... Не виноват...

Спасибо, барин... Сжалился... Холопом
Я был... Я есть... Я твой холоп навек.
Позвольте в ножки... Едете?.. Европам

Привет от хлопа, божий человек...
Уехал, сволочь... Скатертью дорога –
Поехал к бабе, а приедет в рай...
Ужо робяты встретят возле лога...
Не смиляются... Васька, поджигай!..

С кареглазых холмов
всё сбегает потоки босые,
Ноздреватая дымка
ползёт с побледневших полей.
И летят журавли
Над холодной и мокрой Россией,
И в России темнеет
без белых её журавлей.

Снова листья кружат...
Покружив, сухо щёлкают оземь.
Все прозрачней становится
голый запущенный сад.
Всё слышней поутру,
как свистит желтоблужая осень,
Как цепляясь за бренность,
последние листья кружат.

Но порою мелькнет...
Чуть погаснет... Опять загорится...
То ли свет предвечерний,
то ль блики с далёких болот.
А потом то ли зверь,
то ли просто пугливая птица
Вспорот серую дымку...
Над сгорбленным садом мелькнёт.

И запомнишь навек,
Не забудешь и в ярости лютой,
Этот свет неизбывный,
буравящий пасмурность дней.
Тот, что будет парить
над твоею последней минутой...
Над забытой Отчизной...
Над горькой печалью твоей...

Снова мокрый декабрь... Очертанья не резки...
Тьма во тьму переходит, что хуже всего.

Я не знаю, курил или нет Достоевский,
Но вон тот, с сигаретой, похож на него.

Так же худ... И замызганный плащ долгополый,
Не к сезону надетый, изрядно помят.
Он в трамвай дребезжащий шагнёт возле школы,
На прохожих метнув с сумасшедшинкой взгляд.

Что с того? Те же тени на стёклах оконных,
Та же морось... И те же шаги за спиной.
Но теперь на «униженных» и «оскорблённых»*
Все прохожие делятся в дымке сквозной...

Прикрыв глаза, ты видишь чёрный свет...
Прикрыв глаза, я вижу женщин в белом...
А середины не было и нет,
Лишь свет и тень в просторе оробелом.

Мелькают дни... И нет пути назад.
И каждому воздастся по деяньям:
Я встречу чёрный свет, смежив глаза,
Ты – вскрикнув, – даму в белом одеянье...

Олег Зайцев Беларусь Полоцк

В прозрачной колыбели прошлых дней,
Забравшись тихо, я лежу ничком,
И будущее тёплым молоком
Мечты поит, как водопой коней.

Усталых звёзд беспечен яркий свет,
Щекочущий зрачки моих надежд,
Из бесконечного числа одежд
Ту выбираю, что как маков цвет.

Пурпурной тоги знаковый наряд
Укажет след, оставленный не мной,
И я, одолевая шар земной,
Проведаю, что люди говорят.
Найдя калитку, стану на крыльце,
Парного из кувшина отхлебну
И, глянув на застывшую луну,
Замру с благоговеньем на лице.

*«Униженные и оскорблённые» – роман Ф.М.Достоевского

Я, вперив взор в разверзшуюся даль,
Вдруг оценю туманно-млечный мост,
Слепящий благолепьем стылых звёзд,
Мерцанием немым – куда ни взглянь.

Вот молоко пролилось – не беда.
Как отзвук эха, где-то – детский плач;
Лишь бременем тяжёлый алый плащ
И время, что стремится в никуда.

Любая идея слабее плача младенца –
От этого мне, куда б ни стремился, не деться,
И если спросить: моё безоткатно ли эго,
Услышать ответом рискую не только эхо.

Блуждать меж трёх сосен – любимый маршрут вожатых:
Потом не сыскать ни правых и ни виноватых,
А после, когда уже я протрублю все сроки,
Напрасно готовить шпаргалки, зубрить уроки...

Вы скажете, скука всё это, вернее, шутки,
Угнаться за временем, вечно кромсая сутки;
Опять, пеленая пространство в масштаб обзора,
Поспешно дела разрешать, размышляя споро.

Размах революций не мною, увы, измерен –
Накатит галопом тоска, будто сивый мерин,
Толпа набежит, злые крики сольются в отгул,
Юродствовать станут, крушить, попивая водку...

Всё это не раз проходили, на то и книги,
И память на то, чтоб в чащобы не лезть, интриги
Опять не плести. Поводырь за финал – в ответе,
И если не я отомщу, непременно – дети.

Доволен жизнью. И по сторонам
Смотрю едва: заглядывать в карманы
Чужие точно не пристало нам,
Тем более считать чужие money.

Нет, я не царь, но всё же и не раб:
Носить клеймо постыдно и подавно,
Волнует лишь воды тугая рябь
Да перестук скрипящего рыдвана.

Когда есть цель, то средствам вопреки,
Достичь её – отыскиваем способ.
Дрожат, но пляшут на волне буйки,
А если и выныривает — особь.

Куда ни кинь, а всё идти пешком,
Глазеть на воду, вслушиваясь в трели,
Поменьше б только личностей с душком
Судьба дала, хоть мы поднаторели...

Всех благ, заметил кто-то, не возьмёшь —
Нелишне помнить истину простую;
Равнодалёк от грумов и вельмож,
Я мерять жизнь стараюсь не впустую.

Пусть уличён, но улица слепа,
Как слепы подкаретные колёса,
Я молча отираю пот со лба,
В глазах чужих читая знак вопроса.

Нагроможденье образов в горячечном бреду,
И я за строчкой свежую по-прежнему бреду,
Но вбрасывая фразы и словечки невпопад,
Я за слепающим солнышком не вижу снегопад.

Снежиночки-картиночки на плечи вдруг легли,
И рифмы перепонки мне жгут будто бы угли,
Я, смысла не коверкая, пытаюсь протоптать
Концовки островерхие, крадучись словно тать.

Запас идей кончается, но лист ещё широк,
Поэзия поэтому поэту словно рок:
Свернёшь направо — истины, возможно, не узришь,
Налево стопы выправишь — навстречу только тишь.

Хрустит, как лист пергамента, небесная крупа,
А строчка измывается, поэту вновь грубя:
Метафоры, эпитеты накрыли с головой,
Блуди теперь, потерянный, а хочешь — волком вой.

Но жар спадёт, сугробы все нещадно подкосив,
Найду я столбовую и прочувствую курсив,
Строфа опять распустится, задышит, как самшит,
Однако я в поэзии совсем не лыком шит.

Максим Замшев Москва

Не убегу и не уеду.
Я перевозмог свою беду.
Я буду праздновать победу
В каком неведомо году.

Без слёз, без друга, без любимой,
Без флагов, порванных в тряпьё.
Непоправимо, нелюдимо
Я буду праздновать её.

Пускай сегодня бью посуду,
На счастье, зло и звонко бью.
И всё же праздновать я буду
Победу горькую свою.

Тоска пускается по следу,
Хоть не хотел, а наследил.
Я буду праздновать победу,
Победу из последних сил.

Никто победу не отнимет,
Никто не вспомнит Страшный Суд.
Но только имя, только имя
Другое не произнесут.

Вот и март на исходе.
Месяц мёрзлой травы.
Ни на что я не годен,
Ко всему я привык.
А весна так обычна,
Так, по сути, пошла,
Так упряма по-бычьи,
Так по-лисьи мила.
И скучнее, чем прежде,
По бульварам идти.
И знакомых всё реже
Повстречаешь в пути.
Да и тех, кого встретишь,
Лучше б век не видеть,
Будет, видимо, третьим
Вам предложено стать.
Вот и март на исходе.
Скоро год пополам.
Торжествуют в народе

Ясновидец и хам,
И в передней толпятся,
Как в волшебной стране,
Чудаки-домочадцы.
Что грустят обо мне.

Жене Ольге

Попробуй губами, попробуй
Коснуться любви молодой,
А после легонько потрогай
Ладони, что грезят тобой.
По ним ты узнаешь желанья,
О них говорить нам нельзя.
Увидишь, как пешек собранье
Легко окружает ферзя.
Услышишь, как ночь-чернобурка
Сгорает от каждого дня,
Поймёшь, как ветра Петербурга,
Как зайца травили меня,
И кто-то раскручивал глобус,
Движенье по кругу любя.
Попробуй коснуться, попробуй
Я это берёг для тебя.

Почти не стало телефонных будок,
И воздух на куски не разможжить.
Когда пойму, что ничего не будет,
Начну спокойно и угрюмо жить.

Начну деньки считать до выходного
И праздников не слышать суету.
Как в зеркало, смотреться bestолково
В деревьев молодую наготу.

Давно не тешит перемена места,
И как-то по-дурацки повезло.
Когда пойму, что шутки неуместны,
Начну шутить отъявленно и зло.

Мой хрупкий мозг по-прежнему простужен.
Ещё бы! Все в пути да на ветрах.
Когда пойму, что никому нужен,
По всей душе зашевелится страх.

А город свищет на фальшивых дудках,
И помнит, хоть и спал тогда хмельной,
Как сладко было в телефонных будках
Дозваниваться вечером домой.

Дождь Москвы моей не видит.
Да зачем она ему!
Ничего из нас не выйдет,
Сам не знаю почему.

Было время, – затевали
Мы великие дела.
Пусть кого-то задевали,
Так ведь это не со зла.

И теперь дожди слепые
Барабанят по трубе.
Что – продали, что – купили,
Что – оставили себе.

А когда земля очнётся.
Глянет в обе стороны, –
Небо заново начнётся
С небывалой белизны.

Станислав Куняев Москва

Сколько их на земле – незаметных,
неказистых и неокрылённых,
невеликих,
посредственных смертных,
неприглядных, банально влюблённых!
Хорошо, что в Москве и Калуге,
в Сан-Франциско и Нью-Орлеане
ходят средние американцы
и простые советские люди –
по дорогам и по тротуарам,
тратят время без умысла – даром.
Вы представьте: такое творится,
что кругом – лишь таланты, провидцы.
Уповают.
Гадают.
Пророчат.
Открывают.
Провидят.

Бормочут –
машинально.
Едят – апатично.
Исподлобья глядят – фанатично.
Бродят, не узнавая друг друга...
Вот была бы забавная штука!
1960

ПОСЕТИТЕЛЬ

Старик, суетясь, достаёт
лохматую грязную справку
(а справка похожа на тряпку)
и бережно мне подаёт.
Смотрю на печать полковую,
читаю, а справка гласит:
«Солдат,
партизан,
инвалид...
Был ранен в бою под Уфою...
Почти что полвека назад...
В борьбе за народное дело...»
Вот вырезки старых газет,
бумага давно пожелтела.
В тридцатые годы писал.
В Москве за него хлопотали.
Он книгу чуть-чуть не издал,
не вовремя оклеветали.
А я всё читаю.
Молчу.
Он просит стихи напечатать.
Он просит его не печалить.
А я всё молчу и молчу.
Стихи о гражданской войне.
Есть также поэма о мире.
Потом говорит о жене.
Потом говорит о квартире.
Есть басня «Барсук, старый плут» —
о местном хапуге — завмаге...
Потом он молчит пять минут.
Потом собирает бумаги.
Суёт их обратно в портфель.
Он держит их в школьном портфеле.
Застёгивает шинель.
Идёт в направлении двери.
А я только слушал его.

А я не сказал ничего.
А он и не ждал ничего.
1961

РУССКИЙ РОМАНС

Как жарко трепещут дрова,
как воеет метель за стеною,
и кругом идёт голова,
и этому — песня виною...
Пустые заботы забудь,
оставь, ради Бога, посуду
и выдохни в полную грудь
слова, равноценные чуду...
А я так стараюсь, тянусь,
сбиваюсь и снова фальшивлю,
но что б ни случилось — клянусь
поэзией, честью и жизнью,
что я не забуду вовек,
как вьюга в трубе завывала,
как рушился на землю снег,
как ты не спеша запевала.
Земля забывала о нас,
прислушавшись к снежному вою,
и русский старинный романс
кружил над твоей головою.
А утром проснёшься — бело.
Гуляет мороз по квартире...
О, сколько вокруг намело!
Как чисто, как холодно в мире...
1964

НАДО МУЖЕСТВО ИМЕТЬ

Надо мужество иметь,
чтобы полото тревоги
в сутолоке и в мороке
не разменивать на медь.
Надо мужество иметь,
не ссылаться на эпоху,
чтобы божеское Богу
вырвать, выкроить, суметь.
Надо мужество иметь,
чтобы прочно раздвоиться,
но при этом сохраниться,
выжить, а не умереть.
1964

ЖИВЁМ МЫ НЕДОЛГО, — ДАВАЙТЕ ЛЮБИТЬ

Живём мы недолго, — давайте любить
и радовать дружбой друг друга.
Нам незачем наши сердца холодить,
и так уж на улице вьюга!
Давайте друг другу долги возвращать,
щадить беззащитную странность,
давайте спокойно душою прощать
талантливость и бесталанность.
Ведь каждый когда-нибудь в небо глядел,
валялся в больничных палатах.
Что делать? Земля наш прекрасный удел —
и нет среди нас виноватых.
1963

Иннокентий Медведев Россия Братск

МОЙ РАЙ

Вот он Рай на земле! Вот мой Рай!
И другого мне Рая не надо.
Этот дивный берёзовый край.
И душа моя этому рада.
Я не видел такой красоты.
Я не видел берёз в два обхвата.
На поляне ручей и цветы –
Здесь земля красотой богата.
Игры бабочек, лепет стрекоз,
Пенье птиц – радость этого лета.
Завитки у красавиц берёз –
Всё для жизни и сердца поэта.
Ты молчи, нам слова не нужны,
Лишь с природою в целое слейся!
В свою душу скорей загляни.
Пей вино, дорогая, и смейся!
Ты любовь мне свою подари
Для влюблённого сердца отрада.
Буду рядом с тобой до зари
И другого мне Рая не надо.

КРИК ДУШИ

Я тебя нисколько не ругаю,
Не кляню – зачем всё это мне?
Я ни тот и ты совсем другая,
Да и жизнь как будто бы во сне.
Пыл любви давно мы исчерпали,

Я с другой... и ты давно с другим.
Мы тогда совсем не понимали,
Что любовь, костёр, зола и дым.
Губ холодных страстное желанье
И игра в любовь – лишь только бред.
Наша встреча – только пониманье,
Что не скажем мы друг другу – «Нет».
...Так ласкай меня, утешь мне душу.
Обо всём забудем в этот миг.
Думаю, конечно, будет лучше
Заглушить в груди протяжный крик.
Крик души давно уж очерствелой,
Что давно в себе похоронил.
Опьяни игрой своею смелой,
Чтобы обо всём сейчас забыл.
Эх, зачем кричать, зачем скандалить?
Этим ведь себя не обретёшь.
Вижу впереди пустые дали,
И бежит от них по телу дрожь.

У БЕРЁЗКИ

Возле этой берёзки назначал я свиданья.
Возле этой берёзки наши встречи прошли.
И под то же берёзкой возникали желанья,
От которых тогда, чуть с ума не сошли.
Только время не спросит, чего бы хотелось.
Только время куда-то от нас всё спешит.
Время то далеко-далеко улетело.
Так, что путь нам земной в одиночку вершить.
Я сижу у берёзки, у той же берёзки,
Под которой с тобою время я проводил.
И бросаю наброски, на листочек неброский,
Про свидания те, что ещё не забыл.
И когда-нибудь ты у берёзоньки этой
Посидишь, погрустишь, никого не вина.
Пусть согреют тебя эти строчки поэта.
Как когда-то и ты согревала меня.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Вечер задумчивый тише и тише,
Тихо скребутся за печкою мыши.
Бабка при свечке на картах гадает.
Внучка на корточках с кошкой играет.
Дед побряхтел, покосился на бабку,
Снял с головы полинявшую шапку.

Сел возле печки, раздвинул он шторку
И закурил, как обычно, махорку...
Ветер продрогший в трубу завывает,
Песней своей он всем сон навевает.
Всем в этом доме ложиться пора,
Ветер с метелью разбудят с утра.

Иван Переверзин Москва

* * *

Каждый вечер добавляет снега
в шапки мономаховые гнёзд.
Дымом пахнет в наледи ночлега
чешуя, летящая от звёзд.

До краёв засыпаны озёра,
выровнены с речкой берега,
письменами снежного узора
с человеком делится тайга.

Будто бы ни жгучие метели,
ни седые стужи не страшны;
спит душа в еловой колыбели,
снятся ей берёзовые сны.

ДИКОЕ ПОЛЕ

Жил не во зле, глядел светло
и счастлив был, а не заметил,
как с вековых начал село
сорвало, как ворота с петель.
Кричит могила без креста,
кричит сухое дно колодца,
кричит столбом своим верста –
ничто людей не дозовётся.

ВЕСТЬ

В небе чёрном гроза прогремит,
тело дрогнет, душа отлетит,
но пойдут и пойдут ковыли
светлой вестью до края Земли.

Ты могилы моей не найдёшь,
я повсюду, где поле и рожь,
я под снегом, родная, я здесь,
словно светлая-светлая весть.

* * *

В моей душе – душе печальной,
где плыли баржами века, –
есть пристань, есть канат причальный,
да только высохла река.

Летают чайки, блещет галька,
сверкает сахаром песок,
и долбит мусорная галка
леща протухшего в висок.

Была река... И вот не стало.
Закрылась пристань, слышен мат.
И лишь душа светлинкой малой
сквозь тьму веков глядит назад.

* * *

Гощу у матери в деревне,
где сразу у крыльца деревья,
сирень, берёзки, тополя
купаются в лучах рассвета
и, взявшись за руки, как дети,
уходят погулять в поля.

Поля от края и до края,
где рожь, на солнце золотая,
как грива конская, густа,
где полнозвучно, словно голос,
звенит о сытой жизни колос
и даль до доньшка чиста.

Я в этой дали пропадаю,
лежу в траве, стихи читаю,
плывут, как мысли, журавли...
Не верится, что днями раньше
я был от смертных бурь не дальше,
чем незабудки от земли.

ЗИМНЕЕ ЭХО

Мороз разбуженным медведем
идёт по лесу – треск стоит.
Червлёным серебром на меди
звезда полярная горит.

Снега сверкают, как алмазы.
Густа, как ртуть, течёт река.
В седые дедовские сказы
туман окутал берега.

Я встану посреди опушки,
счастливо крикну: о-го-го!
И даль ответит, как из пушки,
звонящим эхом глубоко.

И, как по щучьему веленью,
земному голосу в ответ
наполнится волшебным пеньем
и зимний лес, и белый свет.

А листья, звонящие листья
омылись в осенних ветрах,
окрест расстелились по-лисьи –
в оранжево-жёлтых цветах.
Но даже в болотистой яме
судьба – не покинула их:
шуршат, как поют, под ногами,
и в сердце – живет живых.

Юрий Петраков Москва

Стоишь, подобна откровению,
На зыбкой грани одиночества,
В скупой реальности мгновения,
Парадоксальностью пророчества.
Неужто, высвечена в разуме
Внезапной вспышкой озарения,
Не встреченной ещё ни разу мне
Жила в привычном измерении?

Жила, ждала.
Спасибо, милая!
Жаль, никогда не будет сказано,
Какой таинственной силою
Так много лет мы были связаны.

Не бойся, я тебя замечу.
Нам лгать друг другу не пристало.
Твои глаза плывут навстречу,
Как два магических кристалла.

Видно, мне всю жизнь любить завещано.
Не припомню уж, с какого дня

Сероглазая, чужая женщина
Стала самой близкой для меня.

Что с того – чужая, пусть – счастливая
С тем, Другим, любить ведь не грешно
И чужую, чувством не насилуя
То, что кем-то свыше решено.

В том, что жизнь моя как будто пятится,
Не её и не моя вина.
Девочка в немодном нынче платьеце,
Как дорога до тебя длинна.

Мне её не выходить, вчерашнюю,
Некогда утраченную новь.
И, казалось бы, что мукой страшную
Мне должна быть поздняя любовь.
Только жить светлей, и легче дышится,
И не тесно на земле втроём,
Коль живёт, пусть под чужою крышею,
Робкое сокровище моё.

От того, что мне любить завещано,
Радуясь, ревнуя и кляня,
Сероглазую, чужую женщину,
Самую родную для меня.

Лучше сохнуть от страсти,
Чем топиться с тоски.
Страсть по-своему красит
Человека.
Риски!
Лучше вновь чертовщина,
Чем боязни порок.
Ну, и что как мужчина,
Ну, подумаешь, рок!
Все казённые страхи,
Вёрсты дальних дорог,
Всё приемля, не сахар
Жизнь, а карточный торг.
Полон яда и фальши
Самый верный рецепт.
То что выпадет – наше,
Красный цвет, чёрный цвет.
Смелым в прикуп везенье
Не в Раю, так в аду.

Манит таинством зелье,
 Плод запрещен в саду.
 Без Адама и Евы
 Что б осталось?
 Тоска!
 В райских кущах, для девы
 Стоит розы таскать
 С недозволенной клумбы,
 Жечь мечтою виски,
 К черту серость –
 В Колумбы!
 Хочешь вместе?
 Рискни!

Уходя, закрою двери на железные запоры.
 Уходя, ключи упрячу вглубь далекого пруда.
 Как случилось, что поверил в злые бабьи наговоры?
 Как случилось, что удачу смыла мутная беда?
 Если б скорое прозренья мне любовь твою вернуло.
 Если б долгие молитвы оградили от греха.
 На моём плече усталом ты тихонько прикорнула,
 На моём пути недолгом стала строчкою стиха.
 Но упрямая гордыня неусыпно душу гложет,
 Но разбуженная ревность желчью разум бередит.
 И ничто уже, похоже, воротить тебя не может.
 И ничто уже, быть может, нам не светит впереди.
 На неведомых широтах о тебе мечтать устану,
 На нехоженных дорогах стану грезить о другой.
 Но тоска о прошлой жизни будет мучить непрестанно.
 Но тоска о том, что было, не минует стороной.
 Час пробьёт, судьбу меня. Обмелеет пруд далёкий.
 Час пробьёт — и проржавеют все запоры на двери.
 Воротятся в дом забытый ненаписанные строки.
 Воротятся в дом родимый точно всполохи зари.

Александр Резник Киев

УЖ ЕСЛИ ФЛАЖОЛЕТ*...

Уж если флажолет – забытие струны,
 А пальцы скрипача – забытия вершитель,
 То верой в нежность рук ещё мы так сильны,

* *Флажолет – мягкий свистящий звук, получающийся при прикосновении пальцем к некоторым точкам струны в щипковых и смычковых музыкальных инструментах.*

Что, отворив тайком взгрустнувших муз обитель,
Навек теряем сон, самим себе странны.

Самим себе странны, самих себя стократ
Возносим и казним, порок скрепив порукой.
И лишь когда скрипач возносит наугад
Натруженный смычок, что крест над войском звуков,
То всех святынь святей нам музы самосвят.

Но тяжек труд его: со злом ещё не квит,
Он трелей огнепыл, как вызов преисподней,
Бросает, распрямясь – и плавится Коцит,
И вздутый Флегетон, рапсодов всех рапсодней,
Сзывает тьмы князей на их последний вскрик...
Верши, скрипач, верши, струны забытие –
Лишь забытья всевластьем всеильны твои руки!
А мы, тайком вступая в святилище твоё,
Взамен терпенья чаши Грааль весны пригубим,
Который никогда не будет до краёв.

НАТАЛЬЕ САВИНОЙ

(песенный диптих)

I

К тебе, моё воздушное созданье,
В какую высь, в какую даль себя увлечь?
Какою дымкой, тенью, сенью стать мне?
Каким богам поведать свою речь,
К ногам твоим чтоб алым цветом лечь?

К ногам... К перстам... Зардев горе и долу
Весь видимый и потаённый мир,
Красу с огнём братая непокоем,
Когда рассвет на меди труб настоян,
Когда весь век в пути нас только двое,
И скроен мир из топ'а и ами...

II

Просветлел... Просиял... Славы прошлой котурны спалил.
Суетой и юдолью теперь мне – чины и награды.
Легким древком зари оттолкнувшись от сонной земли,
Улечу в твой Эдем, лишь тобой из юдоли украден.

Ты навстречу взлетишь, лебединые крылья раскрыв.
Соколиные крылья – тебе я навстречу раскрою,
И отдам полстолетья всей прежней лощёной тоски
За один только миг помраченья тобою.

Улечу в твой Эдем, в птиц апрельских восторженный гам,
 Улечу, ну а там – пусть безумнейший я в целом свете! –
 Всей земли многогрешной иконные лики отдам
 За один только взгляд, на лету укрощающий ветер.

Ведь к бывлой нелюбви – нет, не мы, Бог мосты нам спалил
 И полёта лишил всех, кто счастьем чужому не рады!
 Ну а мы воспарим, оттолкнувшись от сонной земли,
 Хоть совсем не Эдем – только мы друг для друга наградой

О, ГДЕ Ж ТЫ, ГЛАС?

Неспешен, Бог-отец опять творить идёт.
 Ещё безлюдна, льдом туманным тая,
 Висит земля, потерянно-немая,
 на воздушях всеведущих пустот.
 Не смей на плеть господнюю роптать!
 Всё, что дозволено – зубовный скрежет йети.
 Хоть раз изведав порки Божьей плетью,
 не различить уже, где Бог, где бес, где тать.

Теперь и мы, от боли став слепы,
 годимся только вызволять Варавву,
 Всё больше, больше боевищ кровавых
 алкает чрево лапотной толпы.

Взалкав – устои силимся беречь,
 смилив язык свой цепью золотою.
 Взалкав – плодим такие лишь устои,
 храня которые, теряем стыд и речь

И прячемся во снах... А наяву
 Ползёт на вышку, склабясь, некто с сотой,
 Молчит Земля... Всеведущи пустоты...
 О, где ж ты, глас младенца во хлеву?!

Наталья Савина Киев

МОЛИТВА

*«Господи, дай мне душевный покой,
 Чтобы принять то, что не могу изменить,
 Мужество изменить то, что могу,
 И мудрость отличить одно от другого.»*

Франциск Ассизский

С моей растерзанной душой,
 Пришла к тебе. Горит свеча.
 О, дай моей душе покой,
 И силу не рубить сплеча.

И принимать всё так, как есть,
Коль изменить я не могу,
И на краю у Бездны сесть,
Как на обычном берегу.

Дай мужества, чтоб изменить,
Всё, что могу ещё менять,
И мудрость, чтобы отличить
И сердцем суть вещей понять.

МОЯ КРОВЬ

Полоснёт по сердцу нож
Ревности, сомнений –
На бумаге ты найдёшь
Кровь стихотворений.

Будет счастье обнимать
Душу в райской нише:
Пульсом кровь стучит опять,
А рука всё пишет.

НАД ПРОПАСТЬЮ

Опять над пропастью во ржи,
Я не заметила подвоха.
Ты руку мне не дашь? Скажи?
И в миг один всё стало плохо.

И тучи небо замели,
И ветер рвал мою одежду.
Нет больше на Земле любви,
На волоске и снова между

Камней кровавых и полей,
Лишь на себя надеюсь снова:
Я выдержу, ведь я сильней,
И крепче, чем мужское слово.

Герои, рыцари, мужья –
Вы декорация спектакля,
Где все цари, и все князья,
Но моего в вас нет ни капли.

И это поле спелой ржи...
Я отдышусь. Я победила!
Любовью чистой дорожи,
Не атакуй чужого тыла,

Не предавай мужскую суть,
Слабей была б – давно разбилась...

Нельзя позвать кого-нибудь,
Чтоб сказка о любви приснилась.

В ГОСТЯХ У ЛЮБВИ

Летает, как шарик воздушный душа,
Интриги внизу – ах, как жизнь хороша!
Влюблённости ох, как серьёзен синдром,
А чувство пьянит посильнее, чем ром.
Взахлёб слушать голос опять и опять,
Как мантру, смешные слова повторять,
А письма писал Моруа Незнакомке,
Советы давал, а мы ходим по кромке... –
В гостях у Любви слишком разные все мы,
По Фрейдю, мы так не подходим под схемы!
Поэты, мечтатели и музыканты
В Любви беззащитны и все дилетанты.

Владимир Шемшученко Санкт-Петербург

Золотые слова растащило по норам ворьё.
И аукнулась нам бесконечная наша беспечность.
Поспешаем за веком, и в души несём не своё,
На сегодняшний день обменяв человечность.

Разрастается зло, выползает из тёмных щелей.
Погремушками слов пустозвоны гремят на рассвете.
Встань за Родину, друг мой, молись и себя не жалея –
От безбожных отцов не рождаются русские дети!

Петь не умеешь – вой.
Выть не сумел – молчи.
Не прорастай травой.
Падай звездой в ночи.

Не уходи в запой.
Не проклинай страну.
Пренебрегай толпой.
Не возноси жену.

Помни, что твой кумир
СЛОВО, но не словцо.
И удивлённый мир
Плюнет тебе в лицо.

Я не страдаю от режима
И не меняю баш на баш.
Пишу без всякого нажима –
Я экономлю карандаш.

Меня не били смертным боем
За дилетантские стихи.
Меня водили под конвоем
За настоящие грехи.

Ненасытная печь за поленом глотает полено.
На исходе апрель, а в тайге ещё снега по грудь.
Скоро лёд в океан унесёт непокорная Лена,
И жарки расцветут, и не даст птичий гомон уснуть.

Где-то там далеко облака собираются в стаи.
Где-то там далеко людям снятся красивые сны.
А у нас ещё ветер весёлые льдинки считает
На озябших деревьях, и так далеко до весны.

Тишину потревожил испуганный роком мотора –
Не иначе, сосед мой, рисковый, бывалый мужик
До того обалдел от безделья и бабьего вздора,
Что по рыхлому льду через реку махнул напрямик.

И опять тишина – на сей раз проскочил-таки, леший!
От души отлегло. Я бы так ни за что не сумел.
В эту пору на лёд не ступают ни конный, ни пеший,
А ему хоть бы хны – он всегда делал то, что хотел.

И за то постарал, и срока отбывал на Таймыре,
И на высылках жил от Верховьев до Карских ворот,
Пил еловый отвар, кулаком плющил морды, как гирей,
И выхаркивал лёгкие сквозь окровавленный рот.

Он глядел на меня, усмехаясь, в минуты застолья
И на третьем стакане меня зачислял в слабаки...
А глаза изнутри наполнялись любовью и болью –
Так на небо глядят пережившие жизнь старики.

Опустилась на кончик пера
Паутинка ушедшего лета.
Никогда столько синего цвета
В небесах я не видел с утра.

И светла моя грусть, и легка –
Отрекаюсь от пошлых мистерий.
Я – смиреннейший подмастерье,
Данник русского языка.

Ветер нынче строптив, хамоват и развязен –
Вот и верь после этого календарю.
Паутинкой-строкою к нему я привязан,
Потому и стихами сейчас говорю.

Ветер ходит, где хочет, живёт, где придётся,
То стрелой пролетит, то совьётся в кольцо.
Окликаю его – он в ответ мне смеётся
И кленовые листья бросает в лицо.

Он стучит мне в окно без пятнадцати восемь,
Словно нет у него поважнее забот.
Он несёт на руках кареглазую осень,
И листву превращает в ковёр-самолёт.

Он целует её, называет своею,
И ему аплодируют створки ворот...
Я стою на крыльце и, как школьник, робею,
И сказать не умею, и зависть берёт.

Слышащий – да услышит.
Видящий – да узрит.
Пишущий – да напишет.
Глаголящий – повторит.

Всяк за своё ответит.
Каждому – свой черёд.
Слово, если не светит,
Запечатает рот.

Пуля – она не дура,
А провиденья рука.
Да здравствует диктатура
Русского языка!

ЛИЧНОСТЬ

Яков Смоляренко Луганск

ОН СОБИРАЛ ИСТОРИЮ ЗАВОДА И НАШЕГО ГОРОДА

Эти заметки об известном луганском краеведе Ю. Темнике (1929 – 2007), с которым я поддерживал дружеские отношения, носят журналистско-мемуарный характер. Строки из его биографии, в основном почерпнутые из уст героя, дополнены отрывками моих личных наблюдений и воспоминаний.

Автор

В Юрии Александровиче Темнике совершенно отсутствовали какие-либо намёки на апатию к жизни, он был всегда энергичен и наполнен планами. Все свои прожитые годы, как поётся в одной песне, всегда считал своим богатством.

Детство этого человека опалила война. С первых дней лихолетья отец Юрия ушёл на фронт. А он вместе с матерью и старшей сестрой глубокой осенью сорок первого года эвакуировался из Луганска. Сначала добрались до Сталинграда, а затем по Волге и по Каме – до Удмуртии. В пути не раз попадали под бомбёжки немецкой авиации. Все годы эвакуации, в основном, кормились шитьём, которым занималась мама. Уезжая из города, она успела прихватить с собой лишь швейную машинку, оставив всё нажитое.

Только в 1944 году семья Темника возвращается в родной Луганск. Продолжив здесь свою учёбу, Юрий оканчивает школу в голодный 47-й год, оканчивает с золотой медалью. Приняв решение поступить в Высшее техническое училище им. Баумана на факультет ракетостроения, он едет в Москву. Но так случилось, что это решение не было осуществлено в полной мере. В училище, конечно, был принят, но только на металлургический факультет по специальности «Машины и технология литейного производства».

Учебная нагрузка была сумасшедшая, а условия студенческой жизни поражали своей жесткостью. Это обязательные четыре пары лекций с лабораторными занятиями. А после них почти ежедневная работа в мастерских. Шло это, видимо, оттого, что в училище хорошо сохранилась старая школа воспитания инженерных кадров. Ведь это учебное заведение по возрастному ранжиру было вторым техническим вузом России. Конечно, учиться было трудно, очень трудно. Но, наверное, по-другому воспитать настоящих специалистов было невозможно. Предложенный учебный ритм выдерживал не каждый студент.

По своему составу группа литейщиков была очень сильной. В ней, в основном, учились медалисты или те, кто с отличием закончили техникумы. Инженерную профессию Юрий постигал сноровисто. Часто получал

повышенную стипендию, что было нелишним в то не очень богатое время.

Училище Ю. Темник окончил с отличием, как раз в год смерти Сталина. Хотел попасть по распределению на Уралмаш, там было чему поучиться. Но направление получил в Барнаул, на станкостроительный завод, который, как и многие предприятия того времени, относился к министерству оборонной промышленности. В начале мая уже приступил к работе в должности мастера литейного цеха. Через короткий промежуток времени возглавил цеховое технологическое бюро. А через год с небольшим стал начальником этого же цеха. Кстати, среди заводчан было много рабочих и специалистов из Луганска, эвакуированных в Барнаул во время войны и задержавшихся здесь.

Алтайский край был красив своей природой. Горы, реки, чистый воздух... Такое великопение не могло не изумлять. Его даже не заслонили заводские будни. Да и по-другому не могло быть: ведь Юрий Александрович был тогда молод, энергии хватало на всё. Достаточно отметить, что за три с половиной года работы в Барнауле ему удалось основательно поучаствовать в реконструкции литейного цеха, в кратчайшие сроки было запущено сталеплавильное производство, освоена плавка высокопрочного чугуна, да и других важных дел осуществилось предостаточно.

Но тянуло на малую родину, в Луганск. И, в конце концов, молодой инженер, но уже поднабравшийся производственного опыта, переехал в родной город. Устроился на станкостроительный завод, который в то время местными жителями иначе как патронным не назывался. Здесь все ступеньки его инженерной карьеры также были связаны с литейным производством. Прошёл путь от технолога до начальника цеха. Какое-то время, несмотря на свою занятость основной работой, даже умудрялся преподавать на вечернем отделении машиностроительного института. В последнее время работал заместителем главного металлурга завода. С его участием литейный цех, который длительное время довольствовался лишь ручной формовкой, превратился в высокомеханизированное производство. Формовка мелких и средних деталей стала осуществляться на машинах, а изнурительную формовку крупногабаритных отливок во многом облегчило применение пескомёта. Всё это ещё дополнил целый ряд других технологических новшеств: удаление литейных стержней методом электроудара, автоматическая выбивка литейных форм на конвейере, выплавка качественных сплавов и т.д.

Когда организовался цех литья под давлением, заводу, одному из первых в СССР, удалось внедрить литеввые роботизированные комплексы. И в этом деле Юрий Александрович Темник принимал самое непосредственное участие. В общей сложности заводской металлургии он отдал сорок лет жизни.

Ещё со студенческой скамьи Ю.А.Темник проявлял интерес к истории литейного производства. Этому во многом способствовал его преподаватель в училище, видный советский ученый Н.Н. Рубцов, которым была создана очень мощная книга как раз на эту тему. Уже тогда будущий инженер во многих работах по истории техники часто встречал упоминания о Луганском заводе и вкладе его специалистов и мастеров в развитие промышленности России. Интерес к истории и краеведению сопровождал Юрия Александровича всю его жизнь.

То, что вместо ракетостроения пришлось довольствоваться литейным делом, Ю.А.Темник считал подарком судьбы. «Не став литейщиком, я бы наверняка не попал на Луганский станкостроительный завод, – как-то заметил он. – И, конечно же, его производственный ритм и его замечательная двухвековая история оказались бы для меня недоступными».

Проработав на заводе более сорока лет в разных должностях, он ни на минуту не порывал связи с литейным производством. Его инженерная карьера завершилась в высоком ранге: заместитель главного металлурга предприятия. О достижениях и заслугах заводского ветерана говорит его почётное звание – «Заслуженный машиностроитель Украины».

Юрий Александрович, конечно, не мог представить свою жизнь на пенсии без родного завода. Выручили обстоятельства. Когда к 200-летию старейшего предприятия востока Украины решили возобновить работу заводского музея, лучшей кандидатуры на должность его директора, чем Юрий Александрович Темник, не нашлось. Руководство, да и многие заводчане знали, что изучение истории Луганского завода – многолетнее увлечение этого человека. У великого Гёте есть изречение: «Лучшее, что дает история, – это вызываемый ею энтузиазм». Наверное, поэт имел в виду и подвижничество, которое рождается при изучении истории. Если это так, то слова Гёте полностью подходили и к Темнику. За короткое время при поддержке и помощи заводской администрации и многих заводчан-энтузиастов ему удалось из почти погибшего заводского музея создать первоклассное хранилище двухвековой истории предприятия.

Когда-то Юрий Александрович считал, что история – это наука о прошлом. Но, вникнув в неё поглубже, он убедился, что накопленный исторический опыт даёт ответы на многие вопросы современности и будущего времени. Недаром было замечено, что история развивается по спирали, т.е. события повторяются, но уже в другую эпоху и в другом виде.

Луганским историческим следопытом в краеведение города, да и всего Донбасса полновесно введены такие личности, имена которых ранее во многих случаях перечислялись лишь через запятые. Это Г. Гесс де Кальве, А. Мевуис, И. Фелькнер, И. Тиме и другие. Юрий Александрович был всегда глубоко убеждён, что история техники является неотъемлемой частью истории страны. Изучая её, обязательно сталкиваешься с кругом вопросов далеко выходящих за рамки исторического развития техники. К сожалению, многие страницы истории техники до сих пор не прочитаны. И здесь ещё много работы.

Юрия Александровича Темника всегда восхищала уникальность истории Луганского завода и Луганска, которые неразрывно связаны. Ведь именно здесь создавались основы металлургии, горного дела и машиностроения Украины. Именно здесь работали выдающиеся горные инженеры, талантливые механики и мастера.

Вклад, внесённый Ю.А.Темником в краеведение, весом и зрим. Достаточно отметить, что его постоянная и кропотливая поисковая работа полновесно возвратила из забвения ряд имён людей, работавших в разные времена на Луганском заводе. Вот только одно из них: Иллиодор Фёдорович Фелькнер (1829–1895). Почти пятьдесят лет жизни, инженерной деятельности и творчества этого человека были связаны с Донецким краем. Из них шесть лет (1865–1871) он проработал горным начальником (директором) Луганского завода. Перу

И. Фелькнера принадлежат такие серьёзные книжные издания как «Станки и орудия для обработки металлов» (1868 г.), «Об усовершенствованиях по горной механике» (1869 г.), «Каменный уголь и железо в России» (1874 г.) и другие. Научные и научно-популярные книги луганского инженера и писателя И.Фелькнера издавались в С.-Петербурге, Киеве, Харькове.

В содружестве с Ю.Я.Егеревым им написана и издана интересная книга «Каменный Брод. Очерки истории XVII-XIX веков». В этой работе, посвящённой 250-летию старейшего района Луганска, приведено множество фактов и документов, рассказывается о судьбах людей, ставших работниками Луганского литейного завода. Последние годы своей жизни он работал над объёмным и многопанорамным историческим исследованием, которому дал яркое название – «Столетнее горное гнездо». Именно такое образное определение дал Луганску в конце позапрошлого века один из видных деятелей промышленности России горный инженер А. Износков. К сожалению, пока увидел свет первый том этой работы, в котором с научными и историческими подробностями нарисованы биографические портреты ряда выдающихся инженеров и учёных, талантом и трудом которых создавались горная промышленность, металлургия и машиностроение Донбасса.

Как-то зашёл я в заводской музей. Его двери никогда в рабочее время не закрывались. Даже в обеденный перерыв. И как раз моё посещение совпало именно со временем обеда. В прихожей, где размещался в стальных шкафах богатейший музейный архив, за столом, застеленным газетой, колдовал над приготовлением трапезы Юрий Александрович.

– Селёдку будешь? – ответив на приветствие, поинтересовался Темник. Я не стал отказываться. Из пакета он достал копчёную сельдь, блестящую золотистыми боками, уложил её на газету и стал разделять. В ожидании я стал знакомиться с текстом газеты, которая уже успела покрыться жирными пятнами. В глаза бросилась фамилия автора одной из публикаций: «Ю. Темник». Я всполошился:

– Юрий Александрович, здесь же ваша статья!

– А я уже её прочитал. Правок почти никаких, – продолжая разделять рыбу, ответил Темник. – И чего ты так разволновался. Это всего лишь газета. Прочитал и выбросил. В музейный архив я такой же номер уже отложил.

– А в свой домашний?

– Личного архива не веду. Тщеславием не страдаю, – ответил Юрий Александрович.

И действительно, как выяснилось позже, Юрий Александрович почти никогда не сохранял рукописей и своих публикаций. У него был интерес лишь к проводимому историческому исследованию и последующему его обнародованию.

Юрий Александрович не был лишён ироничности и чувства юмора. Его шутки и мягкий сарказм, смешанный с иронией, всегда воспринимались без обиды. Приведу всего лишь один из примеров.

Рабочий литейного цеха совершил прогул. Явившись на работу, он, как и полагалось, написал объяснительную записку на имя начальника

производственного подразделения. Описав причину своего проступка, провинившийся выдвинул ходатайство о своем наказании: «За случившееся прошу лишить меня премии в размере 20 %».

Юрий Александрович Темник, работавший тогда начальником литейного цеха, наложил на этот документ резолюцию: «Просьбу удовлетворить с перевыполнением и лишить 100 % премии».

У Темника было сильно развито воображение. Ведя экскурсии по заводскому музею, он мог подробно, со многими тонкостями и нюансами словесно описать то или иное событие, происшедшее в заводе в XIX веке. Например, имея лишь из литературных и архивных источников скудные сведения об огороде лечебных растений первого заводского лекаря И. Рача, он расширял и дополнял их своим видением необходимости и полезности использования народных целебных растительных средств в лекарской практике.

Или ещё пример. Однажды в музее появился в экспозиции небольшой портрет отца Владимира Даля – Ивана Матвеевича, написанный в наши дни. Рассматривая его, я услышал за своей спиной вопрос Юрия Александровича:

– Ну что, похож?

– Он откуда-то срисован? – поинтересовался я.

– Известных портретов Ивана Матвеевича Даля я не обнаружил. Пришлось вместе с художником сочинить его образ. Во всяком случае, я его таким представляю. Ведь в истории присутствует немало художественных образов известных людей, об обличьях которых можно только догадываться. Так что особого греха в написании этого портрета не вижу.

Ю.А. Темник много времени отдавал работе в архивах в поисках материалов о Луганском заводе. Он обстоятельно обследовал Луганский областной государственный архив, занимался поиском документов в архивах Москвы и С.-Петербурга. Например, в Архиве древних актов (г. Москва) ему удалось разыскать дело о получении потомками Карла Гаскойна причитающегося им наследства. Этот документ представлял собой огромный рукописный фолиант в 600 страниц, содержащий немало неизвестных сведений и фактов из истории завода, жизни и деятельности первого его директора, стоявшего у истоков рождения Луганска. Обнаружение в этом же архиве подробной карты Славяносербии, изданной в 1812 году, и экономических приложений к ней позволило обогатиться краеведу многими малоизвестными, а порой и неизвестными, фактическими сведениями об истории нашего края.

В Российском военно-историческом архиве краеведом-исследователем были разысканы неизвестные документы о строительстве и становлении Луганского патронного завода.

А ещё он никогда не пропускал возможности порыться в библиографических картотеках Российской государственной библиотеки (бывшей «Ленинке»). Сведениями из различных печатных источников ему удалось существенно дополнить уже собранный им материал об Аполлоне Фёдоровиче Мевинусе, который более 15 лет служил в Луганском горном округе и на Луганском

литейном заводе. Неожиданным для заводского историка оказался факт деятельного участия А. Мевюса в строительстве Донецко-Юрьевского завода (г. Алчевск) и пребывания на нем в должности директора. Кстати, этот факт не был известен и самим алчевцам.

В главной российской библиотеке ему удалось разыскать много редких сегодня книг, авторы которых работали на Луганском заводе в дореволюционное время. И среди них капитальные труды А. Мевюса «Чугунолитейное производство (1859 г.), И. Тиме «Соппротивление металлов и дерева резанью» (1870 г.), которые были известны даже за пределами царской России.

Юрий Александрович не только знакомился с разысканными книжными изданиями, а также журнальными публикациями инженеров Луганского завода, но и сумел ксерокопировать их. Стоило это в то время немалых денег. А, как известно, денег много не бывает. И однажды, подрастратившись на копии книг, он решился позвонить на завод и попросить, в общем-то, не такие уж громадные средства для завершения копировальных работ. Но большой заводской начальник даже не попытался вникнуть в суть просьбы и с грубоватой интонацией посоветовал сделать необходимые выписки и на этом завершить начатое дело. Но Темник не сдался: он попросил сына выслать деньги и всё-таки все отобранные издания ксерокопировал. Позже ксерокопии были переплетены, и получилась приличная подборка копий книг заводских авторов, изданных в разные годы позапрошлого столетия. Кстати, о многих этих книгах, разысканных Ю.А. Темником, городские историки и краеведы имели весьма смутное представление.

Юрий Александрович многие годы собирал домашнюю библиотеку. Большой раздел в ней составляла техническая литература. Книги по технике он начал собирать в конце сороковых годов прошлого столетия, когда познавал инженерное дело в стенах МВТУ им. Баумана. В библиотеке нашли своё пристанище многие редкие книги по металлургии, порой ненаходимые даже в государственных книгохранилищах. Юрий Александрович очень дорожил всеми изданиями по технике. И всё-таки однажды, а было это в конце 1996 года, он принял решение передать более четырехсот книг по литейному производству заводскому отделу главного металлурга. Это был щедрый подарок. Ни одна из подаренных книг, несмотря на свой возраст, не потеряла своей актуальности. Наоборот, ранние издания отличались широтой и доступностью рассматриваемых в них технических проблем, содержали немало практических рекомендаций. Интерес заводских специалистов вызывали работы по литейному производству известных ученых, профессоров П.П. Жевтунова, Н.Н. Рубцова, члена-корреспондента Академии наук СССР Г.Ф. Баландина и др. С некоторыми авторами книг даритель был знаком лично. Например, с доктором технических наук Ю.А. Степановым, известным своими исследованиями по современному способам литья, Юрий Александрович в свое время учился в МВТУ.

Подаренные книги до конца существования завода помогали литейщикам решать проблемные вопросы.

Я всегда удивлялся уникальной памяти Темника. Она у него работала как компьютер, откладывая на долговременное хранение различные даты, факты, события. И не обязательно они были связаны с историей или краеведением. Например, он отлично помнил дни рождения многих заводских сослуживцев.

Как-то Юрий Александрович поделился со мной: «Ты знаешь, что Николаю Ивановичу Разорёнову, бывшему нашему главному энергетiku, 17 июля исполняется девяносто лет?». Я, конечно, не знал и откровенно в этом признался Темнику. Моё признание он воспринял удивленным взглядом: мол, как это? Затем с его стороны последовали энергичные действия. Он стал звонить в профсоюзный комитет: «Необходимо как-то отметить это событие. Ведь уважителен даже тот факт, что человек дожил до таких лет!». Не получив вразумительного ответа, Юрий Александрович отправился в заводской отдел кадров. Там он выпросил на время личное дело Н.И. Разорёнова и с ним вернулся в музей. Сразу же стал звонить юбиляру, приглашая его в гости.

Все эти действия Темника проходили на моих глазах. Немного позже Юрий Александрович поделился со мной: «Ты знаешь, Разорёнов с таким любопытством и интересом листал своё дело! А сколько у него воспоминаний вызвали различные документы, хранящиеся в папке! Он даже начал подсчитывать количество выговоров и благодарностей, полученных за свою долгую производственную жизнь».

Ю. Темник был непостижимо влюблён в художественное литьё мастеровых Луганского завода. Он по крупицам собирал сведения о замечательных литых поделках, с огромным энтузиазмом разыскивал старые заводские художественные изделия для музейного фонда. Его мечтой было полное возрождение оригинального искусства литейщиков на родном заводе, и он немало способствовал этому. К слову, заводской музей располагал, во многом благодаря ему, в своей экспозиции целым рядом работ старых мастеров художественного литья.

А как он радовался, когда в середине декабря 1996 года в художественной галерее города состоялась выставка «Художественное литьё на старом Луганском заводе. Традиции и современность». Вручая мне красочный пригласительный билет на открытие выставки, он потребовал: «Смотри, не пропусти!».

Как краевед, Темник ничего не принимал на веру. В своих работах он никогда не использовал вроде бы фактический материал, но не имеющий документального подтверждения. Об одном досужем утверждении, что вроде бы один из дореволюционных луганских градоначальников побывал с некоторым прошением у царя, Юрий Александрович высказался резко: «Купец второй гильдии встречается с царём? Мне кажется, что это из области фантастики. Никакие воспоминания не могут служить подтверждением этой встречи. Лишь документ может развеять мои сомнения. А его-то нет».

Несмотря на свою постоянную занятость, Юрий Александрович никогда не отказывался от встреч с журналистами. В заводском музее довольно часто можно было встретить корреспондентов луганских СМИ: Ивана Чалого, Сергея Зарвовского, Юрия Чепурного и других. По материалам их бесед с краеведом готовились передачи на радио, печатные публикации.

Темник был частым гостем и телевизионных студий. Свою дружбу с журналистской братией он непременно использовал для просвещения читательской, зрительской и слушательской аудиторий по истории родного города и донбасского края.

Два-три раза в неделю обязательно заходил в редакцию заводской многотиражки «Луганский завод». Делился новостями музейной жизни, своими планами разработки той или иной темы краеведческого характера. Частенько приходил не с пустыми руками. Доставая из папки рукопись очередного написанного им материала, просил редакционных работников поскорее высказать своё мнение. Иногда присаживался за письменный стол и вносил в рукопись какие-нибудь поправки или дополнения. Получив редакционное «добро», просил не затягивать с публикацией.

Я мог воочию наблюдать все эти моменты общения Темника с заводскими журналистами, так как работал в газете.

Интересно отметить тот факт, что большинство своих краеведческих или исторических материалов, даже предназначенных для других газет, он в первую очередь публиковал в заводской многотиражке. В ней и были опубликованы многие очерки, позже вошедшие в его книгу «Столетнее горное гнездо».

Иногда в написанных им материалах, обязательно до предела насыщенных малоизвестными и неизвестными историческими фактами, проступала тревога, даже боль, за некоторые моменты нашей жизни. Мне запомнились, тревожащие душу, строки из его очерка «Не растерять бы историю Донбасса...», который был опубликован в одном из номеров многотиражки декабря 1997 года: «Некоторые современные идеологи духовного возрождения и построения унитарного государства забыли, что промышленность Украины создавалась совместным трудом украинского, русского и других народов. Сегодня их главный тезис: освобождение от угнетения Россией, прекращение имперского ограбления. Но ведь государственная власть Российской империи была жестокой ко всем населяющим её народам, в том числе и к русскому». Актуальность этих строк сохранилась даже спустя почти пятнадцать лет.

Валерий Снегирёв Луганск

ЕЁ СКУЛЬПТУРА УКРАШАЛА ЛУГАНСК

Скульптура изображала обнажённую девушку в полный рост с веслом в правой руке.

Скульптура «Девушка с веслом» была создана по заказу Центрального Парка Культуры и Отдыха имени Горького в Москве. По легенде, основной моделью скульптора Ивана Шадра стала Вера Волошина. В 1935 году во время тренировки по прыжкам в воду с пятиметрового бассейна Веру Волошину заметил автор бессмертного «Бульжника – орудия пролетариата», легендарный

скульптор Иван Дмитриевич Шадр. Как раз в то время он получил госзаказ на создание серии скульптур для строящегося парка культуры и отдыха имени Горького в Москве и в поисках моделей посещал спортивные площадки Столицы. Скульптуры должны были олицетворять красоту, молодость и спорт. Для Парка Горького было сделано более пятидесяти скульптур, а венцом этого спортивно-скульптурного парада стала скульптура «Девушка с веслом». Высота её была порядка 11 метров. Установили её в 1936 году у главного входа в окружении фонтанов. Она должна была стать символом своего времени, эталоном советской женщины. Так вот «Девушка с веслом» – это и есть Вера Волошина. Шадр, по мнению исследователей его творчества, «запечатлел типовой жест эпохи, подведя итог пластическим поискам многих скульпторов», он нашел удачный симбиоз двух кодов, античного и спортивного, и воплотил его в «Девушке с веслом». Посчитали, что Шадр «переборщил», создав не столько женщину в привычном для сталинского социализма облике матери, труженицы, сколько эталон, испугавший современников длиной атлетических ног, мышцами плеч, вытянутостью пропорций, сексапильностью. Скульптура подверглась критике. В том же году её переместили в парк имени Горького города Луганска, и наш областной центр около пяти лет украшала одна из самых чувственных скульптур одного из знаменитейших скульпторов XX века. Уменьшенная копия этой скульптуры до сих пор хранится в Третьяковской галерее.

Ученик Огюста Родена

Фамилия автора «Девушки с веслом» – Иванов. Шадр – его псевдоним: Иван Дмитриевич родился в Шадринске в 1887 году в семье столяра, где, кроме Ивана, было ещё тринадцать детей. Служил у купца мальчиком на побегушках. В 1901 году без подготовки успешно сдал экзамен по рисунку в художественно-промышленную школу Екатеринбурга. Через шесть лет отправился странствовать по России. После безуспешной попытки поступить в академию художеств подрабатывал уличным пением в столице империи. В 1910 году уехал в Париж. Учился у Огюста Родена на муниципальных курсах скульптуры и рисования. Стажировался в Риме. Гражданскую войну пережил в Омске, где готовил памятник генералу Корнилову, проект коронования адмирала Колчака, проект освобождения Сибири, а уже в апреле 1920 года работал над памятником жертвам белого террора и памятником Карлу Марксу. Иван Шадр – автор так называемых «денежных мужиков» – фигур рабочего, крестьянина, красноармейца и сеятеля, созданных по заказу Гознака для воспроизведения на банкнотах. Натурная скульптура «Ленин в гробу» сделала Ивана Шадра главным мастером довоенной ленинианы. Всего Шадр создал шестнадцать скульптурных изображений Ленина. В 1927 году Иван Шадр создал одно из ярких произведений искусства XX века «Бульжник», переименованное народом в «Бульжник – оружие пролетариата». Бронзовая версия скульптуры установлена в Москве на площади «Краснопресненская застава».

«Девушки с веслом» общее название скульптур, выполненных в разное время Иваном Шадром и Ромуальдом Иодко, ставшее нарицательным для обозначения подобных им гипсовых статуй («гипсового соцреализма»), которые в советское время украшали парки культуры и отдыха. Ошибочно считается, что скульптуры Ивана Шадра послужили прототипами для создания дешёвых

гипсовых копий, которые были массово установлены в парках практически по всему СССР. На самом деле в их основу были положены работы скульптора Ромуальда Иодко, выполненные в 1935 и 1936 годах. Скульптура «Женщина с веслом» (в трусах и майке, 1935) была установлена на московском стадионе «Электрик» в Черкизово. Скульптура «Девушка с веслом» (в купальнике, 1936) была выполнена для парка водного стадиона «Динамо» в 1936 году. Именно эти скульптуры, как более соответствующие образу советской спортсменки, были массово растиражированы по всей стране.

Комсорг Зои Космодемьянской

Волошина Вера Даниловна. Родилась в 1919 году в Кемерово.

Отец – шахтёр, мать – учительница...

С начальных классов школы Вера сильно увлеклась спортом: занималась гимнастикой и лёгкой атлетикой. Успехи не заставили себя ждать, но девочка хорошо шла в рост, поэтому с гимнастикой пришлось закончить и целиком посвятить себя царике спорта. В седьмом классе Вера выиграла чемпионат города Кемерово по прыжкам в высоту. Взяв этот почётный титул, Вера держала его до того, пока не уехала в Москву по окончании десяти классов. В Москве она с первого захода поступила в Центральный, ордена Ленина, институт физкультуры. Параллельно с институтом она записалась в московский аэроклуб, где освоила пилотирование самолётом И-153 «Чайка» и занялась прыжками с парашютом. Кроме этого она всерьёз увлеклась стрельбой, рисованием и поэзией. В 1936 году Вера пишет заявление о желании принять участие в гражданской войне в Испании. Ей отказали. Вера осталась учиться. В 1938 году, во время прыжков с парашютом Вера неудачно приземлилась и серьёзно повредила ногу и позвоночник. Долго пришлось лечиться. Институт физкультуры пришлось оставить и перевестись в институт торговли.

Но пришла война. 23 июня 1941 года Вера с подругой пришли в райвоенкомат г.Москвы и написали заявление о добровольном направлении на фронт. Девушкам отказали. Предложили поехать на трудовом фронте. До осени Вера рыла окопы и противотанковые рвы на подступах к Москве. Регулярно, раз в месяц, сдавала кровь. Регулярно писала заявления на фронт. «Дорогие! Вы, наверное, в последнее время очень беспокоились обо мне. Я ездила по специальному заданию, как и все комсомолки Москвы. Мы строили укрепления. Сейчас, когда идёшь по Москве и видишь лозунг: «Что ты сделал для фронта?», то чувствуешь удовлетворение от того, что что-то сделал...»

Фронт все ближе и ближе подходил к Москве... 2 октября 1941 года гитлеровцы начали генеральное наступление. В те дни Вера узнала, что в ЦК комсомола работает комиссия, которая отправляет добровольцев на фронт. И вместе с подругой Ниной Цалит она поехала туда. Их зачислили в разведывательно-диверсионный отряд для работы в тылу врага (в/ч № 9903). 15 октября Вера Волошина, её подруга и ещё 20 добровольцев прибыли на подмосковную станцию Жаворонки. На своё первое задание Вера ушла 21 октября 1941 года в район станции Завидово. Вернулась целой и невредимой.

«Милые мои! Я жива-здорова, пожалуйста, будьте спокойны. Денег не присылайте. Я вернулась с первого задания, из тыла противника, теперь неделю отдыхаю... Мамочка, если можно где-нибудь достать валенки, рукавички (те у

меня порвались), если не трудно, пошлите, а то мне будет очень холодно в наших необъятных лесах. Если от кого получите письмо, – отвечайте, я всем дала ваш адрес. В Москве всё спокойно, она крепко охраняется, я сегодня туда поеду. Mamochka, пожалуйста, поменьше думайте обо мне, со мной ничего не случится, я же родилась в рубашке, буду жить сто лет...»

После этого у неё было ещё шесть удачных засылок в тыл к немцам. В ноябре 1941 года в часть прибыло новое пополнение. Среди новичков были молодая учительница Клавдия Милорадова и ученица 9-го класса 201-й московской школы Зоя Космодемьянская. Их зачислили в одну группу, в которой Вера была комсоргом.

«Вскоре девушки подружились, – вспоминает Клавдия Милорадова, – особенно после того, как Зоя узнала, что Вера сибирячка. «Ведь и я жила несколько лет на Енисее», – радостно сообщила Зоя. – Отец и мать работали там в сельской школе». Теперь девушки были неразлучны. В казарме их кровати стояли рядом. После отбоя они ещё долго шептались о чём-то в темноте. «Хватит вам, сибирячки, – ворчал недалеко кто-нибудь из девчат, – спать мешаете. Ведь завтра вставать рано». Так и пристало к ним это слово «сибирячки». Звали их так все: подруги, ребята из группы и даже командир. На свою последнюю боевую операцию в районе Наро-Фоминска – Вереи Вера Волошина ушла 21 ноября 1941 года в составе отряда Бориса Крайнева. Отряд действовал в районе деревни Крюково Наро-Фоминского района. По предложению комсорга группы Веры Волошиной партизаны заминировали дороги возле Крюково, а потом забросали окна домов, где жили гитлеровцы, гранатами. Но между деревнями Якшино и Головково, ночью, при пересечении дороги группа диверсантов попала под обстрел. Отстреливаясь, разведчики стали отходить к лесу. Вера Волошина прикрывала огнём из автомата отход группы. Раненная в плечо, она отстреливалась до последнего выстрела...

Утром двое из её группы попытались найти Веру или её труп, но не смогли. Она пропала.. Только к восьмидесятым годам прошлого века судьба Веры прояснилась. Раскрыл тайну её гибели писатель Георгий Фролов. Основным свидетелем выступила Звонцова Александра Фёдоровна.. По словам Александры Звонцовой, её мать в тот день ходила в лес и стала свидетелем казни неизвестной девушки. «...На моих глазах фашисты повесили девушку. Привезли её на машине. Сначала её не было видно, но когда опустили боковины, я так и ахнула. Она лежит, бедняжка, в одном белье, вся в крови. Два солдата залезли в машину, хотели поднять девушку. Она оттолкнула их, и цепляясь рукой за кабину, поднялась сама. Вторая рука у неё была перебита. Висела как плеть...». Её повесили на придорожной иве у опушки леса. На теле болтались клочки изорванного белья. На простреленном плече ледяным швом застыла кровь. На теле и оголённых плечах были видны многочисленные кровоподтеки от ударов прикладами и сапогами. Имени девушки в деревне никто не знал... (Лишь в середине декабря 1941 года, когда немцы отступили, жители деревни смогли снять девушку с дерева и похоронить в братской могиле в селе Крюково. Оpoznать погибшую девушку, увы, было невозможно). В тот же день, буквально в десяти километрах от этого места, в центре деревни Петрищево, при большом количестве народа была повешена Зоя Космодемьянская. Весь трагизм смерти

Веры заключается в том, что у голгофы Зои стояли очевидцы. Вера Волошина погибла одна. Зоя ушла в бессмертие, Вера – в безвестие на долгие годы.

«ДЕВУШКА С ВЕСЛОМ» СКОРО ВЕРНЁТСЯ В ЦПКИО В МОСКВЕ

Восстановлением скульптуры «Девушка с веслом» занялась Ассоциация любителей гребного спорта России. Потом статую отольют в бетоне, как её и задумывал создатель Иван Шадр, и установят в парке Горького в Москве. Предполагается, что скульптура появится в парке примерно в сентябре. Новая «Девушка» будет значительно ниже своей предшественницы. Оригинал достигал в высоту 8 метров, а новодел – лишь двух (с веслом – 3 м 35 см). Однако не исключено, что потом для парка сделают и восьмиметровую статую.

Наталья Муромцева, скульптор:

– Оригинал работы был очень экспрессивным.

Ещё в процессе изучения шедевра я поняла, что Иван Шадр был очень впечатлён моделью Верой Волошиной, его переполняли чувства, он работал на одном дыхании. Наш вариант суше. У нас получился более академический вариант «Девушки». Более сухой и спокойный.

Как вы лодку назовёте так она и поплывёт!?

Сухогруз «Вера Волошина» (кампания «Торговый флот Донбасса») перевозил сельскохозяйственную технику из румынского города Констанца в Новороссийск и штормом был выброшен на крымский берег. Вечером субботы 10 ноября в районе Керченского полуострова усиливался северный ветер, штормило, и 48-летний капитан сухогруза Виктор Буримский принял решение укрыться в бухте Капсель города Судака. По прогнозам синоптиков, циклон должен был пройти севернее и не задеть Чёрное море и Крым. Но произошло изменение ветра с северо-восточного на юго-западный и усиление до 9-10 баллов... Надолго запомнится черноморским морякам воскресный день 11 ноября 2007 года. Пять затонувших судов, пять выброшенных на берег, трое погибших членов экипажа и двадцать пропавших без вести. Всё это за считанные часы, когда, вроде бы проходивший мимо циклон, повернул и всей своей мощью обрушился на берег Крыма и Керченский пролив.

Якорная стоянка в бухте Капсель вблизи Судака. Подгоняемые ветром волны несутся к берегу, чтобы обрушиться на него, разлететься на миллионы брызг и отхлынуть обратно, оставляя на камнях вырванные ключья водорослей и всякую морскую мелочь. Над морем мечутся чайки, их тоскливые крики эхом отдаются в устьях Меганомы...

Где-то в центре бухты, небольшое судно, до предела напрягая изношенный двигатель, стремится вырваться в открытое море. Всего несколько часов хода отделяют его от более закрытой и спокойной Феодосийской бухты. Но Бог морей не намерен отдавать свою добычу. Метр за метром судно сносит к скалистому берегу.

– Отдать якорь, – раздается с мостика. Слышен всплеск и тяжелый металл уходит на дно. Цепь натягивается в струну – это кованые лапы впились в песчаное дно.

И всё же мощь шторма слишком велика: оставляя за собой глубокую борозду, якорь ползёт вслед за судном к берегу.

Радиоэфир забит сигналами SOS и переговорами спасателей – это в Керченском проливе тонут и садятся на мель суда, и идут непрерывные спасательные работы.

На призыв с судна о помощи в Капсель направляется колонна МЧС Украины. На берегу выстраиваются спецмашины, пожарная и скорая помощь. С ближайшей заставы приближается наряд пограничников. Люди с тревогой наблюдают за медленно приближающимся судном. В это же время с прибрежных высот десятки зевак ведут фото- и видеосъёмку, ожидая кульминации событий.

– Все наверх! – звучит по трансляции, и команда в спасательных гидрокостюмах собирается на мостике. Вот он решающий миг – очередная волна, развернув сухогруз лагом, бросает его на прибрежные камни. Удар! Скрежет металла по камню. Вода сквозь пробойны хлещет в машинное отделение. Летят за борт с палубы новенькие трактора и контейнеры с запчастями. Не теряя времени старпом стреляет в сторону берега из линемёта, там тонкий льнь принимают спасатели. Они с помощью команды сооружают подвесную переправу. Первыми переправляются два самых крепких матроса, потом – единственная в экипаже женщина... Последним покидает гибнущее судно капитан.

Команда отправляется на медосмотр и отдых, а море, словно мстя за упущенную добычу, с удвоенной силой набрасывается на сухогруз. Не выдерживает корпус, по борту змеится трещина и корма отрывается от судна. Из распахнутых створок очередного контейнера, сыплется за борт его содержимое. При виде этого зрелища не выдерживает сердце у приехавших посмотреть на крушение местных жителей. Скользя и падая, уворачиваясь от набегающих волн, они устремляются к судну. Прыгая по обросшим водорослями камням, народ поспешил к «ничейной» технике. Пограничникам пришлось стрелять в воздух, чтобы остановить порыв трудящихся масс.

На следующий день шторм утихнет, судно обнесут ограждением и с воды и с суши, в автомобилях с комфортом расположится охрана, и начнётся рутинная работа по спасению остатков груза и подготовке сухогруза к сдаче на судоремонтный завод на разделку.

При последующих работах по резке судна на Феодосийском заводе произойдёт возгорание. Пожар продлился почти двое суток

В отблесках пламени на ржавом железе ещё будут проступать белые буквы названия судна – «Вера Волошина»...

P.S. Вот так с именем Веры Волошиной причудливо переплелись и соединились шедевр и ширпотреб, красота и подвиг, мистика и суровая реальность, Кемерово, Москва, Луганск, Париж и Крым.

ПЕГАС-ЮБИЛЯР

Элеонора Булгакова Харьков

Элеонора Эммануиловна Булгакова родилась в 1937 году в Ворошиловградской (ныне Луганской) области в посёлке энергетиков – ШтэрГРЭС.

Образование высшее, техническое, окончила Московский инженерно-экономический институт. В настоящее время живёт в Харькове.

Автор сборников «Радужное скерцо», «Где бабай?», «Статуя любви», «Шалунишки», «Ижачок, Hedgehog, Еженок», «Первые шаги» (3 отдельных книги – «Цвет», «Цифры», «Фигуры»), «Кругосветный билетик или разноцветные дети», дневниковая проза «Сокровища моих сокровищ».

Автор и исполнитель песен на свои стихи. Выпустила 2 диска – «Шалунишки» и «Иллюзии любви».

Является дипломантом кинофестивалей «Кинокимерия» и «Кинотур» в связи с выпуском клипа «День Памяти» и документального кино «Дети войны», режиссёр и продюсер Виталий Михайлов.

Член Межрегионального союза писателей и Конгресса литераторов Украины. Много лет руководила Харьковской областной организацией МСПУ и КЛУ.

Лауреат литературных премий имени Михаила Матусовского и имени Юрия Каплана.

А ЧТО МОГУ САМА?

Подбитой птицей рухнула на лёд...
Какой терьер меня здесь подберёт?
Сгрызёт ли сам? Хозяину ль снесёт?
Ждала... Ждала... Ждала, да не готова.
Смогу ль когда-нибудь подняться в небо снова?
Поднимет кто-то бережной рукой?
Бальзам прольёт? Подарит ли покой?
Поддержит ли для смелого полёта?
На что надеюсь я?
Все кто-то, кто-то, кто-то...
А что могу сама? Подбитое крыло,
В крови весь лёд, и лапку разнесло...
И – польнья.
Лежу так близко к краю.
Попробую взлететь...
О, Боже! Я взлетаю!
Какая боль! Надолго ли полёт?
По-ка по-кап-ле кровь не истечёт...

ЧЕМ НЕ МАДОННА?

Ах, зачем мне все лгут
зеркала?
Не смешон этот фокус старый...
Правду сказать смогла
Мне лишь она одна –
Милая моя гитара.

Первый взяла аккорд –
Рокот гитары рвёт
Струны моего сердца.
Как она мне к лицу,
Как она мне идёт.
Чем не мадонна?
Чем не с младенцем?
Так зачем же всё врут
зеркала?

СОНЕТ

Какое счастье, что... Меня оставил ты.
Что жизнь не простояла у плиты,
Что к истине вслепую устремилась,
Что – нет, любовь мне вовсе не приснилась,

Что есть она! Живёт во мне она!
Она – молитва, ночь без сна,
Она – надежда и весна,
Она во мне уединилась...

Другой доверил сердце мне своё,
И истина открылась,
И мы теперь – одно вдвоём:

Не брать, а отдавать, и не иначе!
И с каждым днём богаче быть, богаче!
Вот истины глубокий водоём...

РАДУЖНОЕ СКЕРЦО

*Думи мої, думи мої,
Лихо мені з вами!
Нащо стали на папері
Сумними рядами?*

Т. Шевченко

*Да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли!
(Евангелие от Матфея, гл.6)*

Как я люблю, когда поют грузины,
Люблю сады, где зреют мандарины,
И с белым аистом молдавское вино,
Узбекских дынь оранжевые спины,
С клубникой украинские корзины –
Всю землю в огородах-домино.

Хочу, чтоб в мире не было границ,
Как нет их у зверей, как нет у птиц,
Что без разбору жажду утоляют
Из Богом данных всех земных криниц...

О, чистая душа Бахчисарая,
О чём теперь душа твоя скорбит?
Что правит бал от края и до края
Антихрист, мародёр, антисемит,
Которых в каждом чуточка сидит
А иногда – не спрячешь – выпирает?
И думать всем легко, мол, Президент
Направил танки «на преступный элемент»...

... В Паланге с волн срывает ветер пену,
Как с крупов загнанных до пота лошадей.
Мне крутит память дней минувших сцены,
Как в кинолентной, пёстрой череде...

Играет ли любимый Раймонд Паулс
(Давно его не слышала уже),
Мелькнёт ли кадр, где в море белый парус,
Где Эгле – королева всех ужей, –

Моих шагов не помнят мостовые
На Домской площади. Но в сердце – уголок:
«Рос одинокий, слабый стебелёк» –
Клематис там я видела впервые.
Затем пришли и не «сороковые»,
Но тоже годы «роковые».
И беженцев на запад и восток
Течёт неиссякаемый поток.

И нет страшней, чудовищней инерций,
Чем тот поток.
Зато единоверцы
Мы в нём, гонимые огнём,
и наш спаситель – Бог,
Единый, наконец,
Для страждущих сердец
Такой ценой! Любовь!

Хочу, чтоб в мире не было границ,
Как нет их у зверей, как нет у птиц,
Что без разбору жажду утоляют
Из Богом данных всех земных криниц...

Ведь высшими считаем существами
Себя мы с вами,
И небо неделимое над нами.
И цвета радуги должно быть наше знамя!

Сыграй, Маэстро, «Радужное скерцо»
Для иудейских, мусульманских лиц,
Для католических и православных лиц,
Для тех, кто слушает и слышит – сердцем.

Я им молюсь. Я перед ними – ниц.
Хочу, чтоб в мире не было границ!
январь 1995

Стихи для детей

МОНТБРЕЦИЯ

Однажды где-то в Греции
Жил грек с женой Лукрецией,
И с ними вместе бабушка
Гортензия жила.
Под окнами Лукреции
Росла трава на специи,
И вдруг былинка странная
На грядке проросла.
Растеньё незнакомое
Обсели насекомые,
А бабушка – «Монтбрецией»
Былинку назвала.
И вот, у грека в Греции,
Под окнами Лукреции
Среди душистых трав,
Растёт одна Монтбреция...
– Монтбреция – не специя,
Но не сорняк Монтбреция, –
Был грек, конечно, прав.
Монтбреция – красавица,
Она всем очень нравится,
И грек с женой Лукрецией
Решили: – Пусть растёт,
И из одной былиночки,

Спасибо нашей бабушке,
По всей земле Монтбреция
Когда-то зацветёт.
Теперь растёт Монтбореция
Не только где-то в Греции,
А ведь была под окнами
Былиночка одна,
Всё потому, что бабушка
Гортензия с Лукрецией
Однажды очень бережно
Собрали семена.

ВСЕМОГУЩИЙ

Всё на свете я умею,
Всё на свете я могу:
Мыть водой холодной шею,
Рисовать, пилить и клеить,
И скакать, как лягушата,
Со сверчками на лугу.
Я умею делать стойку,
Никогда я не дерусь.
Ну, бывает, что с Арсеном,
Или с Димкой, или с Колькой
Я за рыженькую Ольку
Вдруг возьму и заступлюсь.
В тёмной комнате умею
Не бояться Бармалея:
Я – сильнее! Я – смелее!
Всё на свете я могу!
Даже съесть из супа гущу.
Я – ребёнок ВСЕМОГУЩИЙ!

Борис Гуцало Луганск

О СЕБЕ БЕЗ ПРИСТРАСТИЯ

Родился в январе 1942 года в городе Грозном, где мой двадцатидвухлетний отец проходил двухнедельные лётные курсы. Кажется, что война в памяти с первых мгновений жизни. Когда появился на свет – гремели взрывы, и слышался детский плач. Однако я был в объятиях мамы Ленины Николаевны и ничего не боялся. Надо заметить, на тот момент маме не было ещё и восемнадцати. По её рассказам: родильный дом, в который раз под бомбёжкой... Она со мной на руках буквально вползает в глубокую воронку. Вокруг белый снег, столбы мёрзлой земли и огня. С тех пор воспринимаю три основных цвета: белый – это снег и медицинские халаты; чёрный – земля, которая вдруг опрокидывается откуда-то сверху; красный – вспышки взрывов и человеческая кровь...

Обо всём этом не принято было говорить. Пересказывал иногда лишь я, даже будучи взрослым, когда мама, глядя на меня, вдруг начинала плакать, причитая, что я – не я, что другого настоящего, своего ребёнка, она оставила в бомбоубежище родильного дома, который разнесло взрывом снаряда... Я же её горячо убеждал, что она не ошиблась и я действительно её сын... Постепенно она успокаивалась.

Отец – Пётр Петрович. В прошлом лётчик-истребитель и штурман дальней ночной авиации. Трижды был сбит и горел. Его раны никогда не заживали, ибо отдельные части раздробленных пулями ног и рук хирурги военно-полевого госпиталя буквально заменили. В Западную Украину отец был направлен как специалист-зоотехник. Впоследствии исключён из партии, снят с работы за то, что в совхозе, где он работал директором, в одну ночь отравили всё поголовье скота.

Война была рядом долго, вплоть до 1951 года, так как весь этот период мы с отцом жили в Западной Украине в маленьком городке Яворов, расположенном у самой границы. В другое время семья проживала также в городах Львове, Белзе, Сокале. Реальность жизни тех лет – взрывы на улицах, под окнами домов. Частые похороны отцов – родителей моих ровесников.

Потом, под Петрозаводском, где семья оказалась в 1952 году, вокруг везде был лес. В лесу – множество разных ягод. На белых берёзах – тетерева, глухари, а в речке, вода которой была знакомо-красного цвета, как мне объясняли, от залежей торфа и корней ольхи, было множество самой разнообразной рыбы. С тех пор у меня тоска по простору, по голубой воде и бесконечным лесным далям.

Взрослым почувствовал себя в 1954 году, когда семья поселилась в донбасском городе Алчевске (Ворошиловск). Родители работали на шахте им. Сталина, мать – откатчицей породы, отец – крепильщиком. Город стремительно строился. В центре города, в одном из домов открыли огромную, как мне казалось, библиотеку. Она стала храмом моей души. Именно здесь, в читальном зале, почему-то, а не в школе, впервые участвовал в детских праздниках книги, читательских викторинах. Здесь, как теперь понимаю, началось моё учение творчеству. Я научился читать и слушать стихи. Увлечение чтением, порой в ущерб школьным занятиям, продолжалось и в селе Каленна, под Киевом у деда, на родине отца, куда меня после продолжительного нахождения в больнице отправили родители на исцеление в условиях природы.

У крыльца дома было множество цветов, в их числе багряно-красные маки, пионы и чернобрывцы. Любил пчёл, моим домом была колхозная пасека. Дедушка Пётр Павлович и бабушка Тэля Ефимовна ко мне и другим внукам относились с большой чуткостью. Не знаю почему, наверное, из-за моей любви к песням, звучавшим в те времена в селе до глубокой ночи, дедушка подарил мне скрипку. Он купил её на деньги, вырученные за воз яблок антоновки, которые продал на ярмарке в Киеве. Учился играть я у сельского скрипача Яремы. Он часто исполнял, подпевая, мелодию из песни «Хто з любов'ю не знається, той горя не знає...». Именно эту мелодию я пытался воспроизвести на своём инструменте, при этом у меня почему-то ручьём лились слёзы. Нередко мы с дедом Ярёмой плакали вместе. Но музыкантом я так и не стал...

В конце 1957 года, я вновь с родителями. Живём в Алчевске, в Лисичанске. Отношу себя к поколению советской молодёжи, которое, участвуя в

разоблачении культа личности Сталина, искренне стремилось продолжить дело борьбы за светлое коммунистическое будущее. Мечтал стать рабочим. Поэтому с отличием закончил ремесленное училище, получил среднее образование. Одновременно учился в школе ДОСААФ. Работал на разных предприятиях. Овладел специальностями: слесарь по ремонту промышленного оборудования, слесарь-наладчик станков-автоматов, газосварщик, шофёр. Но рабочим я тоже не стал...

Увлечённо читал художественную литературу, а по субботам посещал заседания творческих объединений при редакциях местных газет в городах Лисичанске и Северодонецке. Не обижаясь, слушал профессиональную критику своего творчества из уст Иосифа Курлата, тогда очень знаменитого поэта. С интересом и воодушевлением воспринимал молодого, но авторитетного редактора шахтерской газеты в г. Горске Николая Малахуту; восторгался поэтическим даром почти ровесника, ныне Лауреата литературной премии имени Тараса Шевченко Василя Голобородько.

Уже и в это время, и позже, для меня воистину кумирами были поэты тех лет – Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина. Многие их стихи знал наизусть и часто декламировал, в том числе со сцены в различных аудиториях.

«...Наследников Сталина, видно, сегодня не зря
Хватают инфаркты.
Им, бывшим когда-то опорой,
Не нравится время, когда пусты лагеря,
А залы, где слушают люди стихи, переполнены...»
И в завершение:
«... Но как из наследников Сталина,
Сталина вынести?»

Помню, после прочтения этого стихотворения на открытом партийном собрании в январе 1961 года, меня перестали узнавать в лицо секретарь партийной организации и комсорг особого батальона, где в период Карибского кризиса я служил оператором машины подготовки ракеты к пуску.

Свои же стихи начал писать рано. Одно из них печаталось в «Пионерской правде» в 1956 году, в рамках Всесоюзного конкурса на тему зимы. До сих пор хранится благодарственное письмо редакции.

«Вьюга мечется над логом,
Навевая муть,
Стелет снежную дорогу,
Белый, белый путь.
Заворожен белым светом.
Чувств нахлынул рой.
Вдруг подумал:
– Всё же летом
Лучше чем зимой...»

Пять рукописных толстых тетрадей стихов я привёз из Армии, которые позже пришлось сжечь из-за, мягко говоря, «несоответствия» их смысла духу времени.

После службы в Армии продолжил учёбу. Окончил Луганский

педагогический институт.

И только в 1996 году выпустил небольшую книжку стихов «Моя любовь», которую оформил выдающийся художник современности, член Союза художников Панич В.И., редактировали члены Союза писателей Гайворонская Г.А. и Медведенко А.Е.

В сборник вошли некоторые стихотворения из юношеских лет. Это – «Охота», «Этюд», «Я полюбить тебя не смог». Но большая часть книги – вновь созданная поэзия, прежде всего стихи, написанные на родном для меня украинском языке.

Печатался в разные годы в областных газетах: «Луганская правда», «Прапор перемоги», «Літературна газета», «Літературна Луганщина»; местных городских и районных, в том числе «Кам'яний брід», «Новый путь» и других. В последние годы периодически публикуюсь в альманахах профессиональных писательских Союзов «Лугань» и «Свой вариант».

Откровенно говоря, сейчас, занимаясь стратегической логистикой, художественной литературе и поэзии уделяю недостаточно времени. Но изредка пишу, получается удачно.

Значительная, большая часть напечатанных стихотворений написано на украинском языке. Первая их часть создана в форме цикла интимной лирики-исповеди; вторая часть – на тему «Мой край»; третья – социальная действительность, впечатления, порой излишне эмоциональные, от происходящего в современной жизни. Особо выписана казацкая тема.

При написании стихотворений зачастую использовал обычные четверостишья с несложной, простой рифмой. Но отдельные из них, чаще всего касающиеся темы любви и природы, объединены в небольшие циклы; некоторые оформлены в виде «маленьких поэм».

Использую и так называемый «белый стих». Для утверждения и обостренности восприятия, эмоциональности чувств применяю классические формы, такие как сонет, диалог, элегия, романс, эпитафия, дистихи.

В настоящее время некоторые из стихотворений, в том числе «По-над річкою, над степом...», «Ой, любила ж палко», «Вночі», «Не простившись, ты ночью ушла...», «Мечты любви осиротелой...» исполняются на профессиональной сцене как музыкальные произведения, благодаря члену Союза композиторов Украины, члену Союза композиторов СССР Ковалёвой А.Г. Они нередко звучат в программах концертов, нередко за рубежом, в исполнении артистов, в том числе Луганской областной филармонии.

В последние годы завершил работу над поэмами «Грішна любов», «Відродження» (Козаки), а также эпической поэмой-легендой «Хорст». Иллюстрации к двум последним произведениям выполнил Валентин Барсков, член Союза художников Украины (Одесса).

Думается, что все мои поэтические произведения, а также нынешние монографии, статьи в научных журналах написаны благодаря впечатлениям, полученным в детстве. Мало сказать: «любил» – боготворил поэтов-классиков: Пушкина А.С., Лермонтова М.Ю. Стихи Тараса Шевченка, Степана Руданського, Григория Сковороды знал наизусть и читал по любому случаю. Читал, часто не к месту, выученное ещё в раннем детстве стихотворение «Скрипка» Николая Гумилёва, где была строчка «... Ходят бешеные волки по дорогам скрипачей».

Конечно же, любил стихи Александра Блока. Восхищался стихами Сергея Есенина и слегка подражал его творчеству. Как многие граждане Советской Страны, в условиях застоя искренне радовался звёздному таланту Владимира Высоцкого.

По моему приглашению, как руководителя областной организации общества «Знание», в годы перестройки в Луганск и Луганскую область для выступлений в коллективах приезжали поэты Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, журналист Юрий Щекочихин, экономист Василий Селюнин, академик Борис Патон и другие.

Диссертацию защитил в Москве, в Российской Академии управления по проблемам акмеологии (наука, возникшая на стыке естественных, общественных и гуманитарных дисциплин, изучающая закономерности и механизмы развития человека на ступени его зрелости и, особенно, при достижении им наиболее высокого уровня этого развития), кандидат педагогических наук. Почти 40 лет находился на государственной службе.

Создал семью. Имею дочь Анжелику и сына Валерия. Их мама Галина Михайловна к сожалению ушла из жизни.

Уже много лет рядом со мной – жена Елена Дмитриевна и дочь Ксения. Теперь у нас много внуков: Владислав, Илона, Ульяна, Мария, София.

Член Международного содружества писательских Союзов, Межрегионального Союза писателей Украины, Конгресса литераторов Украины. Награждён Почётной грамотой этих организаций за вклад в развитие литературного процесса в Украине. В 2008 году отмечен в качестве участника Общегосударственного конкурса «Українська мова – мова єднання», «Квітни, мово наша рідна!» за книгу поезии «Троянди у снігу».

Лауреат литературной премии имени Владимира Сосюры. Награждён Почётной Грамотой Луганской областной государственной администрации и Луганського областного Совета за значительный вклад в развитие духовности и культуры Луганщины и Почётной грамотой «За заслуги перед Луганщиной», имею правительственные награды.

19 мая 2012 года

КОХАНІЙ

Єлені

Наш берег над Дінцем
Освячено вогнями.
Ми – повені весни.
Ми – в оксамиті трав;

Невже, невже любов
Засяяла над нами,
І я твої вуста
Мов квіти цілував?

Наш берег над Дінцем
У світлі й позолоті.
Пливу серед життя
У казці дивних снів;

Невже душа моя
Забуде про самотність,
І біля мене – ти,
Мов солов'їний спів?

Наш берег над Дінцем
Дощів осінніх зливи
Не зможуть затягти
У каламуть води;

Бо вічно, все життя
Любов нашу, щасливу,
Як ніжний першоцвіт
Я буду берегти.
1994

МОЇ ЗІРКИ

Сім зірок – сім надій, сім побачень
Щедра доля з барвінками в'є;
Перша з них, що найкраща, і плаче,
Це – кохання безвісне моє.

Інші дві, що палають на сході
Жовтим листям в осіннім краю,
Діточки, що неприбрані ходять
І чекають на ласку мою.

А четверта й п'ята – не зорі.
То – душа, що схолола в льоду.
Розіп'ята на стінах в соборі,
Я їй місця в житті не знайду.

Шоста зірка – це мати-калина,
На горі серед степу стоїть;
Коли бачу – до матінки лину
І живу там, щасливий, хоч мить.

Сьома зірка – зоря України,
Що у променях ранку встає
Й у хвилини безсилля, як сину,
Мені гідність і віру дає.
1993

ОТКРОВЕНИЕ

Когда вдруг клевета, подобная ножу
Наносит сердцу огневую рану,
За город, в степь, к угрюмому кургану,
Сражённый насмерть, тенью ухожу.

Склоняюсь на ковыль, на камни, в глинозём.
– Зачем, за что? – в отчаянии шепчу я.
Курган, как мама в детстве перед сном
Губами ветра боль мою врачует.

Друзей теряю, близких хороню.
Очаг померк, и нет тепла, как прежде.
Любовь угасла, места нет надежде.
Все чувства гибнут, словно розы на корню.

В душе израненной обид я не таю,
Свыкаюсь с болью, кровью на одежде.

НАПУТСТВИЕ

Знаешь, сынок?
Грусть переспевших вишен,
Таинство детского плача
Ласточки в сонных крышах
В час предрассветный прячут.

Видишь, сынок?
Горбатых курганов лица
Узором дождей прикрыты,
Из солнца песок струится
И стынет на древних плитах.
Слышишь, сынок?
Сердца теннисный мячик
Бьётся в бетонном корте...
Тот лишь достигнет удачи,
Чья не взорвётся аорта.

КАНТАТА

К юбилею города

Среди могил сынов твоих, Луганск,
Сплетенье елей и акаций серебристых,
И сгустки слёз на веках мёртвых глаз,
Застывших в камне на кургане мгlistом.

Вокруг, в степи, где плещется Донец,
Струится Деркул и бурлит Кундрючья,
Взрастают маки из простреленных сердец,
Витает воли дух могучий.

И жгучий свет, как покаянная свеча,
Мерцает трепетно, всеношный и вседневный,
И в полночь здесь не филины кричат,
А плачут матери и дети убиенных.

И видишь вдруг, потупив гордый взгляд,
Мой город, в час непреходящей славы,
Что в междутравьи знойная земля
Не твердь давно, а глинозём кровавый.

ОДА ПОЭТУ

Концертный зал.. Час таинства. Мы – в сказке.
И чуда ждём... Нет – торжества в Луганске.
Теснятся образы... Свет... Музыка звучит.
Распахнут занавес... Поэт вдруг говорит.

Из вечности Поэт привнёс слова
Обычные... Да только мысль нова.
Блещет слог чеканкой золотой,
Восходит в сердце, как огонь святой.

Витает стих... И оживает тишина.
Трепещет ненависть... Смирятся война.
Планета слушает. В который раз
Поэт любовью возрождает нас.

Поэт вещает благостную весть,
Как сохранить добро, достоинство и честь.
19.06.2011

ЭТЮД

Над городом плывут
Прозрачные туманы,
Багряная листва,
Как отблеск майских дней
Под музыку ветров
И чей-то шёпот странный
Ложится на лицо
Холодных площадей.

Вечерний полумрак
Простёр незримо крылья
Среди проёмов крыш,
В изгибах мостовой,
Слепит глаза дождём,
Звенит хрустальной пылью
И стынет на окне
Немеркнувшей слезой.

В сырую непогодь
Большой и неуклюжий,
Вдоль бесприютных стен
Старик с клюкой бредёт,
Провидец осени,
Предвестник зимней стужи
Извечная тоска
В ночи заблудших звёзд...

Людмила Деева Луганск

Деева Людмила Ивановна родилась и живёт в Луганске. Образование среднее педагогическое. Двадцать семь лет проработала музыкальным руководителем в дошкольном детском учреждении.

Автор десяти книг стихов. В их числе «Голос мятежного сердца», «Бурной душе нет покоя», «Мозаика чувств». Её стихи публикуются в коллективных сборниках и альманахах.

Лауреат международного интернет-конкурса 2004 г. «Связь поколений», дипломант международного конкурса 2005 г. «Золотое перо Руси».

Член Межрегионального союза писателей и Конгресса литераторов Украины. Лауреат литературных премий имени Олега Бишарева и имени Татьяны Снежиной.

СОВЕТ МУДРОСТИ

Вы святыни своей не касайтесь, –
Лучше быть от неё в стороне.
Даже близко дышать не пытайтесь, –
Пусть останется светом в окне!
Пусть для вас остается иконой –
Чудодейственной и золотой,
Пред которой склонились в поклоне,
Пред которой вы – грешник простой.
Мысль о ней пусть в пути согревает!
И пусть память восторженных чувств
Вас от пошлости в жизни спасает, –
Да святится любви вашей грусть!
Никогда не касайтесь святыни,
Чтоб не встретиться в ней с пустяком;
Со своей неуёмной гордыней
Не остаться чтоб порожняком!

ДОЛГОЖДАННЫЙ МОМЕНТ

Звучит итальянское рондо,
Старинных часов перезвон,
В углу на картине Джоконда,
В камине играет огонь.
Два тонких хрустальных бокала

Застыли на белом столе,
И праздничное покрывало
Укрыло собой канапе.
И розы призывно и ало
Сегодня цвели на окне...
А Женщина стол накрывала:
Салат, бутерброды, суфле.
Зажгла ароматные свечи –
Последний изысканный штрих...
Она сочиняла сей вечер
И сказку одну на двоих.
Без праздника в жизни устала,
Сорвался с подковою гвоздь,
Забыла, как раньше блистала,
А тут – долгожданный к ней гость!
И, в чувствах своих молодея,
Она молодела лицом;
И счастье, как добрая фея,
Казалось, вошло на крыльцо.

ВАЖНЕЙ ВСЕГО

Все чаще думаю о Боге,
О мире, сотворённом им,
Как будто я в конце дороги,
Где виден стал мне Херувим,
Что ожидает той минуты,
Когда душа покинет тело,
Земные разрывая путы,
Вздохнет прощально — и взлетела...
И к Богу он её доставит
(Ей за меня нести ответ),
И жизнь мою перелистает...
Что ж заслужила: тьму иль свет?
Кто без греха?! И я грешила.
Да разве только в этом суть?!
Важнее — сколько совершила
Добра, пройдя земной свой путь.
19.12.2007

МИЛОСЕРДИЕ

Кормлю собак бездомных, кошек.
Зимой кормлю всех птиц подряд.
У сердца много есть дорожек,
Где – милосердьё проявлять.
Ведь никому из всех животных

То чувство не отмерил Бог;
Им наделил людей свободных,
Надеясь на большой итог.
В ком состраданье процветает
(Так повелось из века в век),
Тот Господу угодным станет:
В том больше развит Человек!
10.11.2009

СЧАСТЬЕ

Мне выпало счастье родиться:
Дорогой земною идти,
В потомках своих повториться
И место под солнцем найти;
И верною дружбою крепнуть,
И тайной сердечною жить;
Внести в дело общее лепту
И даже кому-то светить.
Мне выпало счастье родиться:
Свой род продлевать, воспевать,
За принципы лучшие биться
И даже себя побеждать;
Жалеть и травинку и зверя,
Свои раздавая дары,
И в мудрую нравственность верить,
И светлые строить миры.
Мне выпало счастье родиться:
Познать вкус любви и тоски,
Природой своей восхищаться
И не поступать воровски;
На помощь идти без раздумий,
Попавшим в беду сострадать,
Не знать роль ни фурий, ни мумий
И нравом своим удивлять.
Мне выпало счастье родиться!
11.11.2007

Я боюсь пережить детей.
Я боюсь пережить подругу,
Растерять по свету друзей,
Навредить сокровенному другу.
Я боюсь потерять родных –
Оторваться от кровного древа;
Перепутать порочных, святых
И жалеть невпопад, неумело.

Я боюсь оказаться глухой –
Не услышать зовущего голос!
Не услышать – как бьётся прибой,
Или шепчет склонившийся колос.
Я боюсь вдруг ослепнуть навек
И не видеть: где лица, где маски;
Не увидеть страдающих всех,
Сочиня красивые сказки.
Я боюсь неразумно копить,
Для души тем свободу утратив.
И боюсь в суете охладить
Сердца жар, на бездушных растратив.
Я боюсь не успеть одарить
Дорогих мне людей и знакомых...
И ещё боюсь – не долюбить;
И боюсь не сложить песен новых!

Когда-то в молодые годы попало мне на глаза одно стихотворение, которое в кругу подруг вызвало взрыв смеха, но которое запомнилось мне единственной строчкой «иди копать свой огород». О чём было стихотворение, – забыла совершенно, но именно этими словами заканчивалась каждая строфа.

Тогда я не могла предположить, что какой-то непопулярный поэт, фамилию которого не потрудились даже запомнить, так сильно меня заденет.

Минуло три десятка лет
Но вспоминается всё чаще,
Как некий нам давал поэт
Совет простой и настоящий.

«Когда нужда к тебе придёт
И твой потуже стянет ремень, –
Иди копать свой огород...» –
В стихах добра он сеял семя.

«Когда тоска тебя найдёт,
Просвет любви вдруг станет уже, –
Иди копать свой огород...» –
Твердил поэт, врачую души.

«Коль неурядиц хоровод
Над головой твоей закружит, –
Иди копать свой огород, –
В такой момент он самый нужный».

О, как смеялась я тогда,
Когда читала эти строки,
Ведь я была так молода
Не понимала смысл глубокий.

Теперь же знаю по себе,
Как могут отступать страдания,
Когда склоняешься к земле
И уделяешь ей вниманье.

И если что-то вас гнетёт,
И безысходность сеть сплетает, –
Копайте, люди, огород!
Там мудрость жизни побеждает!

Я в деревне обретаю звёзды,
Тишину, покой и благодать;
И простора голубого вёрсты,
И способность видеть и мечтать.
Я в деревне чувствую Истоки,
Признавая власть родной земли.
Восходящие от предков токи
Сохраняю в сердце, как свои.
Я в деревне понимаю Вечность,
С Мудростью встречаюсь во дворе;
Дел своих постигнув бесконечность,
Просыпаюсь птицей на заре.
Я в деревне становлюсь богаче:
Терпеливей, преданней, нежней.
Там душа живёт совсем иначе –
Вдалеке от каменных сетей.

Когда придут ко мне метели,
Я сяду тихо у окна
И стану вглядываться в тени,
Что поплывут издалека:
Со стороны, где были вёсны,
Июльский зной и звездопад,
Где были праздники и гости,
И мой изысканный наряд.
Где были музыка и книги,
И откровения подруг;
То карнавал и фигли-мигли,
Цыганских юбок бойкий круг.
Где были: хлопоты, волнение,
Родные лица, дружный дом,
И к случаю – стихотворенье,
И детский лепет-перезвон.
Где я, любимая до стона,
Не прятала влюблённых глаз,
А ночи сладкая истома

Меня касалась столько раз!
Где наполнялась соком вишня,
И где ласкал морской прибой;
Где не была друзьям я лишней, –
И счастье шло самой собой.
Где было вечное желанье:
Помочь, уладить, одарить!
Где было нежное признание,
Где – радость, что нельзя купить!
Когда придут ко мне метели,
Я сяду тихо у окна, –
И прежних дней ворвутся тени...
И жизнь я оценю сполна.

Порой выпадали мне трудные роли:
Они низводили любовь всю до боли.
А я эту боль научилась скрывать,
А я научилась всегда выживать!
Такие порой выпадали мне роли –
Как будто насмешка юродивой доли!
Я голову стала высоко держать,
Чтоб сердце своё всякий раз побеждать.
Всегда выпадали мне трудные роли!
В них вволю досталось и перца, и соли.
А я научилась беспечною слыть,
А я научилась счастливою быть.

Владимир Корнилов Россия Братск

Корнилов Владимир Васильевич, член Союза писателей и Союза журналистов России, член Международной Гильдии Писателей. Родился и вырос на Южном Урале, в селе Октябрьское Челябинской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (занимался в творческом семинаре известного русского поэта, лауреата двух государственных премий, Владимира Фирсова)... В Сибири живёт с 1972 года. Из тридцати с лишним лет, прожитых в г. Братске, около двадцати из них посвятил Производственному объединению «Сибтепломаши», где за годы трудовой деятельности освоил немало рабочих и инженерно-технических профессий. Работал токарем, шлифовщиком, конструктором, начальником смены. С 1994 г. и по настоящее время работает во Дворце детского и юношеского творчества г. Братска методистом высшей квалификационной категории – передаёт литературный опыт юным дарованиям, пытающимся выразить свой внутренний мир художественным словом... Женат. Имеет двоих детей – дочь и сына, которые подарили им с женой троих ласковых внучат.

Лауреат многих всероссийских и международных литературных

конкурсов. Автор 14 поэтических книг и одной книги прозы, изданных в Москве и в Иркутске в 1984 – 2009 гг. (две из них – написаны для детей). Произведения В.В. Корнилова публиковались также во многих российских и международных журналах и альманахах: «Москва», «Всерусский собор», «Наш современник», «Истоки», «Поэзия», «Московский Парнас» и др. В антологиях «Иркутская поэзия», «Сибирская поэзия и проза» во многих других литературных изданиях.

За многолетнюю плодотворную работу в современной русской поэзии дважды награждён Грамотами Союза писателей России.

КУЗНЕЦ КОРНИЛА

Он не водил компаний бражных,
Не хороводился весной,
Но вот в Николин день однажды
Заслал сватов к вдове одной.
... Венчал его с соседкой Фросей
В церквушке сельской рыжий поп.
И всю деревню в эту осень
На свадьбе тряс хмельной озноб.
Отец напутствовал сурово:
«Ты, сын, про счастье не долдонь!
Оно серебряной подковой
Само не ляжет на ладонь!»
И день спустя у кузни старой
Корнила был уже с женой.
Вновь наковальня от ударов
Обряд творила грозный свой.
Бугрились руки мышцей каждой.
Пудовый молот: выдох-вдох.
С лицом, покрытым едкой сажей,
Он был красив, как в гневе Бог...
В поющем пламени горнила,
Нагрев до белых брызг металл,
Прапрадед мой – кузнец Корнила
Мою фамилию ковал.

НА ДЕЛЯНЕ

Маме

С чем сравнить материнскую силу?..
На исходе январского дня
Мать, обнявши седую осину,
Родила на деляне меня...
Лес был полон рабочего люда.
Пели пилы, и ухал колун.
Каркал ворон, встревоженный гудом,
Одряхлевший, как старый колдун.

Храп озябших коней от мороза,
Говор баб, нагружавших дрова, –
Всё вдруг смолкло, когда у обоза
Возле нас хлопотала вдова.
Дед, склонившись над крошечным чудом,
Мял ушанку и часто моргал:
«Эй вы, бабы! За внука не худо б
Четвертинку да кус пирога!»
И, укутав нас тёплым тулупом,
Вожжи в руки – и прямо в село.
Вслед судачили бабы: «Не глупо ль –
На дяляну родить понесло?!»
... Недороды да бедность по сёлам.
Даже песни не пелись без слёз.
Дед же въехал в деревню весёлым:
«Мужики! Пополнение привёз!».

УЧИТЕЛЬНИЦА

Антонине Павловне Никифоровой

Она входила в класс всегда
С лицом чуть строгим, но приветливым.
Какие бури и года
На нём оставили отметины?..
Из родников её души
Мы опыт черпали накопленный.
...Вот перед нами Русь в тиши
На рубежах застыла копьями...
Мы видим сквозь туман веков,
Как по степи хазары мечутся...
Вот на виду у казаков
Тараса Бульбу жгут над вечностью.
От гари чёрным был рассвет,
Да горе вдовье колобродило...
И мы в свои тринадцать лет
Осознавали слово «Родина»...
В словах учительницы гнев
И боль, и гордость затаённая.
И представлялась нам в огне
Земля отцов непокорённая...
А стон врагов и стук копыт
Терялись там, вдали, за грозами.
...Но Русь по-прежнему стоит, –
В озёра смотрится берёзами.

БАБУШКИ РОССИИ

*Любимой бабушке,
Корниловой Ефросинье Петровне*

Теплоту и материнства силу
Солнышко струит из ваших глаз,
Славные голубушки России,
В сказках детства нянчившие нас!..
Сколь бессонниц вам на долю выпало,
Слёз горючих вызрело в ночах?..
Избелью вам волосы осыпало
Каждое страдание внучат.
Потому и чтим мы вас, единственных, –
Героини книг и кинолент, –
Что в стране той светлой и таинственной, –
В детстве нашем, – ваш оставлен след.
...Фёдоровны...Дмитревны...Платоновны,
Сеющие зёрна доброты,
Вы для нас – Арины Родионовны –
Кладези духовной красоты.

ВЕСЕННИЕ КОЛОКОЛА

Я у весны весёлым звонарём
Устроился на время половодья,
Чтоб хмурый день, разбуженный зарёй,
Наполнить вешней музыкой сегодня.
...Я нынче встал ещё до петухов
От взмаха крыльев деревянных ставен,
Апрельский ветер в колокол стихов
Ударил первой перелётной стаей.
И хмарь ушла... И свет земной окреп.
Лишь дальний лог окутан был туманом.
...А я подумал: «Впору сеять хлеб.
В такое время нелегко крестьянам...»

ДЕРЕВЕНСКИЙ РАССВЕТ

Ещё звёзды не все погасли.
Зори тихо за лесом спят.
Дремлет сумрак над старым пряслем
И над играми жеребят...
Спят натруженные дороги.
Спит деревня, устав от забот.
Полуночица-выпь в тревоге
Громко всхлипнет и обомрёт...
Пахнет клевером, спелой вишней.
Тишь рассветная хороша.

В час такой на озёрах слышно –
Карпы плещутся в камышах.
...А петух и сквозь дрему слышит –
Подступает зари огонь.
Встрепенётся, взлетит на крышу
И – растянёт свою гармонию.

РОЖДЕНИЕ УТРА

Ещё витают сны,
И люди спят покуда,
Рассветные часы
Рождают миру чудо...
Запели петухи
Свой гимн на всю округу.
Проснулись пастухи –
И жизнь пошла по кругу...
Во мгле ещё заря,
Но мрак ночной редееет.
...И свет земной творя,
Господь о нас радеет.
Он шлёт свой первый луч
Сквозь дымную завесу,
Смахнул остатки туч,
Рассыпал трель по лесу...
Набрав лучей в горсти,
Посеребрил озёра.
Смотрю – не отвести
Восторженного взора...
На сердце благодать
От музыки и света.
...И я готов страдать,
Чтоб вновь увидеть это.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

Выйду на крылечко, а вокруг – тайга.
Вдаль струится речка – звонки берега.
А за нею горы, житные поля,
Милые просторы – Русская земля.
Русская до боли – даже в сердце дрожь.
В эту пору в поле вызревает рожь.
Налилась пшеница, колосист ячмень.
Синекрылой птицей распластался день.
Сердцем обмираю я среди полей:
Нет конца и края Родины моей!
... Звякаю уздечкой, тороплю коня:

Казаки за речкой, в поле, ждут меня.
 Скинули папахи и сошлись на круг.
 Белые рубахи вспенились вокруг.
 То собрались вместе внуки Ермака
 Славить в новых песнях удаль казака.
 Их подхватят горы, реки и поля,
 Отчие просторы, – Русская земля...

БЕРЕГ ДЕТСТВА

Где бы ни мотали нас года,
 От судьбы нам никуда не деться.
 Только будут в памяти всегда
 Отчий край да островок из детства...
 Там Емеля каждый год на май
 Говорящих шук таскал из речки...
 Там однажды на волшебной печке
 Мы катались (так я звал трамвай).
 ... Детство, детство – голубой мираж!
 До тебя никак не дотянуться.
 Нет минутки даже оглянуться –
 Всё бегом: то дача, то гараж...
 Но однажды, память вороша,
 Вдруг потянет к отчему порогу.
 ... Может, хватит мыкаться, ей-богу?
 Вся и так уж в ссадинах душа.

Михаил Коробка Луганск

Коробка Михаил Фёдорович родился 10 мая 1942 года в Луганске. Проходил срочную службу на Северном и Черноморском флотах. Более 50 лет проработал на Луганском тепловозостроительном заводе, освоил более 20 рабочих специальностей.

Автор пяти книг стихов на украинском и русском языках.. Произведения М. Коробки печатаются во многих коллективных сборниках, альманахах, периодических изданиях.

Член Межрегионального союза писателей и Конгресса литераторов Украины. Лауреат литературной премии имени Григория Сковороды.

Юрий Князев Луганск

В ДЕНЬ ЮБИЛЕЯ

*Посвящается Михаилу Коробке –
поэту, актеру, Человеку*

В добрый час нас созвал юбилей.
 Зал цветами заздравья украшен.

Точит крепость вино в хрустале,
 Стол торжественный тесен от брашен.
 Нынче наши улыбки тебе,
 Торжества безусловный виновник.
 Жизнь – река. И в нелёгкой борьбе
 Ты плывёшь по ней, зодчий и Комик.
 Гулко чуткое сердце стучит,
 Видно, кроткое, столько вместило –
 И тревог в беспросветной ночи,
 И для творчества добрую силу.

Каждый камень отглажен рукой,
 Каждой вещи отведено место.
 Человек ты отнюдь не простой,
 Ты, Михайло, из крепкого теста.

Жизнь – что поле. Её перейдёт,
 Кто величие духа имеет.
 Пусть, как лён, твоё поле цветёт,
 И взойти в нем сорняк не посмеет!

Стихи Михаила Коробки

ЄДИНА УКРАЇНА

Земля українська для мене єдина:
 То батько і мати, і сивий Дніпро,
 І Крим, і Карпати, Делятин і Київ,
 І степ ковиловий дитинства мого.
 Моя Україна – Велика Держава,
 І є у держави і Захід, і Схід.
 Як серце єдине, що Богом нам дане,
 Мою Україну не смійте ділити.
 Лани неозорі, у золоті ниви,
 Горять терикони і зорі вгорі.
 Із давніх давен в сьогоденній країні
 Прапращура дух бродить тут по землі.
 Як море бурхливе, моя Україна,
 У Бога для неї я долі прошу...
 Живи, Україно, цвіти, Україно,
 Імення твое я у серці несу.

РІДНЕ МІСТО

Вранці відїжджаю із Луганська,
 Небокраєм котиться зоря,
 Наче проводжає новобранця
 Проминула молодість моя.

І куди приїду, там, де буду
Згадувати молодість свою,
Я про рідне місто не забуду,
Бо Луганськ по-справжньому люблю!

ОЙ НЕ КОЗАК ТОЙ, ЩО НЕ СПІВАЄ

Ой, чи нам, брате, не дано долі?!
У позолоті осінь на дворі.
Добрая мати нас народила,
А батько рідний дав сильні крила.
Та не орел той, що не літає.
Ой, не козак той, що не співає.
Ми, любий, брате, славного роду,
Йдемо з тобою в огонь і воду.
Біля калини на водопої
Вчора стояли братові коні.
В день вересневий не стало брата.
Хто ж буде коні ті доглядати?

ЧИ ТАКЕ ЯК ВИШИВАНКА?

Вишила вишиванку
Гарну україночка,
Вишивала вишиванку
У Луганську жіночка.

Біла-біла вишиванка
Й ще біліш на ній шиття.
Чи таке, як вишиванка,
У майстрині і життя?

МІЙ РІДНИЙ КРАЙ

Кряжистий край схилився до Дніпра, –
На пагорбах степи і терикони,
В зелених смугах нива золота,
Міста і села наче на долоні.
Я так люблю тебе, мій милий край,
Твою красу і денну, і ранкову,
І тиху ніч, і мирний небокрай,
Коли співають дітям колискову.
Я піднімусь в космічну височінь
І обніму всю землю ніжним зором,
Та на Землі дорожчий ти мені,
Кряжистий край з високим териконом.

Це ти, моя улюблена земля,
Даєш мені і сили, і натхнення...
Мій рідний край – Луганщина моя –
Несу я в світ твоє святе імення!

ТЕЛЕЦ – МАЙСКИЙ ЗНАК ЗОДИАКА

Эй, душа, взметнись к солнцу ввысь,
Посмотри на мир, не ленись.
Зелен-май творит чудеса,
На траве искрится роса.

От весны приму все дары.
Пусть цветут цветы до поры.
Океан любви мой без дна,
Без любви в душе боль одна.

Эй, душа, взметнись к свету ввысь,
Посмотри вокруг, улыбнись.
Снова май глядит мне в глаза,
А в глазах – весны бирюза.

Разошлась душа, расцвела,
Ни к чему душе удила.
Покорил меня зелен-май.
Эй, весна, Тельца принимай!

ВЕСНА, СО МНОЙ Поговори

Весна, со мной поговори,
Впусти опять в свои пределы,
Где свет таинственной зари
И грёзы вешние зардели.
Пусти, весна, меня к себе,
Где удаль юности вскипает,
Моей надежды не разбей –
Она последней «умирает»...
Признаюсь: дух мой юн ещё,
Года мои считать не надо.
И никому года не в счёт,
Пока весну встречать мы рады.

СОЛОВЬИНАЯ СЛЫШИТСЯ ПЕСНЯ

На опушке зелёный-зелёный
Клён обнялся с подружкой своей,
И слились воедино их кроны,
И поёт в их ветвях соловей.

На берёзке простые серёжки
Меж кудрявых кленовых ветвей.
Где-то здесь по весенней дорожке
Приходил к ним Есенин Сергей.

Соловьиная слышится песня,
Перелеском летит далеко.
Мне сегодня поэтом известным
Показался молоденький клён.

Нет, я вовсе не выдумал это,
Не простое видение то, –
На сердечную встречу с поэтом,
Признаюсь, я давно был готов.

Исповедуюсь я перед клёном,
Восхищаюсь его красотой, –
Он с подружкой-берёзкой зелёной
Поманил меня веткой-рукой.

Соловьиная слышится песня, –
С ней душа обретает простор.
На опушке Есенин с невестой
Под тальянку ведёт разговор.

НА КРЫЛЬЯХ ЛЮБВИ

Я хочу, чтобы март
Ручейками своими,
Ручейками желанной
весны,

Вас согрел в этот час,
И, быть может, впервые
Будут сниться всю ночь
Вам хорошие сны;
И пройдут холода
И былые невзгоды,
И печали забудете вы,
А хорошие дни
По законам природы
Возвратятся опять
К вам на крыльях
любви.

Месяц-первенец, март,
Он, конечно, не вечен,
Но желанный,
И рады ему:
Он, как истинный бард,
Запоёт свои песни,
Согревая сердца,
Вам подарит весну.
Я хочу, чтобы март

Ручейками своими,
Ручейками желанной
весны,
Вас согрел в этот час.
И пусть мир будет тесен
От счастливых улыбок
И радостных песен.

ДУШИ МОЕЙ МОЛЬБА

Не оставляй меня,
Любовь моя.
Мне всё равно.
Что вечность,
Что мгновенье.
Как нет горения
Без пламени-огня,
Так огонь без пламени
Подобен тленью.
Эти слова
Души моей мольба.
Она кричит
И ты услышишь их!
Любовь моя,
Не оставляй меня
Я не хочу,
Чтоб миг разлуки
Нас настиг!

Юрий Лебедь Донецк

Лебедь Юрий Александрович родился 5 марта 1942 года в г. Омске. Работал в областной газете «Запорожская правда». С 1968 года живет и работает в Донбассе. Работал в газетах «Макеевский рабочий», «Социалистический Донбасс», в издательстве «Донбасс». Возглавлял редакционно-издательский отдел Донецкого областного управления по печати. Директор издательского предприятия «Лебедь». Главный редактор всеукраинской литературной газеты «Отражение».

Автор двадцати поэтических сборников среди которых «Позывные любви» (1978), «Осенние письма» (1983), «Дуэль» (1992), «Координаты сердца» (1994), «До востребования» (1997), «Стихооткровенья» (1999), «Срезы времени» (2002), «Избранное» (2006), «Заблудившийся дождь» (2009), «Падая вверх» (2012).

Лауреат Международных литературных премий имени Михаила Шолохова, Михаила Матусовского, Владимира Даля, Донецкой областной литературной премии имени Виктора Шутова.

Заместитель председателя правления МСПУ, один из создателей этого писательского союза.

Владимир Спектор Луганск
ОТЛИЧНЫЙ ПОЭТ, НАДЁЖНЫЙ ДРУГ,
ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Отличный, надёжный, порядочный – среди романтически-богемных поэтических натур редко встречается такое сочетание качеств. Значит, Юрий Лебедь – исключение из правил, потому что он действительно надёжный друг, порядочный человек и отличный поэт, автор более десятка книг, которые читаются на одном дыхании. Можно назвать ещё немало отличительных (и привлекательных) черт его характера и способностей. Прямой и бескомпромиссный (что зачастую ему мешают), иногда резкий в оценках, но всё равно справедливый. Выделю его умение совмещать в себе творческое начало и организационный талант (это тоже редкость). Он ведь не только поэт, но и известный издатель, основатель издательства «Лебедь» и одной из лучших (не только в Украине) литературных газет «Отражение». И ещё один из тех, кто вместе с Олегом Бишаревым и Александром Довбанем в 1993 году учредил украинский Межрегиональный союз писателей. Рядом с ним тогда была группа талантливых писателей из Донецка – Борис Ластовенко, Светлана Куралех, Александр Лихолет, Георгий Иванов, Николай Хапланов, Борис Кищенко... Лидерство Юрия Александровича проявилось легко и естественно. Все эти годы с тех пор он – один из руководителей МСПУ, его авторитет признан и в Украине, и в Москве, где он стал лауреатом одной из самых престижных литературных премий – имени Михаила Шолохова (в Украине всего два лауреата этой премии – Юрий Лебедь и Борис Олейник).

Юрий Лебедь о себе:

Я был в детстве робким и застенчивым. Уступал взрослым дорогу и место в общественном транспорте. Стыдился, когда слышал чей-то мат, и мне всегда хотелось, чтобы его не слышали другие. Много читал. Как правило, по ночам. При тусклом свете карманного фонарика или луны, но чаще – свечи, сделанной из фитиля керосиновой лампы. Как придётся. И представлял себя богатырём, лётчиком, поэтом. Иногда – рыцарем, вызывающим на дуэль всех негодяев мира... Это потом я научился бить хамов, говорить в лицо неприятную правду, с завидной лёгкостью теряя друзей и обретая недругов.

Думаю, что настоящие друзья не теряются, они остаются рядом, плечо к плечу, невзирая ни на что. Вспоминаю, как в начале 2000 года Юрий Александрович делился со мной мыслями о создании новой литературной газеты, девиз которой был бы: «Отражая жизнь, отражаться в ней». Газета существовала только в его воображении, в его мечтах, которые очень быстро стали планами, причём, реализованными. Первый номер газеты вышел с напутствием Сергея Михалкова, и это говорит само за себя. Скоро появится 100-й номер «Отражения». Газета сегодня больше похожа на журнал, солидный и уважаемый, в котором воистину отражается русскоязычная поэзия и короткая проза современной Украины, хотя и украинские стихи и рассказы регулярно появляются на её страницах. Газета отличная – об этом говорят и в Киеве, и в Москве. Но... тираж её – соответствует времени и писательской нишете. И ещё – писательской лени, безразличию, в какой-то степени – жлобству. Уверен, что найти небольшие средства на подписку под силу всем, было бы желание. Вот с этим проблема.

Юрий Лебедь о газете и о себе

Не зря говорят, что издание литературной газеты сегодня – это либо добровольное сумасшествие, либо дорогостоящее хобби. И всё-таки, нет. Хотя приступы отчаяния всё чаще перехватывают горло. Тридцатью двумя пальцами страницами своего же детища. И всё-таки, нет, когда понимаешь: по большому счёту, газета – своего рода генератор доброго света родственных творческих душ. Она толкает молодёжь братья за перо и учит её вкладывать в слово свою душу и давать возможность другим наблюдать, как она корчится на бумаге. Разве этого мало? Хотя иногда и жалею. Когда переосмысливаю строчки-воспоминания Бориса Слуцкого о журналисте:

*Короткая – как у газеты – жизнь,
Измятая – как у газеты – смерть.
И лёгкий труп, как газетный комок,
Вот и всё, что я вспомнить смог.*

С болью осознаю пророчество этих слов. И всё равно не хочется, чтобы так... Вспоминаю, сколько бездарных «мотыльков» прошли через наши руки за все годы издательской деятельности. И как их так называемые авторы устраивали шумные презентации откровенного графоманства. Это бесило и раздражало. А мы предпочитали быть в тени, оставаться за кадром. Одним словом – скромничали. Как в детстве. Тщеславие? Может быть. Но, скорее всего, это другое: длина фитиля от керосиновой лампы и убывающее масло в единственной для каждого лампадке... Газета удлиняет фитиль и даже чудесным способом добавляет в лампадку масло.

Сегодня газета переживает трудное время (а когда и для кого оно было простым и лёгким?) Но я уверен, что Юрий Александрович преодолет все препятствия и вместе с друзьями и единомышленниками, с читателями и писателями выведет «Отражение» на магистрально-тиражный курс. Газета того стоит. А Юрий Лебедь, перейдя рубеж очередного юбилея, уверенной поступью продолжит движение к следующей юбилейной дате. И пусть ещё долго-долго пишутся стихи, выходят книги, издаётся газета, продолжается всё, что вмещает в себя жизнь, время и судьба.

Юрий Лебедь о времени и о себе

К прошлому отношусь спокойно. Как к прошедшему куску своей жизни. И как к куску хлеба. Иногда без масла, но с обилием соли, иногда с икрой, но той, что поперёк горла... А что, разве лучше постоянно бросать камни в прошлое и ждать от будущего выстрелов из пушек? Это за меня сегодня успешно делают наши нардепы. Лучше вспомни, как мы вдохновенно пели «Раньше думай о Родине, а потом о себе»... А ведь это о таких, как мы, «сделанных в СССР». И мы, в отличие от динозавров, ещё не вымерли. Вместе со смогом вдыхаем слабый запах надежды и удивляемся: жив ещё в нас бунтарский дух, не иссякла любовь к Отечеству, которая началась у отчего порога и не закончилась вместе с последними тремя горстями земли.

О времени и о себе он пишет в своих стихах. Они честные, как их автор, в них – боль и горечь раздумий, и, несмотря ни на что, радость бытия и вера в справедливость, надежда на доброту, которая спасает...

СТИХИ ЮРИЯ ЛЕБЕДЯ

В обнимку с правдой нагло ходит ложь.
И только время – самый умный сканер.
Как высоту на горло не возьмёшь,
Так не докажешь правду кулаками.

А помыслы благи и высоки.
Пусть на сердцах лежит давненько иней,
Мы тянем к подбородку кулаки.
А истина опять посередине.

Все мы ходим под солнцем,
а, значит, под Богом.
Он разум нам дал,
подарил телеса.
И выбрать позволил
жену и дорогу,
дорогу, какая
ведёт в небеса.

Но труден тот путь,
словно муки Тантала,
заманчив,
как тысячи песен сирен...
И сколько б не жил –
всё равно будет мало,
ведь нам ничего
не предложат взамен.

И если не ангелы встретят,
так черти.
Такое придумают –
только держись.
Печально, но жизнь
не бывает без смерти,
а смерть – это просто
расплата за жизнь.

Возможно, что и азартна
эта моя игра:
сегодня отдайте «завтра»,
и я вам верну «вчера».

Пред Господом на колени
выгнуть вопросом стать?

Согласен. Я ведь – не Ленин.
Это ему не встать.
Что может быть в жизни проще –
морщины не прятать в крем.
...Хочу на Красную Площадь,
чтобы взглянуть на Кремль.

Хочу обнажённой саблей
перекрестить весь мир...
Долго без ласки зябнет
обиженная Сибирь.

Хочу на Байкальскую пристань.
Хочу нырнуть в речку Чу...
Я, как судебный пристав,
до Родины достучусь.

Тоскою душу линчуя,
и не скрывая слёз,
просто сгореть хочу я
в белом огне берёз.

Осень – время красивых,
но всё же потерь...
Осень – время чудес,
что на грани безумства.

Но однажды тобой
для меня незакрытая дверь
станет самым высоким
закрытым искусством.

В КИНОЗАЛЕ

Я не знаю, что сегодня ближе
Ложь или забытые мечты?
Не тобою – случаем обижен:
На другого посмотрела ты.

Вроде, мелочь. Только неприятно,
Злой мираж – открытое окно...
Но любовью, верностью и мятой
Пахнет довоенное кино.

Судьбы закольцованы, как в «Цирке»...
Выпрыгнул я вдруг из той поры...
И встречает мамка сына в цинке –
Короля дворовой детворы.

Боже, как она зовет к звёздам,
Господа, как идола, кляня...
Потому что сразу стало поздно
Истину, как исповедь, принять.

На экране крутит киноплёнка
Чёрно-белый благодатный дар...
Прижимает к сердцу негритёнка
Временем затёртая звезда.

ПОЭЗИЯ

Поэзия – смертельная болезнь...

Екатерина Квитницкая

Поэзия – лекарство для любви.
И от любви – не колдовство – лекарство.
Поэзия – страна. Точнее, царство,
Где Вера в Спас, который на крови.

Поэзия, как первый поцелуй,
И как причал. Единственный, последний...
Невесты наши – это чудо ведьмы,
А мы – все скрипы заржавевших струн.

Поэзия – заразная болезнь.
Она, как лезть, издёрганные нервы.
Она и к небесам взмывает первой,
И чёрную предсказывает весть...

Поэзия – спасение и яд.
Беду рифмует – душу сходу настезь!
Похожая на пошленькое «нате!»,
Но всех врагов не ставь в расстрельный ряд.

Поэзия – тщеславная болезнь.
Чуть вознеси – и завтра псевдогений
Вчера родился. Множество есть мнений
На этот счёт. Но и болезнь здесь есть.

Поэзия – когда на свете всё
Твое неразделимое богатство.
И за любовь готов отдать полцарства,
Да что там пол! Всё царствие своё!
Поэзия – когда нет ничего,
Когда ни с кем делиться просто нечем...
И беды-звёзды падают на плечи,
И не догнать последний свой вагон.

Давай с тобою просто помолчим...
Ассоль сегодня не дождется Грея.
Мы оба, как погасшие лучи,
которые, увы, давно не греют.

Остывший чай не пахнет чабрецом,
и не трещит камин, а скупо тлеет...
И ты своё красивое лицо
привычно прячешь в маминых коленях.

Я проверял: нет истины в вине.
Я без вины был часто виноватым...
И свет всю ночь горел в моем окне,
чтоб до рассвета не было заката.

Давай с тобою просто помолчим.
Для объяснений время перезрело...
Саврасовские первые грачи
с картины на деревья пересели.

Я однажды поклялся слову
горькой правдой ему служить.
Слово хлебом стало и кровом,
и жгутом для ослабших жил.

А ещё неподъёмной ношей,
что судьба в нагрузку дала...
Я бываю похож на лошадь,
закусившую удила.

Клятву слову я не нарушил,
даже если били под дых...
Хорошо бы купить конюшню,
вместе с нею – пару гнедых,

чтоб почувствовать снова скорость,
а в груди позабытый взрыв,
чтобы также болела совесть
и кричала душа навзрыд.
Не получится по-другому,
Видно, стал я к строке жадней...
Колокольчик ждёт под дугою
Застоявшихся лошадей.

Нам выпало немало на двоих –
Познание счастья,
Отчуждения горечь.
... Я сделаю вино
Из слёз твоих.
Мы в нём утопим
Будущее горе.
И я тебя обидеть не смогу –
Ни ревностью
Слепой,
Ни колким словом.
... Глазастые ромашки на лугу
В венок для милой
Заплестись готовы.

Завяжу узелок я на солнечном тонком луче
и тебе подарю, чтобы помнила, даже на ощупь...
Я – ничей. Понимаешь, на целую вечность ничей!
Ничего не бывает сложнее, трагичнее, проще.

Коль потеряно всё, соглашайся скорей на ничью,
а иначе, как зверь, на луну одиноко завоешь...
Лучше солнечный луч через сердце свое пропущу.
Может быть, узелком он заденет в нём что-то живое.

Я не выброшу белый флаг,
О пощаде не взвою ни разу.
Мое сердце –
Мой левый фланг.
Ну а правый,
Конечно, разум.
Если надо, месяц согну,
Для старухи корыто склею...
Я, наверно, люблю страну,
Если так за неё болею.

Елена Морозова Донецк

Морозова Елена Евгеньевна родилась в 1957 году в Донецке. По образованию – инженер-математик, журналист.

Автор книг стихов: «Босиком по грусти», «Соло времени» (Киев), «Под облаками» (Донецк) и книг прозы: «Раз-два-сказики», «Такси для Парвати»,

«Если в гости зашла кенгуру», «Прищепки для звёзд» (Донецк), «Фиалковые поля». Её произведения публиковались в различных периодических изданиях и альманахах: Москвы, Киева, Донецка, Луганска, Канева, Санкт-Петербурга, Крыма и Германии (Берлин, Ганновер, Гютерслоу, Вупперталь, Дюссельдорф) и др.

В апреле 2012 года в Германии в издательстве YAM-publishing (г.Саарбрюкен) вышла книга Елены Морозовой «Фиалковые поля», также в этом году она стала победителем международного литературного конкурса «Русский Still-2012» (Германия) и лауреатом мини-конкурса «За грань реальности» (Москва).

Член Межрегионального союза писателей Украины. Лауреат литературной премии имени Владимира Дала.

ЛЕТИ, КАЗАК

– Набирай 15-63. Я у них в базе, – предложила подруга, протягивая мне телефонную трубку.

Мы засиделись допоздна. Домой теперь – только на такси.

Но я позвонила по другому номеру.

– Такси «Казак»! Добрый вечер! – бойкий девичий голосок приветствовал меня.

– Девушка, машину на Розы Люксембург, пожалуйста.

– Свободных машин нет... Есть только кони.

– Какие кони? – опешила я.

– Кони сегодня только в яблоках.

– А цена? – задала я нелепый вопрос, лихорадочно соображая, что всё это значит.

– По счётчику: три гривны километр, – бодро ответила диспетчер.

Когда назревает авантюра, меня словно к пропасти подводят – душа улетает. Появляется зуд нетерпения, и я выпаливаю:

– Согласна.

Девушка приняла вызов:

– Через десять минут. Одна лошадь в яблоках.

Подруга смотрела на меня непонимающе.

Я рассеянно улыбалась.

Мы стояли внизу и по очереди вертели головами, не зная, с какой стороны подадут «такси». Октябрьские вечера особенно темны. Пространство блекло освещалось желтоватым оконным светом, да метрах в пятидесяти от нас подслеповато горел фонарь. С неба – щедро, округлой полноводной луной, – Бог света на нас не жалел.

Вскоре из-за поворота показался всадник. Конь – очевидно, в яблоках, издали не поймёшь – мирно трусил. Когда они приблизились, я заметила на оголовье лошади знак – шашечки, а на всаднике кепку и длинные сапоги.

– Такси вызывали?

– Вызывали, – откликнулась я, сделав шаг вперёд. – На Театральный, пожалуйста... Только медленно...

«Таксист» сбросил веревочную лесенку и предложил мне руку. Я взялась за мозолистую ладонь и вскарабкалась наверх. Земля осталась далеко внизу. Последнее, что запомнила, – перепуганное лицо подруги. Я уцепилась за куртку «таксиста», и мы тронулись.

Лошадь шла шагом, но мне казалось, что мы мчимся галопом.

Наконец я немного освоилась и искоса стала посматривать по сторонам. Оказалось, что мы уже пересекли проспект Мира.

– И давно на фирме этот сервис? – спросила я, прочистив горло.

Ветер унёс мои слова. Однако парень, оглянувшись, весело ответил:

– Недавно. Может, с месяц. Но я не верю, что он приживётся... Скучный у нас народ, бескрылый...

Мы замолчали. Положив правую руку на круп лошади, я почувствовала тепло и упругость её мышц под ладонью. Хвост развевался в такт ритмичному шагу.

– Это ваш конь? Как его зовут?

– Мой, – я уловила нотки гордости в голосе. – Зовут его Скифос. В честь мифического коня... А вы знаете, из чего Бог лошадь создал? – вдруг спросил мой сосед.

– Если честно, не помню, – сказала вслух, а про себя подумала: «А знала ли вообще?»

– Из ветра!.. – парень приостановил лошадь, а та, вскинув передние ноги, фыркнула, словно что-то ещё добавила от себя, а, может, подтвердила: да, так оно и было. Я ущепилась крепче за куртку «таксиста» и увидела, что мы уже выехали на проспект.

Цок-цок-цок – стучали копыта в ночи.

– Здесь налево? – переспросил он.

– Да, вон к тому подъезду, пожалуйста.

Упав в кресло, первым делом позвонила подруге:

– Все в порядке, я уже дома... А ты знаешь, из чего Бог лошадь создал? – И, не дожидаясь ответа, выдохнула: – Из ветра... Бог собрал в пригоршню немного тёплого ветра, дунул в ладонь и сказал: «Лети!».

Через неделю мне снова довелось вызвать такси.

– Такси «Казак» слушает, – бойко произнесла диспетчер.

– Девушка, а коня можно? – затаив дыхание, я ожидала ответа.

На том конце трубки помолчали и печально произнесли:

– Ниссан, серо-зелёный металлик. Через десять минут.

Когда-нибудь и мы отчалим,
переполох устроив в доме.
И дом – два обозначаем
трубой, квадратиком в альбоме,
в саду на мель на век осевший,
старьём гружёный и мечтами,
не побелённый – поседевший,
по закуткам хранящий в тайне
то лето, запахи лаванды,
сухих пучков полыни горькой...
Отчалим. Край обетованный –
альбомным домиком в котомке.

* * *

когда собака была жива
счастливым ветром мелькала в зале
заходила в лае
на солнечного зайца
приходили гости она мешала
длинную морду тыча в колени
я отдала ей любимую шаль
и постелила на дне
коробки из-под чего-то
кажется монитора
мы закопали её в сквере
под синей луною и кустом сирени

ЛУННОЕ

Лунный камешек зажди в ладони.
Ступишь в воду – осознаешь: дно не
гребень древней рыбы и не кратер.
Дно – твой путь, не длинный и не краткий.
По воде ходить – не хватит веры.
По воде, как посуху, наверно,
ходят те, кто всех простил и любит...
Наиграй сонату нежно, Людвиг.
Чтобы до крови не ранить стопы.
Наиграй мелодию мне, чтобы
под звучанье «до диез» прилива
поняла я, что
простила.

КРЫЖОВНИК

Лето. Ливень. Жара. Крыжовник.
Мелкий листик прилип на жёлтом.
Потянуться и вдруг отпрянуть,
не царапина – повод прятать,
где болит, и, размазав каплю,
вдруг сорваться неадекватно
и уже на сыром и мягком
отыскать горсть примятых ягод
в чернозёме блестяще-жёлтых...
Было лето и зрел крыжовник.

КАВКАЗСКИЕ АКВАРЕЛИ

Висит светило в белом абажуре.
Сквозь облако приглушен яркий свет.
И гнут хребты холмы в еловой шкуре,
зажав меж лап лугов брусничных цвет.

Река скользит форелью серебристой –
пятнист и крапчат узкий рыбий бок.
В оврагах грабы стряхивают листья
в несущийся, стремительный поток.

Лохмат корнями каменистый берег
и дик, дремуч его природный вид.
Как с полотна ожившей акварели,
когда художник вечность ощутит.

Но дальше чуть – и всё уже иначе,
уже иная мнится акварель.
Мир бирюзовым жеребёнком скачет,
под каждой ветвью чудится свирель.
И розовые стопы солнца склона
коснутся – зарумянятся снега.
И там, где густо затеялась крона,
уже полоска светлая легла.

Я ВЕРНУСЬ

Я вернусь к стихотворной реке, вспять отныне вернусь.
Здесь привычно по кругу хождение, беличий скок.
Здесь привычно ростками набухнуть сухому зерну.
И словам так привычно спешить на мелодию строк.

В этой летней вечерней тиши, прочириканной сплошь
Еле слышен тягучий в открытую дверь саксофон.
Музыканту за подвиг божественный выдадут грош.
Медный – в небе далёком, в сгустившихся сумерках он.

И на смену сверчковый оркестрик исполнит мне блюз
Карусельные пони уйдут за ночной горизонт,
сохраняя простой свой, цепной, караванный союз.
И словам встать на цыпочки и дотянуться до нот.

Виктор Мостовой Стаханов

Мостовой Виктор Михайлович родился 10 марта 1952 года в г. Кадиевка (ныне – Стаханов) Луганской области. *Свою трудовую деятельность начал в 1974 году секретарём комсомольской организации ПТУ № 66, с 1977 года работал мастером ПТУ №62.*

1980-1983 гг. – заместитель директора Дома научно-технической информации ПО «Стахановуголь», 1983-1997 гг. – горный подземный мастер шахты «Ломоватская», шахты им. Чеснокова. 1997-2002 гг. – журналист газеты «Стахановское знамя».

Мостовой В.М. – автор 12 поэтических сборников. На протяжении 30 лет является руководителем городского литературного объединения «Стахановец». Стоял у истоков создания Межрегионального союза писателей Украины.

Виктор Михайлович лауреат литературных премий имени О. Бишерева, Б. Горбатова, Ю. Каплана, Б. Гринченко, М. Матусовского. Также награждён многочисленными грамотами и дипломами Международного сообщества писательских Союзов, грамотами Луганской облгосадминистрации, благодарностями исполнительного комитета Стахановского городского совета. В 2012 году был награждён знаком «За заслуги перед городом Стаханов».

Я помню зримо детства фрески:
Читает сказки мне отец.
О, сколько Пушкин в мир мой детский
Принёс таинственных чудес!
Я помню юность. Пылкость взгляда.
Ах, как смотрел я в мир большой!
И пушкинской любви крылатой
Стихи я принял всей душой.
Я сединою лет осыпан.
И пусть порой терзает боль –
Спасибо Пушкину, спасибо
За жизнь, за радость, за любовь.

На каштанах свечи оплыли,
Белым воском землю покрыли.
Мне б из мягкого воска фигурки
Детворе на забаву лепить...
Городские мои переулки,
Хорошо в одиночку бродить!
Вспомнил я, как на службе, в казарме
В час, когда батальон крепко спал,
Пел о доле народа Кобзарь мне,
В снах тревожных слезу высекал.
А когда мы шагали на стрельбы,
Стих есенинский душу мне рвал,
И склонялись молитвенно вербы,
И в лесу соловей ликовал.

Луну и звёзды дождь до блеска вымыл,
И сад не спит, сиянием облит.
О, властвуй, лунный свет неуловимый,
И озаряй гранит могильных плит.
В душе надежд несбывшихся руины.
Цветеньем буйным строки оплету.

Когда умру, пусть лунный свет лавиной
Обрушится и на мою плиту.

Мне не по пути с ворами, урками:
Я бандитских шаек сторонюсь.
Ночью прохожу я переулками
И с братками встретиться боюсь.

Но за кружкой пива в баре всё-таки
Я вольюсь в компанию блатных.
Так, случайно, как бы для экзотики –
Ну а как отделаться от них?

И когда мне хмель язык развяжет,
Я стихами душу изолью,
И один из них мне тихо скажет:
«Молодец, дай руку мне свою».

И пожмёт мне пятерню с улыбкой.
Выпью в благодарность от братков:
Если в жизни ненадёжно, зыбко,
Пусть теплеют взгляды от стихов.

Мечта растопит слитки снов
И поманит издалека,
И вот из сутолоки слов
Протиснуться спешит строка.

И вдохновенью нет границ,
В строке я вижу высоту:
В ней шелест ветра, пенье птиц,
Она, как яблоня, в цвету.

И я, расправил два крыла
И в поднебесье взмыв, лечу.
А строчка силу обрела,
Рождённая в порыве чувств.

Как тревожно...
Звёзды в быстром беге.
Блеск луны так душу бередил,
Что совсем забыл я о ночлеге
И по гулким улицам бродил.

В страсть с тобою по уши мы влипли.
Вместе нам надолго ли теперь?
В предосеннем тихом листьев всхлипе
Слышалась мне близкая метель.

Глаза, твои глаза...
О, кто мне напророчил,
Чтоб стать под образа
И славить эти очи?

Душевная стезя.
Иду по ней, раскован.
В глаза войти нельзя –
В них столько колдовского!

Как ясно в их глуби,
И пусть в них скрыта тайна,
Не бойся, пригуби,
Испей нектар хрустальный!

Мрак следовал за мной.
На лужах льдистый панцирь,
А ветер продувной
На всех зубами клацал.

Я вихрем в дом влетал,
Стыл мрак в оконной раме.
К тебе я прикипал
Объятьями, губами.

Откуда этот пыл?
Неймётся, если порознь.
Я, как мальчишка, был,
Не чувствуя свой возраст.

Было дело, вот история!
Не в своё забрался стойло я.

Стол с закусками отменными
Окружён был бизнесменами.

В том кругу я, сидя с краешку,
Слушал их, раззявив варежку.

А когда за стопкой сблизился,
Пожелал удачи в бизнесе.

И поднялся, и доходчиво
Стал поэзией их потчевать.

Был в ударе и на взлёте я,
И лилась стихов мелодия.

А они бифштексы лопали,
Здоровилы крутолобые.

И ухмылочки не прятали.
Душу рву свою, а надо ли?

Я запнулся, я очухался.
Боже мой, да с кем я снюхался?

Не по рангу, не по званию –
Не в свою попал компанию.

У нас щенок – сплошное бедствие:
Обои рвёт, полы царапает,
Но с ним как будто снова в детстве я,
По попке шлёпнешь – он и драпает.

А во дворе, как только выскочит, –
И надо ж, чудо бесноватое –
Вот-вот цветы на клумбе вытопчет.
Кричу, но астра уж измятая.

И пусть порою нету сладу с ним,
Возьму на руки это бедствие,
И сразу становлюсь я радостным,
И кажется, что снова в детстве я.

Откуда яблонька взялась
Среди лесистых склонов?
И, странностям судьбы дивясь,
Растёт в мечте зелёной.

И, от плодов отяжелев,
Прогнулась каждой веткой,
И ветра слушает напев
С берёзою-соседкой.

ПАУЧОК

Паучок – вот фантазёр,
Труженик упрямый –
Кружевной соткал узор
На оконной раме.

Переполз на виноград –
До чего же прыткий –
И повис, как акробат,
На прозрачной нитке.

Ты время пустил на распыл.
Легко ль прозябать в пустоте?
Ты грешную душу распни
На совести, как на кресте.

Укутанный тьмою жасмин
В саду аромат разлил.
Ты боль в кулаке зажми,
Попробуй набраться сил.

Отбрось перед будущим страх
И свежего ветра глотни –
Пускай отразятся в глазах
Удачей блеснувшие дни.

Константин Серебряный Луганск

Константин Серебряный родился 5 февраля 1952 года в город Острогожск Воронежской области. В 1957 году. семья переехала в Луганскую область. В настоящее время живёт в Луганске. Работал на шахтах Луганской области.

Со школьной скамьи увлекался поэзией, но писать начал уже в зрелые годы. Автор нескольких поэтических книг: сказки для взрослых «Колобок», «Репка», «Эротическая сказка» и другие.

Член Межрегионального союза писателей Украины.

ТЁТЯ ПАША

Тётя Паша шла с работы:
Бытовая суета,
Перепачканные боты,
Грудь почти у живота.

И ещё квартал до дома
Без коллизий и реприз,
А в пакете простипома
Камнем тянет руку вниз.

И усталая походка
На немой вопрос, ответ:
Шла замученная тётка
Сорока неполных лет.

Ведь она читала Грина
В те далёкие года –
Молода, была, наивна,
В сказку верила тогда.

Говорила всем знакомым:
«Принц за мною приплывёт».
(Был ближайшим водоёмом
Городской водопровод.)

И мечта шаром хрустальным
Ей отсвечивала зря –
Принцы в их районе спальном
Не бросали якоря.

И теперь в стенах хрущовки –
Не барон, не граф, не принц –
Через узенькие щёлки
Водкой налитых глазниц

Муж бессмысленно взирает
На рекламу «Терра Флю»,
Пятернёю растирает
Набежавшую соплю.

Вот ещё – второе горе –
«Здравствуй, мама, не горюй»:
Протирает брюки в школе
Их сыночек-оболдуй.

Парень явно не индиго,
Пядей не семи во лбу.
Нечитаемая книга
Знаний, для него табу.

Отчего же так случилось?
Ей не грезилось в мечтах
И в девичьих снах не снилось.
Пусть не принц, не олигарх

Персонаж её искомый –
Не мажор и не плейбой,
И не с лишней хромосомой,
А любимый и родной.

Это всех удел невинных
Или всё ж вина её,
Ч то находится в руинах
Бывших планов громадьё?

Дней бессмысленных, бесцельных
Счёт оплаченный судьбой.
Душит узел уз семейных
Мёртвой, висельной петлёй.

Прекратить когда-то надо
И решить в один из дней
Несуразную шараду
Жизни проклятой своей.

Ведь в конце тоннеля света
Бесполезно больше ждать.
В нижнем ящике буфета
Есть заветная тетрадь.

В ней одной её спасенье
От смертельного греха,
Где звучит стиха творенье,
В ней мелодия стиха.

Веки смежив негой сонной
Ночь не всех уложит в срок:
Тётя Паша, стол кухонный,
Чуть наискось россыпь строк...

Боль, щемящую и горе
В строчки выплеснет свои

И является в миноре
Чувство светлое любви

И, подрагивая слабо,
Покидает мышцы боль.
«Умирает» тихо баба
И рождается АССОЛЬ.

.....
Чтоб дойти ещё до дома
Нужно сделать шаг не раз.
Из пакета простинома
Так ехидно пялит глаз.

Елена Сикилинда Луганск

Елена Сикилинда родилась и живёт на востоке Украины, в Луганске. С двадцати лет посвятила себя обучению и воспитанию подрастающего поколения. Работает в Колледже Восточноукраинского национального университета имени Владимира Даля.

Как большинство деловых женщин, ценит семейный уют. В свободное время пишет стихотворения на русском и украинском языках, но относится к своему необычному хобби достаточно серьёзно. Образность, метафоричность, желание поделиться своими мыслями, – всё это является характерным для поэзии Елены.

Автор поэтического сборника «Капли на стекле».

С 2002 года является членом Межрегионального Союза писателей Украины, с 2005 года – членом литературного союза «Подолье» (г. Хмельницкий).

Осень – пора разлук:
С птицами и синевою,
С жёсткой, в пыли, листвою,
С нежностью губ и рук.

Осень – пора потерь.
Или же – обретений
Цепи пустых мгновений
Между «тогда» – «теперь».

Осень – прощанья миг,
Словом лишённый правды,
О бесприютном завтра
Сдавленный полукрик...

Все путаются мысли: то ли сон
Приснился ночью – странный и ненужный,
То ль сердцу милый сентября трезвон
Наполнился досадою натужной.

Слова порой, как камни, тяжелы.
Сизифов труд под смех лукавой Музы,
Возможно, и достоин похвалы,
Да вот – душе не открывает шлюзы.

Нам новых истин миру не открыть...
Оставим же вопросы без ответа.
Все просто: надо заново прожить
Строку, и день, и это бабье лето...

В пальцах дрогнула сигарета,
Возле губ залегла печаль...
Много ль стоит душа поэта
Там, где август туманит даль?

Сколько надо душе талантов,
Чтоб взлететь, не страшась цепей?
Каждый, в сущности – тень Атланта
И лишь чуточку – Прометей.

Жёлтый свет протекает в утро,
За которым – туман и дождь.
Человечество ценит мудрость,
Но не больше, чем лесть и ложь?

В пальцах дрогнула сигарета,
Как надорванный зов струны...
Вечный символ – душа поэта
В час предутренней тишины...

Когда живу? Когда? Когда? Сейчас!
Не завтра, не вчера, а лишь сегодня!
Стираю блики ночи новогодней
И суету в морщинках возле глаз.

Стираю горечь, словно макияж,
Чужое лицемерие и беды...
И вот уже предвестником победы
Глядит в окно ревнивой ночи страж.

Сейчас живу – не загодя, не впрок...
И обжигаясь, пью дурман свободы,
Благодаря за прожитые годы
Календаря оторванный листок.

Вони не зраджують мені, мої слова:
Навшпиньки поночі кружляють по кімнаті,
Доводячи, що я ще жива,
А час іде – а значить, годі спати...

Вони до мене прикипають вдень,
Не вірячи в мої буденні справи,
Бо стільки ненароджених пісень
Ще чекають авторів і слави.

Вони вам відцуратись не дадуть
Спотвореного й створеного вами...
Не дай же Бог мені колись відчуть,
Що зраджена я власними словами!

Невіру славнозвісного Хому
Я пригадаю, вислів той крилатий.
Мені бракує слів, та не тому,
Що я збентежена, й емоцій забагато.

У що не вірю я? То вам і поготів
Не розповім...Одне я точно знаю:
Мені бракує найпростіших слів,
Бо рідну мову майже забуваю.

Серед усіх мені відомих мов
Я обираю цю, немов прозоріння.
Та важко-важко вицупити знов
Із пам'яті словесне шурхотіння.

В душі живе вона, як тихий спів,
Назовні ж рветься – вітром над степами.
...У що не вірю я? В майбутнє тих світів,
Що нехтують своїми же словами.

Моє бажання – бути й не забути,
Святе бажання жити на землі:
Побачити, уникнути, відчутти,
Збагнути слово – попри всі жалі.

В собі з'єднати вічність з сьогоденням,
Передивившись дідові листи...
Торкнутися болючого знамення,
І втратити себе, і віднайти.

Перетовкти в собі розчарування,
Прийняти рішення, коли настане час...
І залишитись крилами кохання
Для тих, хто прийде в світ пізніш за нас...

Леонид Стрельник Луганск

Стрельник Леонід Петрович народився 4 лютого 1947 року в с. Оріхове Попаснянського району Луганської області. Закінчив Літературний інститут ім. О.М. Горького.

Автор книжок «На видноті», «Дорога в квітень», «Борозна», «Дівчинка і сонце», «Чарівна абетка», «Любити й після себе», «Слово о полку Ігоревім»(переспів), «Де б не стрів калину», «Дивовид», «Летюча хатина».

Член НСПУ (був відповідальним секретарем Луганської організації НСПУ). Лауреат літературної премії імені Володимира Сосюри.

Надежда Петрова Луганск С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

Человек, которого я считаю своим пожизненным врагом, которому благодарна за прозрение и крепость духа, ещё жив. Жив! Я много лет не видела и не слышала его. Сегодня у него день рождения, об этом я узнала из только что принесенной газеты. Ну как забыть это плутоватое, красивое лицо, в которое сгоряча не раз хотелось запустить чем-нибудь, чтобы охнул и остановился, вспомнил, что и другим бывает больно и тяжело, когда он мимоходом, вскользь, отпускал острое словцо, как копьё с ядом курары. Он говорил пару острых слов и скрывался за дверью своего кабинета, словно и не замечая, как менялись лица окружающих, как у меня перехватывало дыхание, и я судорожно искала ответную колкую фразу, а он был уже за дверью. Какая досада! Он снова сбежал, а я не успела ответить ему с достоинством, не оборвала, не остановила, не отплатила хотя бы медной монетой!

И так было всегда, несколько лет, пока мы работали вместе, в одной редакции газеты. Мы вовсе не были явными врагами: во время перерывов вместе пили чай, ели дешёвую колбасу, в праздничные дни, во время застолий, сидели напротив друг друга, смеялись над общими шутками и даже танцевали. Но я всегда знала, что в любую минуту он может обронить неосторожную фразу – и я как улитка, спрячу свою голову и долго ещё буду обижаться и почти ненавидеть его.

Я была молода, на несколько лет моложе его, а он, шутя и издеваясь, играл мною, как кошка мышью. Ему это доставляло явное удовольствие, он мило улыбался и порой подмигивал, а мне казалось, что я жертва, и все это замечают. Мне было очень стыдно, когда он сказал, что я сегодня поразительно красива, а у кого-то из мужчин прольются слёзки. Потом он подошёл поближе, франтовато поправил мой воротничок, щёлкнул пальцами и повернулся, чтобы удалиться, но я его сердито остановила:

– Да, ты прав. Мне сегодня даже зеркало сказала, что я в отделе самая красивая.

От неожиданности он остановился, оценивающе посмотрел на меня и ответил:

– Ты самая молодая здесь, – улыбнулся и ушёл.

Да! Молодая. Но и красивая, стареющий болван не может не испортить настроение. Любит потешиться над другими. Был бы петухом – я бы тебе все перья повыводила! Вечно он критикует других, вот, хоть словечко, но вставить должен.

Как-то в феврале, на встрече бывших одноклассников в моей родной школе,

пять лет прошло, и я с радостью рванула в родной посёлок. Путёвку? Конечно, выписала. Дорогу мне оплатили, сам редактор просил сделать короткий репортаж, так этот негодник не удержался и на следующий день написал о том, что Кузьмина выписала себе путёвку – домой! Все смеялись до упаду. Не надо мной, нет – над стихами. Чего им смеяться, если все так делали, абсолютно все, зарплата-то не царская, это там, в городских и областных газетах гонорарчики «о-го-го» и зарплата – будь здоров, а мы тут, можно сказать, с хлеба на соль перебиваемся, в перерывах ливерку с удовольствием жуём, даже путевому листу в десять рублей рады.

На пятничной летучке, когда мой очерк «Зарницы второго лета» о лучшем комбайнёре района редактор поставил на первой странице, рядом с передовой, и поздравил меня с удачным материалом, эта вражина снова вставила своё острое слово:

– Собака хозяина была с обрубок хвоста, а в конце очерка уже приветливо махала ему настоящим хвостом. Что это за порода такая? Может, это была ящерица?

Редактор улыбнулся, потер кончик носа и сказал:

– Не досмотрел я, уж очень хороший очерк получился!

Я едва не упала со стула. Ну что он, не мог сказать наедине?

Я не просто обиделась, я помню это до сих пор, хотя прошло уже больше двадцати лет. Да разве только этот отрубленный хвост остался в моей памяти? Над каждой моей самой малой ошибкой, просто грамматической, опиской какой-нибудь, он долго потешался, напоминал мне по несколько раз, словно котёнка носом тыкал в одно и то же место.

Ко Дню Победы номер был посвящён ветеранам войны, победителям. Я тоже готовила большой материал. Поехала на встречу домой к бывшему вояке, наград у него много, есть о чем рассказать людям, особенно молодёжи. Я старалась! Всё записала слово в слово из уст пожилого человека, перечислила интересные эпизоды, назвала все награды, которыми он был награждён. Всё! Всё будет хорошо. Материал вышел без правок, просто блеск!

И тут опять подошёл он...

– Ты все наградные документы проверила?

– Нет, я писала с его слов. А награды он показал на своем кителе.

– То-то и плохо, – вздохнув, ответил он. – Если военкомат внимательно прочтёт и проверит, то по шапке получит даже редактор, а не только ты.

На мои глаза набегали слёзы: что не так?

– Не мог он получить одновременно две награды: где был Южный фронт и где Ленинград? Прикинь по карте, он же не Карлсон, чтобы быть в двух местах, он не летает!

Я долго в одиночку плакала в своём кабинете у окна, смотрела на берёзку, которая зеленела за окном и уже заметно выросла за три года работы в редакции. Берёзка подросла, а я не поумнела... Я всё так же восторженно делала ошибки: поверила ветерану на слово, а он – старик, ему уже под восемьдесят, может он путает реальность с чем-то увиденным или прочитанным?

А берёзка за окном качала тонкими ветками и росла себе, росла.

А я опять продолжала делать ошибки. Все мы на бумаге делаем ошибки, но я, по-моему, делала их тогда чаще других. Написала как-то рассказ, в котором моя героиня купила новую машину – Опель-кадет. Кадет, ну и пусть будет кадет. Никто ничего не заметил, он же – тут как тут! Опять у меня осечка! Оказывается, что этот Опель-кадет немцы давно не выпускают, они теперь перестроились на

выпуск Опель-астра. Вот тебе на!

Однажды я в сердцах сказала ему:

– Ты видишь только мои промахи! Почему ты такой? Ты всегда не просто мне это говоришь, ты хочешь меня позлить!

– Ты из тех, кто, чем больше злится, тем больше и лучше пишет, – засмеялся и уткнулся в корректуру, он был уже ответственным секретарём, вторым лицом в редакции.

Сейчас он живёт в другом городе, лето проводит в родительском доме в глухом селе в пятьдесят хат, и спокойно на пенсии пишет стихи для детей, занимается переводами.

Дорогой мой вражина! Если бы он знал, как благодарна я ему за то, что он был в моей судьбе: он научил меня своими, порой злыми, порой шутивными выходками быть внимательней, остерегаться подвохов, ценить настоящую дружбу, смотреть на десять шагов вперед. Думать! Именно думать!

Если бы я не встретила его, то жила бы на земле, как спящая красавица, которая вроде и жива ещё, но ничего не воспринимает серьёзно. Я всегда теперь на страже, ожидая очередного подвоха, непредвиденной человеческой наглости, подлости, неожиданных нападков завистливых людей. Я стала смотреть на незнакомого человека иначе: оценивая сначала его худшие стороны, а потом лишь рассчитывая на лучшие качества. Я полюбила толстые словари, они мне вместо него подсказывают мои ошибки. В моей молодости он остался ироничным, строгим, немногословным, который становился причиной многих моих юных слёз.

Увы! Но без таких людей мир, наверное, стал бы скучным, всеприемлющим, безразличным, все были бы простачками добренькими, как в раю.

А это все-таки земля!

С днём рождения тебя, Лёня Стрельник, мой бывший коллега! Это ты когда-то написал:

Умер мій ворог.
Умер мій ворог.
Для мене горе,
Велике горе.
Як він на мене полював,
Як посміхався він лукаво,
І як зненацька і ласкаво
За чорне біле видавав...
Я все не міг би так збагнути,
Якби не мій проклятий ворог.

Твой враг умер? Ну и слава Богу! И слава Богу, что ты жив – Жив! – и я могу поздравить тебя с днём твоего рождения. А вражиной тебя можно назвать лишь шутя, и пожелать каждому, в чьих руках перо, чтобы в их судьбах побольше встречалось таких, как Леонид Стрельник. Я желаю тебе ещё долгих-долгих лет здоровья и творчества, дорогой наш ответственный секретарь районной газеты «Путь Октября». И, конечно, я признаюсь всему миру, что ты никогда не был мне врагом. Ты был самым строгим и самым требовательным учителем.

С любовью и признательностью к тебе – твоя ученица

Надежда ПЕТРОВА, член МСПУ, Конгресса писателей Украины.

Вірши Леоніда Стрельника

Заклинаю планету стару:
– Попасися між зорями трішки!
І річок я натягую віжки:
– Тпру, заморена, загнана, тпру!
Дай пройтися вітчизною пішки.
Дай послухати дзенькіт синиць
Прохолодно-вербовою ранню
І в левадному сумі туманнім
До дідівських охлялих криниць
Доторкнутися, може, востанне.
Дай зібрати із батьківських літ
Закривавлені часом порічки,
Зазирнути в онукове личко
І усім, хто покинув цей світ,
В храмі серця поставити свічку.
Дай покликать на віче думки
І минулим покривджені строфи
До села – до мосі Голгофи,
А тоді вже й лети у віки
Повз омріяні злом катастрофи.

Все рясніше нетанучий сніг
Мерехтить-опада на повіки...
Що ж наколядувати я встиг
Під вікном у двадцятого віку?
Коляда, ти моя коляда,
Все вмістилося в сивій торбині –
Сльози, радість, печаль та біда,
Зойк барвінку й зітхання калини.
Це багатство – за чорні часи.
Відтепер би пожити добряче!
Та уже з колядою мій син
У шибки шкряботить нетерпляче.

Чи йому про торбину збрехать,
Що, мовляв, загубив безшабашно?
І не можу її не віддати,
І віддати маленькому страшно.

Вишня хустку зелену пов'язує,
Розкидає довкіл пелюстки.

Упіймавши мотузку у пазурі,
 Кажанами висять шахтьорки.
 Й сам не знаю, чому раптом зрадницьки
 Закрадається в душу печаль,
 Маму рідну, содчаточку страдницьку,
 До нестями стає мені жаль.
 Мо', тому, що могилами тоскними
 Юні дні уросли у війну
 Й нині гибіє в полі колгоспному
 За чиюсь довоєнну вину?
 І шепчу забобонно-тихесенько;
 «Поле, хмаро, тополе, трава,
 Хочу я, щоб матуся ріднесенка
 Зоставалася завше жива!»
 Ті слова за літами негречними,
 Що спили материнську свічу,
 Ніби стали тепер недоречними,
 Тільки я їх шепчу і шепчу...

У кожного доля – як небо,
 А в нім – що не крок, то зоря.
 А значить, ліпити не треба
 В собі ні раба, ні царя,
 Бо й небо, і зорі – нетлінні,
 Як дух незнищений пашниць,
 Де світиться наше сумління
 Очима козацьких криниць.

Геннадий Сусуев Луганск

Сусуев Геннадий Александрович родился в 1957 году в деревне Александрово – Удмуртия. Детские годы провел на Урале в поселке Нагорная Пермской области. Школу закончил в городе Доброполье Донецкой области. Закончил архитектурный факультет Макеевского инженерно-строительного института Донецкой области.

С 1979 года проживает в Луганске. Работал архитектором в проектно-строительных организациях г. Луганска.

В настоящее время работает экспертом-архитектором в ГП «Укргосстройэкспертиза».

Владеет несколькими иностранными языками. Увлекается живописью, графикой, в том числе компьютерной, лингвистикой, историей.

Пишет стихи, прозу – преимущественно фантастику. Стихи начал писать во время учёбы в институте. К этому же времени относятся первые публикации в прессе. Первый сборник стихов издан в 1999 году. В 2000 году вступил в Межрегиональный союз писателей Украины (МСПУ).

На данный момент издал три сборника стихов: «Было поздно – стало рано» (1999), «За гранью суеты» (2000), «Сжимаю мир до одного листа» (2004). Печатался в альманахах «Свой вариант», «СТАН», «Ковчег», «Семейка» (Германия), «Антологии современной лирики и новеллистки Украины», в антологиях: «Пятнадцать веков русской поэзии», «Русская поэзия Украины. 20 век», «Русские стихи 1950-2000 годов».

Проза публиковалась в журнале «Склянка Часу», сборниках «СТАН», «Всеукраинской технической газете», в газетах «Закрытый клуб» и «Наша газета».

Лауреат литературной премии имени Михаила Матусовского.

О ЮНОСТИ

Давно отгуляло вино
И в сок не вернётся обратно.
Как кости в игре домино
Расставлены дни аккуратно.

Закончилась юность. Веслом
Ударилась лодка о берег.
Довольно, не будь ты ослом!
Пора уже в это поверить.

Давно перешёл ты межу,
Уже не вернуться обратно.
Любому понятно ежу...
Ежу – ну, а мне непонятно.

ЗАПАХИ

Я розу напоил – шевелится бутон.
Так вздрагивает грудь, когда приводят в чувство.
Я мог бы передать и цвет его и тон,
Но запаха, увы, не сохранит искусство.

И все же я берусь – не избежал искуса.
У обонянья нет в запасе слов своих,
Но, не стыдясь ничуть, оно ворует их
У зрения и вкуса.

* * *

Нас каждого пьянит и манит запах славы,
Хоть честно заявить Бог не дал куражу.
Как ассирийский лев на царские забавы
Я вновь читать стихи на сцену выхожу.

Немея, не дыша, я вглядываюсь в лица.
Я чувствую беду. А этого ль хотел?
Но поздно отступить – несётся колесница
И воздух потемнел от водопада стрел...

Вдруг долгожданный миг, когда уже спокоен,
Стою, сжимая мир до одного листа.
И замирает зал как усмирённый воин,
Чьим трепетом мои наполнились уста.

ДОЖДЛИВОЕ ЛЕТО

Август, печален, стоит на причале
В старом плаще, отвернулся от ветра.
Не потому ль так грустны англичане,
Что им досталось дождливое лето?

Но постарайтесь припомнить начало –
Море и воздух, пронизанный светом.
Только отчаянно чайка кричала:
Не доверяйте! Не верьте приметам!

Скромно, оставив лишь дыры в кармане,
Лучшие годы ушли незаметно.
Кто-то, всё кашляя, бродит в тумане
И прокликает дождливое лето.

Видимо, искренность вышла из моды.
В чём тут причина? Ищите ответы.
Снова охрипли, крича, пароходы.
Их провожает дождливое лето.

Нет, не синоптикам и журналистам –
Верьте серьёзно составленным сметам,
Чтобы могли докопаться до истин.
Где, покажите, вы видели лето?

Осень грустит, надевая монисто.
Всюду туман – никакого просвета.
Щиплет глаза, задохнёшься от листьев –
Жгут на кострах непокорное лето.

ПОДМАСТЕРЬЕ

Видно, век пребуду в подмастерьях
Исправляя Мастера стихи.
Застилаю мастеру постель я,
Гуталином чищу башмаки.

Никогда не выучить науки!
Что поделать – я же от сохи.
Мне давно его приносят внуки
Править гениальные стихи.

Я не мастер, что же вы хотели.
Дарят мне на праздник по рублю.
Он Маэстро – делает свирели.
Я в них только дырочки сверлю.

Вот уже август почти перелистан.
Надели береты.
В роще грибы. И поют гармонисты
На свадьбах куплеты.

Время подходит опять перекрасить картинки
Ярко и броско.
Вскоре лишатся, в грязи окунувшись, ботинки
Столичного лоска.

Только пока нас всё это тревожит не слишком.
Идём не сутулясь.
Очень доволен, за лето подросший мальчишка,
Что может без стула

С полки достать эту новую детскую книжку
И банку варенья!
Если он снимет и только заглянет под крышку,
Никто не узнает... наверно.

КЛИО В ГОСТЯХ У ПЕГАСА

Татьяна Чеброва

«Артиллерия бьёт по своим...»

(Газета «Бульвар Гордона» № 22 (214), 02 июня 2009)

Родившийся в сентябре 1923 года, он был из когорты мальчишек-солдат. Одних война проглотила, как фронтovou пайку (в 24 года погибли Михаил Кульчицкий и Павел Коган), из других выпекла в своих адских печах сытные хлеба (Арсений Тарковский, Булат Окуджава, Александр Межиров...).

Полумужчины, полудети,
На фронт ушедшие из школ...
Да мы и не жили на свете, —
Наш возраст в силу не вошёл.
Лишь первую о жизни фразу
Успели занести в тетрадь,
С войны вернулись мы и сразу
Заторопились умирать.

Это стихотворение, одно из последних, Межиров посвятил памяти Семёна Гудзенко. Школу оба успели окончить до войны. В июне 41-го Межирову было 17, Гудзенко, написавшему потом «...и выковыривал ножом из-под ногтей я кровь чужую», — на год больше. Семен ушел в 53-м, не дожив трёх недель до своего 31 года — от осложнений, вызванных ранениями. Александр тогда уцелел.

Знаменитые поэты вымерли почти все. Закончилась эпоха, в которой стихи были больше, чем стихами. В то, увы, прошедшее время, я имел честь выступать вместе с Володимиром Сосюрой, который плакал вместе с залом, читая своё многострадальное «Любимь Україну», с Константином Симоновым, который читал в Париже со сцены «Жди меня», и зал слушал его стоя.

Хорошо помню, чем были молодые лозунговые стихи Александра Межирова «Коммунисты, вперёд» и кровавые, выстраданные «Мы под Колпино скопом стоим, артиллерия бьёт по своим». Он был из поколения родившихся в 1923 году, его сверстники почти все остались на полях боёв страшной мировой войны, и они накрепко связаны фронтовым братством поверх всех границ и времён.

Война была для Межирова вечным проклятием шовинизму, и, возможно, поэтому Межиров стал одним из самых знаменитых переводчиков нерусской советской поэзии — его благодарно любили в Литве, в Украине, а Грузия наградила его своей Госпремией имени Шота Руставели. Получил он и Госпремию СССР, но не в премиях дело — Александр Межиров был настоящим знатоком и мастером стиха, профессорствовал в Литературном институте, прикоснувшись к судьбам и многих украинских поэтов, обучавшихся там.

Мы много раз путешествовали с Сашей Межировым — и по нашей бывшей стране, и вне её, выступали вместе, говорили про многое, и поэтому я хорошо понял его печальный голос, когда уже в Америке услышал его в телефонной трубке. Межиров сказал, что он уехал из неласкового своего отечества и

живет теперь в Нью-Йорке. Я несколько раз публиковал в московских газетах его новые стихи, а затем вернулся домой, увеличив расстояние между нами, — связь почти совершенно прервалась.

Но несколько месяцев назад вдруг пришли его новые стихи — я был счастлив этой почтой, потому что давно не читал такой искренней и четкой поэзии — в свои немолодые годы Межиров был так же откровенен, как в дни фронтовой молодости, но теперь это уже было подведением итогов — сильным и горьким. Он снова вернулся на войну, где осталось почти всё его поколение, и говорил от своего имени, но и от имени тех, кто уже ничего не сможет сказать.

*Что ж ты плачешь, старая развалина.
Где она, священная твоя,
Вера в революцию и Сталина,
В классовую сущность бытия...
Вдохновлялись сталинскими планами,
Устремлялись в сталинскую высь,
Были мы с тобой однополчанами,
Сталинскому знамени клялись.
Шли, сопровождаемые взрывами,
По своей и по чужой вине.
О, какими были б мы счастливыми,
Если б нас убили на войне.*

*Александр Межиров умер 22 мая 2009 г.
Хорошо, что стихи живут дольше людей...*

Виталий Коротич

Я так и не смогла выполнить просьбу председателя редакционного совета нашего еженедельника Виталия Коротича — разыскать в Америке Александра Межирова и взять у него интервью. Поэт, которого Наум Коржавин называл «буйством грозы в коридоре», а художник Борис Мессерер считал предтечей шестидесятников, последние годы обитал то ли в Нью-Йорке, то ли в Портленде, штат Орегон, где живет его дочь Зоя. Телефоны найти никак не удавалось...

И вот горькая весть — Александра Межирова не стало. После кремации его прах вернется на родину и будет захоронен в подмосковном Переделкино.

«А за вокзалом, штабелями, в снегу лежали — не дрова...»

Политрук роты, контуженный, раненный в ногу, чудом избежавший ампутации, Межиров всерьез начал писать стихи в госпитале. Потом были Литинститут имени Горького, многие книги за многие годы, в том числе поэтические переводы, Госпремия СССР, полученная за сборник «Проза в стихах»...

Нет, не проза в стихах и не проза жизни — просто жизнь, частью которой был пацанёнок, водивший грузовики с хлебом по ладожскому льду.

В БЛОКАДЕ

Входила маршевая рота
В огромный, вмёрзший в тёмный лед,
Возникший из-за поворота
Вокзала мертвого пролёт.
И дальше двигалась полями

От надолб танковых до рва.
 А за вокзалом, штабелями,
 В снегу лежали — не дрова...
 Но даже смерть — в семнадцать — малость,
 В семнадцать лет — любое зло
 Совсем легко воспринималось,
 Да отложилось тяжело.

Вспоминаю, с какой болью и нежностью Виталий Коротич читал наизусть межжировское «Артиллерия бьёт по своим...»:

Мы под Колпино скопом стоим.
 Артиллерия бьёт по своим.
 Это наша разведка, наверно,
 Ориентир указала неверно.
 Недолёт. Перелёт. Недолёт.
 По своим артиллерия бьёт.
 Мы недаром присягу давали,
 За собою мосты подрывали.
 Из окопов никто не уйдёт.
 По своим артиллерия бьёт.
 Мы под Колпино скопом лежим,
 Мы дрожим, прокопчённые дымом.
 Надо всё-таки бить по чужим,
 А она — по своим, по родимым.
 Нас комбаты утешить хотят,
 Говорят, что нас родина любит.
 По своим артиллерия лупит.
 Лес не рубят, а щепки летят.

Александр Межиров вспоминал, что до войны в Доме правительства жил его школьный друг Вадим Станкевич, отец которого — начальник московской милиции, учившийся в иезуитском колледже Кракова вместе с Феликсом Дзержинским, в начале войны попал в плен и погиб. Вадим в одиночку перешёл линию фронта, надеясь спасти отца, — его схватили и повесили.

Через 11 лет после войны Межиров встретил мать своего друга, и она рассказала, как в 1937-м в их доме жильцы не спали по ночам в ожидании ареста, холодели от ужаса при звуке лифтового мотора: «Когда лифт шёл на этаж выше, мы говорили: «Перелёт», а на этаж ниже — «Недолёт».

Эта история для Межинова сплывалась с рассказом случайно встреченного механика МТС о том, как тот попал под обстрел советских миномётов и был ранен в руку: «Я зашёл к матери, в Лебяжий переулок, и пока она мне что-то разогревала, мгновенно — это заняло две минуты! — написал стихотворение «Артиллерия бьёт по своим». Как говорится, две минуты — и вся жизнь...».

Сначала авторство стиха, появившегося после XX съезда КПСС, на котором был разоблачён культ личности Сталина, приписывали Булату Окуджаве и Борису Слуцкому (по этому поводу их вызывали в КГБ). Зная, кто настоящий автор, Евгений Евтушенко публично заявил, что нашёл стихотворение в кармане убитого на войне поэта. Ксати, строчка в последней строфе по-разному выглядят в книгах и энциклопедиях: «Говорят, что нас армия любит», «Нас Великая Родина любит» — она менялась в зависимости от даты публикации.

О том, как убеждал Александра Межинова в необходимости возвращения его поэзии на родину, Евтушенко рассказывал «Новой газете»:

— Он не потерял веру в наш народ, когда глодал макуху в Синявинских

болотах, вжимался в землю под Колпино, чтобы спастись от навесного огня собственной артиллерии... И неожиданно для многих читателей потерял веру в себя как в поэта (если, конечно, верить его стихам и уклончивым отговоркам) – на протяжении почти 15 лет упрямо отмахивался от моих и чьих бы то ни было уговоров составить избранную книгу стихов...

Однако 9 Мая он преобразился. Глаза его засветились каким-то полузабытым блеском, как будто в них попали салютинки мая 45-го года, когда по Красной площади кружились вместе с нами, мальчишками, женщины в солдатских сапогах и деревянных туфлях, обшитых тканью защитного цвета.

«Саша, не мучай Женю, да и меня, и себя. Что ты так боишься этой книги?» – ласково, но твёрдо сказала его жена, 80-летняя красавица Елена Афанасьевна, похожая на шоколадницу с подносом, которая когда-то дежурила на московской крыше и гасила песком немецкие зажигалки.

Межиров уже больше не упорствовал. Название, которое я ему предложил, он принял сразу: «Артиллерия бьёт по своим».

«Балансировал и не думал, что когда-нибудь упаду»

На окраине Вашингтона
Поскользнулся на слабом льду.
Балансировал и не думал,
Что когда-нибудь упаду.
Падал, чтобы не подыматься,
Даже радость в себе тая,
Но сумела сгруппироваться
Уцелённая плоть моя.
И на руки пришёл, как в цирке,
Как в родео ковбой с быка
На окраине Вашингтона, —
И по-прежнему жив пока.

За океан Межирова в середине 90-х вытолкнула трагедия — под колесами его автомобиля погиб человек — актер Юрий Гребенщиков, известный по фильму «Даниил — князь Галицкий». В момент аварии Гребенщиков был ещё жив и умер в больнице спустя три месяца. ДТП случилось около полуночи, сразу после памятного вечера Владимира Высоцкого, приуроченного к его дню рождения, в январе 1988 года.

По слухам, артист был сильно пьян (за некоторое время до происшествия от алкоголизма умерла бывшая жена Гребенщикова Ольга Бган, сыгравшая Маленького Принца в одноимённом фильме), Межиров — тоже нетрезв...

Мне попались на глаза строки из эссе «От Синявинских болот до Гудзона» Михаила Этельзона, бывшего жителя Винницы и Ленинграда, осевшего за океаном: «Каждый раз, когда я везу Межирова в своём авто, он повторяет: «Вы замечательно водите машину...». Опять и опять, а ведь вожу я так себе, средне. В первый раз я ещё не знал, почему повторяет...

«Всё приходит слишком поздно, —
И поэтому оно
Так безвкусно, пресно, постно, —
Временем охлаждено».

Я тоже о многом не знала, когда в феврале попросила Михаила помочь мне разыскать Александра Петровича. E-mail прилетел незамедлительно: «Я не смогу вам помочь, так как состояние его здоровья за последние несколько лет стало

намного хуже. К телефону он давно не подходит, на презентациях его не видно. Два раза вообще никого не было дома. Я оставил меседж с поздравлениями на автоответчике. Не исключаю, что он уже не в Нью-Йорке, а у дочки. Стараюсь не беспокоить и другим не рекомендую. Надеюсь, что и вы понимаете состояние человека в 85 лет. Старость, глубокая старость Поэта...».

Конечно, если бы всё же разыскала и дозвонилась, о той аварии я бы Межирова не спрашивала, как не смогла бы спросить: «Александр Петрович, правда, что сын у поэтессы Ксении Некрасовой от вас?».

«Постоянно в сердце ощущая счастье и вину»

Когда-то Николай Глазков (первая книга Александра Межирова названа по глазковской строчке «Дорога далека») вспоминал, как Ксения Некрасова рассказывала ему после войны: «В Москве было голодно. Тогда я собрала свои стихи и пришла к Александру Фадееву. «Александр Александрович, – говорю, – помоги издать сборник – ребёнку есть нечего, а ведь это твой ребёнок!». Фадеев схватился за голову, снял трубку и позвонил Щипачёву: «Стёпа, сейчас придет к тебе поэтесса Ксения Некрасова, помоги ей издаться, я очень тебя прошу!». – «А в чем дело, Саша?». – «Так нужно, Степа, я потом тебе все объясню!».

Глазков прокомментировал рассказ коллеги так: «Говорят, что Александр Фадеев, будучи человеком рассеянным, подумал: черт её знает, может, по пьянке и было что... Но настоящий-то отец был известен — Александр Межиров. Он знал, что это его ребёнок».

Кого удивишь внебрачными детьми, тем более у поэтов, во все времена брехативших заезавшихся Муз? Но Ксения Некрасова на Музу была похожа мало – рыхлая неопрятно одетая женщина, прозванная Ксенией Блаженной, сочиняла удивительные верлибры, чем-то напоминающие наивную живопись, и называла себя дочерью то Григория Распутина, то самого царя Николая Второго. Михаил Пришвин писал в дневнике, что у Некрасовой, Хлебникова и «у многих таких души сидят не на месте, как у всех людей, а сорваны и парят в красоте».

Первенец-грудничок Некрасовой Тарасик в начале войны был убит осколком – на её руках. Она бедствовала, жить ей со вторым сыном было негде – Кириюшу (Межирова-младшего?) пришлось временно отдать в детский дом. Незадолго до смерти в 1958 году 46-летняя Ксения успела получить комнату и забрать мальчика домой...

Ходило множество слухов о романах Межирова, в том числе с Еленой Боннэр (её любимый — Всеволод Багрицкий, сын Эдуарда Багрицкого, погиб на войне в 19 лет, а в 1971 году Люся, как звали Елену близкие, вышла замуж за Андрея Сахарова). Сплетничали также о его внебрачных детях... Многое из информации, вполне доступной в эпоху интернетных открытий, обнародовать со страниц нашего еженедельника считаю некорректным. Только когда сам поэт рассказывает о тех, кого любит, стоит верить каждому слову:

Анна, друг мой, маленькое чудо,

У любви так мало слов.

Хорошо, что ты ещё куда

И шести не прожила годов.

Мы идём с тобою мимо, мимо

Ужасов земли, всегда вдвоём.

И тебе приятно быть любимой

Старым стариком.

Ты – туда, а я уже оттуда, –

И другой дороги нет.
Ты ещё не прожила покуда
Предвоенных лет.
Анна, друг мой, на плечах усталых,
На моих плечах,
На аэродромах и вокзалах
И в очередях
Я несу тебя, не отпуская,
Через предстоящую войну,
Постоянно в сердце ощущая
Счастье и вину.

Анна — внучка Межирова, ребёнок его дочери Зои и её бывшего мужа — поэта Сергея Алиханова, тоже живёт в Америке. «Вот уже 20 лет», — как написал мне Сергей Иванович. В письме он вложил посвящение экс-тестю: «Утратили мы здесь и признак ремесла, нелёгкая когда Вас в Штаты занесла. ...Разбросаны слова посудой после пьянки, как будто в высоту мы прыгаем без планки»...

Прозой о бывшем родственнике Алиханов рассказывать не стал: «В последний раз я говорил с ним лет восемь назад, послал эти стихи... Почему Межиров оказался в США, читайте у Александра Рослякова в «Последнем поэте».

Опус Рослякова я отыскала без труда, но пересказывать не буду: измены, разводы, сведение счетов — когда рушатся семьи, в неосевшей пыли этих руин правых и виноватых на глазок не определишь.

«С ним, во время удара, беседуют музы»

— Однажды мы с Межировым были в Грузии, где его обожали, ведь он перевёл почти всю грузинскую классику, — вспоминает Виталий Коротич. — В три часа ночи раздался звонок Нодара Думбадзе: «Виталий, Саша Межиров позвонил и пожаловался, что ему скучно. Я придумал, что сделать»...

У моря работал летний цирк-шапито. Мы пришли туда, сели в центре за накрытый стол. Всё, как положено: шашлык-башлык-вино, а по кругу ездил мотоциклист — прямо по стене (был такой номер). Представляете, сколько стоило, чтобы он полчаса ездил!

Саша был в полном восторге. Нодар задыхался, со своей стенокардией был еле живой. На следующий день Межиров улетел в Москву. Я остался и узнал, что у Нодара случился инфаркт...

Когда через много лет мы с Межировым встретились в Нью-Йорке, я спросил его: «Саша, помнишь Батуми?». — «Конечно! Кстати, как Нодар?». — «Нодар умер». — «Жаль, хороший был парень — гостеприимный»...

Межиров родился в еврейской интеллигентной семье, но обожал рассказывать, что появился на свет чуть ли не в опилках манежа, мама была воздушной гимнасткой (на самом деле — учительницей немецкого языка), а папа работал номер с першем — то есть цирковым шестом (отец поэта — юрист и по второму образованию медик)...

Собратя по перу шутили: когда Межиров врёт, его глаза голубеют, а то, что они голубые по жизни, так это потому, что врёт он ежесекундно.

Примерно так врут, а точнее, фантазируют и сочиняют жизнь по собственному разумению дошкольники: вдохновенно, талантливо.

Цирковая тема, которой поэт посвятил «Балладу о цирке», буквально преследовала Межирова — аллегория абсолютной свободы в несвободной

стране, в несвободе жизни как способа существования белковых тел. Другим пропуском в вольную волюшку были деньги. Тут уж никаких мифов, легенд, никакого вымысла – всё взаправду. Опять вспоминаю наш разговор с Виталием Алексеевичем: «Фраер, пижон, но не вор, не бандит, не стукач, он был потрясающим бильярдистом. Много лет жил очень богато за счёт того, что всех обыгрывал – в бильярд, в шахматы, в карты. Кроме того, стал видным специалистом по антиквариату. В общем, разгильдяй страшный. И знаток поэзии, как никто: мог читать наизусть практически всю поэтическую классику»...

Да, Межиров позволял себе жить в настоящей роскоши, которая есть не только человеческое общение, но и свобода «писать, как дышать» – от гонораров за публикации он совершенно не зависел, государства и всяческих фондов финансово не домогался.

Потому что великий игрок –
это вовсе не тот,
кто умеет шары заколачивать в лузы,
а мудрец и провидец,
почти что пророк,
с ним, во время удара,
беседуют музы.

Я слышала, что одному из своих учеников, страдающему суицидальными наклонностями, после очередной попытки свести счёты с жизнью Межиров говорил, искренне волнуясь и переживая: «Н-н-ну, к-к-как же так, Серёжа? Ну, есть же вещи г-г-гораздо важнее жизни и смерти! Например, к-к-карточные долги»...

Одно из своих убеждений – «до 30 поэтом быть почётно, и срам кромешный после 30» – он постепенно опровергал, и его стихи с годами становились всё стиховней. Тем временем артиллерия была по своим...

Всё приходит слишком поздно, –
И поэтому оно
Так безвкусно, пресно, постно, –
Временем охлаждено.
Слишком поздно – даже слава,
Даже деньги на счету, –
Ибо сердце бьется слабо,
Чуя бренность и тщету.
А когда-то был безвестен,
Голоден, свободен, честен,
Презирал высокий слог,
Жил, не следуя канонам, —
Ибо все, что суждено нам,
Вовремя приходит, в срок.

МЕТРОНОМ

Валерий Басыров Крым

Снова осень тиха на исходе,
и совсем не осталось тепла:
отшумело листвы половодье,
одинокая плачет ветла.

Неприглядна пора увяданья
в этот поздний безрадостный час.
День в тревожном прошёл ожиданьи,
лёгкой грустью коснулся и нас.

Я иду очень тихо:
ничего б не спугнуть.
Осень дикой лосихой
отправляется в путь.

Низко стелются травы,
как под ноги – шелка...
Молодая дубрава
гонит прочь облака.

А они наседают...
Задождил небосклон.
Бьёт ольха, увядая,
обветшалым крылом.

Тяжела ветра поступь.
Но в лесу так светло!
Все обычно и просто:
умирает тепло.

Прохладно в лесу, одиноко и мглисто.
Лишь листья дрожат, прижимаясь к земле,
да ветер пугает пронзительным свистом
и топчется нагло в остывшей золе.

Я снова в дороге, и нет мне покоя,
как будто бы знаю, что новый привал

подарит однажды мне нечто такое,
о чём никогда я ещё не мечтал.

Пусть тянется долго лесная дорога.
Сквозь осень тревожную видятся мне:
высокое небо и берег пологий,
и едет навстречу отец на коне.

В тайном ропоте вод подо льдом
изнывает упрямый разлив.
И тревожно звенят над прудом
побелённые веточки ив.

И несметная снега орда
накрывает растерянный день.
В тёмном зеркале первого льда
отражение вижу людей.

...Опустели давно берега.
В ранних сумерках я одиноч,
и доверчивым зверем к ногам
прижимается холода бок.

Пеленою задернуты дни,
но мне видятся хата и лес,
и лучинок скупые огни,
и разобранный рядом навес,
и мальчонка сидит у окна —
без труда в нём себя узнаю, —
с топором у сосны дотемна
маму вижу больную мою.

И по-детски так жду я тепла,
согревая дыханьем стекло,
что поверил слезинкам стекла
и поверил, что будет тепло.

Открываю глаза.
Как в бреду,
вижу звёздного света разлив.
Отрешённо склонились к пруду
побелённые веточки ив.

Как знобит.
Онемели ветра.
Над безмолвием стынет луна.
Ухожу.
До калитки двора
провожает меня тишина.

ВЕЩЕЕ СОМНЕНИЕ

Хрипит закат, в крови утопленный,
и пепел сеется у звёзд...

Через столетья слышу вопли я
горящих киевских берёз.

И вижу лица я надменные
моих прапрадедов — татар,
а рядом пленники согбенные:
и стар и млад, и млад и стар...

Над церковью над Десятинною
давно завис вороний грай.
Конец. Безудержной лавиной
растоптан Ярослава край.

Но почему такой усталостью
задёрнут властный взгляд Бату:
его мечта не знала жалости,
мечом он подгонял мечту.

Глаза спокойным безразличием,
как сном, напоены его.
В погоне вечной за величием
все получил — и ничего.

К ногам владыки сносят воины
иконы, ризы и кресты...
Грабёж у сильных узаконенный —
часть исполнения мечты.

Но как понять их, нераскаянных
(упрям здесь каждый урусит,
как совесть раненой Руси),
сражённых насмерть, заарканенных?

Быть может, в первый раз сомнение
коснулось ханского чела,
он понял, может, на мгновение:
Русь станет крепче, чем была.

Василий Дунин Луганск

НЕВОЗОБНОВИМО

Вот взяла и разлюбила
после стольких лет любви...

Разлюбила незлобливо?

Ну так снова полюби.

Столь всего во мне осталось,
что, друг друга обретя,
мы смогли бы встретить старость,
до конца вдвоём бредя.

Разве все мы исчерпали
из того, в чём ты права?
На Ивана на Купалу
нас давно не жгла трава...

Впрочем, всё, к чему зову я,
ты возьми и не замечь,
даже если я завою,
на заката глядя медь.

ДОЖДЬ ОБЛЕГЧЕНИЯ

Полупредчувствием, намёком,
томлением небес кружим,
дождь надвигался серо, мокро,
как утомление души.

Сказало тихо:

«Ты хороший.

А он... Он — первый. Он — судьба».

Я понял: я намёк, быть может,
на первый бал её забав...

Так просто: оказаться первым
перед созревшей душой.

Но нет, не предавайте, нервы,
я не затем в себя ушёл.

Пусть улица темнеет блажно,
убежище мое вия,
глаза сухи — в природе влажно,
она слабеет, но не я.

Я сквозь томленье понимаю,
что нечто большее могу...

Я приговор твой принимаю,
я от утраты не бегу.

Что назревает — то не спрятать,
да жизнь не скучный унисон:

иная горькая утрата
не меньше даст, чем унесёт...

УХОДЯ...

Не пойму, за какие грехи,
за какую такую неправду
ты меня за забвенья оградой
вдруг оставила там, у реки?
Не за то ли, что речку не видел

и друзей непонятных —
заветом,
от тебя исходившим, и этим
я тебя незаметно обидел?
Не за то ли, что вдруг поняла,
как легка преклоненья добыча?
Это было уж. Это обычно.
Всё же горько, что ты весела.
Попрекать я не стану тебя
и искать эти прежние руки —
ведь, в реке всё былое топя,
возвышаешь меня ты до муки...
Но теперь, уходя навсегда,
я боюсь, что от жизни устанешь
и ни разу живого суда
мук высоких ты не испытаешь.

Только вряд ли.
Для каждого жизнь
это чудо любви берегает.
Над иными пускай берегами
ты попробуй, ты только решишь...

НЕЮВЕНАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Пьянящий воздуха наркоз.
Реки разъятая рулетка.
И вертолётники стрекоз —
как бы пожарная разведка.

Шаги невнятны на лугу
к тому, что так неуловимо
в воде сплетает окугу,
сужая речку вполовину,

что нас вбирает, хотя мы
давно близки неювенально,
преодолевшие потьмы
любви серьёзно и банально.

И этим с толку сбитый, я
иду, топчу шкалу левкоев
вдоль той рулетки бытия,
которую зовут рекою.

Иду. И хочется не знать
того, что всё в природе — просто,
что для тебя природа — снасть,
в которой ты — приманкой броской,

что в этот беспокойный плен
я сдаться вовсе и не против...

Притом что всё в природе – тлен,
меня ты выбрала в природе!

Борис Жаров Луганск

Ты прости меня, мать, за сыновью небрежность,
За молчанье, за время, что порознь прошло.
В моём сердце к тебе та же детская нежность,
Те же чувства и то же святое тепло.
Были в нашей судьбе: грозный час испытаний,
И безоблачный день, и лихая пора,
И война, и тоска бесконечных скитаний...
Это было давно, но как будто вчера.
Помню яростный, жгучий мороз Приуралья
И тревожные сведенья информбюро,
Неулыбчивость глаз, омрачённых печалью,
Скупость близких и малознакомых добро.
Нас троих «мал-мала», несмышлёнышей хилых
Да ещё стариков ты взяла под крыло.
Знает Бог лишь, откуда черпала ты силы
Всю войну. А с Победой забот прибыло.
Ну да полно. Теперь мы и сами уж деды.
Много вод утекло с тех суровых времён.
Повстречались и нам и лишенья, и беды,
Только дети твои не меняли знамён.
Так спасибо ж тебе и отцу-коммунисту,
Что себя не жалели, Отчизну любя,
Что идём мы путём незапятнанным, чистым,
Что душой не кривим, не гребём под себя.
Ты прости меня, мать, за сыновью небрежность,
За молчанье, за время, что порознь прошло.
В моём сердце к тебе та же детская нежность,
Те же чувства и то же святое тепло.

1999 г.

Застывший на века фрагмент полёта,
Форсажа одержимого момент.
Вцепившись насмерть в тело самолёта,
Молчит тяжёлый серый постамент.
Подобно птице, серебристый МИГ
Расправил крылья, но, увы, напрасно.
Всё, что он смог бы и чего б достиг,

Глухой бетон удерживает властно.
И тщетно напрягается металл.
Его порыв – былого отраженье.
Он ярко прожил, славно отлетал –
Парадоксальный памятник движенью.

Я тонул в глазах твоих лучистых.
У костра нас было только двое.
Март развесил наледи мониста
На кустах и на зеленой хвое.

На палатках иней серебрился.
Огонёк рогатину лизал.
Как я ни решался, ни храбрился,
Всё ж о главном так и не сказал.

Пролетают месяцы и годы,
Мы взрослеем, но не в этом суть.
Как и прежде ходим мы в походы,
Знать, не просто нас с пути свернуть.

Родины любимой горизонты,
Новые селенья, города
И следы прошедшего здесь фронта
Остаются в сердце навсегда.

Вновь маршрут среди лугов росистых,
Дым костра, гитара, лес, река.
Жаль вот омут глаз твоих лучистых
С той поры не встретил я пока.

Мы на разных широтах
Колобродим по свету...
Мне не встретился кто-то,
Ты замешкалась где-то.

Озарилась с рассветом
Необъятная просинь...
У тебя ещё лето,
У меня уже осень.

Всё скуднее запросы,
Всё тусклее ответы.
И холодные росы
Студят душу поэта.
У меня уже осень,
У тебя ещё лето.

АБРАКАДАБРА

*Моим милым друзьям-поэтам
Александру Косогову и Геннадию Сусуеву*

Мысли и чувства,
Презрев гравитацию,
Сгустками плазмы
Кромсают пространство
И порождают во мне провокацию
Взвиться на уровень протуберанцев
Эгоцентрических бешеных странствий.
Маразматической
Мощью фантазии
По большаку восходящей спирали
Я воспаряю над ширью Евразии
Смогом Америк, саванной Австралии.
Светят неведомых звёзд канделябры,
«Чёрные дыры» уродуют мир,
Злые, ужасные абракадабры,
Как поезда выползают из дыр.
Вот предо мной мироздания палаты:
Кладезь гипотез и высших теорий,
Слева потоки метафор крылатых,
Справа лавина лихих аллегорий...
Рядом компьютер по импульсу взгляда
Пишет дискеты, рифмует строку...
В мир виртуальный вхожу без преграды.
Кто это видел хоть раз на веку?
Вот где раздолье для супер-поэта!
...Вдруг раздаётся будильника звон.
Лижут окно акварели рассвета...
Фу-у! Наконец-то! Вот это был сон!

Александр Корж Киев

...У птицы не спрашивай, сколько отпущено –
У памяти светлого слова проси.
Не в каждом краю на таланты удушие –
Недолго поэты живут на Руси.
Со Словом живу, хотя в храме не венчаны
(дай, Бог, чтоб не канули в Лету труды),
Но если коснулся Учения вечного,
То вправе ли ждать благодарности, мзды?
Чем жил – написал и судьбу не обманывал,
Обид не копил и не вскармливал месть.

За Ханской горой, на кладбище в Салтановке
Два тополя мощных, сидящих есть.
Так если уйду непредвиденно, кинув всё,
То тело несут пусть под те тополя.
Приют твой последний над Хопром раскинулся,
Бессонницы, сны обступили, велят
Усталой душою в минувшее врезаться
И, версты под звёздами к Хопру покрыв,
Позвать твою душу и встречей, как лезвием,
Раскрыть одиночества чёрный нарыв.
И с лёгким, без боли, спокойным дыханием
Над каждым поступком услышать твой суд,
Поверить, что жив ты, да вот только раненый,
И вспомнить места, где нам верят и ждут.
июнь 1988 — март 1989

ОСЕННИЕ ИТОГИ

В очарованье тончайшего дыма
Осень уходит, торжественно, зримо.
Мимо полей отуманенно-сизых,
Мимо лесов почерневших, безлистных.
Сумрак вечерний на плечи набросив,
С тайной, с улыбкой скрывается осень.
За шалевой тучей, серой, пушистой,
За ветра порывом, влажным и мшистым,
За поворотом дороги вечерней,
За вдавленной в серое тополя чернью,
За запахом снега – тревожным и страшным,
За ненаписанным словом однажды,
За суесловной и мелкой судьбою,
За крах испытаний последних – тобою.

ДОРОГА

Ну, наконец-то! Веры нет,
Волной не хлещет дурь у ног.
Но станет ли мой путь ровней –
Покажет пыль пустых дорог.
Сомнений плащ от бурь просох,
За посох стали труд и долг.
Жаль, что в скитаньях стал босой,
Зато в дорогах знаю толк.

Куда б ни шёл, так ставь ступни,
Как мудрый, лёгонький даос –
Не раз-да-ви, не нас-ту-пи

На всё, что встретить довелось.
Пусть время сдует лёгкий след:
Под ним ни крови, ни побед.

ВСТРЕЧА

Разреши пошептаться с тобой, Ленинград?
Вспомнить судьбы, все боли свои и сомненья.
Мне грустно немного, но так удивительно рад
Видеть лица твои, улыбки, движенья.
Наши встречи с тобой до боли редки,
Ну, а серое небо так прекрасно в своем постоянстве.
Ноты грусти твоей превратились в изгибы реки,
Замирают вдали. Разрывают лета и пространства.
Как легко и покойно, когда слышишь дыханье твоё!
Этих линий полёт, этот дождь, этот ветер!
Кружит лица и улицы, кружит город тающий лёд,
В вихре ночи я Юность на улице встретил.
Ветви мокрых деревьев, кивая задумчиво вслед,
Обещать не хотят ничего – лишь сплошные разлуки.
Но идёт по мосту мне навстречу бледный Поэт.
Он хмелён, и от ветра в карманы упрятаны руки...
Ленинград – моя боль, моя радость и грусть.
Как тревожно сейчас, торжественно и печально.
Улетаю в пургу, губы шепчут упрямо: «ВЕРНУСЬ...»
Я вернусь, улыбнусь,
так же просто и так же нечаянно.

Сергей Кривонос Сватово

Опять сегодня небо всем проходим
Взглянуло доверительно в глаза.
И показалось — что-то Бог сказал...
Но нелегко осилить слово Божье.

Послышались стихи. А в них тревога,
Печаль и радость, осень и весна.
Что на земле, что наверху у Бога
Поэзия, наверное, одна.

Мне вспомнились шаги через запреты,
В стихи перераставшие грехи.,
Стихи всегда значительней поэта,
Когда они действительно стихи.

Я думал о тебе. О днях беспечных,
Возвышенных судьбою и тобой.
Любовь всегда сильнее сомнений вечных,
Когда она действительно любовь.

Ещё не раз встречаться, расставаться
Быть злым и добрым, трезвым и хмельным,
Но всё-таки дано объединяться
Стихам небесным и стихам земным.

И, где бы ни был, не скитался, где бы,
О чём я не мечтал бы,

позарез

Мне нужен взгляд распахнутого неба.
Как во Христа поверившему — крест.

Когда приходит зрелость к сентябрю
И бродит осень по лугам, не прячься,
В душе восходит нежная прозрачность,
Похожая на тихую зарю.

Как выпавший весной ненужный снег,
Усталость исчезает виновато,
И верится, что все-таки когда-то
К тебе придёт желаемый успех.

Степного солнца тёплые шаги
Расплескивают синь. И быстротечно
Расходятся сомненья, словно в речке
От камешка упавшего круги.

А всё-таки, конечно же, неправы мы,
Когда в квартирах, тесных от вещей,
Не вешаем на стены фотографии
Ещё живых отцов и матерей.

Потом, когда за траурной оградой
В печальной оставляем их земле,
То прикрепляем молча фотографии —
Пожизненный упрёк самим себе.

Вот опять по-осеннему
хмурится день постаревший,
На аллеях пустых —
октября листопадная власть.
Я тревожно в палату вхожу,
где болезнь тебя держит
И не хочет, чтоб ты поднялась.
Тонкий лучик дрожит
на прозрачной ладони заката,
Словно линия жизни
и в завтра ведущая нить.
Кто-то мудрый сказал,
что давно стал безмерно богатым,
Потому, что не смог разлюбить.
Ну, а я... ну, а мы
не всегда осознать успевали,
Обживая вдвоём
так по-доброму сблизивший дом, —
Чтоб не холодно было сердцам,
нужно, в общем-то, мало —
Двум свечам стать единым огнём.
Я принес тебе небо,
оно, облака выдыхая,
Осветило палату лучами,
и сумрак исчез.
Я сегодня тебя воскрешу
к новой жизни стихами
И туманистой синью небес.
Жаль торопит судьба,
ускоряя свои повороты.
Но что было, то было.
Судьбу не браню, не хуюю.
Относительно чувств
я не знаю законов природы,
Может быть, потому и люблю.
И роняю слова
непродуманно и бестолково,
А когда возвратишься домой,
ничего не скажу.
Убегу на луга,
небеса принесу тебе снова
И к ногам их твоим положу.

Василий Толстоуэ Макеевка

Веслом от берега – и прочь,
в ночном тумане затеряться,
ведь для того на свете ночь,
чтоб проще с берегом расстаться.
Одни лишь тени впереди.
Негромкий всплеск. Вода струится.
Ты в целом мире сам, один,
да у плеча ночная птица
бесшумно воздух рассечёт
и растворится без остатка,
а взмахи вёсел – нечет, чёт...
Зудит плечо призывно, сладко.
Веслом от берега – и прочь,
весло все глубже, шире взмахи.
Ты лишь однажды в силах смочь
преодолеть ночные страхи.
Не окажись весла в руке,
и лодки не найдя в тумане,
ты канешь в ночь, навек – никем,
и ночь укроет, не обманет...

Печальных птичьих стай
чуть больше в эту осень.
Давай у неба спросим,
быть может, это – в рай...

Друзей по небу клин
длиннее с каждым годом.
Нелетная погода
лишь только до седин.

Высоко в синем небе реет птица.
Ей видно всё, что здесь у нас внизу.
Она над морем медленно кружится,
пока я вверх, как ящерка, ползу.
Прогретых скал отвесные ущелья,
тугих корней загадочная мощь...
Вверху не так успешен стал и смел я,
когда один и некому помочь.

Но вот и ты, желанная вершина! –
а дальше только крылья, и – лететь.
Я человек. Я сильный. Я – мужчина!
Но крыльев нет. Не будет их и впредь.
И я сижу один под облаками,
и мне не вверх, а ящеркой – назад.
Вот покорил ты самый высший камень,
а он все – под, а птицы снова – над!

Прощай. Скоро поезд умчится,
развевая снега на пути,
как злая хвостатая птица,
ревущая басом: «Уйди!»
Щекою холодной приникнув
к стеклу, ты в мельканье полей
отыщешь знакомые ритмы
поющих пургой февралей.
А я ледяными губами
и паром слетающих слов
февраль окрещу именами
из наших пронзительных снов.

Ты уходишь. Играет улыбка.
Взгляд растерянный. Капает тушь.
Всё размыто, качается зыбко
мир бесплотный – из брошенных душ.
Уходи. Отменить невозможно
боль очерченной в сердце меж.
То, что мы окончательно ложны,
не мешает забыться и жить.
Сон и явь, беспокойство и леность
чередуются с точностью дат...

Где, когда, почему не успелось
нам открыться, когда же – беда?!
Нет у жизни обратной дороги,
месяц к месяцу – год отлетит.
Ты в грядущем. Рукою потрогай:
очень холоден камень гранит.

Моя беседка в маленьком саду –
то место, из которого исходят

любые изменения в погоде,
накликанные снами и в бреду,
пока из них с рассветом не уйду...
Давно живу от мира взаперти.
Гляжу на сад, а стёкла все мерцают,
за ними ни крыла и ни лица я
не вижу. Лишь метели и дожди:
что отошли, и те, что впереди...
Неволя наступающих времён –
бессонная и ласковая тайна.
Мы в ней проездом словно бы случайно,
и каждый не заметил, что клеймён
с библейского зачатия племён...

Леонард Тушинский Сумы

Блеск мира сего ослепляет на миг, –
Гребёт под себя, обезумев, орава!
Но древние истины шепчут из книг
О свете, дарующем вечности право...

Весь мир оглядев, и в себя посмотри, –
Свой выбор однажды все делают души;
Чем менее ценится то, что внутри,
Тем более ценится то, что снаружи...

Ответь мне, Жизнь, хоть намекни — куда,
В какие дали неба, без возврата,
Стекает очарованно вода,
В которую входили мы когда-то...

Там всё прекрасней, глубже и ясней,
Там всем глаза омоет милосердые...
Течёт вода... И, может, вместе с ней
Стекает моё грустное бессмертье?..

Ответа нет,
Живу лицом к стене.
Как на Земле бывает одиноко...
Лишь молчаливо смотрит в спину мне
И не моргнёт Всевидящее Око.

БАЗАР

Фиолетово брызнула грязь,
Маринадом повеяло кисло.
И сосулька на крыше, искрясь,
Золотистой слюжкой повисла.
...Дети... Дядьки...
Торгует село!
Бабы в чём-то подобны купчихам.
Жизнь сидит в них остро, весело,
Как щекотка в носу – перед чихом!..
А во рту у них – будто грибы.
А девчата – из перца и соли!
Как шалеешь от этой гурьбы!
Ущипнуть бы кого-нибудь, что ли?!
Ущипнуть бы их всех, хохоча!
И со свистом, хмельным от азарта,
Дать счастливого стрекача
По звенящему
воздуху
марта!

* * *

Я люблю бурьян и буераки,
Пустыри и ночь, когда вдали
Плачут в лунном холоде собаки.

Я люблю далёкие огни.
Словно знаки древние они –
Сквозь столетья светятся во мраке.

Между нами – тёмная река,
Слову недоступная немота.
Может быть, вот так же
Смотрит
Кто-то
И на мой костёр
Издалека.

* * *

Мы здесь одни с тобою, дорогая...
Ты далеко. Я сед уже на треть.
Сквозят сады. И я люблю смотреть
В далёкий синий воздух, не моргая.

Сквозят сады!.. Я сед и независим.
И даль светла, и Ангел одинок,
Как то, что остаётся между строк,
Увы, стихов и самых лучших писем...

* * *

Похоже, душа – это, всё же, совесть,
Средство от ржавчины – чистить жилы,
То, чем плачут, чем любят, то есть,
Чем в тишине остаются живы.

То есть – последнее небо в звёздах,
Тонкой разлуки судьба и дыба,
Тот драгоценный, щемящий воздух,
Который хватаешь во сне, как рыба.

Это огромный, вселенский атом,
Это сокровище, и, не лги, –
Последний пятак в кошельке пузатом,
Которым оплачивают все долги.

Иван Чалый Луганск
КОЛОМЫЙСКИЙ ЦИКЛ
(1962-1965 гг.)

В ЛЕСУ

Незримый ветер путается в кроне.
Смеречки гладит по крутым плечам.
Красавец-клён широкие ладони
Подставил тёплым солнечным лучам.

А лебеда густой зелёной пеной
Прикрыла старый неглубокий ров.
Белеет гриб, как девичье колено,
Прорвав листвы слежавшийся покров.
г. Коломыя

НА ПРИВАЛЕ

В лесу солдаты на привале
Козлёнка дикого поймали.
Малыш ещё некрепкий, слабый
Совсем беспечный и забавный
Смешил усталую пехоту.
И вдруг скомандовал всем кто-то:
– Ребята! Тише!

Смолк вмиг хохот.
Неясный шум, затем и топот
Лесную тишину нарушил.

Насторожил козлёнок уши.
И на просторную поляну
Косуля-мать несется прямо.
Ведь надо ж этому случиться,
Людей животное боится,
А тут бесстрашие такое...

Тогда сержант легко рукою
Козлёнка к матери толкнул,
И... расступился, молча круг.
Ивано-Франковская обл.

УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА

Казарма мглой и тишиной объята.
И пахнет в умывальнике «Тройным».
И нет солдат – есть спящие ребята,
Которым в эту ночь не до войны.
А если вдруг?

А вдруг – это тревога!
Она поднимет солнце на штыки.
Ударит взрывом осень о дорогу:
Шрапнелью с веток полетят листки.

И снова ночь палаткою распята
Над головой калиновой страны.
И нет ребят, а только есть солдаты –
Участники не начатой войны.
г. Коломыя

НА БОЕВОМ ДЕЖУРСТВЕ

Когда эфир заполнен тишиной,
И дышит мир, спокойно, как ребёнок.
Как страшно быть наедине с войной.
И слух мой так чувствителен и тонок,
Что слышу шелест листьев за спиной,
В родимом поле слышу перепёлок.

Но здесь мой пост.

И он доверен мне.
В ответе я за труд и мир планеты.
В бетонных стенах на моей волне
Не шлют друзья весёлые приветы...
Но могут быть «Сигналы» о войне...
За ними вслед поднимутся ракеты.

И я его не вправе пропустить
Морзянки звук пронзительный и тонкий.
Но он и мёртвых может разбудить,
Кому секрет известен дешифровки...
Мгновенно мира перервется нить,
На полуслове оборвутся строки...

Мы любим мир открытый всем ветрам.
Готовы к самым сложным переменам.
И чтоб смеялось солнце по утрам,
Вновь на дежурство заступает Смена.
Пока в ракетах яростный уран
Тревоги может прозвучать сирена.

г. Коломья

ПИСЬМО

Извини, пишу карандашом.
Здесь у нас засушливое лето.
Присыпает пыль, как порошок,
Абрикоса пышные букеты.

Дальше лес.

Такой чудесный лес.

И в кругу смереки, как подружки.
К стартовой площадке – пара рельс,
Что к тебе протянуты, как руки.

Снова в путь.

Привала кончен час.

Командиры строить велели.
И сейчас обнимут крепко нас
Скатанные серые шинели....

Район Карпат, 1964 г.

ВОСПОМИНАНЬЯ В ДУШАХ НЕ СТАРЕЮТ

Ким Иванцов Луганск Приказ «Ни шагу назад!»

Так («Ни шагу назад!») в армии называли позорный, братоубийственный приказ Народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 года...

О том приказе сегодня мало кто знает. Те, кого он касался непосредственно, давным-давно ушли в мир иной. Уцелевшие о приказе «Ни шагу назад!» не вспоминают: последовавшие вскоре блистательные победы Красной Армии затмили трагические (и героические в то же время) события лета 1942 года. После войны о приказе № 227 старались вообще не вспоминать. Даже историки и военачальники хранили молчание. Текст приказа никогда ни в одном издании полностью не публиковался. Очень редко печатались лишь небольшие выдержки.

Несколько слов о том, что предшествовало появлению приказа № 227. После выдающейся победы Красной Армии под Москвой в 1941 году Верховный Главнокомандующий твёрдо уверовал: до окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков рукой подать. Впрочем, ещё до победы под Москвой в речи на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве он уверял нас: «Ещё несколько месяцев, ещё полгода, может быть, годик — и гитлеровская Германия лопнет под тяжестью своих преступлений».

Вслед за «великим кормчим» в новогоднем поздравлении «всесоюзный староста» Михаил Калинин, говоря о планах на 1942 год, высказался более определённо: «...Желаю всем советским народам в новом 1942 году разбить без остатка наших смертельных врагов — немецких захватчиков». Через пять дней после выступления Калинина на заседании Ставки Верховного Главнокомандования Сталин говорил о том, что надо опередить фашистов — самим начать активные боевые действия, притом в нескольких местах одновременно. Скажем, уточнил он, под Ленинградом, на Украине, в Крыму. Успех этих операций, особо подчеркнул будущий генералиссимус, приведёт к решающему стратегическому перелому в нашу пользу. Как это нередко бывало, Сталин пришёл на совещание Ставки ВГК с готовым решением. Генерал армии Георгий Жуков оказался единственным участником заседания Ставки ВГК, который выступил против плана Сталина. Однако Сталин возражений не любил. Впоследствии Георгий Константинович писал обо всём этом так: «Мы не имели реальных сил и средств, чтобы разгромить в 1942 году такого мощного и опытного врага, как гитлеровский вермахт».

По-видимому, исходя из распоряжения Ставки, Военный Совет Южного фронта в январе 1942 года принял решение о выводе в советский тыл и расформировании партизанских отрядов Донбасса. В их числе оказался и Краснодонский партизанский отряд, действовавший в Орджоникидзевском

(Енакиевском) районе Сталинской (Донецкой) области, разведчиком которого я был до перехода в разведку 8-го отделения Поарма-18 (политотдела 18-й армии). Партизаны расформированных отрядов направлялись на восстановление угольных шахт Ворошиловграда (Луганска). Оно проводилось согласно верхоглядскому постановлению Совета Народных Комиссаров СССР «О восстановлении и организации добычи угля на шахтах Ворошиловградской области и о подготовке и проведении весеннего сева» от 23 января 1942 года. И все это — подумать только! — в прифронтовой области!

В 1942 году везде и во всём царил уверенность — фашистов дальше не пустят. Та убежденность подчас соседствовала с благодушием. И насаждал её сам недоучившийся семинарист. Так, в приказе № 55 от 23 февраля 1942 года он уверял всех нас, что «недалёк тот день, когда Красная Армия... отбросит озверелых врагов от Ленинграда, очистит от них города и села Белоруссии и Украины, Литвы и Латвии, Эстонии и Карелии, освободит советский Крым, и на всей советской земле снова будут победно реять красные знамена». Войдя в раж, Верховный Главнокомандующий пошёл дальше. В приказе № 130 от 1 мая 1942 года он поставил перед Вооружёнными Силами СССР явно невыполнимую задачу: «Приказываю: всей Красной Армии — добиться того, чтобы 1942 год стал годом освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев!»

В подтверждение близкой победы над фашистами 12 мая 1942 года началось крупное Харьковское наступление. Радио и газеты подчеркивали: если вчера харьковчане слышали гул наших батарей, то сегодня части Красной Армии подошли к окраине города. И вдруг как гром среди ясного неба: Красная Армия под Харьковом потерпела сокрушительное поражение. Справившись с окружёнными советскими войсками, дивизии вермахта перешли в контрнаступление и успешно продвигались вперёд. «Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентки. Не так страшен чёрт, как его малюют» — утверждал будущий генералиссимус. А получилось... Получилось, что только пленными в Харьковском сражении мы потеряли 240 тысяч человек.

Приказ № 227 нам впервые читали 30 или 31 июля. Поражаюсь оперативности штабов объединений, соединений и частей. Так быстро сработать в царившем тогда хаосе управления войсками! Невообразимо! Во время многократной работы в ЦАМО (Центральный Архив Министерства Обороны СССР) я расспрашивал об этом видных военачальников. Все дело, оказывается, заключалось в том, что штаб фронта проставлял на конверте время получения приказа с точностью до минуты. Фельдъегерь за этим строго следил. С того момента начинался новый отсчёт продолжительности жизни — в лучшем случае пребывания в занимаемой должности — командующего фронтом, а также командующих армиями и чинов их штабов.

Обратимся к приказу № 227:

«Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинаят Красную Армию за то, что она отдаёт наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток».

Неправда. Тут Сталин валил с больной головы на здоровую. Народ проклинал не Красную Армию, а её бездарного руководителя, сосредоточившего всю власть в своих руках. Подумать только, сколько должностей занимал вождь:

председатель Совета народных комиссаров, председатель Государственного комитета обороны, с 19 июля 1941 года нарком обороны, глава Ставки Верховного Главнокомандования, Верховный Главнокомандующий...

Так кто виноват в отступлении? Красная Армия или обладатель доброго десятка самых высоких должностей Советского Союза?

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперёд...». Тут Верховный загнул. Мы-то знали, что на каждого убитого фашиста приходится пять погубленных красноармейцев.

Далее нарком обороны называл ряд причин поражения наших войск. Главной среди них он считал низкую воинскую дисциплину. Когда у фашистов, подчёркивал Сталин, из-за поражения под Москвой упала дисциплина, они ввели в армии штрафные роты и батальоны, в которые направляли солдат и офицеров, самовольно оставивших боевые позиции. Кроме того, немцы сформировали заградительные отряды, «поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникёров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен...» Не стоит ли поучиться этому у противника? — спрашивал Сталин. И сам же отвечал: «Я думаю, что стоит». Как бы оправдывая свои действия, Верховный Главнокомандующий напомнил, что «великий Ленин, создавший наше советское государство, указывал: надо перенимать у врага всё ценное, что может быть применено в наших условиях». И тут же приказывал: «Сформировать в пределах фронта от одного до трёх (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать возможность искупить свои преступления против Родины. Сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать возможность искупить кровью свои проступки перед Родиной».

В тылу неустойчивых дивизий Красной Армии предусматривалось размещение заградительных отрядов. У немцев в заградотрядах, как правило, служили власовцы. Командование вермахта знало: наши предатели не пожалеют никого. В Красной Армии, согласно приказу № 227, заградотряды должны формироваться из фронтовиков пехотных частей, преимущественно имеющих ранения и правительственные награды. Если бы заградотряды состояли из тех людей, о которых писал Сталин, возможно, всё обстояло несколько иначе. Может быть, такие заградительные отряды существовали. Однако мне встречались лишь целиком и полностью сформированные из войск НКВД, преимущественно пограничников. Запомнились они ещё и тем, что энкавэдисты слово «отступление», даже «бегство» в разговорах с нами почему-то не употребляли. Они говорили «драп», «драпануть», «драпать». Да, порой мы отступали панически, безалаберно. Заградотряды останавливали красноармейцев, беспорядочно бредущих по окраинам дорог и степи, выстраивали, выискивали командиров, формировали роты, батальоны, полки. Мы тут же занимали боевые порядки. А заградотряды, считая ими же созданные формирования неустойчивыми, располагались за нашими спинами метрах в

четырёхстах. Пограничники предупреждали: если кто побежит, тут же будет безжалостно расстрелян. Словом, смерть кружила над нашими головами, стояла и спереди, и сзади. Один раз я не выдержал — терять было нечего — вынул из кармана гимнастерки красноармейскую книжку, раскрыл её и, ткнув пальцем в слово «доброволец», спросил:

– По какому праву вы будете стрелять мне в спину?

Лейтенант-пограничник, видно, никогда не слышал ничего подобного, удивлённо вытаращил глаза, затем вырвал из моих рук удостоверяющий личность документ, изучал его тщательно, долго, чуть ли не нюхал. Наконец, спросил.

– Может, у тебя есть грамота с фотографией?

– Есть, – ответил я и предъявил новенький, полученный в Краснодоне три месяца тому назад (в день шестнадцатилетия) паспорт.

Исследовав его, лейтенант не успокоился. Он тут же обратился к строю:

– Кто может поручиться за этого красноармейца, что он есть тот, за кого себя выдает?

– Я, – ответил Владимир Пиков, старый товарищ по истребительному батальону, земляк-краснодонец.

Командир заградотряда, проверив документы Пикова, изрёк, обращаясь ко мне:

– В тебя стрелять не будем.

Вполне удовлетворённый его решением, я стал в строй.

Пиков незамедлительно посоветовал:

– Теперь рисуй на своей спине букву «Д».

– Это зачем? – удивился я.

– Чтобы пограничники увидели дурака, иначе как они тебя увидят в той кутерьме.

И только тут до меня дошло: командир заградотряда шутики шутит. Разве ж в суматохе боя пограничники могли меня распознать? Хотел было снова обратиться к лейтенанту, однако Пиков удержал:

– Не испытывай судьбу дважды. Прихлопнут за милую душу. И фамилию не спросят, сочтут за паникёра или труса, а то и за шпиона. В приказе Сталина как говорится? «Каждый обязан пристреливать паникёров и трусов на месте, невзирая на их должности, звания и заслуги в прошлом». Понимаешь, каждого?

И я остановился.

Как заградотряды, выполняя приказ № 227, пускали в расход нашего брата, видел не раз. То была беспримерная жестокость по отношению к своим. Ставили к стенке, не разбираясь в сути дела. Руководствовались лишь указанием «отца народов»: «...без суда и следствия».

Да, война разбудила не только патриотические чувства, но и высветлила самые тёмные уголки души, в которых то у одного, то у другого нередко таились трусость и предательство. Однако кто хотел сдать немцам, тот уже сдался. Кто намеревался переодеться в штатскую одежду, затеряться в тысячных толпах беженцев, тот это сделал ещё на Дону.

В те дни врагу подчас сдавались не одиночные бойцы и командиры, к тому же во время боя. В плен уходили большими группами, ибо предатели считали войну проигранной. Самые «умные» негодяи заражались венерическими болезнями и так надеялись спастись от фронта. Однако их направляли для

«лечения» в штрафные роты и батальоны. В строю оставались те, которые ни при какой погоде, ни при каких обстоятельствах не бросали оружие, не оставляли занимаемый рубеж, не поднимали руки перед врагом. В строю оставались те, кто не уходил от войны, кто выбирался из окружения, отыскивал линию фронта и стоял в своем окопе насмерть. В строю оставались те, о ком толковые старшие начальники говорили: «Сзади этих ребят заградительные отряды не ставить. Они настоящие герои».

Вот эти солдаты в 1942 году спасли Отечество.

«Некоторые неумелые люди на фронте, — подчёркивается в приказе № 227, — утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения... этим они хотят оправдать своё позорное поведение на фронте. Но такие разговоры являются фальшивыми и ложными, выгодными лишь нашим врагам. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину... Пора кончать отступление. Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв».

Думаю, неспроста Верховный поставил неумелых людей рядом с паникёрами и трусами. Их тоже стали расстреливать. Ну как, скажите на милость, следовало поступить с капитаном, командиром нашего полка, который на Маньче заставил нас занимать оборону на гладкой, как стол, равнине, хотя рядом, за нашими спинами, были высоты — неплохая местность для обороны. Даже пьяному воробью это понятно! На замечание одного красноармейца, что следовало бы отойти несколько назад и укрепиться на тех холмиках, капитан гневно ответил:

— А приказ Сталина?! В нём ведь прямо сказано: каждый батальон, полк, каждая дивизия должны остановиться на том рубеже, где их застанет приказ № 227. Как и сам Верховный, командир полка понимал слова «Ни шагу назад» не образно, а буквально.

И мы стояли на той равнине. Насмерть стояли. Без заградотрядов. Перед боем нас насчитывалось полторы тысячи. После боя едва собралась сотня. Полк формировали заградотряды из остатков разгромленных частей. Он вступил в бой даже не имея списка личного состава. После войны родственники моих однополчан-страдальцев, что погибли у Маньча, конечно же, разыскивали их. Ответы на те запросы приходили всегда одинаковые: «В списках убитых, раненых и пропавших без вести не значится».

Так как же следовало поступить с тем командиром, который по дури своей положил весь полк? Предупредить о неполном служебном соответствии? Объявить выговор? Перевести на низшую должность?

После боя появились пограничники из заградотряда. Выстроили нас, чудом уцелевших. И без лишних слов расстреляли капитана...

«Нельзя терпеть дальше командиров, которые самовольно оставляют боевые позиции». Да, были такие. Они не трусы, не паникёры и, тем более, не предатели. Они неоперившиеся выдвиненцы, не освоившие так неожиданно свалившиеся на них трудные должности. Откуда они взяли? Из 1937 года. Офицеры, никогда не командовавшие корпусами и армиями, назначались на должности командующих военными округами, а капитаны, командиры рот и батальонов стали командовать полками, а то и дивизиями.

К началу Великой Отечественной войны имели высшее образование всего лишь семь процентов командиров. А 37 процентов даже не прошли полного курса обучения в военных училищах. И нет ничего удивительного в том, что те командиры, несмотря на их патриотизм, не сумели организовать ни управление войсками, ни сам бой. После выхода приказа № 227 опричники из НКВД принялись старательно искать козлов отпущения, на которых можно было все свалить. И находили в большинстве случаев тех самых из 37-го года.

В конце концов, до военачальников дошло: отступать следует медленно и непременно с боями, надо цепляться за каждую высотку, за каждую речушку, за каждый камень и при этом непременно контратаковать. И вот соединились воедино и злость, и отсутствие боязни, и военное ремесло. Всё сплелось в единое желание одолеть врага. Красноармейцы бросались под гусеницы немецких танков. Надо было любой ценой сдерживать натиск врага. Уцелеть в тех адво-отчаянных сражениях было непросто. Однако судьба меня хранила. Лишь в жестоких боях под Туапсе (здесь poleglo более ста тысяч советских воинов), последних во время того страшного отступления, на удивление, «удостоила» всего лишь двух контузий, одного ранения и инвалидности второй группы на шесть месяцев.

Это о таких, как я, писал в те дни Константин Симонов:

Ты, верно, в сорочке родился,
Что все ещё жив до сих пор,
И смерть тебе меньшею мукой
Казалась, чем этот позор...

Говоря о позоре, поэт имел в виду наше легнее отступление 1942 года.

ЛУГАНСКИЕ ПОЭТЫ

Александр Акентьев

КОГДА УХОДЯТ ОПЕРА...

Друзьям и соратникам, ушедшим рано...

Когда уходят опера, –
Они уходят...
Жизнь, что азартная игра –
Курок на взводе.

Без риска в ней не обойтись –
Не та картина.
Привычно окунаться в жизнь
С адреналином.

Жить на пределе, нервы сжав
Стальной пружиной...
Но вот отставка... и лежат
В гробу мужчины.

За сорок или пятьдесят –
Не срок могилы.
Но сколько их, лихих ребят
Похоронили.

Друзей помянем, старина,
И их останки.
Им не пришлось пожить сполна
На той «гражданке».

Перенастроить жизнь свою –
Казалось просто:
Ходил у бритвы на краю,
Теперь не остро.

Теперь спокойно. И душа –
Ликуй в блаженстве.
Отрой таланты, не спеша
Их совершенствуй.

Рыбалка, дача, дом, семья...
Живи по полной!
Судьба ответила, смеясь
Ухмылкой подлой.

Была закалка у ребят
К любой угрозе,
Подножку лишь подставил ад
Житейской прозы.

Что ж нас тиранит изнутри?
Не дать отчёта.
Что за огонь в душе горит?
Запить по-чёрной,

Чтоб затушить, быть без оков –
Унынье трезво.
То вдруг здоровых мужиков
Крушат болезни.

Искать их, тысячи причин –
Дойдешь до ручки.
К стандартной жизни у мужчин
Сломался ключик.

Когда уходят опера, –
Они уходят...
Жизнь, что азартная игра –
Курок на взводе.

КОРОЛЁВА ИНТЕРНЕТА

Ты – королева Интернета!
Ты здесь по-прежнему юна.
Тебе сонеты шлют поэты,
Тобой пленяется страна

Тех виртуальных свидений,
Что в жизни и не повторить!
Ах, сколько радостных мгновений –
Лишь стоит монитор включить!

Ты можешь быть свободной, дерзкой!
Иль пылкой нежности полна!
Тебе восторженные «репки»
Шлёт восхищённая страна!

Твоя душа разбита всмятку
В реальной жизни – не везёт!
Как жить на нищую «зарплатку»?
И в будущем едва что ждёт.

Ты тянешь воз, с годами тяжкий,
Семьи, детей... Унынье прочь!
Но хоть сказал бы кто: «Бедняжка!»
И предложил бы кто помочь.

А дома муж с ухмылкой пьяной.
Заснул! Так в чем твоя вина?
И припадаешь ты к экрану –
Зовёт волшебная страна!

Ты вновь в объятьях виртуала!
Не спишь, морщинки возле глаз...
Но образ ты нарисовала
Такой, что манит каждый раз...

Мы славный мир себе создали,
Что под названьем Интернет!
Мне наплевать, кто ты в реале,
Прими, колдунья, мой букет!

Сергей Бондаренко

СУДЬБА КАК НИТКА

Моя судьба — как нитка пряжи.
И коль смотать её в клубок –
Тугим он будет, твёрдым даже,
Но я останусь одинок.

Как жаль, что без толку катаюсь
Среди таких же вот клубков,
Я только цветом отличаюсь,
Но быть орнаментом готов.

Мне подобрать бы пару только
И нити с ней соединить.
Избранница моя, позволь-ка
С тобою в общей связке быть.

Соединимся спицей колкой:
Петля — к петле, как к плоти — плоть.
И шарф, как символ жизни долгой
Из нас пусть свяжет сам Господь.

ОБЛАЧКО

Как прекрасен и чист небосвод голубой!
И любому зеваке хотелось, как мне бы,
Постоять с запрокинутой вверх головой,
Созерцая пушистое облачко в небе.

Как тянуло оно, взор мой в выси маня,
И воздушною лёгкостью душу пленяло.
А глаза, всё забыв, любовались полдня,
Как забавно то облачко формы меняло.

То барашек, то зайчик, то бык, то червяк,
То тропический фрукт, то обыденный овощ.
А когда было с формами что-то не так –
Приходила безбрежность фантазий на помощь.

Только облачко вдруг превратилось в кулак,
И улыбка моя вмиг сменилась икотой.
Это, видимо, сверху суровый был знак:
Хватит пялиться в небо! Пойди, поработай.

ЛЫЖНАЯ ИСТОРИЯ

К здоровому образу жизни поближе
Душа-непоседа стремилась моя.
И вот, раздобыв как-то палки и лыжи,
Решил испытать своё мужество я.

Найдя себе гору со склоном покруче,
Оттуда я начал дебютный свой старт.
И скорость набрав, оттолкнувшись получше,
В момент окунулся в экстрим и азарт.

Без мыслей о том, что себя покалечу,
Как молния, нёсся по склону я вниз.
А снежные кочки неслись мне навстречу,
И уши закладывал воздуха свист.

И били в лицо, как в неистовой злобе,
Снежинки-проказницы, душу дразня.
Но вдруг – неудачный подскок на сугробе,
И лыжи приехали раньше меня.

ОТВЕСНАЯ СКАЛА

Отвесная скала — нагроможденье камня,
Застывшего навек в молчании безликом.
Стоит она давно, собою небо рая,
Вонзаясь в облака остроконечным пиком.

Наверх лишь посмотреть — пойдёт мороз по коже:
 Сплошная вертикаль, и нет вершины гладкой.
 Не каждый альпинист сюда забраться сможет,
 И даже вертолёт не совершит посадку.

Здесь содрогнутся все, назад от страха пятась,
 Морщины лбов сложив в недвижимой гримасе.
 Но, удивляя всех, вверху зияет надпись,
 Оповещающая всех, что тут был некий Вася.

Антон Ворожейкин

ДАВЛЕТУ КЕЛОВУ

Конечно, поздно пить «Боржоми»,
 «Ситро» и «Сельтерскую воду»...
 И ты живёшь, как будто в коме.
 Наверно – мерно, может – вроде.
 По воле волн вращаясь вдоль,
 Скользя обычно, полутонном
 И умножая ноль на ноль
 Осечкой, холостым патроном.
 Покуда с вечностью – ничья,
 Цедить мгновенья и минуты,
 Как Маркес обнажив печаль,
 Писать с сарказмом Воннегута.
 И за булгаковской строкой
 Тебе почудится иное –
 Не то чтоб творческий запой,
 Но чувство странного покоя.
 И оглянуться, оглянуться
 С холма на пройденные тропы.
 Земля ведь круглая как блюдо,
 А мы по жизни недотёпы.
 И недожато, недопето
 Ещё не понятое что-то...
 И под себя равняй приметы
 И обернись у поворота,
 И обернись у поворота,
 Ну, обернись у поворота...

ПЕСЕНКА ДОКТОРА БЫКОВА

У ангела закончилось горячее нектати.
 И, заплутав, не к тем огням летит в тумане он.
 Крыло неловко подломив, привязанный к кровати
 Летаёт Бог, мечтает псих – почти Наполеон.
 О, бессловесный табурет, прибитый крепко к полу.
 Мой самый лучший верный друг, умеющий молчать.

Враги бессильны и смешны, когда б не их уколы,
Но в поднебесье им меня, конечно, не достать.
Кому я должен эту жизнь, зачем же эти муки.
Какой придёт ко мне главврач и санитар придёт.
Прошу: верните вы мои коричневые брюки –
Без них никак я не могу отправиться в полёт.
И будут снова небеса в распахнутых глазищах,
И будет ветер в голове, и крылья за спиной.
И кто-то скажет про меня: «Он счастья не ищет!»
«И не от счастья бежит», – ему кивнёт другой.
Мятежным бурю подавай, и чтобы не в стакане.
Привязанных – хоть пруд пруди, крылатых – недобор.
Не к тем посадочным огням опять меня поманит
И, значит, снова подведёт мой пламенный мотор.
Но разрывая вечный круг – пусть головой с обрыва!
Прощай духовник-табурет, прощай судья-главврач –
Я улетаю, ухожу достойно и красиво.
Гулять мне суждено на все, прошу не надо сдачи!

Как близоруки старые дворы,
Где вдовы доминошников вчерашних
Пасут гавкучих тварей и котов.
И мне немного жаль поплывших вдов
За то, что на изломе недобры.
Здесь волейбола нет – не до игры
Подранкам, мастерам помойных куч.
И даже с ясным взором бледный луч
Познал мужчину раньше, чем вино.
И прав афганец пьющий: жизнь – говно.
А пафоса в таких дворах не много...
И может, потому я верю в Бога,
И мне другие чудятся дворы.

БУЛГАКОВ-БЛЮЗ

Над водою тень Воланда,
Надвигается шторм.
Здесь по-прежнему холодно,
Несмотря ни на что.

Чайки кружат неистово,
И кричат, и шумят,
Солнце тонет за пристанью
Сгоряча, невпопад,
Сгоряча...

День зовет в настоящее –
Прошлым жив по ночам.
И тоска леденящая,
Как в «Записках врача».
Камни белым присыпаны –
То ли соль, то ли снег.
Пьеса так и не сыграна
Под названием «Бег».
Не сыграна...

Лето выдалось зябкое,
Даже море не то.
Прячешь строчки в тетрадку,
И в чернилах ладонь.
Не начнётся все заново,
И закат нынче сер.
Опускайте же занавес,
Господин де Мольер
Занавес...

Ирина Гирлянова

Высококосит этот год
и скашивает нас высоко.
Он у кладбищенских ворот
нас ожидает раньше срока.
А что такое этот срок,
на чьих от высечен скрижалях?
Спасает милосердный Бог
от тяжких дней... Но всё же – жаль их.
Хоть до последнего не верь,
что крышкой хлопнет эта дверка,
стучат... И отворяют дверь.
Но лишь – Туда... По нашей мерке.
Печален и тосклив уход.
Ход лет – нарушен и нарушен.
Переживаем этот год
без тех, кто этим годом скошен.
И, сумасшедшая, опять
зима крылом в окно стучится...
Случилось, что должно случиться.
Не отвести и не понять.

*Памяти**Архипова Вениамина Васильевича.**(20.02.1937 – 22.04.2012)*

Отец мой – ребёнок той страшной войны.
Чьи дети теперь никому не нужны.
Витает его упокоенный дух:
какое здоровье, коль с голоду пух?!
Теперь его тело навеки в земле.
И хлебушек с солью лежит на столе.
И тапки ещё у порога стоят,
как будто ушёл он на майский парад,
а после, когда устанутся все –
солдатскую кашу домой принесёт.
Что помнил ты, папа, про эту беду,
про шавель, калачики и лебеду?
Про голову ржавой селёдки в борще
теперь не узнает никто вообще...
Вот, внук твою удочку смело забрал,
ушёл без тебя на рыбалку с утра.
И майское солнце печёт горячей,
чем множество всех поминальных свечей –
мальчишкам, которых война догнала,
в которых кричала всю жизнь и жила.
Мне скажут: счастливый – до старости жил,
не в поле сражения жизнь положил,
засыпан своей, не окопной землёй.
Хоть помнил войну, но не ведал её.
Закрела глаза не чужая рука,
успел походить-покряхтеть в стариках.
Но знайте, что детская память – остра.
Всю жизнь ворошить головешки костра
и плакать во сне: мама, хлебушка дай...
Такое – без края, всегда – через край.
Прощай, ненаевшийся в детстве сполна.
Тебя не забыла родная страна.
А я не забуду. Вовек не смогу.
И кровную память в себе сберегу.

Не помню молодым... А с фотографий строгих
глядят, как угольки, с лукавинкой глаза.
Но, знаешь, лишь сейчас, шагая по дороге,
могу я лишь тебе о многом рассказать.
Ты провожай меня всегда! До полустанка

я за тобой бреду, как раньше. Следом в след.
 В далёкие края забралась «иностранка».
 Вбуряются порой и на своей земле.
 Что ж, голос твой давно во времени утерян,
 но, знаешь, не сердись за глухоту и ложь.
 Упало и прошло. Хоть велика потеря,
 но, может быть, в другом ты больше обретёшь.
 Ты что-то скажешь вслух, а я в ответ киваю,
 как будто б поняла! (Когда-нибудь – пойму?)
 Мы, папа, не живём, мы только проживаем.
 И это не понять стандартному уму.
 Там – обижали всех. Но все ли обижались,
 и класали на мух, как наш позорный кот?
 Все драли и дрались. Или содрать мешали.
 И было так всегда, а не наоборот.
 Бессребреник, ты стал на нищету богатым.
 Но хочется, чтоб кто-то вспомнил в этот час:
 работал до «нельзя», за пользу – не зарплату,
 по-своему любя и согревая нас.
 Пусть суждены семье всегда вторые планы
 почином для мужчин, трудяг и работяг,
 пусть жизнь тебя взяла измором и обманом, –
 тебе остались мы! А в том числе, и я.
 Тебе ведь и сейчас от жизни нужно мало:
 довольствуешься хламом или ерундой...
 А я тебя – люблю! Так, как сама не знала.
 Ты – не старик ещё! Ты просто лишь седой.

РОДИТЕЛИ

Успейте им сказать, что любите и чтите.
 Успейте им отдать хоть каплю теплоты.
 Когда-нибудь и вы их годы ощутите,
 но некому, увы, преподнести цветы.
 Успейте что-нибудь, хоть что-нибудь им сделать.
 родительский корабль уже уходит вдаль...
 Бросайтесь вплавь, своё распластывая тело!
 К последнему броску вас вытолкнет вода.
 Успейте! Я прошу! Иначе слово «поздно»
 вас загрызёт не зря до мозга всех костей!
 Ведь так нетяжело держать в запасе вёсла,
 чтоб изредка возить им сласти из вестей!
 Родители, они... Они теперь, как дети.
 И вздрагивают вдруг от тишины во сне...
 Запомните, нужны – вы только им на свете.
 И только вы нужны. На слово верьте мне!

Людмила Гречаник**КРУГ**

Под прицелом оптическим ока
Сжалось сердце-мишень одиноко.
Покатилось по шару земному
Колесо или беличий круг.
Отчего же так время жестоко?
С колокольни судьи иль пророка
Смотрит, как мы неистовым скоком
Рыжим мячиком мчимся вокруг.
Под прицелом оптическим сердца,
По кругам девяти мишени
Не навьлет, а в яблочко, к цели,
Не проложена ли борозда?
Две окружности, две параллели...
Неужели в конце тоннеля,
На излёте стрелы неужели
Воссияет рубином звезда?

СИНЕ-БЕЛАЯ ПЕСНЯ О ДАЛЕ

По булыжной мостовой
Не трамваев перезвон –
Колокольчик под дугой
Залился. А вот и он –
Синеглазый особняк,
Где с тревогой смотрит вдаль
Синеглазый мой земляк,
Гражданин Владимир Даль.
Сердца стук – степная синь,
Сердца стук – степная даль,
Сизый бриз, седой ковыль,
Сине-белая печаль.
Белым парусом строка
По фарватеру небес...
В древних сказках ямщика
Оживает мелкий бес.
Разговор длинной версты,
Слов крылатых мишура,
Да на белые листы –
Синим росчерком пера.
То кабацкая гульба,
То лихой казачий крик...
Так вплетается судьба
В переплёты синих книг!

Сердца стук – морская синь,
Сердца стук – степная даль,
Сизый бриз, седой ковыль,
Сине-белая печаль.
То ли небыль, то ли быль,
Те ль слова и слава та ль?..
Сизый бриз, седой ковыль,
Сердца стук – Владимир Даль.

БАНАЛЬНЫЙ РОМАНС С БАНАЛЬНЫМИ РИФМАМИ

(Песня героини ненаписанной мелодрамы)

Я всегда говорю тебе «да».
Пусть уходят миры и года,
Даже целая жизнь пусть пройдёт,
Но любовь никогда не умрёт.
Только ты, дорогой, только ты
Населяешь стихи и мечты,
И бегу я вдогонку годам
По твоим мимолётным следам.

Под дождём моих праведных слёз
Расцветал миллион алых роз,
Но так было угодно судьбе –
Зарастала тропинка к тебе.
Ты поверь, дорогой, ты поверь,
Через дебри измен и потерь
Всё бегу я вдогонку годам
По твоим мимолётным следам.

То молюсь о тебе, то бранюсь,
То с самою собою борюсь...
Но уходят гроза и беда,
И я вновь говорю тебе «да».
Только ты, дорогой, только ты
Населяешь стихи и мечты,
И бегу я по скользкой судьбе
Всё к тебе, все к тебе, все к тебе.

Я доверчиво взгляд твой ловлю,
Словно в мячик, играю в «люблю».
Сколько дур, Боже мой, сколько дур
Пристрелил непоседа-амур!

Но бегу я вдогонку годам
По твоим мимолётным следам.
Добегу, догоню и тогда
Безнадёжно скажу тебе «да».
Только ты, дорогой, только ты
Населяешь стихи и мечты.
И иду я по скользкой судьбе
Всё к тебе, всё к тебе, всё к тебе.

Анастасия Даиаури
НЕ ДАЛИ МНЕ ВЫСПАТЬСЯ

И снова не дали мне выспаться
Мысли, стучащие каблучками,
И снова мне звуки слышатся –
За стёклами да за очками...

И снова кричат: «Сумасшедшая»,
И ликуют как напоказ,
Но прозрение вдруг пришедшее
Мне скажет: «Кричи да не раз!»

Устами младенца глаголет истина
И картинки рисует мрачные;
Близко ли от пули до выстрела?! –
Там, где чудеса препрозрачные...?

И снова не дали мне выспаться
Близкие люди и мои печали,
И снова мне звуки слышатся:
То ли крика, то ли отчаянья...?

СТРАННОЕ

Была, есть и буду вне системы, вне понятия «норма»,
На грани, на крае дилеммы, на гребне цунами и шторма.
Пунктики-галочки-трафареты – декларация морали,
Романтику и дрожь в коленях мы давно променяли.

Я в поиске истин, вне игры «кошки-мышки».
Мой в тебя выстрел как ток с высоты телевизки –
В сердце. В небо. Салютом. Разрядом страсти.
«Здравствуй, доброе утро!», в рассвет попасть бы.

Я в облаке дыма чужой непотушенной сигареты,
Думаю мимо, украдкой, и с оглядкой на лето.
И воздушные замки мои расстреляно-условны,
И фотографии вне рамок наги и бездомны.

Потухший взгляд вдруг разразится пожаром,
«Каблуки стройнят», – говорят.

«Не ношу. Даром».

Небезопасно кататься по льду в летней резине.
Прекрасно! Я тормозну. Повезёт или сгину?

Не я решаю. Я всего лишь звено цепочки,
Наезжаю на мифы я, тараном на кочки.
Ломаю конструкторы с детства схематично,
И вот люблю. Впервые. Мне непривычно.

Пять утра. Не спится. Мечтаю. Считаю минуты.
Ветра. Странное мнится. Не спится. Уже утро...

ТОЛПА

Какие вы глупые, люди!
Вы живые ходите мёртвыми,
Ломая великие судьбы
Остаётесь при этом гордыми.

Вы рабы механической системы,
Собираете себя из обломков,
В вас нет сомнений, нет дилеммы,
Вы стоите у края, у кромки.

Оступившись, не исчезнет масса,
И никто не заметит потери,
Вы, словно толпа, что у кассы,
Или постоянно раскрытые двери.

Течёте, течёте, а свежести нет,
Как тени давно умерших героев.
Кто вспомнит по прошествии лет
Толпу, вечно ходящую строим?!

ОРИГАМИ

Отчаиваться – значит не быть отрешённой,
Мечтать иллюзиями, кричать под гитару,
Затаиваться, хронически быть непрощённой,
Не хотеть на подиум, не искать себе пару.

И перемены к лучшему застряли в пути,
Мой Ренессанс угас с недавним закатом,
Здесь не потеряться бы и себя мне найти
И позволь тебя почувствовать рядом.

Но ты так же молчишь троеточиями...
А я вновь живописно рисую словами,

Ты гасишь любовь мою бессрочную,
А я тщетно творю своё оригами...

Виктор Еретин

Я затеряюсь в сумраке ночном.
Я ночь люблю. Надеюсь, что взаимно.
Мне песни волн милее многих гимнов,
Под жабий хор, на берегу речном,
Когда, по небу овцы-облака
Плывут, цепляясь за карнизы кручи,
Пусть под ногой трещат сухие сучья,
Шумит в низине речки пережат.
В лесу прибрежном, дышится легко.
Иду под шёпот звёзд тропую тайной.
Ещё не слышно рокота комбайнов,
А осень «Левитана» далеко.
Здесь, мне знаком с рожденья каждый шорох.
Зверья и птицы мне понятна речь.
Под музыку ветров рассвет-обжора
Съедает ночь (уже дошёл до плеч),
Дневные птицы вяжут разговор.
Я, слышу всё, о чем они щебечут –
Здесь, груз грехов, мой не давит плечи
Пусть был, по жизни, бабник я и вор.
Да. Я грешил. Не много. Ну и пусть.
Вымаливать не стану я прощенья.
Невыносимо со святым общенье,
Который всех нас знает наизусть.

Как могу, так и пою
На границе сновидений
Слова правды не таю
В глубине размытой тени
В шалаше, где мой приют,
С дней весенних и до снега.
Здесь, пускаются в набеги,
Мысли – «зёрна слов клюют»
Утром, у прибрежных скал,
Или днём, в душистом поле,
Чтоб не видеть зла оскал,
Чтоб развеялась тоска,
На ветрах, с душевной болью.

Ползёт тропа змеёю склизкой,
К реке, среди жухлых, мокрых трав.
А стаи туч идут так низко,
И слёзы льют. Штаны задрав,
По их замедленному ходу,
Бреду вдоль берега реки –
Ищу места, где режут воду
Донских затонов судаки.
В который раз сменился ветер
И тучи изменили курс.
Прорвав расставленные сети,
Моих хотений, прут на Курск.
Спешу, сквозь прах своих желаний,
За дальний, Дона, поворот.
Там, в сумраке под неба ржанье,
Меня, знакомый, впустит грот.
На костерке, нехитрый ужин,
Сварганю под пальбу с небес...
И, перед сном, у тёплой лужи,
Крест начерчу, чтоб бес не влез

Сергей Зарвовский

Озябший ветер лезет под пальто
Согреть свою застуженную душу.
Весенний лес, прозрачный, как фантом,
Я тишину восторгом не нарушу.
Согревшись, ветер убегает вдаль,
Ступая осторожно по макушкам,
Деревья тихо льют свою печаль
И не хватает голоса кукушки
Считающей – а сколько же ещё
Вселенной в одиночестве вращаться?
И лег закат на хрупкое плечо
Берёзки, заалевшейся от счастья...

Убежала удача,
Вот какие дела,
Вроде бы незадача,
Но Земля-то кругла...

Пусть побродит немного,
Я её подожду
И шепнёт недотрога
За спиною: «Я тут...»

Тихий звук унылой ноты
Вдруг минором прозвучал,
Будто бы незримый кто-то
Ввысь послал свою печаль.

То ли ветру, то ли небу,
То ли Богу самому,
И, пожалуй, кто б он не был,
Я завидовал ему.

Выдохнул, и стало легче –
Словно птицу отпустил,
А архангелы на вече
Ниспошлют за это сил.

А когда слова не могут
В горле вылавиться в звук,
Не услышат. Не помогут.
Ты один. Сезон разлук...

Живём в эпоху перемен,
Где храбрый трусит, добрый злится,
И рушатся миры в один момент,
И даже переносятся столицы...

Живём в эпоху перемен,
Мелькают жизни, годы, лица.
Так дай нам бог хоть что-нибудь взамен...
Пожалуй, дай самим не измениться!

Кино в окне вагона,
А станция – стоп-кадр.
И вновь на перегонах,
Под звук колёсных мантр
Осенняя палитра,
И птичьи сборы в путь,
Ночных вокзалов титры
Вмонтированы в грусть

Великим режиссёром...
Что наша жизнь? Игра...
И зрителей в актёры
Высаживать пора.
Туда, где ждут их роли,
Их маски, ампула,
Где сутки – киноролик,
А месяц – сериал.
За стенкой кинозала
Мы, в сущности, не те...
Судьба нас подвизала
В шекспировский вертеп.

Игра в любовь – опасная игра,
Две жизни на кону. Неведом звёздный рок.
Но что нас тянет, проиграв вчера
Сегодня снова ставить на зеро?
Или на что другое, всё равно –
Азарт рулетки, или шахматный расчёт.
Но в жизни всё не так, как в казино,
За промах жизнь удваивает счёт.
Но ты совсем не думаешь о том,
Что проигрыш двоих сметает с высоты...
И забывая то, что мы вдвоём
Во что всегда со мной играешь ты?
Гусарская рулетка – вот ответ!
Но здесь всегда расклад заведомо нам дан –
Ведь у тебя совсем патронов нет,
А у меня их полный барабан...
И каждое нажатие курка
В висок вонзает ревность, боль и грусть...
А ты от чувств всё так же далека,
Пуста душа, как барабан тот пуст...

Юрий Князев

ЭЛЕГИЯ

Много ль женщине надо?
Семейный уют,
Чтоб лучилось тепло
В обращении с нею.
В океане неласковых,

Горьких минут
Островки её счастья
Забыто синеют.
И на каждом оставлена
Долька души,
Золотого мгновения
Скромный шалашик.
Речка времени,
Притормози, не спеши,
Поразмысль
О тоскующих
Женщинах наших.
Вот опять под окном
Утопает в цвету
Куст сирени –
Непрошенной грусти причина.
Сознаёт одиночество
Всю остроту
Обоюдной нехватки
Второй половины.
От избытка весенних
Разбуженных сил
На газонах –
Травы интригующий шорох.
И обидно за тех,
Кто в себе погасил
Ради счастья семейного
Пламени ворох.

* * *

Посади тополёк под окошками, мама,
В день, когда я на службу пойду.
Пусть поднимется он и кивает ветвями:
Всё нормально со мной, всё в ладу.

Пусть тебя не тревожит порою молчанье,
Неизвестность пускай не томит,
Не волнует зимой образ сына ночами,
Безмятежно бессонница спит.

Пусть растёт тополёк, улыбается солнцу,
Мимолётным покажется год,
С телеграммой в руках почта глянет в оконце,
Тополёк постучит в переплёт.

Мы гостей созовём на торжественный ужин.
Над верандой закружится стриж.
Коли год пролетел, так второй – то дослужим.
Я ведь твой терпеливый малыш.

АХ, ЧЕРЁМУХА, БЕЛОЕ ЧУДО!

Подарила зелёные блузки
Роща юным берёзкам на май.
А черёмушка с талией узкой
Вся в цвету, как живой каравай.
Отломлю его малую крошку,
Горьковатый вдохну аромат.
Увлечённо, в оранжевых дошках,
Над соцветьями пчёлы жужжат.
Заворожен их сдержанным гудом,
Счёт минутам утратив, стою.
Ах, черёмуха, белое чудо !
Очищаешь ты душу мою !
Оживают мечтанья и были
Под мятежный, безжалостный цвет.
Отгуляли своё, отлюбили,
А чудес, к сожалению, нет.
А под солнцем, над белым кипеньем
Невесом одуванчиков пух,
Да проносятся ласточек звенья
В развесёлой охоте на мух.

НА ДЕРКУЛЕ

Под кособором лесистым,
В плотной стене тростника
Омуты, словно монисто,
Нитью связала река.

Лишь через гору крутую
Солнечный луч упадёт
В неторопливые струи
Мелом очищенных вод,

И, разыгравшись, как дети,
Брызги подымут вблизи,
Не опасаясь ни сети,
Ни перемета, язи.

Глянь в глубину: полусонный
Линь пробирается в тень.
Рак – архивариус донный
Ловит тритона – не лень.

Водоросль плети свивает,
Как на посту камыши.
Край заповедный. Живая
Здравница чуткой души.

Наталья Мавроди

И ВСЁ ЖЕ МИР ПРЕКРАСЕН!

Всё как-то не всерьёз, всё понарошку –
Мы время в долг берём у перемен,
Дорогу видим узенькою стёжкой,
Запятав взгляд за шорами подмен.

Мы подменяем честность понимаем
И мужество – стечением причин,
Молчим, когда присваивают званья
Не знающим подножия вершин.

Молчим, себе на горло наступая,
Лояльностью загладив беспредел,
Молчим, молчим – и хата наша с краю –
И, вроде, при делах, и – не у дел.

Слова о дружбе лишь пустая фраза,
Когда в поступках нет подспорья им.
Да не коснётся наших душ зараза,
Что превращает всё святое в дым.

Да, мы слабы. И всё же мир – прекрасен! –
Смелей, мудрей и справедливей нас.
Он превращает наши стёжки в трассы,
А наше покаянье каждый раз

Он принимает как ступеньку к Богу,
Прощая все паденья и грехи,
Растапливая мусора сугробы,
Рождая солнечные песни и стихи.

ЧАШКА ЧАЯ

«Не вопрос страшит. Скорей, ответ.»

«Обжигающий вкус не у чая,

А у жизни, у встреч и разлук.»

В. Спектор

Давит груда вопросов,
Слаб рычаг из ответов –
Средь житейских откосов
Гаснут искорки света.

Гаснут искорки света,
Темноту умножая,
И спасеньем поэту –
Чашка терпкого чая.
Чашка терпкого чая:
Нет, не ужин – причастье,
Шлейф забот истончая,
Греет душу участием.

ЭХО УШЕДШЕГО ДНЯ

Эхо ушедшего дня
В тихой бессонности ночи,
Дымом бывшего огня –
Несколько замерших строчек.
Месяц – кривой ятаган –
В воинстве звёздном томится,
Мыслей шальных ураган
Снова терзает страницы.
Ах, как же ночь хороша!
Что ж не найти мне покоя? –
Но... замирает душа,
Чуду вселенскому вторя.
Сколько же мудрости в нём,
В этом бездонном молчаньи! –
Суетных дел окоём
Блекнет пред вечностной тайной.

БЕЗВРЕМЕННОСТЬ*

Безвременник снова цветёт! –
Пора золотеющих листьев.
С усердием осень метёт
Метёлкой багряново-лисей.
Неправильный, глупый цветок!
Упрямец в своем постоянстве.
Какие есть смысл и толк
В его обнажённом убранстве?
Давно яркой зелени лист
Пожух и развеян по свету,
Откуда же силы взялись
Пробиться сквозь толщу планеты?

**Безвременник – цветок бабьего лета. В конце мая-начале июня появляются розетки листьев, похожие на листья тюльпанов, которые потом жухнут и исчезают. В середине сентября появляются цветы без листьев.*

Восторжен сиреневый взгляд...
И пусть он в упрямстве несносен.
Неправильный? – пусть говорят,
А он ЛЮБИТ рыжую осень.

Николай Меженин

ПРОЩАЛОСЬ ЛЕТО

Вот клонится лето к закату,
К печальной осенней поре.
Прошёлся уж дождь слеповатый,
Посеял он грусть на земле.

И время припело проститься,
С пожелткой травую степной,
И скошенной в поле пшеницей,
И жаркой в работе страдой.

Дохнули просторы прохладой.
В долинах и росы, и мгла.
Вокруг всё вершится так властно,
Чтоб осень на землю пришла.

И осень неспешно явилась.
В наряде своём золотом.
Надолго она утвердится
В широком просторе земном.

ВЕСНА-ПРЕЛЕСТНИЦА ИДЁТ

Снега сошли, светлеют дали,
И поле сеятеля ждёт.
Не гложут зимние печали –
Весна желанная идёт.

Крылатый жаворонок вольный
Полёт игривый свой вершит.
Он в небе ясном на раздолье
С подругой радостно кружит.

Ему вольготно в поднебесье,
Краю высоком голубом,
Где серенадою чудесной
Просторы славит над Донцом.

Степная дивная сторонка
Волнует сердце краевид.
Крылатый жаворонок громко
Над полем вспаханным звенит.

Снега сошли, светлеют дали,
И поле сеятеля ждёт.
Не гложут зимние печали –
Весна – прелестница идёт.

Сергей Мокроусов

С НАДЕЖДОЙ И ВЕРОЙ

Печали безверия горькие слёзы
Усилят сомнения в душах ранимых.
В ответ им, надежде раскрой свои грёзы
И веру вдохни в себя и любимых.

Когда у последней черты оказавшись,
Утеряны жизни смысл и начала,
С надеждой и верой за руки взявшись,
Ты можешь опять начать всё сначала.

Когда пессимизмом, казалось, задушен,
Усталость сковала хандрою и болью,
Ты ветру надеждой открой свою душу
И выпусти веру, как птицу, на волю.

МАТРИЦА СЧАСТЬЯ

Учитесь быть счастливыми, друзья,
Гармонию в своё вплетая эго.
Проникнув в личные покои бытия,
Добавьте кванты радости и смеха.

Контроль держите над энергией, друзья,
Эмоциям своим даруйте равновесье.
И чакр очищенных стезя
Раскроет истин поднебесье.

Умейте управлять сознанием, друзья,
Чтоб мысли добрые вокруг парили.
И разума животворящие поля
Успех и благоденствие дарили.

О счастье – то мои друзья, семья, любовь.
Ты вне пространства, времени и моды.
И жизни смысл, и мироощущенья кровь,
И квинтэссенция праматери природы.

СТИХОТВОРЕНИЕ*Акростих*

Стиха алмаз
 грани пером.
Тогда Пегас
 взмахнёт крылом.
И лиры гриф
 в порыве обхватив,
Хор стройных рифм
 родит мотив.
Откроет нам
 души восторг,
Творцам отдав
 почтенья долг.
Воздаст сполна
 таланту дань,
Отхлынув, как волна,
 в чарующую даль.
Растит Парнас
 поэтов класс.
Ещё не раз
 их вдохновенный глас
Нас покорит
 и восхищеньем напоит.
Их колорит,
 поэзии магнит –
Едва пленит,
 к себе манит.

Татьяна Набока-Питерская

З дощу і смутку я зроблю напій,
Що осінь нам обом приготувала.
Стоїть заляклий ліс в журбі німій,
Ранкова паморозь вже сивиною впала.

Спиняють в синім небі хмари біг.
Заграє вітер жовтою травою
І краплями холодними до ніг,
Впадуть дощі, що розлучать з тобою.

Такої ще не бачила весни!
Весільна сукня у зелених барвах.

Неначе мрії у дівочім сні,
А горе десь далеке, зовсім зайве.
І що за квіти й трави в цій весні:
З передчуттям, неначе в день останній,
Здається, тільки руки простягни,
Й здійсняться нездійсненні всі бажання
Давно не дивувалась так весні
Сліпа була, не помічала дива;
Земне буття, відпущене мені
Відчула зараз – і тому щаслива.

Коли зима заколисає в сні,
Почую раптом дихання весни:
На розі хати, де бурулька плаче,
В блакитнім вбранні я весну побачу.

Уквітчана, погляне у віконце,
А золоте волосся її – сонце.
Так посміхнеться, наче аж зігріє.
Незчуюсь ... А на дворі вечоріє.

Я вийду з дому – холодом проймає
А де ж весна? – ніде її немає.
Блакитна смуга в небі затремтіла...
Туди вона, напевно, відлетіла.

Любовь Парамоненко

Луна с задумчивым лицом
Плыла среди небосвода.
Душа детёнышем-птенцом
Вбирала дух свободы.

Она пила нектар полей,
Осенних рощ и парков,
Прощальный лепет тополей
И птичью перепалку.

То, проводив друзей-южан,
Слетелись на застолье
Меньшие братья горожан...
О, осень, о, приволье!

И журавлиный твой косяк,
И нежность паутины...

Творец, взирая на костяк,
В руках лелеет глину.

Чем удивит Создатель нас,
Меньших его собратьев?
Он ведь не копит про запас,
Всего себя растратив!

Неповторим ведь каждый миг
В Его небесной кузнице!
Он весь, до лучика, приник
К душе – невольной узнице.
И не умолкнет до утра,
Пока слова не сказаны.
И длится вечно та игра,
И пальцы глиной перемазаны.

Он разразится вдруг грозой,
А то неожиданной ласкою.
Впускаю осень на постой,
Его узнав под этой маскою.

ДРИАДА

*В лесу, где часто по кустам
Резвились юные дриады...*

Н. Гумилёв

Была я когда-то дриадой,
Порхала средь милых подруг.
Не знала ни рая, ни ада,
А лишь тополиный пух.

Я помню, как дождь хохочет,
А травы падают ниц,
Как зорко светятся очи
Сквозь зелень моих ресниц.

О, сколько же нас пало,
Вздымая листву в облака!
Печально небо вздыхало –
Его любовь глубока.

Свивая качели в ивах,
Мы растворили печаль.
О, сколько же нас, счастливых,
Умчалось в озёрную даль!

Покинули мы поселенья –
Нас знают лишь чащи лесов.
Придёт ли когда избавленья,
Ведь дрогнула чаша весов?!

Когда же люди опомнятся,
Устав от засилья машин,
Их поселенья пополнятся –
Придём мы с лесистых вершин.

Искусство тонкое полутонов –
Как лёгкое касание пальцев,
Как образы летучих снов,
Как шёлк, натянутый на пяльцы.

На нём проступят вдруг бутон
И руки нежные тюльпана.
Оставьте боль, уймите стон –
Отправьтесь в рощу утром рано.

Там свет берёзовых серёжек
Развеет мрачность холодов,
Там наш удел и прост, и лёгок –
Он растопляет глыбы льдов.

Там я касаюсь ваших душ –
Поймите и не обессудьте.
Так капли всех весенних луж
Нам шепчут: «Будьте, просто будьте!»

Наталья Романова

ИЗНАНОЧНАЯ

В старую нашу шкатулочку
Сердце по крохам сложу.
Я – рукодельница-дурочка –
Только изнанку вяжу.

Нет, чтобы белою пряжею
Судьбы навеки скрестить!
Дурочка будет и сажевый
Свитер с изнанки носить.

Видно, вязать я обязана
Кофты, что греют в метель.
Были бы силы завязывать
Узел до сброса петель.

Выбросьте эту шкатулочку –
Я без неё не грущу.
Жизнь свою (видите – дурочка!)
Всю на людей распущу.

ПУЛЬСАЦИЯ

В сердечной выжимке – библейской выдержки вино.
Зачем-то выжила. На пальцах выжжено клеймо.
Мне было сказано: «Уйдёт ни с чем ленивый раб!»,
Но руки связаны, а за спиной – вселенский храп.
Просплю до полдника – мне рад мороженщик времён;
Подстриглась коротко – короче только дикий стон
Уставших вышедших из плена смертного греха.

Зачем-то выжили. Зачем-то вышита строка
Не глядя, крестиком. Так лёгок мой нательный крест!
Зачем же крестника прошу подняться до небес
И души вымести, и хлеба дать у царских врат?
Мне б к лету вывести из вен бурлящих виноград.

ЖЕМЧУГ

Жемчуг рассыпаю по избе –
Нежится царапина на пальце.
В вечности позволено тебе
Рук моих и плеч моих касаться.

Жемчуг рассыпаю по избе.
Бусинки – твои прикосновенья.
С пола ты собрал в моей избе,
Сходу ты собрал в моей судьбе
Самые счастливые мгновенья.

Жемчуг рассыпаю по избе –
Белый снег на теле фотографий.
Я люблю показывать тебе
Снимки: это ты в костюме графа,
Я с густой улыбкой на лице,
Мы, как двое нищих, на крыльце.
Два счастливых нищих на крыльце.

КТО-ТО ЗА ГОРОЙ...

На моей коже – дерева коре –
Лист расти может даже в ноябре.
Поливай почки – я тогда засну
И рожу дочку, доченьку-весну.

А пока в даях выпью молока,
В горный снег талый вылью облака.
Посмотри, милый, в небо на плаву.
Там любви сила. Сильная, плыву.

Принеси горстку солнца для корней,
И пойдут вёрсты легче и светлей.

А к утру ветки в коже прорастут.
Может, это детки в нас ещё живут?

За горою кто-то для чего-то ждёт.
Маленький какой-то. Крылья раздаёт.
У него плащик крошечный промок.
Ты не плачь, мальчик!
Может, наш сынок?..

Светлана Тишкина

БУТОН

Стеснённый чашечкой бутон,
Бледнея нежностью незрелой,
Весне животворящей в тон
С корней идущий сокогон
Воспринимал в атласность тела.

Упрямый свёртыш неудал,
Давя на внешние строптивцы,
Рос мал-помалу, созрел
Под лаской солнца, птичий гвалт
Достиг весны своей границы.

Лилово-розоватый шар
В прохладе утреннего часа
Изнанки скромной, в коей жар –
Насыщенного цвета дар
Скрывал так долго, застеснялся.

И, отогнув тугой затвор,
Бесстыже выставил наружу
В зелёно-солнечный простор
Под чей-то восхищённый взор
Края жабо ярчайших кружев.

А дальше – больше! Клич – един!
В раж упоительной свободы
С рожденья свёрнутых пружин –
Искусно сшитых пелерин
Самою матушкой природой!

И лепестковый выверт-ас:
Спина-лицо, лицо-улыбка,
Где под углом, а где в анфас,
Поочерёдно, долькой в час...
Бутона разошлась улитка.

Великолепие явив,
Цветок благоухал невинно,
Как эталон земной любви!
Пейзаж собой преобразив,
Весь распустился...
И не стыдно!

УМЫТОЕ УТРО

Умытое утро
Цветущего мая
На солнце играя,
Себя отражая,
Зевает как будто...

Зеркальные лужи,
Косички сплетая,
Ручьями стекают,
Уже иссякают,
Всё уже и уже...

Любуюсь, мечтаю,
А капелька с крыши,
Как будто бы свыше,
Упала и дышит,
Макушку лобзая.

Час утра и мая
Озоном насыщен,
Прозрачно-неслышен,
Цветеньем возвышен:
Краса-то какая!

КОГДА ТАНЦУЕТ ТИШИНА

Когда танцует тишина,
Ей грань реального тесна.
Любая музыка груба
Её возвышенному па.

Природы аккомпанемент
Слагает тишь под лунный свет...
Угаданных оттенков блик
Чуть выявляет тонкий лик.

Не нарушая естества,
Воздушно шелестит листва.
За пируэтом пируэт...
Рождён безмолвием поэт.

Мерцает занавес в ночи,
Развесив нотные ключи,
Но звёзд далёких молоко
Молчит разлитую рекой.

По восходящей танца ток...
Идёт на бис полёт-прыжок.
Мелькнул пуант над головой –
И вновь проход по низовой.

Замри, царица-ночь, замри!
До самой кромочки зари.
В тебе гротесковый финал –
Восславить приму встанет зал!

Зажжёт огни свои восток,
Тем выражая свой восторг!
Для вас танцует тишина,
А вы в ночи в объятьях сна...

Юрий Цыганков-Серебряков

КУДА ИДЁШЬ?

П. Шевердину

Куда идёшь, мятежная душа?
Одна в ночи,
 как праведник в пустыне.
За истину не платят ни гроша,
А боль твоя вовеки не остынет.
Благая весть, златые купола,
Душе, как хлеб насущный,
 как отрада,
Не потому ль звонят колокола
Невидимого нами Китеж-града?
Перед тобой бесцветен окоём,
В стране ты не дождёшься
 перемены,
Пророков нет в Отечестве своём,
Есть прокуроры, судьи, манекены.

ЧЕРНОКНИЖИЕ АХМАТОВОЙ*Чернокнижница моя!**М. Цветаева.*

Я раскрываю чернокнижие Ахматовой,
Читаю откровения стихи.
А за распахнутым окошком
 месяц матовый
В тревожном ожидании притих.

А за распахнутым окошком
 тени прошлого
Судьба и память горькая, и плач,
И оголтелое безнравственное
 крошево,
И безобразный бдительный палач.

Гром очищения весенними
 раскатами
Дойдёт, я верю, и до наших мест.
Над суетой сует величие Ахматовой
И Крест Христа – Животворящий
Крест.

Я. СМОЛЯРЕНКО*Писала я на аспидной доске...**М. Цветаева.*

Писал и я на аспидной доске,
Когда учился в школе, в первом классе.
Я жил тогда в Поволжском городке
И ничего не слышал о Донбассе.

Жизнь повернула круто колесо
И понесла по грунтовой дороге,
И подсыпала кварцевый песок,
Где, с непривычки, уставали ноги.

Увидел я степной былинный край,
В котором жизнь своя, свои законы,
Неповторимы здесь цветущий май,
Холмы, курганы, реки, терриконы.

Неповторимы люди в городах,
Неповторимы села и погосты,
И зреющий на солнце виноград,
И степь зимою белая, как простынь.

СВЕТ ДАЛЁКИХ ЗВЕЗД

Ольга Бондаренко (1922 – 1991)

Ольга Тимофеевна Бондаренко родилась в Харькове в 1922 году. Долгие годы проработала в библиотеке. Была человеком образованным, но довольно непростым и даже странным, не стремилась к изданию своих стихов. В печати они вышли только однажды в 70-годы в «Литературной учёбе». Но из-за путаницы, стихи её появились в сборниках Анны Ахматовой. На листках, отпечатанных на машинке, не было имени автора. Анна Андреевна только успела отправить телеграмму Ольге Бондаренко, где сообщила, что стихи понравились. Стихи так и остались лежать в её столе... Анны Андреевны вскоре не стало.

Сама Ольга Бондаренко считала: это Господь поставил её стихи в один ряд со стихами великой поэтессы. И по сей день исследователи творчества Анны Ахматовой в растерянности: очень трудно различить их стихи. Ольга Тимофеевна боготворила Анну Андреевну Ахматову и восхищалась её поэзией.

Благодаря усилиям харьковских поэтов, стихи Ольги Бондаренко всё же издаются, но книг немного. Поэтому мы решили ещё раз напомнить о её поэзии. Пусть не все стихи равноценны, но среди огромного их количества (несколько тысяч) есть те, которые я назвала бы жемчужинками.

На первый взгляд, возможно, поэзия её проста, но это только на первый взгляд. Стихи своеобразны, лаконичны и ёмки. Скорее всего, автор тем и интересен – никаких нагромождений, ничего лишнего. В её стихах столько открытости, точности, душевности. Чистая песня души! Думаю, читателям её стихи понравятся. Мы всегда ждём встречи с чем-то неподдельным. Я считаю, что эта встреча состоялась.

Елена Мельник Макеевка

СТИХИ ОЛЬГИ БОНДАРЕНКО

Живые зёрна истины!
Вечерний ветер тих.
И мы с тобой зачислены
в созвездие двоих.
Пространство наше светится
сквозь сотни облаков,
и мы идём по лестнице,
возникшей из веков.

Был шёпот листьев нежно тих
и еле слышен мне.

Существовал он для двоих
в единственной стране.
По краю тонкому земли
он плыл, пронзая тьму,
и даже птицы не могли
прислушаться к нему.

О, солнечный круговорот,
когда сияя, брызжут стрелы!
И, кажется, земля плывёт
за облаком пушисто белым.
Мы этой благодати сродни
и отошли от скучной прозы.
Какие радостные дни!
Какие тонкие берёзы!

Квадраты неба розовы,
сиреневы, белы,
размеченные грозами,
как остриём иглы.
В смятении внезапные
седые облака.
И медленными каплями
наполнились луга.

Закон поляны чист и прост,
и так понятен мне!
Смотреть в глаза далёких звёзд
на лунной стороне,
ронять прозрачную листву,
когда настанет час,
и перелистывать траву –
не раз, не раз, не раз...

Предместье начинается,
и город вдруг погас,
а осень повторяется
для каждого из нас.
Оранжевыми взмахами
ворвётся налегке,
и вся душа распахнута
на этом сквозняке.

Вдыхая божью благодать
и травами дыша,
я всё пыталась угадать,
где прячется душа?
Где самый тонкий поворот
на избранном пути?
Кто душу вечную найдёт
и как её спасти?

Фиолетовый, зелёный,
ярко-синий день...
И легко роняют клёны
кружевную тень.
Вот она летит сквозная.
Лёгкий взмах пера...
О, какая кружевная,
светлая пора!

Не минуй меня, час тишины
и простого земного напева.
Сладко видеть весёлые сны,
где душа отдыхает от гнева.
Там луны золотое пятно
отражается зыбко на стенах,
там мелодии слиты в одно
и гармония их неизменна.

Нет, небо не разверзнется –
всё будет так, как есть.
Какая власть содержится
в словах «Благая весть»!
Рождаясь в ясной цельности,
они слышны в тиши
для каждого в отдельности
и для любой души.

Время метит знаками
тесноту дорог.
Сколько переплакано,
знает только Бог.

Всё в копилку сложено,
слёз давно не счесть.
Только за прохожими
расстоянье есть.

Я без тебя в такой тоске,
что меркнет праздник дня,
и жизнь висит на волоске,
лишь видимость храня.
Мелькают мимо, как сквозь сон,
лишь силуэты лиц.
И немота со всех сторон,
которой нет границ.

Затихло эхо долгой скрипки,
светло растаяло во мгле.
Все заблужденья и ошибки
мы совершаем на земле.
И только здесь нас мучит жажда
и мало солнца одного.
Но там, куда придём однажды,
уже не будет ничего.

Не надоест восходы славить –
на то и дан Восток.
Так писано в моём уставе –
всего на восемь строк.
Легко распахиваю двери
всем солнечным часам.
А если кто-то мне не верит –
пусть убедится сам.

За десятым километром
путь в сторожку есть.
Поле, раненное ветром,
притаилось здесь.
Охмелевшая от влаги
буря залегла,
и кусты глядят в овраги,
словно в зеркала.

О чём звучали хоры –
не знаю, не пойму.
Мешали разговоры
дыханью моему.
И всё же вечный кто-то
затронул купола,
и праздничная нота
торжественно плыла.

Слова опадают, как листья,
я это узнала за миг.
Слова исчезают, как выстрел,
и вдруг превращаются в крик.
Поэтому – так невозможно
на слово набросить аркан!
И катится эхо тревожно
куда-то в ночной океан...

Час отлученья за грехи.
И жалобы живого тела.
Когда написаны стихи –
душа, как будто, опустела.
Как будто, мёртвая печать
закрыла путь к живому дому.
И больше нечего желать,
и нечего сказать другому.

Я упала в душистое сено,
и была от блаженства на шаг.
Надо мной кочевали бесшумно
облака в кружевных парусах.
Распростёртое солнце катилось
к своему золотому шатру
и казалось, что я заблудилась
на огромном небесном пиру.

Быть грозе, как быть слезе –
я почувствовала верно.
И по выбранной стезе
отправляюсь суеверно.

Всё смешалось на пути,
соловьи давно умолкли.
И тревожно мне идти
по траве густой и колкой.

Не спешите, люди добрые,
выносить свой приговор!
Я ведь только робко пробую
не вплестись в общий хор.
Я ведь только чуть настроилась
на волшебную волну,
чтобы души беспокойные
услыхали тишину.

В душе такая тишина,
как ночью в зимнем поле.
И то, что я совсем одна,
не причиняет боли.
Остались где-то далеко
перейденные грани.
И можно снова жить легко,
не прикасаясь к ране.

За алеющим лугом
пламенеет трава,
солнце кажется кругом,
раскалившим слова.
Тишина отовсюду,
солнце падает ниц.
Верность, равная чуду,
не имеет границ.

Когда исчерпаны границы,
и круг замкнулся навсегда,
неисчислимой вереницей
за нами движутся года.
Необратимость откровений,
неповторимость тишины.
Никто на свете не изменит
мои единственные сны.

Александр Довбань (20.01.1956 – 24.04.1994)

Александр Николаевич Довбань родился 20 января 1956 года в городе Конотоп Сумской области в семье военнослужащего. В 1962 году отца перевели по службе из-под Риги в Рязань. Там будущий поэт окончил школу, а в 1977 году он – уже выпускник Рязанского высшего военного училища связи. Службу проходил на Дальнем Востоке в Приморском крае.

Первые стихи, рассказы, зарисовки, очерки стали появляться в печати в 1983 году в дивизионной газете, где он впоследствии и работал.

В 1987 году часть перевели в город Коммунарск (ныне Алчевск) Луганской области, где А. Довбань прослужил до её расформирования. Выйдя в запас, он некоторое время работал на Коммунарском коксохимзаводе.

С мая 1990 года – главный редактор газеты «Алчевские ведомости», а с августа 1991 – главный редактор газеты «Донецкий кряж».

За время службы был награждён тремя Правительственными Наградами.

В январе 1993 года принят в члены Международного Сообщества писательских Союзов. Тогда же был избран ответственным секретарём Луганской писательской организации.

Автор трёх сборников стихов «Ночь рождения» (1990), «Чёрный квадрат» (1992) и «Не забудь, не продай, помоги...» (вышел посмертно под редакцией О. Бишарева в 1996 г.)

Трагически погиб 24 апреля 1994 года. Похоронен в городе Рязани.

Виктор Мостовой Стаханов ДОЛЖНЫ ПОМНИТЬ...

С Александром Довбанем нас сблизила и породнила поэзия. Может быть, это звучит банально, но это правда, а она – выше банальностей. Помню, как я приехал в Луганск на очередное занятие литературного объединения имени Сосюры, где из общего потока вдруг врезались в душу, до глубины её взволновав, строчки: «...я соткан из тоски и вылит из расплаты, из сумрака ночей и откровенных слов... Я не пою себе торжественные гимны, и в кухоньке моей оркестру не играть. Я соткан из любви, но только очень сильной, и потому всегда мне хочется... летать».

Высокий, стройный, подтянутый молодой человек читал свои стихи красиво, искренне. Поражала гармония красоты внешней и внутренней. А главное – какие стихи! Как близки они мне по внутренней пульсации, по тонкому лиризму!

Тогда я узнал, что Саша жил в Алчевске с 1987 года. Потомственный военный, он окончил Рязанское высшее военное училище связи, служил на Дальнем Востоке, в Приморском крае, а потом вместе с частью переехал в Коммунарск Луганской области. Когда часть расформировали, вышел в отставку, организовал в Алчевске выпуск газеты «Донецкий кряж», став её первым главным редактором. А журналистский опыт приобрёл, работая до этого в дивизионной газете.

О себе Александр Довбань говорил: «Я – ветер». Наверное, отсюда такие откровенные строки: «По силам мне сорваться с места и мчаться к чёрту на рога. А ночь – моя тоска-невеста, сестра – разлучница-пурга». Да, он не мог сидеть на месте, не терпел рутинного однообразия. Особенно любил поездки в Рязань, где прошли его детство и юность, где жила семья его жены, а, главное, где всё пропитано духом любимого поэта – Сергея Есенина:

В который раз, уже не помню точно,
 Я снова здесь, в берёзовой стране,
 Жму руки тем, с кем был знаком заочно,
 Смотрю в глаза, и очень больно мне...
 Мне стыдно, что иные лжеписакки
 Кружат над Константиновской Окой,
 И, уклоняясь от открытой драки,
 Марают явь фальшивую строкой...

В одну из таких поездок к родным Александр заехал в Москву и сумел добиться встречи с председателем Международного Сообщества Писательских Союзов (преемника Союза писателей СССР) Тимуром Пулатовым. Разговор был откровенным и долгим. Он смог убедить Пулатова помочь русскоязычным литераторам востока Украины, рассказав о мытарствах, связанных с изданием книг, о пренебрежительном отношении со стороны украинских националистов... Об этом же и его стихи:

Я сын Украины, и сын я России,
 И нет для меня между ними границ.
 Как нету границ для заоблачной сини,
 Как нет их для вдаль улетающих птиц.
 В полях Украины, в дубравах России
 В тот памятный, проклятый стонами год
 Две равных сестры по ночам голосили
 По детям, по братьям, ушедшим на фронт.
 Так что же мы делим, ценою усилий,
 Себя загоня в бессмысленный плен...
 Две равных сестры – Украина, Россия,
 Опомнитесь, встаньте с побитых колен!

Тимур Пулатов поручил Александру Довбаню подобрать нескольких талантливых русскоязычных литераторов и вновь приехать с ними в Москву. Так, без ведома и рекомендаций Луганской писательской организации были приняты в Союз писателей СССР Сергей Третьяк, Владимир Прокопенко, Виктор Мостовой и Александр Довбань. Это был январь 1993 года, и это было начало рождения нового писательского союза. Хотя до его становления было ещё очень далеко.

В то время Луганскую писательскую организацию возглавлял Иван Низовой, который отреагировал на возникновение альтернативного союза очень болезненно. В одной из областных газет появилась его статья, где он, назвав новоявленных коллег детьми лейтенанта Шмидта, пророчил, что русскоязычным самозванцам одна дорога – в Москву, под крыло москалей.

Но он ошибался. Организация, лишённая сановно-чиновничьей дури, быстро набирала силу не где-то за рубежом, а здесь, в Луганске. Олег Бишарев, Владимир Гринчуков, Геннадий Коваленко, а вслед за ними ещё много талантливых авторов не только из Луганска, а и из Донецка, Харькова, Днепрпетровска подавали заявления в новый писательский союз. И, как бы ни злились национально-свидомые литературные чиновники, процесс был необратим. Что характерно, и возник он, благодаря именно им. Ведь всех этих писателей спокойно могли принять и в национальную спилку – уровень произведений их был вполне профессиональным. Но... национальное чванство оказалось сильнее здравого смысла. Что называется, посеяли распрю, пожали конкуренцию.

У Александра Довбаня были большие планы. Литературная деятельность поглощала его целиком. «Но чувствую в себе я силы неземные: могу к груди

прижать весь утренний туман, могу лицом упасть на реки голубые, ступая по земле, как чудо-великан...»

Мы часто встречались, вместе ездили в Луганск. Помню, он даже на вокзале писал стихи. Вижу, как сейчас – Саша сидит в зале ожидания, на коленях – «дипломат», и он записывает только что рождённые строки. Уже в Луганске мы наперебой читаем стихи Олегу Бишареву. Его очень взволновало стихотворение «Случай на таёжной станции». Он попросил: «Саша, когда будешь публиковать стихотворение, посвети его мне. Хорошо?» Довбань так и сделал. Я до сих пор комком в горле читаю эти строки:

Притих вокзал. Все скорые промчались,
И до утра осиротел перрон.
Лишь фонари от ветра чуть качались,
Да грязный пёс облаивал вагон.
Да бабка, словно брошенный обмылок,
Брела сквозь морось в свете фонарей.
Удачный вечер – дюжина бутылок,
Оставленных в углах, досталась ей...
Достались ей четыре «похоронки»
В заплаканном от радости году,
И угол в сельсоветовской избёнке,
И жизнь – у всех приезжих на виду...
Она брела... Кому какое дело...
И ей никто на спуске не помог,
И даже вскрикнуть бабка не успела,
Как брызги стёкол хлынули у ног.
И от обиды – в пору бы заплакать,
Она же тихо: «Это ли беда...»
А мне казалось – вместе с бабкой в слякоть
Упала, как убитая, звезда.

При жизни Александр Довбань успел издать только два сборника стихов «Ночь рождения» и «Чёрный квадрат». Его душа, распахнутая настежь, рождала и необыкновенно трогательную лирику, и очень хлёсткие, честные строки:

... И очень часто по ночам не спится,
Когда плывут во тьме передо мной
Моих врагов отъевшиеся лица –
Чинуш безмозглых, правящих страной...
Почти во всех квартирах есть медали,
Но не могу понять, ну хоть убей!
Мы неужели не завоевали
Достойного правительства себе?

В начале 1994 года А.Довбань уехал к семье в Рязань. Он думал, что едет к жене, к дочери на постоянное место жительства. А нашёл на рязанской земле вечный покой... 24 апреля 1994 года Саша был убит в подъезде дома, где жил. Убийцу так и не нашли.

В причинах гибели друга пытался разобраться Олег Бишарев. Он поехал в Рязань, обращался на всевозможные инстанции, расспрашивал вдову поэта. Всё тщетно. В милиции сказали, чтобы не лез не в своё дело и убирался восвояси.

Александр погиб в самом расцвете сил и таланта. Ему было всего 38 лет. В третьем, посмертном сборнике стихов «Не забудь, не предай, помоги» среди неопубликованного есть такие строки:

Пусть последняя песня не спета,
 Я её непременно спою,
 Вот поэтому жажду я света
 Перед тем, как упасть на траву.
 Перед тем, как ладони лихие
 Разожмут на гитаре струну,
 Пусть глаза будут ваши сухие,
 Когда в бездну я тихо сверну.

На высоком взлёте оборвалась струна Александра Довбаня, но её чарующие звуки живут в сердцах, преданных поэзии, в душах друзей. Мы помним, что именно А. Довбань стоял у истоков Межрегионального союза писателей. Олег Бишарев сплотил организацию, увеличив её численно, усилив творчески. Пришли Юрий Лебедь, Борис Ластовенко, Александр Лихолёт, Георгий Иванов из Донецка, Элеонора Булгакова из Харькова, Михаил Патрик, Галина Сидлецкая, Павел Кашаев из Днепрпетровска, талантливые луганчане...

А после трагической гибели Олега с 1997 года нашу писательскую организацию возглавляет Владимир Спектор. Его заслуга в том, что за эти годы МСПУ вырос до Союза, объединяющего более 600 литераторов. Нас знают и уважают не только на Родине, но и за её пределами. Наши литературные премии стали престижными и популярными, газету «Отражение» и альманах «Свой вариант» считают одними из лучших литературных изданий в стране. А главное, что отличает наш Союз, – атмосфера доброжелательности и творчества. А дороже этого – только память о своих товарищах, о тех, кто стоял у истоков...

Стихи Александра Довбаня

Константину Смирнову

Мы с тобой у костра
 Замолкали лишь самую малость,
 Ароматы тайги,
 Мы считали, лишь только для нас.
 И тащили с собой
 В рюкзаках городскую усталость,
 Чтоб её обменять
 На заката чарующий час.
 Мы с тобой у костра
 Разливали по кружкам хмельное,
 В котелке багровел
 Из лимонника терпкий настой.
 Нам казалось, что там,
 За плечами, осталось пустое,
 Ну а в дикой тайге
 Жизнь казалась совсем не простой.
 Но опять и опять
 Мы по сопкам сюда пробирались,

Чтоб поверить в себя,
Как дела бы не стали плохи...
И счастливыми вновь
В суету наших дел возвращались,
Словно мы отнесли
В храм на исповедь наши грехи.
с. Камень-Рыболов

Я пишу на ходу,
и усталый пишу,
Словно автомобиль,
я куда-то спешу,
Словно рядом уже
тот последний рубеж.
Где летают лохмотья
распятых надежд.
Я боюсь опоздать
и боюсь не успеть.
Слишком жизнь коротка,
чтобы многое спеть.
Знаю я: и ни Бог,
и ни дьякон с попом
Не помогут мне встать,
чтоб воскреснуть потом,
Чтобы выплеснуть всё,
что горело в груди.
Чтобы выхлестать всех,
кто мешал мне идти...

Я затравлен, как волк,
Передрызгами дней.
Каждый день – это клок
Серой жизни моей.
И летят в поездах,
В самолетах клочки,
И цепляются за
Чьи-то души-сучки.
Я себя на бегу
Раздарю не во зле...
След на талом снегу
Растворится в земле.

Лишь в мыслях я стою на той меже,
Где не услышать предков поимённо,
Не посмотреть в глаза заворожённо,
В ушедший мир не заглянуть уже ...

Но оставляя за собой следы,
Расту из самой приземлённой сути,
И ветер странствий всё манит и крутит
Плывать, что много утекло воды!

И каждый день, ломая частокол
Из неудач, барьеров, междометий,
Несу в себе из глубины столетий
Одной лишь правды пламя на престол!
1990 г.

Разбросала Земля
Свои чёрные кудри по свету,
До пула рвёт штурвал
Исчезающий в небе пилот,
Только я вот хочу
По рождённому Богом завету
Отыскать в этой жизни
Хотя бы какой-то оплот.

Спотыкаясь иду
И встречаю друзей на вокзалах,
Почерневшие лица
Проходят, души не задев,
Забываю о подлостях,
Лжи и дешёвых скандалах
Только кажется мне,
Что игра в одиночество – блеф.

Вы живёте со мной,
Только нет ни руки и ни слова,
И поэтому там
За спиною, сплотились враги,
И стучит о булыжник
Душа, словно чья-то подкова,
И стучит, и вопит,
– Не забудь, не продай, помоги!
1992г.

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

Т.Г.

Знакомый дом. Окошки в полумраке
Горят у всех, но неуютно мне —
Мое окно, как будто пасть собаки,
Как одиночество, прибитое к стене.

Летят эпохи. Рушатся культуры,
Иллюзий горы... только жизнь одна,
И я её нарисовал с натуры,
И вот стою... у темного... окна.

А за спиной дороги, полустанки,
Огни вокзалов, мимолётных встреч,
Могилы, где друзей моих останки,
Не пожелавших в трудный час залечь...

А за спиной огни переворотов,
А за спиной и вера, и обман,
Падения и взлёты самолетов,
На кабана поставленный капкан...

Но всё конечно. Даже жизнь и вера,
И не пойму — кто прав, кто виноват...
А надо мной искрится полусфера,
А предо мною чёрный мой квадрат...
1992 г.

Петр Пархоменко (23.05.1936 – 06.02.2012)

Пархоменко Петр Петрович родился 23 мая 1936 года в г. Ейске Краснодарского края. У моря. И тема моря навсегда стала сквозной в его поэзии. К ней обращался он в молодые годы и возвращался в годы зрелости.

Он многого добился в жизни. Преподавал – сначала в Ейском лётном училище, затем в Государственной лётной академии Украины, в Кировограде. Защитил диссертацию, получил звание доцента, возглавлял кафедру. Заслуженно носил звания отличника образования Украины, ветерана военной и гражданской авиации и Почётного академика Международной академии проблем человека в авиации и космонавтике.

Но и поэзия сопутствовала ему на протяжении всей его жизни.

Высшее образование Пётр Петрович получил в Москве. В Москве же овладевал основами стихосложения. Его наставником был Владислав Иванович Козловский, ученик Валерия Брюсова.

В последние годы было отчётливо видно, как Пётр Петрович стремится наверстать всё отложенное на потом. Он торопился жить и работать в поэзии. Издал три сборника стихотворений. Публиковался в альманахах «Осень» (Кировоград, 2002); «Душа хранит» – в честь 70-летия Н.М. Рубцова (Москва, 2007); «Мы все из колыбели с названьем гордым – Русь» (Санкт-Петербург,

2008 и 2010 гг.) и в альманахах «Литературная Кировоградщина» (2009, 2010 и 2011 гг.). Регулярно печатался в газетах «Кировоградская правда», «Старт», «Народное слово», «Газета для женщин», «Литература и жизнь» и др.

В 2001 году вошёл в городское литобъединение «Парус». В 2006 году стал соучредителем литературно-поэтического клуба «Чайка» при кировоградской библиотеке им. Ю.А. Гагарина, который объединил вокруг себя более сорока самодельных поэтов разного возраста – и взрослых, и детей. В 2008 году был принят в Конгресс литераторов Украины. А книга поэзии Петра Пархоменко «Счастье? – Жить!», вышедшая в Санкт-Петербурге в 2010 году, охватила почти 50-летний период жизни и творчества автора.

В ноябре прошлого года «Чайка» торжественно отпраздновала своё пятилетие. Надо было видеть, как волновался Пётр Петрович – получится праздник или нет? И как по-детски радовался, когда всё прошло именно так, как он задумал.

Можно без преувеличения сказать, что поэт работал до последнего дня. Успел подготовить подборку стихов для очередного (готовящегося к выпуску в 2012 году) альманаха Кировоградской областной организации Всеукраинского творческого союза «Конгресс литераторов Украины». Вынашивал новые творческие планы. Но, к сожалению, в начале января нашего коллегу сразил инсульт. Однако и на больничной койке он продолжал думать о своих незаконченных произведениях, просил врачей ускорить выписку, чтобы вернуться к отложенной работе. Мы до последнего верили, что он преодолеет недуг и вновь сядет за письменный стол... Но не сбылось. Последствия инсульта оказались сильнее его воли к жизни. Утром 6 февраля, после трёх подряд вызовов «Скорой помощи», Петр Петрович ушёл из жизни.

Память о нём останется в сердцах его коллег по Конгрессу литераторов, по литобъединению «Парус», в сердцах членов клуба «Чайка», для которых он был старшим товарищем и наставником. Память о нём останется в поэтических строчках, вошедших в его книги, в коллективные сборники и альманахи. Соболезнования в связи с кончиной Петра Петровича Пархоменко прислали Правление Конгресса литераторов, редколлегия газеты «Литература и жизнь», областные и городские организации Конгресса и Межрегионального союза писателей.

**Анатолій Юрченко, председатель
Кировоградской областной организации ВТС КЛУ**

СТИХОТВОРЕНИЯ ПЕТРА ПАРХОМЕНКО

(Публикуются посмертно)

ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

Перед закатом
Солнце теплее,
Перед разлукой –
Ласковой ты.
Так, увядая,
Пахнут сильнее,
Словно прощаются
С жизнью, цветы.

Может, с годами
Кровь горячее?..
Стал тебя крепче
И больше любить!
К осени розы –
Ярче, пышнее,
Словно мечтают
Дольше прожить.

Перед закатом
Небо светлее,
В час расставанья
Мы нежно-грустны.
...Осенью нам
Хризантемы милее,
Чем первоцветы
Ранней весны.
*20 декабря 1979 г. –
октябрь 2005 г. (редакция 2012 года)*

ОПЯТЬ Я У МОРЯ

О, здравствуй же, море!
Я пью чудо-звуки!
Мне влажные пальцы
Свои протяни.
И волны твои –
Хлопотливые руки,
Что в пене прибоя
Стирают они?

Кому же ты, море,
Готовишь всё это?
(Вот так же хозяйка

Полощет бельё.)
Быть может, на свете
Есть девушка где-то
И хочешь ты к балу
Надеть на неё

Прозрачное платье,
Всё в пенной прохладе,
Из нитей прибора
И солнечных струй –
Чтоб сделать счастливой
В прекрасном наряде?..
Трудись же, о море!
Играй и чаруй!..

*г. Ейск, Краснодарского края.
Лето 1962 г. (редакция 2012 года)*

МОЯ ДУША

Моя душа открыта для хорошего.
Когда чиста она – как дышится легко!
В неё живое семя было вброшено –
Не оступлюсь, не упаду под ношею:
Ещё готов идти я далеко.

Несу добро животным и растениям.
И помощь – тем, кому она нужна.
Заворожённый лермонтовским гением,
Я рад своим литературным бдениям,
Была бы жизнь моя без них бледна!

Она как будто свыше озаглавлена:
В ней есть мечта, и цель её ясна.
Не мной программа для неё составлена,
Но всё второстепенное отставлено:
И я опять творю, лишаясь сна...

Друзья, впитайте и в себя хорошее –
Чтоб каждый только лучшее вобрал.
Из семени, у вас в душе проросшего,
Пусть вырастет жемчужная горошина –
Откройте, люди, души для добра!

Тамара Гордиенко Севастополь

«МИЛАЯ МОЯ АСЕНЬКА...»

Нет, наверное, человека, который не читал бы роман Александра Фадеева «Молодая гвардия». Перу писателя принадлежит и наиболее зрелый, интересный и мастерски написанный роман «Разгром», и неоконченный «Последний из удэге».

Долгие годы Александр Фадеев возглавлял Союз Советских писателей, вёл большую общественную работу. В его судьбе было много успехов и ошибок, взлётов и падений. В конце жизни к нему пришло отрешение, глубокое разочарование и трагическое понимание безысходности дальнейшего существования. 13 мая 1956 года Александр Фадеев покончил жизнь самоубийством.

Сегодня, дорогие читатели, мне хочется рассказать вам о дальневосточном периоде его жизни и о любви – первой юношеской любви Саши Фадеева к милой девушке, гимназистке Асе Колесниковой.

В 1993 году севастопольский военный журналист Александр Сунаев (к сожалению, уже ушедший из жизни) поведал мне интересную историю. Привожу её здесь полностью, в том виде, в каком тогда записала:

«В 1979 году Хабаровское книжное издательство издало книгу «Повесть нашей юности». Узнал я о выходе книги, получив очередной номер журнала «Дальний Восток». А тут ещё друг из Находки написал в письме о том, что приобрёл эту книгу, и сообщил при этом, что «любовь-то нашего Фадеева ещё жива» и проживает в Волгограде с семьёй сына-писателя.

Откровенно говоря, сначала я не обратил внимания на это. Ну, жива и жива, слава Богу! Не думал я тогда, что мне посчастливится встретиться с юношеской любовью писателя – Александрой Филипповной Колесниковой, с милой Асенькой, как он её называл.

Осенью 1980 года по служебным делам я на два дня попал в Волгоград. На второй день, скучая в ненастную погоду в гостинице «Южная», я вспомнил, что ведь здесь, как сообщил друг, живёт А.Ф.Колесникова. Листаю телефонный справочник, нахожу больше двухсот Колесниковых... Наконец, Колесникова А.Ф., указан адрес.

Звоню. Через несколько секунд отвечает приятный женский голос. Я извиняюсь и напрямик спрашиваю: та ли это А.Ф.Колесникова, о которой я недавно читал. И не очень надеясь на успех, спросил, нельзя ли с ней повидаться? Горели у меня щёки от нахальства.

И вдруг:

– Господи, да ради Бога, приезжайте, не часто мною теперь интересуются. Вот я и сыну позвоню сейчас, что вы приедете. Приезжайте без церемоний!

Легко сказать, без церемоний!..

Однако через полчаса, собравшись и захватив в магазине бутылку коньяка и коробку конфет, я на такси приехал к Авиагородку, как назвал это место таксист, к подъезду двухэтажного кирпичного дома послевоенной сталинской постройки.

Выйдя из машины, я увидел стоявшую у подъезда женщину – небольшого роста, совершенно седую, со следами увядшей красоты. Она была аккуратно, но как-то старомодно одета, и это ей очень шло. Женщина улыбнулась доброй хорошей улыбкой:

– Ну вот, какой молодец, тут как тут! – и подала руку в перчатке. И такой добротой и приветливостью повеяло от Александры Филипповны, что все мои страхи как-то сразу исчезли.

– Пойдёмте в дом, – пригласила Александра Филипповна, – скоро и сын появится, я ему позвонила.

Мы вошли в квартиру. Александра Филипповна провела меня в свою комнату, и прямо над собой, на стене я увидел написанный маслом, в хорошей раме портрет Фадеева, а ниже – наискосок прикрепленную к стене шашку в ножнах. Здесь же висел обёрнутый в прозрачную бумагу полевой бинокль. Прямо под портретом Фадеева висела фотография Александры Филипповны, где она была снята в юные годы. На меня с фотографии смотрела красивая девушка в гимназической форме: ясные глаза, лёгкая улыбка и мушка на левой щеке, которая у неё сохранилась до настоящего времени. Я рассматривал фотографию. Александра Филипповна коснулась моей руки и сказала:

– Вот такую, как здесь, и любил меня Саша.

В это время вошел рослый крепкий мужчина. Он подал мне руку:

– Колесников Лев Петрович – бывший военный лётчик, капитан, а ныне – из пишущих. А проще – Лев или, если хотите, Лёва. – И он широко улыбнулся.

Пока мы разговаривали, Александра Филипповна накрыла стол. Я чувствовал себя тепло и непринуждённо в обществе этих почти незнакомых мне людей. Мы выпили за знакомство, и по второй – за Большого Сашу, как называла Фадеева Александра Филипповна. Она держалась интеллигентно, мило и изящно – в ней была та простота души, которая даётся только с происхождением и воспитанием, и которую невозможно сыграть.

Лев принёс гитару. И мы под аккомпанемент спели песню гражданской войны «Штурмовые ночи Спасска», песни военных лет. А потом незаметно перешли к воспоминаниям. Впрочем, мы только слушали. Вспоминала Александра Филипповна:

– Мы жили во Владивостоке. Я училась в гимназии, а Саша – в Коммерческом училище. Компания у нас подобралась боевая, весёлая, мы её называли «коммуной», а нас называли «соколятами». Когда началась гражданская война и интервенция, наши мальчики «соколята» ушли сражаться за революцию. Теперь уже никого нет в живых: кто погиб на фронте, кто – в партизанах. Двоих не минула чаша репрессий тридцать седьмого года. К пятидесятым годам остались только мы с Сашей, да вот он 13 мая пятьдесят шестого года застрелился. И теперь я одна. Нежной платонической любовью любили мы с Сашей друг друга, да, видно, не судьба... Революция и война развели нас. С почтой тогда было плохо, и наша связь прекратилась. В пятидесятые годы во всех своих письмах он горько сожалел об этом. А я – ещё больше.

Александра Филипповна встала, подошла к комоду, выдвинула верхний ящик и вынула связку бумаг, перевязанных голубой поблекшей лентой:

– Вот письма Саши, с них сняли копии для книги, а подлинники я никому не доверяю, храню у себя. А уж после смерти ко Льву перейдут. В наследство.

Она надела очки и присела к письменному столу. Я видел, что на титульном листе книги «Повесть нашей юности» она делает надпись. Неужели мне? – радостно забилось сердце. Колесникова встала, подошла ко мне. Я тоже встал.

– Вот, Саша, тебе от нас на память. Мне их из Хабаровска прислали целый десяток. Осталось две, остальные раздала: три – в библиотеки города, одну – Льву, одну послала Ангелине Осиповне (она имела в виду жену Фадеева – народную артистку СССР Ангелину Степанову)... Сейчас у меня остается одна. Это уж мне – до смерти. Читай книгу. Там ведь все его письма.

Время было позднее. Чувствовалось, что Александра Филипповна устала, ведь ей в то время было уже семьдесят лет. Мы попрощались. Лев вышел провожать. Мы поймали такси и через двадцать минут я был уже в гостинице. Назавтра я улетал в Симферополь.

Читать книгу начал ещё в самолёте.

Я попросила у Александра Николаевича «Повесть нашей юности» – и проглотила её залпом. А потом ещё несколько раз читала и никак не могла начитаться письмами Александра Фадеева в свою юность, милой Асеньке Колесниковой.

«Какая вы теперь? Мы не виделись больше тридцати лет, по-моему? Всё это кажется мне колдовством – после того, как наши жизни так резко (и так бурно!) мчались, каждая своим отдельным путём, три десятка лет...»

Милая Асенька, если бы Вы знали, с какой грустью смотрю я теперь из тридцатилетнего далека на маленького умненького мальчика с большими ушами, как мне его бесконечно жаль... Четыре года!.. Когда я в тридцатых годах разошёлся с женой и мысленно перебирал вновь и вновь всю свою жизнь, я тогда впервые понял, что эта четырёхлетняя любовь к Вам – с отроческих лет до юношеского возмужания – не могла быть случайной. Она означала, что было в Вашем внутреннем облике что-то необыкновенно покорявшее меня и, очевидно, очень мне необходимое...

Но в ожесточении борьбы, в этом новом, уже совсем взрослом мире большой политической ответственности, в мире новых дружб и привязанностей на почве испытаний как-то сам собой, незаметно для меня, милый, прекрасный образ первой моей любви все отдалялся и отдалялся от меня в дымку далёкого-далёкого прошлого.

Так сама собой и ушла в эту дымку моя любовь к Вам, милая, милая моя Ася!.. А это отразилось на моей жизни... и отразилось печально для меня, потому что я утратил одну из самых больших и самых естественных возможностей личного счастья, – может быть, единственную возможность!

Да, в юности часто кажется, что тебя ещё многое, многое ждёт, а между тем истинная большая любовь – редкость, она неповторима, утрата её часто невознаградима совсем...»

Под впечатлением этих писем я сделала тогда радиопередачу «Милая моя Асенюшка», в которой рассказала радиослушателям об этой любви.

Передача прозвучала по Севастопольскому радио. В редакцию обвалом пошли письма и телефонные звонки, в них радиослушатели просили повторить передачу, говорили о том, что Александр Фадеев – знаменитая и знаковая фигура, его жизнь и творчество много раз описаны биографами, а вот как сложилась жизнь Александры Колесниковой после того, как они с Фадеевым расстались?..

К сожалению, сделать ещё одну передачу мне тогда не позволили: руководство посчитало, что Александр Фадеев – слишком уж противоречивая и неоднозначная фигура, намудрил с романом «Молодая гвардия», неправильно показал героев и идею, за которую они погибли, сам жил несправедливо и из жизни ушёл, наложив на себя руки... Словом, не стоит лишний раз о нём вспоминать...

Я пыталась объяснить, что Александр Фадеев – это яркая страница, которую не вырвать из истории советской литературы, что его книга «Разгром» талантлива, что из жизни добровольно уходил не один писатель Фадеев... Но, увы!.. Вторая передача не вышла в эфир, и любознательные радиослушатели так ничего и не узнали о дальнейшей судьбе Александры Филипповны Колесниковой. Хорошо, что уже можно рассказать о ней сегодня.

Когда утихли бои гражданской войны и последний японский корабль покинул Владивосток, Александра Филипповна пошла учительствовать, а вскоре вышла замуж за публициста городской газеты Петра Матвеева. Брак был неудачным, и после рождения сына Льва они разошлись. Александра Филипповна жила в Средней Азии, затем – в Спасске (том самом, где были – помните песню? – «штормовые ночи Спасска, волочаевские дни»). Работала в Ликбесе (так сокращённо называлось учреждение ликвидации безграмотности), преподавала в начальных классах. Без отрыва от производства она окончила педагогический институт. После этого преподавала в старших классах вечерней школы. За плодотворный многолетний труд ей были вручены правительственные награды, среди которых – орден Ленина. Она отдала школе более тридцати лет жизни. После выхода на пенсию переехала в Волгоград, к сыну Льву.

Александра Филипповна вырастила хорошего сына. Лев успешно окончил школу, выбрал себе мужскую профессию лётчика и после окончания лётного училища был направлен для службы в Волгоград. Долгие годы летал командиром экипажа, звена. По болезни уволился с военной службы и стал профессиональным писателем. Он написал романы «Небо» и «Над уходящими тучами», повести «Лётчица», «Долина МИГов», «Прощание Славянки». У него вышли два сборника рассказов: «Первый полёт» и «Линия поведения», записки литератора «Набор высоты». Лев хорошо рисовал: из-под его руки выходили и большие картины, и открытки к праздникам друзьям и родным, рисовал на письмах, в блокнотах, рабочих тетрадях. Темы рисунков были постоянными: небо, море и любимая жена Нина.

Александра Филипповна часто вспоминала юность.

Мысленно переносилась во Владивосток, в 1916 год. Над улицей Светланской, на склоне каменистой сопки стоит так называемый Зелёный дом, отделанный под карнизом широкой полосой зелёного камня, – женская гимназия. А чуть повыше Зелёного дома, на той же сопке – здание Коммерческого училища. Гимназистки Нина Сухорукова, Лия Ланковская и она – Ася Колесникова – дружат с группой ребят из Коммерческого училища: Сашей Булыгой (настоящая

фамилия А.Фадеева), Гришей Билименко, Петей Нерезовым, Саней Бородкиным, Пашей Цоём.

Они часто встречаются, вместе бродят берегом моря, делятся друг с другом своими мыслями, планами, мечтами...

Среди них есть и певцы, и музыканты, и чтецы. Когда собираются у Ланковских, в домике на Набережной, с балконом, выходящим на Амурский залив, Саша всегда читает стихи – и читает, надо сказать, превосходно. Прошло тридцать лет, но Александра Филипповна ясно видит эту картину: Саша стоит прямо, слегка закинув голову назад. Правая рука его заложена за борт форменной ученической куртки. Он читает Пушкина, потом Некрасова, Надсона. После стихов все долго молчат.

– А ну, споём-ка, друзья! – предлагает Петя Нерезов. И тут уже наступает очередь Аси. Она едва справляется с робостью и волнением, но от этого песня становится только задушевней и краше...

А вот – спектакль «Борис Годунов», который поставили учащиеся Коммерческого училища. Конечно, на него приглашены девушки: Нина, Лия и Ася. Саша Фадеев играет Гришку Отрепьева – и неожиданно для всех это получается у него очень хорошо...

А вот – берег Амурского залива в непогоду. Разбушевавшийся тайфун бросает растрёпанные громады холодных волн на берег. Мрачно, холодно, неуютно!.. Но они – вдвоём, и им всё нипочём!.. (Кстати, этот вечер запомнила не только Александра Филипповна, но и Фадеев. Спустя годы он вспоминал об этом вечере в письме и писал о нем «милой Асеньке» с большой теплотой и грустью. И ей радостно было сознавать, что этот знаменитый, седой, много переживший человек сохранил в своём сердце такие светлые юношеские воспоминания и такие чистые чувства.)

В 1918 году большинство ребят ушли в партизаны. Среди них был и Фадеев. А когда окончилась гражданская война, многих из них уже не было в живых, а остальных жизнь разметала по всем концам страны.

Воспоминания переполняли Александру Филипповну. Она не знала, помнит ли её Фадеев, но однажды решилась и написала знаменитому писателю письмо.

Он ответил.

Так началась их переписка, оборвавшаяся лишь со смертью Фадеева.

«Вот, наконец, и я пишу Вам. Пишу один в комнате, в санатории под Москвой. Бушует гроза, окна открыты, уже очень поздний вечер, и мне очень хорошо, как бывало хорошо в детстве и в юности, когда за окном так же рвалась в темноте молния и лил шумный весенний дождь. И я не скрою, что мне хотелось бы быть сейчас подле Вас, потому что Вы – моя далёкая милая юность... Милая Ася! Если бы вы знали, как я вспоминал Вас и всё, что связано с Вами, в 1933-34-35 годах! В эти годы я дважды ездил на Дальний Восток – после такого многолетнего перерыва! – и жил там (главным образом под Владивостоком, на 19-й версте) первый раз – около полугода, а второй раз – целый год. В те годы Владивосток ещё очень мало строился. Я застал его почти таким же, каким покинул.

Я ходил по знакомым дворам и улицам, и всё, всё оставалось ещё прежним.

Но людей моего детства и моей юности во Владивостоке уже не было или почти не было. Мне некому было сказать: «А помнишь?..»

Я мог часами бродить по городу с грустно стеснённым сердцем, предаваясь воспоминаниям в полном одиночестве. Боже мой, сколько раз я проходил мимо домика, где столько прошло безвозвратного, счастливого! Я подолгу стоял возле него – над этим обрывом, над этим заливом, с которыми тоже так много связано в моей душе, и мне жалко было уходить, потому что не хотелось разрушать того грустного, чистого, как в детстве, строя души, который овладевал мною... Как жаль, что Вы были уже в то время за тридевять земель! Я всё время видел перед собой Ваше лицо, но, конечно, я его видел таким, каким я знал его ещё в ранние юные годы...

Я пишу Вам это письмо уже несколько часов, и мне жаль кончать его... Гроза уже прошла, и такой свежестью напоён воздух и действительно пахнет сиренью...

Это Ваше письмо, как и прошлые письма, подымает светлую печаль в сердце, но доставляет и боль, так как тот прекрасный, чистый круг жизни, который был начат мною мальчишкой, на Набережной улице, в сущности, уже завершён, и – как у всех людей – завершён не совсем так, как мечталось.

Скоро будет светать.

Целую Вас, моя далёкая юность...»

Александр Набока Луганск

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ. НЕСРАВНЕННАЯ МАДАМ ЧАН...

23 октября 2003 года в фешенебельной квартире в самом престижном районе Нью-Йорка – Манхэттене, в возрасте 106 лет, умерла одна из самых удивительных и влиятельных женщин XX века. Благодаря только лишь своему очарованию и поразительной женской интуиции, ей удавалось менять направления развития одного из самых сильных государств мира – Китая; а также очаровывать влиятельных политиков США, которые, покоровшись очарованию «Мадам Чан», давали всё, что она у них просила – денег, оружия и военной помощи.

«Злые языки» постоянно твердили о её бесконечных романах. Может быть, слухи и имели реальную почву. Но при этом она всегда оставалась верной помощницей и соратницей своего мужа – лидера Китая, генерала Чан Кайши (1887 – 1975). Она была рядом с ним и в период японской агрессии, и даже тогда, когда он вместе со своей разгромленной коммунистами армией был вынужден в 1949 году бежать на остров Тайвань.

В чём загадка этой женщины, сумевшей покорять даже самые чёрствые сердца? Вот в этом вопросе мы и попытаемся разобраться.

Будущая очаровательная Мадам Чан, в девичестве Мейнлин Сун, родилась в 1897 году в Шанхае, в семье Чарли Суна, китайско-американского бизнесмена и методистского проповедника. В своё время её отец получил образование в США и, как утверждает официальная история семьи, разбогател на торговле... библиями. Скорее всего, эта версия не более, чем ширма, скрывающая истинное положение дел семьи Сун, ставшей со временем стала одной из наиболее влиятельных в Китае.

У Мэйлин в семье было две старших сестры – Айлин и Цинлин, и три младших брата. Всем им в будущем суждено было играть важную роль в истории Китая. Так, например, Айлин стала женой уже престарелого «отца китайской революции 1911 года» Сунь Ятсена (1866 – 1925).

Очарованная рассказами отца, об учёбе в Америке, она также отправилась за океан в 1908 году. Она жила рядом с колледжем для девушек Wesleyan College, где училась её сестра. Так как она была слишком юна для поступления в колледж, она брала частные уроки у студентов. В 1913 году она поступила в престижный колледж для девушек Wellesley College, который окончила в 1917 году по специальностям «английская литература» и «философия».

Вероятно, именно в годы обучения в США она и поняла, что судьба покорной и верной китайской жены, живущей лишь интересами мужа, не для неё. Впитывая традиции американского феминизма, она верила, что сможет прожить свою жизнь ярко, красиво и независимо.

Однако дома её ждало разочарование. Возвратившись в Шанхай, она долго не могла найти себя, в господствующем там полуфеодальном обществе. Мэйлин часто ссорилась с отцом и матерью, которые видели её будущее у семейного очага и детской коляски. Не желая становиться «домашней рабыней», чего от неё требовала конфуцианская традиция, она начала работать в различных благотворительных организациях. Участвовала в ассоциации молодых христианских женщин (YWCA). Была членом шанхайской комиссии по детскому труду.

Вероятно, тогда она и стала ощущать свою власть над мужчинами. Без страха она заходила в офисы к влиятельным бизнесменам, очаровывала их и никогда не уходила обратно без чека. Полученные деньги трагично тратились на нужды китайских детей.

Её «жертвами» были не только толстосумы, но и даже стойкие советские чекисты. В начале 20-х годов ей удалось «приручить» большевистского советника китайского правительства Михаила Марковича Бородина. Он часто присылал ей домой листы бумаги, исписанные словами «единственная и дорогая».

В 1920 году состоялось её знакомство с будущим мужем – генералом Чан Кайши, который играл всё большую роль в политической жизни Китая. В этом худосочном, тридцатитрёхлетнем мужчине Мейлин увидела трамплин для осуществления куда более масштабных желаний – влиять на судьбу своей родины. И, несмотря на то, что Чан был в тот момент женат, у них начинается развиваться головокружительный роман.

Понятно, что о новом увлечении Чана вскоре узнала его жена Чэнь Цзеньшу. Она прекрасно знала темперамент своего мужа и его слабость к женщинам. Уже после первой брачной ночи он «наградил» её гонореей. Однако появление любовницы генерал объяснял политической целесообразностью. Мол, ему необходимо установить более тесные связи с влиятельным кланом Сун. В конце концов, Чан убедил жену уехать в Китай, лет на пять, «получить образование». За это время он вступит в брак с Мейлин, который будет не чем иным, как «политическим союзом».

Уже в Соединённых Штатах Чэнь прочитала в газетах о браке Чана с Мейлин, который генерал называл «самым искренним» и отметал все подозрения в том, что его заключение было вызвано политической необходимостью.

Обиженная женщина больше никогда не вернулась на родину, а Мейлин, ставшая женой диктатора в 1927 году, праздновала победу.

Следует сказать, что новая жена могла не только разрушать семьи, но и влиять на политические предпочтения мужа. Так, если до 1927 года Чан склонялся к союзу с большевистской Москвой, то после брака он полностью переориентировал внешнюю политику своего государства на Америку, столь любимую Мейнлин.

С началом войны против Японии, Мейнлин стала верной помощницей Чана, была его переводчиком и секретарём. Пламенными речами, она пыталась добиться помощи от западного мира. В 1936 – 1938 годах была министром авиации гоминьдановского правительства. В 1937 году Журнал «Time» назвал её вместе с мужем человеком года.

В 1943 году Сун Мэйлин приехала в США, где выступала перед Конгрессом. И вновь ей удалось очаровать часть американских политиков, которые, объединившись в «китайское лобби», выступали за немедленное увеличение помощи Китаю. В том же году она полностью покорила влиятельного американского политика Уэнделла Уилки, который был направлен в Китай в качестве советника.

– От вас исходит какое-то тревожное обаяние, – говорила она томным голосом этому плотному улыбчивому шатену. Поговаривали об их романе. Чан Кайши, узнавая об очередной встрече жены с американцем, устраивал скандалы. Но, боясь её потерять, он всё прощал своей любимой женщине.

После поражения Чан Кайши в гражданской войне с коммунистами 1946 – 1949 годов Сун Мейлин уехала с ним на Тайвань, продолжая играть важную роль в тайваньской политике, особенно после того, как её муж начал стареть. Была шефом тайваньского Красного креста.

После смерти Чан Кайши в 1975 она уехала в США, где жила в поместье, принадлежавшем её семье. В 2000 году она продала его и с тех пор жила в квартире на Манхэттене, практически не появляясь на публике. Мейнлин предавалась воспоминаниям и рисовала. В 2001 году в музее азиатского искусства в Сан-Франциско состоялась выставка её рисунков и картин.

Смерть настигла эту удивительную и деятельную женщину, сумевшую очаровать полмира, во сне. И главной её заслугой стало то, что она смогла внести в циничный и грязный мир политики хоть немного романтизма и интриги. Она доказала, что французская поговорка «Шерше ля фам», призывающая искать причину любого события в женском капризе, так и не потеряла своей актуальности.

ДРУЗЬЯ-ПОЭТЫ

Людмила Буратынская Донецк

БАБОЧКА

Бесшумен шаг карминноликой лжи –
плясуни на натянутом канате,
с невинным видом мечущей ножи
во всё, что так непоправимо свято.

Лукавой полулести, полуправд,
обряженных в бренчащие браслеты,
мне не поднять. А кто из нас был прав –
узнаем лишь, когда погаснет лето.

Танцующая бабочка любви,
твой кошенильный мир и пёстр, и ярк!..
И всё же, непрозрачен камень был
в кольце, так и не принятом в подарок.

БЫТЬ ЛЮБИМОЮ...

В старом доме с гобеленами,
с золочёными багетами,
сны мне снились чёрно-белые
и не снились разноцветные.

Почему-то пахли ладаном
за окном лесные ландыши.
И, казалось, что же надо мне,
и тоска ложилась на душу.

Там заросший сад с фазанами,
а в пруду качались лилии.
Но судьба чертила заново
на моей ладони линии.

И была я недотрогою,
и слыла я нелюдиною.
Ты мне отдал очень многое,
я хотела – быть любимою.

ЕЖЕВИЧНАЯ НОЧЬ...

Ежевичная ночь! Даже чуть ароматней и слаще...
Привкус Мого ментоловый, легкий сухой Шардоне...
Как у моря свежо! Не спасает тонюсенький плащик
на веранде с колоннами, напоминающей неф.

Полукружие бухты, луны запотевший фонарик,
до него, как и нам друг до друга, – рукою подать.
А прибой, хромоногий горбун, непоседливый карлик,
сердолики горстями швыряет к горе Карадаг.

Ты читаешь стихи, и ветра умолкают над миром,
звёзды в море скользят сквозь ячеистый невод небес.
Ты читаешь стихи, мой пришелец с созвездия Лира,
каждой новой строкою меня пригвождая к себе.

Укрывшись под одним плащом –
а дождик-то худой да редкий –
сидят, притихшие, в плющом
обвитой голубой беседке.
А рядом белогрудый голубь
зерно набухшее клюёт...
И дождик этот – просто повод,
обнявшись, посидеть вдвоём.

КУМПАРСИТО

Твой город, что наснился мне тогда
прибежищем невежд и корифеев,
где, что ни шаг – восточный дух кофеен
и – по-турецки, стылая вода
в каналах, окантованных гранитом,
где каждый камень – ревностный хранитель,
держатель вечный тайн, интриг и дат...
Там, ветром задуваемой свечой
вставал маяк над предрассветной бухтой,
и припадало небо чутким ухом
к груди холодной глади. А ещё
из полумглы безлюдного причала
там музыка призывная звучала
так огненно, так дерзко-горячо.
На полузатонувшем корабле,
ослабившись, матросы, жадно, сыто,
следили, как под звуки Кумпарсито
ты увлекал меня в па-де... колен,
движений, жестов, слившихся дыханий.

Смеялись скрипки. Сыпались стихами,
срываясь звёзды в память, сквозь года,
в твой город, что наснился мне тогда?..

Игорь Годенков Киев

**Из цикла «СТИХИ О РОДИНЕ»
РОДИНА**

Мне не хватает старенькой скамьи
У обветшалого забора в той деревне,
Где сморщенной черёмухой поник
Закат багровый над вечерней тенью...
Мне не хватает ветхого крыльца,
Ведущего в воспоминанья детства,
Запомнившего деда и отца,
Шаги войны, нужду голодных бедствий...
И нужен мне – весь в трещинах – порог
С осыпавшейся блёкло-рыжей краской,
Изведавший подошвы многих ног,
Бессчётное число знакомых «Здрасьте»...
И горницы просторный полумрак,
Где Прошлого в углах таятся тени,
На подоконнике просыпанный табак,
Скрип половиц, в цветках обоев стены;
И русской печки уже стухший жар,
Заслонка и ухват чумазый в саже,
Иконки древность, где свечи нагар
Снимался моей бабушкой уставшей...
Мне не хватает Родины моей!
Хотя б на час, хотя б на миг какой-то!
Чтоб поклониться мог за все я ей,
Вернув любовь своим родным Истокам ...
8.02.2000.

ДЕТСТВО

Когда прогнёт груз жизни ровность плеч
И высечет резцом в лице морщины,
Неторопливо-мудрой станет речь,
Недостигаема обыденной рутинной;
Когда сугробом снежным заблестят
У глаз поблекших, поредевши, пряди,
Духовно-зорок станет тихий взгляд,
И отразится список лет во взгляде –
Тогда все чаще будем вспоминать

Мы наше детство, где ещё в Дорогу
Не провожали нас ни Бог, ни мать –
А мы не знали, как молиться Богу...
17-18.03.2000

... Незамутнённый, чистый взгляд
На наших юных фото...
Ещё не ведал он преград,
Не уставал в заботах,
Ещё к нему не липла грязь
И ложь не приставала,
Не жгла, чтоб стухнуть после, страсть
В предательстве обмана;
И по глазам не било зло
Обид, непониманья,
И недоверье не взросло
Познанием страданий...
Незамутнённый чистый взгляд
С наивной детской верой,
Что жизнь вокруг – цветущий Сад,
Где нет колючих терний,
Где правды звук – не полуложь,
Где белому быть белым,
Где Совесть кривдой не убьёшь,
Чтоб вверх ползти по телу;
И где не продается Честь,
Незыблемы законы,
И счастье в жизни этой – есть
Для всех не по талонам,
Не по родству и кошелькам,
Услугам разным, связям;
И презираем всеми хам –
Не избираем в князи;
Не плачет Небо от утрат
В нас нужного чего – то...
Незамутнённый чистый взгляд
На наших юных фото...
21.03.99

Нет, грозы надо мной не зря гремели
И били ливни хлётко по лицу,
Не зря свистели мне зимой метели,
Путь заметая к милому крыльцу...
Не зря так долго Родина лишь снилась

И отнимала жизнь глаза друзей,
Порой слеза неслышная катилась
И вслед шептал кому-то я: «Бог с ней...»
Не зря учила жизнь меня терпенью
И испытанья шли за валом вал,
И было мало света, много – тени,
И сны кусались тысячами жал...
Не зря, казнясь грехами жизни этой,
Я совесть препарировал свою,
За каждый шаг свой призывал к ответу –
И дальше шёл – у бездны на краю
Из сил последних – но ещё держался
За Долг свой неисполненный земной.
И ждал Господь... Я верю, что д о ж д а л с я,
Меня,

и мой Господь – со мной...

17.02.2000

Сергей Евсеев Киев

То солнцем весенним согреты,
То грустью осенней томясь,
Идут по земле поэты,
Идут, и скорбя, и смеясь.
Их души открыты всем ветрам,
Их судьбы – то к небу, то в грязь...
Идут по земле поэты,
К счастливому свету стремясь.

ДОРОГА

Настоящего, чистого – мало.
Ну, а если и есть – все не то.
Оттого к поездам да вокзалам
Выхожу в своём старом пальто.

И по жизни бреду одиноко,
Разрывая безмолвия нить.
О, дорога, родная дорога.
Видно, мне без тебя не прожить.

Видно, мы навсегда породнились
В том краю, где снега и мороз.
А унылую стужу и сырость
Нам, увы, полюбить не сбылось.

Ничего, это все преходяще.
Как пришло, так и сгинет вовек.
Ведь не в завтрашнем – лишь в настоящем
Может счастье найти человек.

Так куда ж всё бредёшь одиноко,
Разрывая безмолвия нить?
О, дорога, родная дорога,
Знаю, мне без тебя не прожить.
1989

Отмеченный чёрным недугом,
Ни о чём уже не мечтая,
Я хотел бы остаться Вам другом,
Дотянуться душой до рая.

Я хотел бы остаться Вам верным,
Но влечёт меня странная сила.
Это близко развязка, наверно,
Это значит – судьба не простила.

Это значит, что жить мне в изгнание
И смириться с печальным итогом:
Запоздало мое осознание –
Слишком часто мы ссоримся с Богом.
1990

Вот опять пустота и безбрежность,
И опять этот варварский пыл.
Где ж твоя безграничная нежность?
Да и сам я душой поостыл...

Всё смотрю и смотрю за окошко.
Напряжённю, с надеждой немой.
Никого, лишь бездомная кошка
Пробежит меж домов стороной.

Тишина, только сердце стучится,
Уж не в силах влюбляться и петь.
Сердце словно подбитая птица,
Обречённое столько терпеть.

Закудрявилась снежная замаять,
И трепещет вдали огонёк.
Тихо полнится радостью память
Переполненных чувствами строк.

Что ж, кудесничай, радуйся, буйствуй,
Золотых моих снов верей.
Чтобы силой и прелестью чувства
Озарилась дорога моя!

осень 1993

Снова льётся за окном молебен.
И опять стирает вечер краски.
Посмотри в окно, как город беден!
И уже не вспомнить прежней сказки.

Посмотри, как улицы пустынно,
Как зловеще в небо вторглись тучи.
И плывёт-плывёт среди мглы унылой.
Грёз твоих неугасимый лучик.

И зовёт в страну мечты и счастья,
Где ещё всё живо и сегодня,
Где возможно жить лишь настоящим
И так ясно слышен глас Господний.

Тамара Егорова Ялта

В дыханье слов тихонько растворюсь,
в смятении душевном не заметив,
как нежная опаловая грусть
закинула пленительные сети.

Как будто жизнь к пределу подвела,
к началу безвременного отсчёта.
В твоих зрачках – загадочная мгла,
зеркальный отзвук незнакомой ноты.

Свет прошлых жизней, изнутри взойдя,
в беспмятство, как привкус сладкой муки,
серебряной тональностью дождя
окрасил отболевшие разлуки.

Тот дивный свет, мелькнувший серебром,
как тайный зов, пронизанный любовью.
Как будто Ангел трепетным крылом
незримо прикоснулся к изголовью.

Созрел закат, позолотив зубцы
прибрежных скал прощальными мазками,

рассыпал в море золото пыльцы
и задымился вместе с облаками.

Меланхолично плещется волна.
Затылки гор очерчены сурьмою.
Встречает бриз алеппская сосна,
ствол наклонённый обращая к морю.

Вдоль набережной медленно плывёт
печальной флейты голос серебристый,
едва касаясь краешками нот
соцветий олеандровых и листьев...

Встречаю зарю среди донников росных,
у края обрыва застыв.
Взметнулась душа и запуталась в соснах,
как ветра свободный порыв.

Палитра цветов, вариации линий,
вокруг разнотравья дурман.
Под куполом неба пронзительно синим
поёт многозвучный орган.

Вселенский язык только кажется тайной,
здесь игры ума не нужны,
чтоб видеть заката автограф печальный,
смеющийся профиль Луны.

Незримый я чувствую мост единенья,
сотворчества разных стихий.
Ко мне органично в такие мгновенья
нежданно приходят стихи.

Окрасилась суриком горная круча,
зарделся тумана клочок.
Слова созревают, сплетаясь в созвучья
ещё не родившихся строк.

ЧАС БЕЛОЙ ЛУНЫ

*«Ночь нисходит, тайн полна,
Загорается Луна...»*

Дж. Китс

Исчезли контуры и линии,
утратил чёткость горизонт.
Покрылось небо звёздным инеем,
и помрачнел Эвксинский Понт.
Взошла Луна прохладно-белая

пастельным матовым пятном,
гроздь винограда загорелая
мерцает влажным серебром.
Застыла над откосом пиния,
на башне брякнули часы.
Крадётся ночь аспидно-синяя
бесшумной поступью лисы.

ЗОВ МОРЯ

Размякнув от жары на юге,
спешу на север, в синь полей,
чтоб поразмыслить на досуге,
что ближе мне и что родней.
Чтоб ветру распахнув объяття,
стоять на берегу реки,
чтобы надев в горошек платье,
срывать на поле васильки.
Чтоб в бане до изнеможенья
усвоить русское с азов,
а ночью на душистом сене
услышать моря тихий зов.

Александр Конопля Харьков

Я не спорю с упрямой судьбой,
Расплетающей чёрные косы
Вдоль полей, огородов, откосов,
Вдоль реки, потерявшей покой –
И ломается лёд словно кости.

Растревожена стылая высь
Недоспавшими тучами с юга,
Чуть ожившим, взлохмаченным лугом,
Где крадётся зима, словно рысь,
По отметкам, оставленным плугом.

Хмурый ветер читает стихи,
Пустоту наполняя дыханьем.
Я мечтаю о простенькой хате,
О дворе, где кричат петухи,
Поджигая округу нахально.

Наступает иная пора,
Откупорено зелье хмельное,
И бредут по наитию ноги.

Отлетает, как грязь, мишура.
И душа
надоедливо
ноет.

Не выгнать зиму луговую,
Обвили щупальца траву,
Я ночь уставшую разую,
Луну разбитую сорву.

Не слышно хрюканье из хлева.
Не смазан в погребке засов.
Не пахнет поле тёплым хлебом
И мысли – тяжелее слов.

Камыш упрямою судьбою
Мне исподлобья смотрит вслед.
А ветер тощею рукою
Стирает дни забытых лет.

И не согреться мне в фуфайке.
Не держат валенки тепло.
И чьи-то сны весёлой стайкой
Сквозь темень в душу занесло.

ПИЛИГРИМ

Что ж, прощай. Не знаю –
Свидимся иль нет.
Тучи серой стаей
Спрятали рассвет.

Не забыл тревогу,
Не забыл мечты.
К твоему порогу
Положу цветы.

Не возьмёшь – не надо.
Не простишь – и пусть!
Далью безотрадной,
Как платком, утрешь.

Пахнет в городе пылью весна.
Стаял снег, не успев попрощаться.
Ночь упрямой несущкой снесла
Очертанье ушедшего счастья.

Бормотал угловатый трамвай
По дороге, петляющей сонно.
Мы разбили стеклянный январь.
И посыпали прошлое солью.

Город в гриме сквозь окна мелькал.
Контролёрша, как рыба, зевала.
Ждал меня одинокий вокзал
С суетою помпезного зала.

Брошу гривну бедняге-бомжу
И спущусь по ступенькам на площадь.
Провели мы с тобою межу:
Город твой, а мои – луг и роща.

Вновь слышу волны Коктебеля.
Вчера сбежал – просоленный и злой.
Кривые горы надоели –
И вот иду знакомою тропой.

Иду в обнимку с каждым клёном.
Целую трав притихшую красу.
Мне надоел тот пляж холёный,
Где так и не попробовал самсу.

Попалось лето в паутину.
Линяют кроны, конопат простор.
Мне надоел досуг утиный
И виноградников хмельной укор.

Закроет глаз закат далёкий.
Уснул следы в исхоженном лесу.
Вновь вижу пляж в волненье лёгком,
Где хочется
попробовать
самсу!

Андрей Линник Харьков

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН В ЭСТОНИИ

Пожилой, постаревший, уставший,
В лёгкой блузе рыбацкой, простой.
Где же тот, словно гром громыхавший?
Лишь в глазах только – блеск молодой.

Где создатель «поэз грандиозов»,
«Ананасов в шампанском» певец?

Одиночества, бедности проза –
«Короля» столь бесславный конец.

Здесь, в Эстонии, мало кто знает
Кто такой этот скромный рыбак.
И его здесь почти не читают –
Позабыт, будто канул во мрак.

Он стремится душою в Россию
И во сне часто видит её.
«Возвращением блудного сына
Возвращение будет моё, –
Говорит он себе, вспоминая
Детство, молодость, шумный успех,
Я вернусь. Мать Россия, родная,
О прими же заблудших нас всех».

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Пленный дух. Полёт. Стремленье. Танец.
Кем он был – кто сможет нам сказать?
Вспышка света? Луч? Протуберанец?
Бирюзу струящие глаза,
Лоб крутой, сократовски-высокий.
Рот в полуулыбке – Арлекин?
О Руси его читаешь строки –
Сколько в них надрыва и тоски!
Воспаряя к золоту в лазури,
Как Икар он обжигал крыла...
Бушевали мировые бури
И душа – мятущейся была.

ТОМИК ВОЛОШИНА

Сонет

Да разве я один?! Ведь есть со мной стихи.
От пошлости – поэзия спасает,
Хоть в прозе быта мы погрязли сами,
Мирской так много в нашей жизни чепухи.

Зерно поэзии ищу среди шелухи.
И Время тихо шелестит листьями
Той книги жизни, что мы пишем сами,
С беспечностью творя ошибки и грехи.

И я бываю слаб и немощен, нетвёрд,
И омерзительно от нуворишей морд,
И на душе так скверно и тоскливо.

Тогда Волошина я томик достаю –
И, как в крещенскую ныряю полынью,
В мир Киммерии... Вот и отпустило.

КАТАРСИС

Сонет

Медвяный цвет июльского заката,
И вязкий зной, струящийся устало.
Весь день светило жарко припадало,
А ныне – стало долькою цуката.

Когда же ливня прозвучит токката?
«Вода – животворящее начало,
Сойди с небес, – земля в бреду стонала, –
Пусть грянут грома щедрые раскаты!»

Нисходит ночь и, словно зову внемля,
Раскосый ливень орошает землю.
Гроза приносит радость очищенья,

Шагая тяжкой поступью надмирной.
Так и душа: грехами пусть томима,
Ей покаянье даст освобожденье.

Елена Мельник Макеевка

ПОЛУСОН

Светает. Неба слабый свет
ещё пробиться не умеет.
Фонарь... и тень – ажур скамеек,
прохладой из окон веет,
натёртый холодит паркет.

И занавесок серебро
ложится тенью у иконы, –
как будто гор крутые склоны,
и зацветают анемоны
на неизвестном мне плато.

ДОМОЙ...

А бежать уже не надо...
день изменчив и шалит.
За углом большого сада
пара солнечных раки.
То дождит, а то играет
солнце в лужах на лугу.

Дверь скрипучая сарая
льнёт к большому лопуху.
Ходят куры, ищут просо,
то кудахчут, то гребут.

Над плодами абрикоса
надоедливые осы –
сушит мама курагу.

Здесь до боли всё знакомо,
хоть и пройден долгий путь.
Щурится родня у дома, –
приезжаю отдохнуть.

Не забыт, не позаброшен
дальний плёс и яркий луг.
Сердца горькие вопросы
я решаю только тут.

Приезжаю... уезжаю,
многое в себе храня:
светлый праздник урожая,
тишину родного края,
радость благодного дня.

В своём доме легко и просто,
никто не рвётся поучать.
На окнах расцветают розы, –
им нравится со мной молчать.

И колокольчики, и птицы,
и бабочек весёлый рой.
И были все, и небылицы,
и шаль с восточною каймой.

И аромат духов! И ладан,
и душистой палочки струя.
Чего ещё на свете надо?..
Была бы радость бытия!

Всего хватает в идеале,
ничем Господь не обделил.
Свернусь клубочком в одеяле,
и слушаю дождя мотив.

Вот уже на исходе июнь.
Приделались птенцы, зарумянились вишни.
И ковёр травяной – и душистый, и пышный
наполняется звуками солнечных струн.

Кто теперь не поёт, кто в лугах не свистит!
Занимательной стала дорога, и к лесу
потянулись с лукошком, дразня аппетит,
только в планы друзей я не лезу.

Мне хватает тепла на веранде. И птиц
я приветствую музыкой Листа.
И не надо нам шума обеих столиц,
и не надо идей реформистов.

Сад окреп и теперь полон соков и дум...
И покой, и уют закачали нас в кресле.
Зреют груши под музыку солнечных струн,
и мурлычутся новые песни.

Я не была пресветлой, золотой.
Зато была и огненной, и рыжей.
Пустынь песок и выжженный лесок
мне и родней, и почему-то ближе.

Я не была послушною в семье
и задавала встречные вопросы.
Огонь свечей и солнечный ручей
меня запомнят худенькой и босой.

Я, видимо, наделала беды,
по осени разбрасывая листья...
мне всё – не шёлк! А дождик шёл,
и я в него макала кистью.

Я рисовала на просвет.
И холст мой был всегда прозрачным...
то рыжий в крапинку песок,
то птиц неясный голосок
и – непременно – домик дачный.

Владимир Миронов Ялта Крым

РУСЬ МОЯ

Высью ястребиною,
Далью светлоликою,
Где заря – рябиною,
Небо – голубикою

Растеклась Россиюшка,
Что Кагор по скатерти
С православной силушкой
С нищетой на паперти!

С расписными ложками,
Гжелью, самоварами
Снова ты придёшь ко мне
С лапотно-букварными

Думами с узорами –
Как с резными ставнями,
С башнями дозорными,
Где вороны стаями,

С крепостями тёмными,
С крепостными смердами,
С нимбами и тёрнами,
Где Святые – смертные

На иконах ликами
В серебре да золоте...
Встанешь Русь Великая
В роскоши и голоде,

В святости и в оргиях...
К чести – кровь траншеями
В рай попасть с «Георгием»,
С «Анною» нашейною...

Где идут догробные
Жёны, вслед за войнами:
Кто канвой окопную,
Кто в Сибирь конвойную

Лесом да болотами,
Да с таёжным снадобьем,
С бабьими заботами
И с любовью надо бы...

Уповай с покорностью
К Божьей справедливости,
Русский Муж из гордости
Не потерпит милости.

Эко смотрит беркутом,
Пред судьбой не горбится,
«Упаси Бог в рекруты» –
Вдово станет в горнице!

В дни междувоенные
Жить, гулять дозволено...
Есть топор с паленьями
Да рука мозольная!

С балалайкой пьяною,
Выйдет (в рёбра – чёрт ему)
С девками румяными,
В баньку, да по-чёрному,
Да с крещеньем в проруби...
С драками и бреднями,
Утром, на хмельной брови
С пятаками медными,

С квасом да рассолами,
(Дурь ещё не вышла вся)
И рубаха сколая * –
Не успела вышиться...

.....
Русь патриархальная
Где-то, тьмой заросшая,
В судьбах – вакханалия**,
Доблесть – низагрошная,

Хоть слезу да выдави,
Грусть вживай по семени –
Русь, рожай Давыдовых,
Пушкиных, Есениных!

Что бы слово явственно
Жгло на сердце порванном,
Чтоб летело ястребом,
Не вернулось вороном!

* Рубаха сколая — (устар.) новая, но ещё незаконченная в пошиве или в вышивке: намётана или части её приколоты булавками.

**Вакханалия — пьянство, праздность, распутный образ жизни.

Не опишешь книгою
Песню соловьиною...
Грезит ночь – черникою,
А заря – рябиною!

Людмила Некрасовская Днепропетровск

ГОРЕЛКА СОЛНЦА. МАРТ КАТАЛИЗАТОР

Горелка солнца. Март катализатор.
В пробирке сердца кислота любви.
В органике известный консерватор,
Ты всё ж ингредиенты обнови.
Пускай кристаллизуются невзгоды,
Чтоб нам в дальнейшей жизни не мешать.
Маячат впереди недели, годы...
А значит, не состарилась душа,
С надеждой ждёт обещанное завтра
Тепло, и верит в чувственный процесс.
Но почему потомки динозавров
Так оголтело каркают с небес?...

ТЫ РЕКИ, РЕКА

Ты реки, река, плеском пенистым
Про пути свои многотрудные.
И про Сокола, и про Финиста
Ты поведай мне сказку чудную.
Но скорбит река: за большой горой
Он сразиться смел с вражьей силою.
И теперь ему не лететь домой,
Зря сердечко ждет птаху милую.
Ты реки, река, бережок крутой,
Как хожу к тебе с каждой зорькою.
Не узнает он, долгожданный мой,
Что вода твоя стала горькою.

ЕСЛИ ТЫ УХОДИШЬ ИЗ ДОМУ

Если ты уходишь из дому,
Мир ввергается во тьму.
И ни сладкому, ни кислому –
Я не рада ничему.
Зависает как пророчество
В небе чёрная звезда.
И кричат от одиночества,
В ночь сбегаая, поезда.

КАК ПРЕЖДЕ Я НЕ ПОНИМАЛА

Как прежде я не понимала,
Что небом дан нам знатный куш:
Ведь нет божественной начала,
Чем человечность наших душ.
Теперь, на мир взирая строго,
Я говорю себе: «Пойми,
Чем выше мы стремимся к Богу,
Тем больше быть должны людьми».

ТЫСЯЧЕЛЕТЬЯ СУЕТЫ ДОСТАЛИ ДО ПЕЧЁНОК

Тысячелетья суеты достали до печёнок.
Зачем и кем обречены на эту круговерть?
Мы, как подопытная мышь, мы, как слепой котёнок,
Не знаем: что такое жизнь и что такое смерть.
Хоть поиск смысла бытия – излюбленная тема,
Многозначительный намёк в молчании небес,
А есть ли счастье на Земле – всего лишь теорема,
Которой сотни аксиом невзгод в противовес,
Но в непрерывности времен, дискретности пространства,
Стремясь молекулы любви отыскивать в судьбе,
Тысячелетия подряд с немислимым упрямством
Мы продолжаем долгий путь, нелёгкий путь к себе.

СТОЛЬ УБЕДИТЕЛЬНЫ ПРИМЕРЫ

Столь убедительны примеры,
Что нет неверия сильней,
Чем у людей, что жили верой,
Разочаровываясь в ней.
Но и другое видел свет.
Не потому ли мир неистов,
Что яростней служенья нет,
Чем вера бывших атеистов?
И потому, слагая стих,
Пока не высохли чернила,
Прошу, чтоб жизнь меня хранила
От убеждённостей былых.

ТЫ ПРОСИШЬ КАЖДОМУ УДАЧИ?

Ты просишь каждому удачи?
Ты поступаешь хорошо?
Но этот мир не предназначен
Для зверя с доброю душой.
Здесь всяк живёт мишенью в тире.
И тяжело осознавать:

Чтоб сохраниться в этом мире
 Необходимо убивать
 Цветок ли, птицу ли... Кровавый
 У песни-смертушки мотив.
 Вы слышали, как плачут травы,
 Слезами росы распутив?
 Так почему несправедливо
 Вселенную устроил Бог
 И этот мир, такой красивый,
 До невозможности жесток?

Светлана Остров Днепродзержинск
«МОЙ ЖАРКИЙ ЛЁД, И ПЛАМЯ, И ОЧАГ»

Стасу Бойко

Токует днем и ночью бригантина
 Вздывает ветер крылья парусов
 На отмели. И небо, и глубины
 Возносят теплый клеток лебединый:
 «Грей, где ж ты, Грей? Вернись! Вер-нись...
 ...А-соль...»

Корабль скрипит кормою на изломе –
 Мерещится во снах полынный двор.
 На сваях дом, в предугрешней истоме,
 Забрешит чуть, по капитану стонет,
 Склонясь к оврагу, подперев забор.
 Морского волка ждут под отчим кровом,
 Пылать очаг надежды не устал.
 А что ж бродяга? Повелению Слова
 Покорный, предпочел дороги вновь –
 Поэтам богом велено летать.

Слывет «своим» в искусстве пилотажа,
 Ас-менестрель поет средь облаков,
 Горит, строкой в пике входя отважно,
 Скиталец-непоседа, верный страж он,
 Агонии ахматовских стихов.

Славянскому Колумбу всё подвластно:
 Сонета «жаркий лёд», и оды соль.
 Но канут в Лету Лет мгновенья счастья,
 Не оплатить их славой, безучастной
 К слезам невесты, девочки Ассоль.

АНТРАКТ

Ночь включит редких звёзд прожектора,
Надежды унесёт в мешке заплечном,
Смятение оставит до утра
На сцене стыть. Я знаю, что в антракт
Придет и обновит маэстро Вечность
Свой звукоряд. Вплетёт он в птичий грай
Звонков тревожный клекот, шёпот, вечер,
Стихи дорог.
– Ты нас, скрипач, сыграй,
Влюблённых, не расставшихся в размай!
Сыграй травую пахнущие плечи,
Сыграй...

СТОЮ НА ПАПЕРТИ...

Весна, плывёт в пространстве обретённом:
В кораблике ожившего листка
И строчки нет. И сомкнуты уста
У подмастерья плотника, Христа.
У очага – Мария, не Мадонна...

Разлито в плошки чистых окон небо,
Парит и вкусно пахнет на столе.
И девочка рисует на стекле
Ей незнакомый профиль. А в земле
Уже проснулось семя в рост и в стебель!

Со дна весны кресты погостов больно
Скрипят цепями ржавых якорей,
Разбуженные кликом журавлей,
В расхристанный рассвет хрипят: «Скорей!»
.....

Стою на паперти за новой ролью...

КУКОЛКА-МОТАНКА

В Параскеву Пятницу*
я смотаю куколку,
Добрую хозяйюшку,
милую жену.
Развесёлы здравицы
буду петь без умолку,

**Параскева Пятница – В Древней Руси Св. Параскеву почитали как охранительницу семейного благополучия, целительницу от телесных и душевных недугов. Храмы и часовни, возводимые в её честь, называли «Пятницами». Поскольку пятый день недели на Руси был базарным, то Св. Параскева стала покровительницей торговли и свадеб, которые чаще всего справляли в пятницу.*

Заплету в головушку
травушку-весну.
Лентой крестик выложу
да на белом личике,
Наряжу Мокошеньку
в пестрядь и тесьму.
– Нету ладу, удержу,
накажи обидчиков!
Научи, пригожая,
счастью да уму.

Лина Пятак Харьков

УГОЛОК ЗЕМЛИ

Есть уголок Земли,
что с детства мной любим!
Из космоса
он так похож на сердце.
И чтоб без медитаций
мне согреться,
по вечерам
я вспоминаю Крым.

И я уже не здесь,
а всей душою там,
где волны не скрывают
свой характер,
где даже пляжи для духовных практик
открыты по ночам и по утрам.

Есть уголок Земли,
где нет суровых зим,
где вместо снега – мороси и ветры.
Мне, женщине из прошлого,
из ретро,
дано любить мечту о лете – Крым.

В СТАРОМ САЛТОВЕ

Толпа детей и взрослых.
И... одинокий чёлн.
Танцующие сосны
под плеск весёлых волн.

Здесь дикая природа
как в море островок, –
тот, что ещё не продан,
но отдан под залог.

И мы с тобою рады,
забыв про суету,
рассветы и закаты
встречать неспешно тут.

Свободен дух! И я теперь могу
раздольем упиваться на лугу
или бродить в лесу
по тропам узким
без цели. Без навязчивого чувства
зависимости ото всех и вся.
Жить без свободы
мне теперь нельзя.

Весна прибавит мне веснушек,
и станет лёгким вдох и след.
Я не была женой послушной
и надо ли на склоне лет?..
Весной развеются тревоги.
Иду встречать её гонца.
Весна уже мостит дороги –
те, что ведут к людским сердцам!

У осени запах антоновских яблок.
И вкус барбариса. И цвет янтаря.
А я под гипнозом хореев и ямбов
пишу – как рисую – стихи сентября.
Дожди размывают неровные строчки,
стихи превращая мои в акварель,
где тени деревьев, цветы и листочки
окутал неистово солнечный хмель.
У осени столько оттенков и красок,
что день её каждый и ярок, и нов:
художнику хватит на сотню пейзажей,
поэту – на целую книгу стихов.

ЕЩЁ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

Я думала, она ручная,
что удержать её смогла.
Но мне твердит тоска ночная:
«Не сберегла, не сберегла...»

А ведь в руках держала крепко,
чтоб ставить во главу угла.
О, Боже, как мы в чувствах слепы!..
Не сберегла; не сберегла...
Не удержала, не сумела.
Любовь расправила крыла
и в ясно небо улетела...
Не сберегла, не сберегла...

Павел Сердюк Донецк

На уставшем крымском берегу
я лежать без усталости могу.
А могу успех изображать,
чтению газет принадлежать,
созерцать красоты юных дев.
Шевелюра, сильно поредев,
разглашает возраст между строк.
Бедность, как известно, не порок,
но не добродетель в сих местах.
Остаётся истины в листах
книг библиотечных изучать.
И степенность духа излучать.
И гордиться тем, что сивый мерин
не помнёт копытом борозды,
если будет слабый пол намерен
впрячь его в интимные бразды.

Какое-то вернулось лето.
Спросонок стать не разобрать –
девичье, бабье? Жизнь атлета
начну с зарядки. Разодрать
глаза, скреплённые Морфеем,
взбодрить мыслительный процесс
сбежавшим на плите кофеем.

Взглянуть на законный Цельс,
одеться со шкалой согласно
и выйти спешно со двора.
Проверить связки буквой гласной,
подставить выю богу РА –
и обогреть лучами кожу.

И сесть в маршрутке у окна.
И тихо изучать прохожих,
себя и наши времена.

На Бердянской, на косе
Лера выглядит, чем все,
ярче. О её красотах
разговоры ходят в сотах
телефонных всех сетей.
Голосами двух третей
избирателей косы
подтвердилось, что красы
там не видели такой.
Большинству мужчин покой
не вернуть. Увидев Леру,
все блаженствуют и склеру
глаз своих ошеломляют.
В интернете уж гуляют
слухи, что переиначат
их Бердянск на город Лерск.

Эти факты много значат,
в том числе и для меня,
проживающего всуе...
образ твой живописую
с августа шестого дня.

Ночная жизнь морских прибрежий
слегка подсвечена огнём
светил небесных, спичек, реже –
влюблённым взглядом. Только в нём
всех сущих на земле начало.
И чище нет того огня.
Жаль, что не часто замечало
Его Сиятельство меня.

ИНТЕРВЬЮ ПЕГАСА

Александр Морозов Дебальцево

ВЛАДИМИР СПЕКТОР: «СОЮЗЫ ВТОРИЧНЫ, ГЛАВНОЕ – ТВОРЧЕСТВО»

В Украине, как и везде, литература развивается по законам, продиктованным контекстом окружающей жизни. Кто-то пытается зарабатывать деньги (большие или малые, по крайней мере, одному из писательских союзов государство ежегодно выделяет солидную материальную помощь), кто-то просто реализует данные от Бога способности, ибо без этого просто не может, но продолжает работать инженером или сторожем, рабочим или преподавателем. Очень редко в последние годы люди пишущие называют себя в разговоре писателями – профессия нынче потеряла свой престиж (то же самое можно сказать о журналистике, чья продажность стала нормой). О том, как живут писатели в стране, давшей миру Шевченко и Гоголя, Даля и Гринченко, Франко и Короленко (перечислять можно долго), мы беседуем с заслуженным работником культуры Украины, поэтом, журналистом, лауреатом литературных премий, среди которых – премии имени Юрия Долгорукого и Арсения Тарковского, руководителем Межрегионального Союза писателей и сопредседателем Конгресса литераторов Украины Владимиром Спектором.

А.М.: Владимир Давыдович, в чём назначение писательских союзов сегодня, и каково место возглавляемой Вами организации в общественной и культурной жизни Украины?

В.С.: Действительно, литература развивается, невзирая ни на что. Книг издаётся великое множество, и, хоть тираж их невелик, главное, чтобы они находили своего читателя. Издаться сегодня очень легко – накопить несколько сотен гривен и явить миру своё творение, то ли элементарно зарифмовав банальные мысли, то ли изложив их в стиле заурядного школьного сочинения. Это под силу практически каждому грамотному человеку. В этом опасность девальвации литературы, деградации книги. Но – и возможность для каждого талантливого человека свободно издать своё произведение без унижений, склок и интриг. Во всём, как всегда, есть плюс и минус. Говорят, читатели голосуют за хорошие книги своими деньгами, покупая понравившиеся издания. Оставив в стороне оскорбительную дороговизну книг, которые вполне могут стать предметом роскоши (более 100 гривен за книгу – это, на мой взгляд, ненормально), выражу сомнение в том, что только хорошие книги становятся бестселлерами. Я, к примеру, уважаю труд таких коллег, как Донцова, Маринина, Акунин (а они являются лидерами продаж), но читаю других авторов. При этом не делю их на русскоязычных или украинских, ибо читаю на обоих языках. А на вопрос, в чём же назначение писательских союзов, ответ, должен быть таков: главное, что они дают – это ощущение причастности к профессиональному сообществу литераторов. Союз может и должен издавать свои газеты, журналы, альманахи, оказывать поддержку выходу интересных книг, пусть, даже, не материальную, а моральную, в виде рекомендательных писем к издателям и спонсорам,

проводить конкурсы и фестивали, награждать наиболее отличившихся авторов литературными премиями. Всем этим, на мой взгляд, достаточно успешно, в Украине занимается наш Межрегиональный писательский союз. Он был организован в 1993 году, когда группу писателей – Олега Бишарева, Владимира Гринчукова, Александра Довбана, Александра Сигиду, в том числе и меня – без каких-либо объяснений не приняли в Национальный союз. Если я это воспринял спокойно, так как работал инженером и был обеспечен работой, то остальные поставили на писательство свою жизнь, и для них этот отказ был тяжким ударом. Они, недолго думая, поехали в Москву и пробились на приём к Сергею Михалкову, Тимурю Пулатову, Расулу Гамзатову, Юрию Бондареву, показали наши книги. Им посоветовали организовать филиал Международного сообщества писательских союзов (правопреемник Союза писателей СССР) и тут же выдали членские билеты. С тех пор Межрегиональный союз и существует, хотя официально зарегистрировали его в Министерстве юстиции в 1997 году. Сегодня в его рядах свыше 600 писателей из 18 областей Украины. А начиналось всё с десяти человек. Издаётся газета «Отражение» (в Донецке, благодаря подвижнической деятельности Юрия Лебеда, Юлии Дубчак и Михаила Деркача), альманах и сайт «Свой вариант». Практически, в каждом городе выходит свой альманах: в Харькове – это «Харьковский мост», в Хмельницком – «Медобори», в Днепропетровске – «Крила» и «Форум»... И это очень дружеская организация. У нас хорошие отношения со многими членами Национального союза. Что нам делить? Нам нужно только приумножать.

Союзы вообще вторичны, а главное – творчество. Но для писателя важно ощущать плечо друга и чувствовать, что ты не мальчик с улицы, а профессионал, состоящий в солидном писательском сообществе. Мы помогаем творческим людям, потому что в Национальный союз вступить труднее.

А.М.: А как стать членом Межрегионального союза?

В.С.: Издать две книги, получить три рекомендации и написать заявление.

А.М.: Оказывает ли кто-то поддержку союзу?

В.С.: Если мы обращаемся, чаще оказывают, чем отказывают. Я благодарен всем, кто помогал и помогает в издании альманаха, который признан одним из лучших региональных литературных изданий в СНГ, в функционировании сайта. Конечно, учитывая, что в Луганске расположен центр писательского союза (такого в истории ещё никогда не было), помощь могла быть более эффективной. Ведь это престиж города и области, имидж региона. Не так давно возник ещё один союз – «Конгресс литераторов Украины», который имеет творческий всеукраинский статус, такой же, как у Национального писательского союза. Я являюсь его сопредседателем на востоке страны, Александр Корж – координирует работу всех из Киева, Валерий Басьров – представляет Конгресс в Крыму и на юге Украины. Появилась очень интересная газета «Литература та життя», которая выходит в Киеве (это орган Конгресса литераторов). Мы в Луганске зарегистрировали областную организацию «Конгресса литераторов Украины». Так что всё развивается. Но, увы, только на энтузиазме. Вся эта деятельность – для души. Тем не менее, она, на мой взгляд, важна и для тех, кто ею занимается, и для окружающих. Ведь это – часть культуры страны. Хотя, страна, видимо, так не считает. На телевизионных ток-шоу писемник-депутат и иже с ним с серьёзным видом уверяют, что кроме них в Украинской литературе никого не существует. Тем более, пишущих на русском языке. Грустно.

При нашем участии в Крыму (в городе Щёлкино, мыс Казантип) проходит

фестиваль поэзии «Славянские традиции» (спасибо его организатору и душе – писательнице Ирине Силецкой), состоялся интернет-фестиваль «Прекрасные порывы». Может быть, удастся провести литературный фестиваль в Луганске. Пока не получается, нет поддержки. Зато детско-юношеский фестиваль «И пробуждается поэзия во мне...» скоро отпразднует 15-летний юбилей. В Луганском доме творческой интеллигенции «Светлица» (там работают просто замечательные люди!) регулярно проходят литературные вечера, презентации книг. Аудитория там не слишком велика – до 70 человек, но и это вызывает уважение. Осенью 2011 года в Переделкино прошло международное совещание молодых авторов, организованное Исполкомом МСПС. Члены МСПУ и КЛУ Платон Беседин, Наталья Романова, Андрей Чернов достойно представили Украину на этом солидном форуме. В «Общеписательской литературной газете» (Москва) регулярно появляются информационные материалы, статьи, стихи наших коллег по союзу. Практически, ежегодно мы оцениваем творческие достижения писателей присуждением им литературных премий. Среди них – премии имени Владимира Даля, Михаила Матусовского, Владимира Сосюры, «Молодой Гвардии», Бориса Гринченко, Татьяны Снежиной... Да, это в большинстве случаев – не материальное, а моральное поощрение. Но для творческих личностей оно зачастую важнее и значимее.

А.М.: Вы как-то помогаете молодым авторам?

В.С.: Мы помогаем морально. Кроме того, у нас появилась детско-юношеская организация Межрегионального союза писателей и Конгресса литераторов, которой руководят директор Луганского лицея иностранных языков, заслуженный учитель Украины Анатолий Каташов. Выдаём членские билеты, и ребят это окрыляет. Для них это большой стимул. Пишут они уже почти профессионально. Сейчас в организацию входит около 100 школьников и студентов от 10 до 18 лет. В основном, это – лауреаты фестиваля «И пробуждается поэзия во мне», о котором я уже говорил. Наша помощь заключается в написании писем спонсорам, меценатам. И отмечу, что к таким письмам прислушиваются. Также мы пишем рецензии, подсказываем, где лучше издать свои произведения. А ещё у нас есть сайт «Свой вариант» и выходит одноимённый альманах. Там публикуются и литературные мэтры, и самые юные авторы. Это демократичные издания, и мне очень приятно, что альманах отмечен комиссией в Москве и выдвинут на соискание премии «Облака» имени Сергея Михалкова.

Огорчительно, что постепенно исчезают литературные страницы в СМИ, как региональных, так и центральных, что на телевидении увидеть писателя можно, разве что в качестве исключения, в программе «Свобода слова», да и там он будет говорить не о книгах, а о политике. Странно, что ни на одном украинском телеканале нет места разговору о литературе. Говорят, это вне «формата». Интересно, кто выдумал это понятие. И что входит в понятие «формат»? Бесчисленные «Поющие трюсы», стремительно теряющие остроумие КВНщики, дикие юмористы, давно забывшие, что такое юмор, бесконечные сериалы, похожие друг на друга, как необученные солдаты в учебке. А ещё – массовые полувзвездные дуэты и матерные шутки из клуба, который почему-то называют комедийным... Может быть, действительно нас всех хотят сделать героями ещё одного сериала типа «Тупой, ещё тупее». Впрочем, «каждый выбирает для себя», и смотреть всё это никто не заставляет. А книги издаются разные, в том числе, и очень интересные. И, учитывая пока ещё всеобщую грамотность, люди имеют возможность читать умные и интересные произведения. А писатели –

рассчитывать, что их творчество найдёт отклик в сердцах читателей и принесёт удовлетворение не только моральное, но и материальное. Хотя за такие мысли меня, наверное, можно смело причислять к отряду писателей-фантастов.

На мой взгляд, замечательную прозу и поэзию публикует киевский журнал «Радуга». Станислав Славич, Алексей Курилко, Платон Беседин, Борис Финкельштейн, Андрей Несельский, Сергей Черепанов, Анатолий Крым, Марина Муляр, Марианна Гончарова, Михаил Юдовский – повести этих и других авторов «Радуги» доставили истинное наслаждение. Причём, это только за последнее время. Перечислять можно долго. Как всегда, интересные произведения Людмилы Улицкой, Михаила Веллера, Дины Рубиной, Юрия Полякова. На мой взгляд, их книги определяют уровень современной русской прозы.

Много интересных книг вышло и в Украине. Лина Костенко, Ким Иванцов, Александр Корж, Юрий Лебедь, Юрий Кириченко, Виктор Мостовой, Павел Бессонов, Елена Буевич, Людмила Некрасовская, Алексей Торхов, Елена Руни, Геннадий Сусуев, Ирина Гирлянова, Наталья Мавроди, Николай Малахута, Валерий Басыров... Кто-то из этих авторов более известен, кто-то менее, но их произведения (причём, список можно продолжать и продолжать) проникнуты талантом и мастерством, и одним своим появлением дают основание утверждать: литература в стране не подвержена инфляции. Она, безусловно, зависит от политики и состояния общества, отражая все происходящие процессы, но не становится ни хуже, ни лучше от смены власти, погоды или членства в писательском союзе. Думаю, никакой крамола в этом утверждении нет. Ни литературный институт, ни творческий союз научить писать талантливо не в состоянии. Это или есть от Бога, или нет.

А.М.: Какие перспективы у МСПУ, Конгресса литераторов Украины, чего ожидаете в недалёком будущем?

В.С.: Думаю, состоятся традиционные литературные фестивали. Их в Украине достаточно много, и это, наверное, хорошо. Хотя я знаю замечательных авторов, которые ни в каких фестивалях не участвуют, просто пишут. Но это уже право каждого – выбирать свой путь к читателю. Невзирая ни на что, будут выходить наши газеты и альманахи. Трудно организовать подписку. Даже писатели не спешат подписаться на «Отражение» и «Литературу и жизнь». Это озадачивает и изумляет. Если не мы, то кто? Ещё труднее найти поддержку на издание альманаха «Свой вариант». Это мучительный процесс. Надеюсь, что те, кто могут помочь, всё же поймут необходимость такой поддержки для общества, для страны. Пока из тех, кто постоянно оказывает такую помощь, могу назвать генерального директора НПЦ «Трансмаш» Сергея Мокроусова (он не только производственник и учёный, но и отличный поэт), а также депутата Луганского областного совета Ростислава Руля. Как видите, список небольшой.

Но, невзирая ни на что – будут появляться новые стихи и проза, в которых найдут своё отражение время, люди, события, в которых мысли и переживания авторов, возможно, окажутся созвучными мыслям и чувствам тех, кто живёт в это время в этой стране. А взаимопонимание – это, как известно, один из главных элементов счастья.

«Пронзительно шагая сквозь беду, на времени тугую оболочку натыкаясь, с душой беседу трудную веду, на пару с нею падая и поднимаясь. И, кажется, что будет всё не так, как в прежней жизни, за мгновение до улыбки, когда секунд спасительный сквозняк, сметает в памяти все страхи, как ошибки...»

Будем надеяться, никакие страхи и ошибки не помешают литературе всегда оставаться любимым занятием и для тех, кто пишет, и для тех, кто читает. А порядочность будет естественным состоянием души для всех.

А.М.: *Ваше пожелание нашим читателям.*

В.С.: Девиз нашей жизни в последнее время «Невзирая ни на что», поэтому я желаю вопреки всему добиваться успеха, максимальной самореализации, не унывать, быть здоровыми и счастливыми. Ведь всё равно жизнь прекрасна.

ИНТЕРВЬЮ МАРИАННЫ ГОНЧАРОВОЙ ДЛЯ МОСКОВСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЭКСМО»

– *Марианна, здравствуйте. Большое спасибо, что согласились ответить на наши вопросы.*

– *Марианна, расскажите о своем литературном становлении. Когда Вы начали писать? Что Вас сподвигло на творчество? Почему именно рассказы?*

– По-моему, ни о каком становлении ещё не может идти и речи. Становление – это ого! Это такие толстые романы, это полное собрание сочинений, солидные книги с золочёными корешками, это труды, такие мускулы за всем этим... А мои рассказы – это так, игра. Однажды моему любимому педагогу, преподавателю русской словесности студент принёс очень серьёзную аналитическую статью... о себе, то есть, о своём ещё не напечатанном романе. Довольно сомнительном, по словам педагога. Берта Иосифовна, так её звали, мою любимую преподавательницу, внимательно статью прочла и сказала студенту:

– Это хорошо. Это очень хорошо, Миша. Но не сейчас, Миша! Это – для последнего тома собрания сочинений.

– *А когда начала писать...*

– Хорошо помню свои первые строки. Мне тогда было не больше пяти, а рядом с нашим домом шла стройка, где лежала огромная бетонная панель. По крайней мере, так называли эту плиту взрослые, мне это слово очень нравилось. И мы с подружками воображали, что это сцена, и устраивали друг для друга разные представления... Я прикрепил к двери нашей квартиры записку: «Мама и папа! Не волнуйтесь. Я на панели. Ключ под ковриком». С тех пор ничего шокирующего или эпатажного я не писала. Да и вообще не писала – некогда было: первый класс, музыкальная школа, балет, книги... Ой, книги!!! Особенно те, на верхних полках, под грифом «это-тебе-ещё-рано». Только из-за того, что я была очень близорука, и зрение падало. Конечно, когда родителей не было дома, я ставила детский столик, на него стул, забиралась к запрещённым полкам и выковыривала те самые. Я часто болела ангинами – вот было счастье. Дома тихо, достала книжку, лежи-читай... Столько хорошего прочитала тогда...

А если серьёзно, то никогда я не относилась серьёзно к тому, что писала... да и сейчас как-то... недоумеваю...

Что-то я писала в прошлой жизни. Пьесы, сценарии капустников, пародии, дневники путешествий, что-то писала всегда...

– *Расскажите о своей книге «Кенгуру в пиджаке». Что ожидать читателю от прочтения этой книги, чего в ней категорически не будет?*

Эта книжка о том, о чём писать легче всего, это материал, который не нужно изучать, придумывать или анализировать. Это книжка о моих друзьях, о моей семье и о людях, животных, птицах, насекомых, встреченных мной на

жизненном пути. Это книжка обо мне. Как ни хвастливо или эгоистично это не звучит.

В книжке нет погонь и убийств, нет роковой любви и придворных козней. Нет мистики и загадок, нет привидений и коварных интриганов. В книге есть только один сержант ГАИ, один очень милый стоматолог и один профсоюзный деятель. Больше – ничего такого страшного.

– Расскажите, по какому принципу были отобраны рассказы для ваших книг?

– Все эти рассказы прежде всего были опубликованы в Одесском юмористическом журнале «Фонтан». И редактор журнала Валерий Хаит отбирал тексты в журнал только по одному принципу – кроме того, что они должны вызывать улыбку или смех, они должны пробуждать у читателя добрые чувства. Поэтому, рассказы в книгу подбирала не я, а Валерий Исаакович. Это его принципы отбора и я их разделяю...

– В каких пропорциях в рассказах уживаются реальные факты из Вашей жизни и художественный вымысел?

– Практически, никакого вымысла. Или сама участвовала или подслушивала, подглядывала и записывала.

– На уроках литературы, каждый ученик, читая произведения классиков, вычленял сверхзадачу книги. В чем Вы видите сверхзадачу своих рассказов, главную идею книги? Что Вам в первую очередь хочется сказать своему читателю?

– Жизнь короткая, но очень интересная и забавная штука... Жизнь в любом её проявлении – тётенька без настроения или вороватый котик, печальное насекомое или юное дерево, усталая лошадь, мальчик, крыса, красавица, младенчик, инфузория-туфелька, высокомерный официант или рассеянный доктор... Всё невероятно интересно, нужно только взглядеться и вслушаться...

– Каким Вы видите своего читателя?

– Это конкретные люди. Это мои родные, друзья, это дорогие люди, с которыми познакомилась в редакции Одесского юмористического журнала «Фонтан», в редакции Киевского литературного журнала «Радуга», в Живом Журнале, это моя бабушка, дай ей Бог здоровья. Это те прекрасные люди, которые приходят на вечера с моим участием, приходят и приезжают в дождь или гололёд, вопреки моим ожиданиям, что зал будет пустым.

– Сегодня в литературу проникают тренды, бренды, мода на определенную тематику, жанр. В своей книге Вы пишете о людях, которых редко встретишь в больших городах, пишете об обычных вещах, которые под Вашим пером превращаются в особенные, очаровательные. Это сознательное противопоставление современным тенденциям на книжном рынке или просто порыв души?

– Мне по-другому писать неинтересно. Да я и не умею по-другому.

– Скажите, кто-то, кто стал героем Вашей книги, читал рассказы о себе? Если да, то какую реакцию вызвали ваши зарисовки о собственной семье и жителях города Черновцы?

– Был только один случай, когда мне грозились навалить по шее. Но тем и обошлось. А вот ещё. Один мужчина упрекнул, мол, что ты в своём рассказе из меня какого-то дурака сделала... Я ведь гораздо умнее...

– В книге Вы описываете такие вещи, мимо которых можно пройти и не заметить их красоты или неповторимости. Как Вы считаете, что

мешает человеку находить что-то прекрасное в том, что его окружает? Или для этого нужен особенный, писательский взгляд.

– Нужен наверно какой-то настрой особый — видеть во всём хорошее. Мне, к счастью, Бог это, видимо, дал. Да и плохое увидеть — не фокус... Этого в литературе сегодня сколько угодно...

– Своей книгой Вы дарите читателю настоящий витаминный коктейль позитивных эмоций? А в чём секрет Вашего хорошего настроения?

– Я уже сказала про настрой... А ещё есть вера. Вера в то, что мир создан для радости и счастья. А чтоб это понять и почувствовать, нужен опять же настрой... В общем, запуталась...

– При прочтении книги остается чувство радости, счастья и лёгкой грусти по безвозвратно ушедшим временам. Вы бы хотели вернуться в то время? И поймёт ли молодой читатель всё очарование этих навсегда уходящих людей, этих тёплых старых дворов?

– А зачем мне возвращаться? Всё это и так живо – во мне, в моей памяти, в моих рассказах... Сейчас, сегодня так много интересного вокруг – хватило бы времени, чтобы и всё это увидеть, услышать и записать. Среди моих читателей очень много молодых. От десяти до 92 лет.

– Вы следите за современным литературным процессом? Как Вы считаете, какое направление сегодня главенствует в литературе?

– Увы, не слежу... А читаю много, но очень бессистемно. У нас дома в библиотеке есть несколько полок с перечитываемыми книгами. Это русская и британская классика. Потом – Довлатов, Улицкая, Рубина, Маркес. Есть книги, которые хотя бы раз в день обязательно открою... Сокровенные, очень любимые.

Люблю мемуары, собираю книги об одном конкретном времени, и рассматриваю историю, события, встречи, людей глазами разных авторов.

– Как Вы считаете, чего не хватает современной литературе, и что в ней – в избытке?

В тех книгах, что я читаю, на мой взгляд, всего хватает. И этого же иногда в избытке...

– Расскажите – если это уместный вопрос – о Вашей личной жизни – Ваших родителях, семейном положении, детях.

– Никаких тайн. Обо всех нас написано в книге «Кенгуру в пиджаке». Ужасно смешная формулировка – «семейное положение» Я никак не могу серьёзно ответить на этот вопрос, всё время смеюсь. Мое семейное положение – вожак стаи (не знаю, есть ли женский род от слова «вожак»? Вожатая, наверно...), кормилица и поилка, погонщик, пастух, дочь, сестра, жена, мама, с недавнего времени уже и бабушка (ой! не могу привыкнуть, всё кажется, что мне 13 лет) А вообще мой главный статус в семье – «Марусь, выручай!»

– Участвуете ли Вы в работе общественных организаций, в национальных программах, общественных советах и т.д.? Если да, то каков формат участия, каковы планируемые в ближайшие полгода общественные мероприятия и т.д.

– Ужас... Сразу представила себя в деловом костюме, с залакированной причёской со следами бигуди, с поджатыми губами в оранжевой помаде. Нет, нет.

У меня есть театр «Трудный возраст» при Доме детского творчества, созданный для моих собственных детей и их друзей. При театре уже есть студия для младших школьников. Вот этот наш театр и занимается важными для нас

всех делами – строит мосты между разными поколениями – родителями и детьми, педагогами и студентами, проводит спектакли-акции по защите окружающей среды, собирает средства для лечения больных детей. Мы делаем то, чего нельзя не делать. Называем это словами Экзюпери «Искусством маленьких шагов». Сейчас мы готовим благотворительный спектакль по сбору средств для шести малышей, больных онкозаболеваниями. И очень торопимся. Это нужно уже, сейчас, немедленно.

– **Какие события произошли в последнее время в Вашей творческой, профессиональной и личной жизни? Или какие планируются?**

– Книжка «Поезд в Черновцы», изданная в Одессе была переиздана, получила литературную премию Владимира Даля Межрегионального союза писателей. Вышел в издательстве ЭКСМО Большой Фонтан Одесского юмора, где собраны лучшие рассказы, стихи, афоризмы, пародии, миниатюры авторов Одесского юмористического журнала «Фонтан» за 10 лет. Там есть и мои тексты, и ещё интервью со мной и с другими нашими авторами. В издательстве ЭКСМО вышли три книги. А в личной жизни... Ну вот – купила себе сковородку... Скоро Масленица.

– **Как Ваши близкие относятся к Вашей литературной деятельности?**

– С подозрением. Потому что они – мои главные персонажи. Поэтом всегда думают при мне, что и как сказать.

– **Марианна, расскажите о своей переводческой деятельности. Над чем Вы сейчас работаете? А также о руководстве молодёжным художественным театром. Как давно Вы этим занимаетесь, каких успехов добились?**

– Моя переводческая практика – в прошлом. Об этом ещё будет книжка «Моя веселая Англия». Сложный труд, но интересный и столько сюжетов. А о театре я уже говорила. Главная цель – это не выращивание и воспитание актера, а «Искусство маленьких шагов». Параллельно главным делам мы участвуем в конкурсах молодёжных и детских театров и всегда получаем призовые места. Хотя конкурсы мы не любим. Они отвлекают от главного. И отбирают уйму времени.

– **Чем Вы увлекаетесь? Есть ли у Вас хобби?**

– Я увлекаюсь лежанием на диване и чтением хороших книг. Но времени на это хобби у меня мало. А знаете, я пробовала многое – вышивала гладью разные милые картинки, вязала свитера, шапки, носки и гетры. У меня была роскошное яркое тёплое домашнее платье, предмет зависти всех моих подруг – я его называла клошар – связанное мною в технике петч-ворк. Эх, жаль не сфотографировала его. Сейчас на нём спит наш Чак. Ещё я очень люблю читать знаки. Даже там, где их и нет, наверное. Но мне кажется, это лучше, чем его не заметить, твой знак, правда ведь? Ещё я люблю оперу и музыку вообще. Классику. Джаз. Особенно вот это: Па-ра-па-пэу-у-у!

– **Любите ли Вы путешествовать?**

– Ещё как!!! Об этом тоже можно будет прочесть в моих книжках. Иногда я так скукаю по путешествиям, что лезу в интернет, смотрю фотографии и, благодаря моим друзьям из Живого Журнала, путешествую метафизически.

– **Какой вид отдыха предпочитаете?**

– Я же говорю: лежание на диване с книгой... Да, ещё важная деталь: на правом боку!...

– Скажите, а в чём Вы считаете себя экспертом. Что у Вас получается лучше всего?

– Лучше всего я варю борщ. Или суп. У меня есть убеждение, что в доме всегда должен быть горячий суп. Для уставших после работы или учёбы родных, для забежавших на минутку друзей и приятелей. Даже для контролёров электроэнергии и газовых счётчиков, для сантехников и слесарей. Сейчас у нас так холодно... Все входят в дом с красными носами. И тут – горячий суп или борщ.. И жизнь налаживается сразу.

А экспертом... Вот! Я хорошо ориентируюсь в грамматике английского языка. И ещё, это точно – я умею разговаривать с маленьким людьми, лет четырёх- пяти-шести... Чудесный мудрый народ. Недавно опрашивала таких вот человек о любви. И одна Леся сказала: «Любить могут все: и учителя, и солдаты, и человек-паук...»

Такие вот слова окрыляют. Как горячий борщ окрыляет нашего сантехника, так и вера маленькой Леси в то, что любить могут абсолютно все.

– Расскажите о своих домашних животных?

– Все наши хвостатые, усатые и пернатые описаны в рассказе «Кот водоплавающий, который хмыкал»

Чак, плод романтической любви чистокровных королевских кровей колли и мужественного пограничного благородного пса, немецкой овчарки. Попугай Иннокентий, преданный певец красоты моей дочери Ангелины, как только она входит в комнату он разворачивает крылья и заливается, прикрикивая «Чка-чка-Ли-ичка!» Правда, иногда кричит как сигнализация автомобиля, и мы мчимся во двор. У нас есть ещё кролик Арсений Петрович, нежный молчаливый, маленький. А во дворе состав меняется – приходят, приносят котятков, щенят – мы всех подкармливаем и, если надо, лечим. Стараемся раздать в хорошие руки, если получается.

– Увлекаетесь ли коллекционированием чего-либо?

– Моя мама всю свою жизнь собирает карандаши. И её ученики всё время дарят ей карандаши. У неё есть карандаши из разных уголков мира, самые крохотные из Парижа, огромный карандаш-бревно из Непала. Есть древний карандаш XVI века и суперсовременные карандаши, наполненные полудрагоценными камнями. Мы все вовлечены в сбор такой коллекции. И проблема – что маме привезти в подарок из путешествия решается просто. Так что я коллекционирую карандаши. Для мамы... А ещё я люблю свечи.

– Любите ли Вы готовить? Есть ли у Вас фирменное блюдо?

– Фирменные блюда – это то, что умеет делать любая женщина, воспитанная одесской бабушкой – сое из синеньких, тефтели под кисло-сладким соусом, вергута и прочая благоуханная одесско-черновицкая еда. Готовить я умею и люблю, и как всякая женщина моего поколения могу приготовить первое, второе и десерт даже из воздуха. Но делаю всё быстро, стараюсь не увлекаться...

– Расскажите, что значит для Вас Ваш блог? С какой целью Вы его завели? На сегодняшний момент сколько читателей у Вашего блога?

– Сначала я думала, что это такая игра для взрослых. Абсолютно не верила в виртуальное знакомство, а тем более в дружбу. Но в первый же месяц жизни моего блога я заикнулась в дневнике, что мне надо бы побережь глаза после двух перенесённых операций, поэтому я пока ограничу себе доступ к компьютеру. И тут же откликнулись тогда для меня совсем чужие люди. Москвичка Ольга прислала мне письмо, где указала свой адрес, телефон и настаивала, чтобы я

приехала и поселилась у неё, потому что её мама работает в институте глазных болезней Гельмгольца. И не только она. Обычное сочувствие или понимание – это как тёплая рука у меня на плече – ты не одна, не волнуйся. И это ощущение подтвердилось, когда я поместила в своем блоге две статьи «Большая вода» о наводнении у нас, на Западной Украине. Незнакомые мне люди в Живом Журнале спрашивали счета, на которые перечисляли деньги для пострадавших от наводнения одиноких стариков. (Их старые саманные дома вообще смыло водой, до основания, они остались без ничего.)

Живой Журнал помогает больным детям, собирает донорскую кровь, с помощью ЖЖ даже разыскивают людей. Кроме того, в ЖЖ много интересных талантливых авторов, часто они (да и я тоже) помещают свои свежие только-только написанные тексты, чтобы проверить их, как бы «на слух»...

Недавно ушла из жизни моя подруга, красивая женщина, большой поэт, прекрасный писатель Наташа Хаткина. И пока я ревела дома и горевала, и не знала, как без Наташи дальше быть, в Живом журнале разные люди по крупицам собрали Наташкины дневники, её искрящиеся живые записки и комментарии, чтобы ничего не расплылось, не затерялось. А Наташин дневник продолжает вести её дочь Маша Хаткина.

– Есть ли у Вас награды, являетесь ли Вы лауреатом премий или номинировались на их соискание?

– У меня есть награды. А как же! Золотая медаль за экстерьер... ой, это не моя, это моего кота... А! Вот – есть – корона из фальшивых камней и лента «Мисс круиз» в конкурсе красоты на круизном теплоходе. Не годится? Так. А вот эта? Гран-при во всеукраинском конкурсе театральных коллективов «Золотые росы» за мюзикл «Золушка». Ещё есть знак Софии Русовой. Он вручается педагогам Украины за особые заслуги. Мне его вручили за работу с театром «Трудный возраст» и за лучшую авторскую программу развития и деятельности творческого коллектива подростков.

Ещё есть диплом международной книжной ярмарки «Зелёная волна» за книжку «Поезд в Черновцы», премия Андрея Миллера киевского литературного журнала «Радуга» за рассказы, опубликованные в журнале. Премия имени Владимира Даля за вклад в современную украинскую литературу. И маленький сувенирный стул из гарнитура Гамбса, врученный мне редактором Одесского юмористического журнала «Фонтан» Валерием Хаитом за то, что я испекла коврижку и принесла её в редакцию как раз к обеду.

– Какой самой необычной работой Вы занимались в своей жизни?

– Работала на прополке в поле, где выращивали сою в селе Емельяновка под Симферополем в Крыму. Ходила по центральной улице Оксфорда с кружкой для благотворительности и ею брэнчала. Причём нас было двое. Вторая дама с брэнчащей кружкой была сама мэр города. Мы собирали средства для хостела неимущих студентов. Работала переводчиком на протокольном обеде, переводила встречу украинской делегации с лордом Спенсером, отцом Её Высочества Леди Дианы. Собирала в колхозе урожай, в частности, яблоки и морковку. Подрабатывала Снегурочкой на утренниках. Играла Кикимору в Новогоднем спектакле Дворца пионеров, потому что никто из педагогов не соглашался, все хотели играть красавиц и принцесс.

Синхронно переводила два документальных фильма про органическое земледелие и органическую подотехнику.

– *Сколько лет Вы замужем? Как Вы считаете, в чём основа счастливого брака?*

– Сотрудничество. Сделать жизнь окружающих счастливой – большой труд. Сотрудничество, взаимопонимание. Юмор.

– *Вы водите автомобиль? Если да, то каков Ваш стиль поведения на дороге? Если нет, то хотите ли научиться водить машину? Если нет, то почему?*

– У меня плохое зрение, поэтому машину я могу водить только теоретически. Но я хороший штурман. Я надеваю очки и громко читаю знаки, делаю ядовитые, но элегантные замечания и моему мужу, и встречным или обгоняющим нас автомобилистам (жаль, они меня не слышат) и могу деликатно и весело разговаривать с инспекторами дорожного движения. Ещё умею грамотно читать карту и в густом тумане способна бежать впереди машины и показывать дорогу.

– *Скажите, а чём в своей жизни Вы гордитесь больше всего?*

– Дети. Сын Даня, дочка Ангелина, жена сына Ирина и внук Андрюша.

Мамой. Педагог от Бога. Преподаватель английского языка, которая выучила и меня, и Даню, и Ирочку, и сейчас обучает Линочку. Интеллигентная, высокообразованная, красивая, мудрая, обладающая энциклопедическими знаниями, умеющая всё.

Мужем. Он – просто настоящий мужчина и настоящий воин. Аркадий был одним из первых, кто спасал людей во время наводнения, хотя и не обязан был это делать, а потом руководил стройкой новых домов для пострадавших, и во многом его мужество, сила убеждения и внутренняя правда решили проблему строительства социального дома для одиноких стариков. Это поступок.

Дружбой. Они, мои любимые друзья – разные по возрасту, месту жительства, по интересам и стилю поведения. Но они все – великие люди.

– *Есть ли такие темы, на которые Вы любите говорить, и такие, на которые – нет?*

– Я больше люблю спрашивать и слушать. А что не люблю... Представьте, вас спрашивают: – Мариаанна, а как вы воспициваете своих детей, что они у вас такие хороши-и-ие?

Вот такие вопросы ставят меня в тупик, и когда слышу такую интонацию, убегаю со всех ног. Или вот ещё: «Мы с вами – люди творческие...» Тоже знак, надо немедленно удирать. Не люблю, когда собеседник говорит со мной цитатами. Так и хочется сказать из М. Жванецкого: – Что вы постоянно цитируете?! Скажите уже что-нибудь своё!..

Я не люблю цирк, ходить строем, Новогоднюю ночь и пенки в молоке. И долго разговаривать про как всё подорожало, про ах, какая кофточка, и пуговицы, тут-так, а тут полосочка, и про болезни, и про что съесть, чтобы не поправиться. Ещё не люблю, когда пересказывают – книгу, кино... Бр-р-р...

Не люблю говорить о политике и о политиках.

Остальное — либо люблю, либо терплю.

март 2010

Татьяна Янковская США Нью-Йорк
Первый лауреат премии имени Беллы Ахмадулиной

ИНТЕРВЬЮ С ВЕРОЙ ЗУБАРЕВОЙ

В этом году была учреждена литературная премия имени Беллы Ахмадулиной в честь её 75-летнего юбилея. Лауреатом премии стала поэтесса Вера Зубарева, преподаватель Пенсильванского университета, автор 16 книг, филолог, литературовед, кинематографист, главный редактор журнала «Гостиная», президент Объединения русских литераторов Америки ОРЛИТА. В связи с этим событием Татьяна Янковская взяла у неё интервью.

Т.Я.: Вера, хочу поздравить тебя с получением премии Ахмадулиной. Это было для тебя неожиданностью?

В.З.: Для меня сама новость об учреждении Международной премии имени Беллы Ахмадулиной была неожиданностью. Но ещё большей неожиданностью стало известие о том, что я – лауреат в номинации «Поэзия». Случилось это 11-го апреля, как раз в дни, когда отмечалось 75-летие со дня рождения Ахмадулиной. У нас с ней всего пять дней разницы: я – пятого апреля, а она – десятого, и я на этом даже построила свою поэму «Лунный путь». Она была посвящена её творчеству, и я её читала Ахмадулиной в тот первый день нашего знакомства в мастерской Бориса Мессерера, воспетой в её известном стихотворении, вращавшемся вокруг строчек: «Был дом на Поварской»... Я стояла на пороге этой легендарной мастерской, не осмеливаясь войти, но всё-таки превозмогла себя – и шквал доброты, лучезарности и какой-то материнской нежности обрушился на меня, чтобы потом жить во мне все годы... Наверное, те, кто оказывались рядом с ней, ощущали этот свет, исходящий от неё, и становились его вечными пленниками в добром смысле этого слова. Такой я видела её внутренним зрением – как сотканную из лучей, колеблющуюся в переходах от одной цветовой гаммы к другой. И такая была и её поэзия, в которой обитал «гений чистой красоты».

9 апреля 2012 года началось с написания статьи о творчестве Ахмадулиной, которую меня попросил подготовить редактор журнала из Киева. Сроки поджимали, но, вопреки моим опасениям, статья сама просто полилась из-под пера, словно под «небесный диктант», говоря словами Ахмадулинского стихотворения, которое я анализировала. Пишу и думаю: «Какая лёгкость пера необыкновенная, мне не свойственная!» Так, не останавливаясь, завершила всё, и почти поставив точку, получила письмо из Одессы от известного мецената Андрея Горчакова, давнего поклонника творчества Ахмадулиной. «Уважаемая Вера Кимовна! Наш Княжеский Дом Горчаковых учредил в 2012 году Международную литературную премию им. Беллы Ахмадулиной. Председатель жюри Борис Мессерер. Премия состоит из двух номинаций: а) поэзия, б) популяризация творчества Беллы Ахмадулиной... Ввиду Ваших больших заслуг перед русской словесностью и поэзией, мы рассматриваем вашу кандидатуру как наиболее вероятную. Хотели бы узнать Вашу точку зрения касательно всего вышеизложенного». Понятно, конечно, какие чувства я испытала в тот момент. Сам факт письма был почти мистикой. А тут ещё легкокрылая статья... 11 апреля я получила второе письмо от Горчакова: «Поздравляем Вас с абсолютной победой. Среди всех кандидатов ваше поэтическое творчество было признано истинно лучшим».

Т.Я.: Что для тебя значит получение этой премии?

В.З.: Премия им. Ахмадулиной – не только большая честь для лауреата, но и ответственность на будущее. Поэт, чьё имя тем или иным образом поставлено рядом с именем Ахмадулиной, должен осознавать, что перед ним теперь вечно поднимающаяся планка. Это касается не только поэтического совершенствования, но и нравственного. Ахмадулина была человеком бескомпромиссным, и исключительно, иногда до резкости, честным. Вместе с тем, у неё было золотое сердце. Её доброта порой не знала границ, и она искренне раскаивалась, если вдруг невольно обижала человека. Кроме того, она была защитницей по натуре. Она писала письма в защиту многих политических деятелей, однако её защитничество не ограничивалось сугубо политической сферой. Она прекрасно понимала, что и талант как таковой нуждается в защите и поддержке. С таким дальним прицелом она, очевидно, и написала в своём предисловии к моему первому сборнику: «Прихотливый, независимый и несомненно ранимый мир открылся мне, явилась мысль о возможном обидчике воздуха и моря». Согласись, что «мысль об обидчике» могла прийти на ум только защитнику по природе. А потом она собственноручно и без всякой моей просьбы (попробуй попроси такое у известного поэта!) отнесла мои стихи в журнал «Смена» вместе со своим предисловием, и это было для меня такой же неожиданностью, как получение премии («о, как узнаваем её почерк!», – подумалось мне в тот памятный день 11 апреля 2012 года).

Быть лауреатом премии им. Беллы Ахмадулиной и означает для меня не только творческое, но и нравственное совершенствование. Как Ахмадулина написала в стихотворении, посвящённом Надежде Мандельштам, «Способ совести избран уже/ и теперь от меня не зависит». «Способ совести» лауреата должен быть также адекватен тому, что был избран Ахмадулиной...

Т.Я.: *Как продолжалось ваше общение с Ахмадулиной? Что, по-вашему, отличало её от других?*

В.З.: Моё общение с Ахмадулиной никогда не прекращалось. И здесь я имею в виду не частоту встреч (их было совсем немного в связи с нашим отъездом). Продолжительность подобных встреч измеряется не их частотой, а глубиной. Я бы не хотела проводить параллелей между нею и другими поэтами, поэтому скажу только о своём впечатлении от общения с ней. Она была начисто лишена надменности, элитарный снобизм был чужд ей, и она не терпела его проявления в других. Она не признавала идолопоклонничества, лести, пустых комплиментов. Любила прямые, открытые отношения и при всём высоком строе её поэтической мысли, была проста и искренна с людьми. Но самое главное – она была высокоморальным человеком. Мне рассказывал Арон Каценелинбойген, что, став выездной в те годы, когда это далеко не всем было позволено, она с отвращением говорила о той двусмысленной роли, которую, не желая того, играла. Она понимала, что волей-неволей создаёт ложное впечатление о свободном духе советского общества, выезжая за границу, и открыто говорила о том, что кается, играя роль «священной коровы». Почти как в стихах, где она писала: «в чудовищных веригах немоты/ оплачешь ты свою вину пред ними». Она оплакала. Это, по моему мнению, и отличает её существенным образом от многих её собратьев по перу, стремившихся скорее оправдать себя, нежели покаяться.

Т.Я.: *Есть ли у тебя в поэзии учителя, подражала ли ты кому-нибудь?*

В.З.: Сколько себя помню, у меня никогда не было подражательного периода. Меня восхищали все крупные поэты, которых я читала в детстве и

юности, и я даже расстраивалась, что это не я так написала, но воспроизвести даже самый любимый стиль мне не приходило в голову. Я как-то с самого начала жизни воспринимала всё в единственном числе, и сама мысль о повторении или копировании для меня была кошунственной. Поэтому я и откликнулась всем существом на идею единственности в поэзии Ахмадулиной (там у неё много стихотворений, связанных с этим образом). А в моей интерпретации к этому подмешивалась ещё и суверенность художника, которая действует как сила отталкивания от кумира, подражание которому запрещено («И не бывает встречи Овна с Овном»). Её две строчки: «Рознь луне луна / И вечность дважды не встречалась с ней же» я вынесла в эпиграф своей поэмы, выстроив вокруг них «Лунный путь». Прослушав её, она сказала кратко: «Как ни удивительно, но Вы ни на кого не похожи». Думаю, это исчерпывающе отвечает на твой вопрос о подражательности. Но вот о влиянии могу сказать, что считаю своими учителями Баха, Норштейна и Феллини. Бесконечно обращаюсь к ним...

Т.Я.: Кто твои любимые писатели и поэты?

В.З.: Мои любимые писатели и поэты те, которые умеют выстроить картину мироздания вокруг земных переживаний героев. Для меня произведения с баховской фугой в подтексте являются наиболее значимыми. Я люблю фотографировать небо в сочетании с картинами большого города. В этой целостности лучше проступает диалектика отношений человека и Творца. Небо венчает картину бытия, делает её всеобъемлющей, не давая душе измельчать и затеряться в ежечувственности. Небо должно присутствовать у любого большого художника, в том числе и художника слова. Если небо отсутствует в поэзии, то это только стихи. И проза без него мелководна. Вспомни «Ёжика в тумане» Норштейна. Он ведь не просто шёл в гости к Медвежонку попить чай с можжевельным вареньем. Он шёл, чтобы считать звёзды. Лично для меня наиболее грандиозные картины мироздания представлены в произведениях Шекспира, Гёте и Толстого. У Ахмадулиной небо присутствует всегда. Оно словно купол, добавляющий мироздание в обыденность:

(...) смотрю на жизнь, где вместе ты и я,
где сир и дик средь мирозданья столик,
накрытый на краю небытия.

Т.Я.: Помню, мне было очень интересно читать и слушать записи твоих выступлений о курсах лекций, которые ты читаешь в Пенсильванском университете. Например, искусство принятия решений. Преподают ли нечто подобное в других университетах?

В.З.: Конечно преподают! Сейчас это очень популярная тема. Сделано много интересных разработок, вплоть до формул. Курс, который я преподаю, стоит несколько в стороне. Он основан на теории предрасположенности, автор которой профессор известной школы бизнеса в Пенсильванском университете – Wharton School – Арон Каценелинбойген (1927-2005). Он положил в основу своего учения принцип субъективности, основываясь на идеях шахматной игры, и это шло вразрез с направлением Wharton School. Арон был моим учителем. Мы ежедневно обсуждали различные аспекты его теории и совместно преподавали курс по принятию решений на специальной программе для особо одарённых студентов. Моей задачей было исследовать, что именно добавляет литература и искусство к его теории, чем я и занималась все эти годы, разработав на этой основе новую теорию драматического жанра и чеховской комедии как комедии нового

типа. Две мои монографии по этому поводу вышли в США на английском языке и одна из них была удостоена премии на международном конкурсе монографий по Чехову в Таганроге. В «Вопросах литературы» недавно вышла моя статья, посвящённая чеховской комедии в свете теории предрасположенности, и готовится к выходу следующая.

Т.Я.: *Расскажи подробнее о своих «чеховских» работах. Как были восприняты твои выводы в среде искусствоведов и славистов?*

В.З.: Я отношу чеховские пьесы к комедии нового типа (КНТ). Я имею в виду его четыре пьесы «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишнёвый сад». Он сам называл их комедиями и считал их таковыми, удивляясь, почему его коллеги этого не видят. Увы, не видели не только коллеги, но и зрители, и актёры, и режиссёры. И всё дело было в том, что он сделал нечто совершенно новое, что требовало нетрадиционного пояснения. В рамках аристотелевской поэтики объяснить это не представляется возможным, ибо аристотелевская школа считает смешное и комическое синонимами. Став аспиранткой Пенсильванского университета и работая над теорией предрасположенностей в литературе и искусстве, я постепенно пришла к разгадке чеховской комедии. Базируясь на теории предрасположенностей, я построила свою классификацию драматического жанра с точки зрения силы и богатства потенциала литературных героев. Условно говоря, типов потенциала три: мощный, средний и слабый. Измеряется потенциал двумя вещами: способностью героя развиваться и/или его способностью существенно влиять на своё окружение. Комический герой, к примеру, не развивается и не влияет существенно на своё окружение, поскольку его возможности ограничены.

Отличие чеховской комедии от традиционной состоит в том, что чеховский герой поначалу кажется героем с хорошими потенциальными возможностями. Происходит это за счёт того, что Чехов наделяет его несколькими сильными чертами, которые сразу же привлекают к себе внимание читателя и зрителя. Позже выясняется, что сильные качества не настолько сильны, чтобы преобразовать в целом слабый потенциал. Чеховский герой – это герой «квази-драмы». Заслуга Чехова в том, что он впервые поставил вопрос о том, как интегрировать целое и часть, чтобы иметь правильное видение целого. Именно понимание квазидраматического потенциала чеховского героя и является для меня основным в современном прочтении Чехова. Читатель или режиссёр должны обратить внимание не только на то, что говорится (зачастую чеховские герои говорят довольно правильные и разумные вещи), но и на то, кто говорит; не только на то, какое действие совершается, но и на то, кто именно его совершает. Совокупность этих двух вещей и даёт наиболее полное видение «квазидраматического» героя. На мой курс трудно записаться, поскольку он включает и семинарские занятия, а количество мест в семинарах ограничено. Идеи «квазисильного» потенциала, позиционного стиля и измерения предрасположенностей современны и универсальны для всех культур.

Т.Я.: *Чехова многие считают основоположником театра абсурда. Ты согласна с этим?*

В.З.: Нет, конечно. Абсурд – это когда не видно связи между происходящим. Не видно может быть по двум причинам: либо связи действительно нет, либо нет должного метода, чтобы её установить. Метод оценки предрасположенности героев и мира помогает выявить скрытую логику происходящего, показать, что

за всем этим кроется «квазисильный» потенциал людей, не могущих и/или не желающих что-либо серьёзно менять в себе. Таков был горький приговор Чехова его соплеменникам, разоряющим Россию.

Т.Я.: Ты ведь ставила чеховские пьесы, снимала фильмы по Чехову. Расскажи об этом!

В.З.: Я поставила фильм по мотивам четырёх чеховских пьес, который, к моему удивлению, получил первую премию на фестивале молодых кинематографистов в Филадельфии, и с тех пор идёт по нашему местному телевидению. Этот фильм был своеобразным экспериментом, основанным на тех идеях, которые я развила в своих двух монографиях. В нём я объединила все четыре пьесы в единую мега-пьесу с общей завязкой, кульминацией и развязкой. У меня снимались актёры из Нью-Йорка, Филадельфии, Канады и Одессы. Фильм на английском языке, и смешение разных акцентов ещё больше подчеркнуло универсальность чеховских идей.

Т.Я.: Ты сделала и несколько документальных фильмов, среди них «Лоцман на трубе», посвящённый памяти отца, и «Единственность» памяти Беллы Ахмадулиной, которые ты недавно показала в Нью-Йорке и в Москве. При такой насыщенной творческой жизни ты много времени и сил отдаешь ещё и изданию журнала «Гостиная», возглавила объединение ОРЛИТА, информационный бюллетень которого постоянно пополняется новостями, статьями, рецензиями, репортажами... И все это – не только на хорошем литературном, но и на высоком техническом уровне. Почему эта деятельность важна для тебя? Ведь твои книги и так издаются и получают призы, тебя приглашают на конференции, на телевидение, встречи с читателями – как в родной Одессе, так и в Москве, и в США.

В.З.: Прежде, чем ответить на твой вопрос, хочу поблагодарить тех, с кем работаю, на кого опираюсь, развивая наши проекты. Вся техническая часть, включая и прямые Интернет-трансляции из Гостиной и залов, где проходят выступления членов ОРЛИТЫ, – заслуга Вадима Зубарева, моего мужа, единомышленника и человека разнообразных талантов. Его музыку ты слышала и на выступлениях, и в фильмах. Помимо своей специальности в области IT, он ещё и превосходный композитор, чьи работы отмечены на американских кинофестивалях первыми премиями. По литературной части моя правая рука – Елена Литинская, известный в эмиграции поэт и прозаик. Елена заведует отделом прозы «Гостиной», а также является вице-президентом ОРЛИТЫ. Не представляю, что бы я делала без этих моих двух незаменимых помощников. Каждый из членов редколлегии тоже вносит свою лепту в журнал, рекомендуя интересных авторов. У нас публикуются русскоязычные авторы из разных стран, и в месяц у нас от 6 до 8 тысяч посещений. А благодаря Интернет-трансляциям нас знают в лицо. Это меня вдохновляет. Я люблю интересных авторов, люблю видеть, как развивается сеть отношений, в том русле, в котором мы это видим.

Т.Я.: Как тебе удастся все успевать?

В.З.: В том-то и дело, что не удаётся... Ритм жизни действительно напряжённый. Но я – человек дисциплины с детства. Только трудом и можно отблагодарить тех, кто дал нам наши способности. Не так ли?

Т.Я.: Разговор с поэтом-лауреатом был бы неполным без стихов. Пожалуйста, дай на свой выбор одно из стихотворений для наших читателей. А я прощусь с тобой и желаю удачи!

Вера Зубарева

Я живу вблизи океана – дикого зверя.
Он срывается ночью
и пенится гривой лунной,
Прогибаясь до впадин,
где рвутся морские артерии,
Выгибаясь до хруста
коралловых позвонков со шхунами.
Я живу в лагуне печалей – тёмных энергий
Там, где чайки стучат по утрам железными клювами,
Отдирая моллюсков,
приросших к жемчужницам нервами,
И пузырятся крабы,
сплавляясь с медузами бурями.
Там шторма накрывают строку
в направлении непознанном.
Хлещет соль из пробоев
попавших в крушение раковин.
За пределами ветра покой расширяется звёздами,
И как купол расписана в центре тетрадь Зодиаком.
От тебя до меня
только адреса взлётные полосы.
От меня до тебя
быстро скомканный лист в междометиях.
Продвигаюсь к тебе
по его измятому Мёбиусу,
Где пространство в изломанном времени
тянет лямку бессмертия.
Мне туда,
где всё за полночь, заживо, заново,
Где начало страшнее конца,
и к свободе зависимость,
В ледниковый период страницы,
где в белом всё замерло,
Ожидая, чтоб ноль растопила
священная письменность.
Мне туда,
разбиваться о скалы – о прошлые памяти,
И откатывать
к тёплому, сонному... Берегу? Берегу.
Он поклонник наплывов моих.
Но ему не объять меня.
Я живу вблизи океана, дикого зверя...
Июнь 2012 г.

КНИЖКА В АЛЬМАНАХЕ

Галина Шевченко

Редактор-упорядник, лауреат Міжнародної літературної премії імені Тараса Шевченка, Київ

ПРАВДОЧОЛИСТЬ ВИСОКИХ ЗВИТЯГ

До книги «Балада про солдатські поцілунки» увійшли вірші, які свого часу набули широкого розголосу, друкуючись на сторінках періодичних видань України. У них сучасний класик від поезії Юрій Кириченко, а тоді, в 70 – 80 роках минулого століття – один з представників поривної творчої юності, палко привітав мужніх синів і дочок Вітчизни, які, подолавши фашизм у Другій світовій, ціною неймовірних втрат вибороли право передати у спадок своїм дітям і онукам, а відтак і народам світу, мирні святині людства.

Протягом кількох десятиліть повновагомі поетичні зразки одухотвореної свідомості автора, з волі певних обставин не згруповані до окремого рукопису, вважалися безнадійно втраченими. І лише сьогодні, в шатах безкомпромісної пам'яті і зворушливої поваги до героїв, які здолали коричневого звіра на Рейні, маршем переможної естафети ці переконливі документи звитяг народу, зболіло і увиразнено, ідуть до читача.

Юрій Кириченко Київ-Дніпропетровськ

БАЛАДА ПРО СОЛДАТСЬКІ ПОЦІЛУНКИ

(Продовження. Початок в № 17)

ВЕСНА 1943 РОКУ. ЦВІТЕ ТЕРЕН...

Матінко, терен цвіте,
Терен край нашої хати!
Ластівка – в жерлі гармати,
Віхола в серці мете...
Матінко, терен цвіте:
В пісні, в долоні, в зіницях.
Поруч – сопілка й рушниця.
А тільки я – не про те:
Терен на схилі цвіте.
Терен край нашої хати.
Серцем звесніли солдати,
В полум'ї – взгир'я круте.
Матінко, терен цвіте,
Хочеться крила здійняти.
Хто там насміливсь ламати?
Люди, не руште святе!

Він ще не раз зацвіте,
 Нумо красиве плекати!
 Серце ж бо стало на чати,
 Цвітом у долю вросте.
 Землю мою не здолати
 В час, коли терен цвіте
 Й смерть за півкроку від хати...
 Матінко, чом мовчите?
 Скоро й синів виглядати.
 Чуєте, матінко, мати...
 Гляньте ж бо: терен цвіте!

ТАНКИ ІДУТЬ В АТАКУ...

...Танки ідуть в атаку, розширюючи прорив,
 З неба бог авіації нас надійно прикрив...
 Наша броня – Вітчизна, наші серця – палкі,
 А вже за нами хлинуть і піхотні полки...
 Танки – тактична зброя і стратегічна теж,
 Їх головне завдання – свій нав'язати темп...
 Ворог тіка з окопів, ворогу тут не мед,
 Гавкає, мов скажений, з дзоту псих-кулемет...
 Але пряма наводка баштового ствола
 Тих, що зле огризався, в пекло вогню змела...
 Паніка, дим, прокляття, ворог біжить, біжить,
 Вище знамено, браття: будемо, будем жить!
 Сам командарм надвечір вручить всім ордени,
 Ну, а в момент цей грізний ми – на плечах війни...
 Траками і стволами звично наводим лад,
 То вже опісля, може, ввійдем в рядки балад:
 Сам воєнкор тов. Симонов скаже про юних нас,
 У репортажі згадавши два хутірця без назв...
 07.07.2011р.

МАРІЙКА

Частувала дівчинка бійців
 На жаркій дніпровській переправі.
 Шаленів криваво берег правий,
 А її зніщі нелукаві
 Тамували відблиски заграви,
 Що палахкотіли на ріці.
 Частувала дівчинка бійців –
 Тих, що до Дніпра дістались перші...
 І зоріли в кошику черешні,
 І сльоза котилась по щоці –
 Частувала дівчинка бійців...
 Наділяла кожного по жмені

Жар-вогнем червоних ягодинок.
Старшина, помітивши дівча,
Хмуритись за звичкою почав.
Але глянув раптом на годинник,
І сказав бійцям:
– Перепочинок...
А вона за нього додала:
– П'ять хвилин, –
Всміхнувшись, як могла.
Так всміхатись лиш вона могла,
Дівчинка з русявого села.
А потому тихо, неквапливо:
– Іжте, дядьку, черешневе диво...
Не соромтесь, прошу, це – домашні,
Із садка, що онде, на околі.
Біля нього – головешки голі...
Там було житло садівника, –
Затремтіла в дівчинки рука,
І в пілотку, сонцем перемиті,
Бризнули черешні соковиті.
На вустах рум'яно застигали,
Котрі третій рік не цілували –
Бо вже третій рік не цілували –
Воювали...
...Частувала дівчинка бійців
На вогнем сповитій переправі.
На півнеба слалися заграви,
А Марійка з кошиком в руці
Сипала червоні промінці
Ягід у кишені і в кисети,
У кульки з армійської газети...
А коли ті ласощі скінчились,
Дівчинка-черешня не знітилась:
Окіл шляху довго ще стояла –
Усмішку солдатам роздавала...
І зоріли на її щоці
Черешневі диво-промінці!

ВІРА

*Вір дівчині, яка тобі в бою
перев'язала рану...*

Андрій Малишко

Я вірю тобі так, неначе ти в бою
Мені важку перев'язала рану,
Приклавши до чола святу любов свою,
І я відчув: ще мить – зведусь, до бою стану...

Я вірю тобі так, немов на фронті ми
 Ділили навпіл долю і набої,
 Світ доброти звільняючи з п'їтьми,
 Долали кривду в лютому двобої...
 Я вірю тобі так, неначе ти була
 В гвардійській нашій роті медсестрою,
 І на собі кризь пекло до села
 Мене виносила із клеїтного бою...
 Я вірю тобі так, неначе ти
 Моїй старенькій вимовила: «Мамо...»
 Світ сонячніш стає від доброти,
 Од віри він світлішає так само...

РАНОК ПЕРЕМОГИ

...І репродуктор мовив: «Перемога!»,
 Солдати поверталися з війни.
 Вуста світали радісно і строго,
 І ранок прихилився до сивини.
 І враз збагнув: ні, не скінчилися болі
 В серцях у горем битих матерів.
 В осколках мін – і клени, і тополі,
 І смерті жах в зіницях не змілів
 У дівчинки із поглядом солдатки, –
 Її до серця притуляв босць,
 Якого вона враз впізнала – «Татко!»,
 Коли він простягнув їй буханець
 «Від зайчика» принесеного хліба
 З гвардійського свогого речмишка,
 І лагідно, і винувато ніби
 Всміхнувся до неї:

– В тебе вся дочка...

...Так починався ранок Перемоги
 В сирітсько-удовиному селі,
 Де дядько мій, що повернувся безногим,
 Був прийнятий в колгоспні ковалі.
 Ладнав плуги натруджені й косарки,
 Клепав дзвінкоголосі лемеші.
 А в сутінках для себе й тітки Варки
 Співав пісень, як кажуть, від душі...
 Протезами топтав грузькі дороги,
 Ватагом був у кузні й при столі.
 І кирзаки на... «дерев'яні ноги»
 Взував, зітхнувши: «Що ж, ми – ковалі...»
 А в свята часом супивсь, як не в ногу
 Котрийсь із нас в колоні крокував:
 «З тобою, вибачай балачку строгу,

В одній би роті я не воював...»
І білочубчик паленів по вуха,
Як бойові завважив ордени.
А дядько вже всміхався: «Ти, Кирюхо,
Не ображайсь – годишся ж у сини...»
І довго потім мовив про дороги,
Про друзів бойових і сіножать.
І жоден раз не заїкнувсь про ноги,
Що в чужині, за Ельбою, лежать...

СУСІД СТЕПАН СПОГАДУВАВ ЗА ЧАРКОЮ...

Фрагмент нев'янучого болю
...Озвася виконавець на коні:
«Сусідо, зустрічай позавтра тата...»
Тремтів вогонь у гільзі при вікні,
В сестрички квітла усмішка шербата...
Оце і все, що визернив світанок
Хлоп'ячих літ про свято Перемоги...
Зійшов без ніг боєць на полустанок,
Ні в кого не прохаючи підмоги...
Дванадцять літ було тоді мені,
Я вмів уже стрілять із автомата...
...Зірки у поранковій сьайвині
Померкли перед орденами тата...
09.12.1984р.

м. Дніпропетровськ

КАРПАТСЬКА БАЛАДА

«Циганка з гір в село ішла
Крізь ніч зітхання.
Мов жовта зірочка, цвіла
Білотка рання.
Циганка квітку до грудей
Поклала тихо,
І відступило від людей
Щербате лихо...»
Мені цю казку розповів
Гуцул статечний.
Мов едельвейс, в зіницях цвів
Промінчик гречний.
Ти подив серцем віднайшла
На східцях ганку:
«Солдатів кликати прийшла
Я до сніданку...»
Немов циганочка була
Гуцулка Дана.

В косі заплетеній цвіла
 Зоря багряна.
 Гойднулася підківка брів,
 Аж ледь не дзенька:
 «Не казку тато вам повів,
 То – моя ненька...»
 ...На чорнім чубі не лежить
 Давно пілотка,
 А й досі спогадом болить
 Твоя білотка...
 22.12.1984р.

БАЛАДА ПРО ЧЕКАННЯ ТА ГРАНІТНУ ВИШИВАНКУ

Краще б, зозулі, вам правди не знати:
 Матері легше було б виглядати...
 То не біда, що сніги та замети –
 Спогади в серці, неначе багнети...
 Посеред січня чи в лютому навіть
 В думках матусі розвесниться павідь.
 І защебече, і так зануртує –
 Мати громи переможні почує.
 Стане, як пісня, край білої хати
 Сина з доріг вогняних виглядати.
 Куйте їй стрічу з Івасем, зозулі:
 Мій білочубчик не сватався до кулі,
 Не відвертався від блискавки й грому,
 Раз ордени...
 повернулись...

додому...

Може, цієї весни вже й чекати
 Сина з війни в німбі вишень крислатих.
 Травень незчувсь, а вже й осінь кигиче,
 Сина полеглого матінка кличе:
 «Вже й Катрині внуки – тії, що кохала,
 Троянди кладуть на граніт п'єдестала.
 Вже й пісня посивіла – та, що гвардійці
 Співали з тобою на «тридцятьчотвірці»...
 Лишилися в очах лиш жалі незаснулі
 Та подив немеркнучий: люлечки-люлі...
 Вже скоро й за обрій, в обійми світанку,
 Не знаю, кому лиш віддать вишиванку...»
 На білому фоні – кривава калина:
 З громів посивілих чека мати сина...
 ...І тільки зозулі кують на світанку
 Зміст похоронки:

«Згорів у танку...»

Краще б, сердешні, вам правди не знати:
Матері легше було б виглядати...
... На цвинтарі, там, де джерельце студене,
Зозулина туга озвалась до мене:
«Юначе, ось маєш собі вишиванку –
Господар її не дожив до світанку...
І ньєнка уже – по дорозі до сина...» –
Сльозу з вишиванки зронила калина,
І рястом пішла росянистим до саду,
Аби завернути на хвильку в баладу,
В якій закарбовані вічні святині:
«Синівське безсмертя – то наші твердині...»
Ваш син повернувся, матусю, з війни:
В сільському музеї – його ордени...
Ви чуєте: кроки синівські на ганку,
По-праву йому цю носить вишиванку...
... Комбат усміхнувся винувато, неначе:
«У граніті й спідручніш мені, юначе...»

ПОВЕРНЕННЯ

Балада-монолог

Мене сьогодні вийшли зустрічати
Черешні із сусіднього села.
Стежина моя в рідне пролягла
Крізь красноталу райдуги зірчаті.
Мене сьогодні вийшли зустрічати
Сестрички юні грушок-медовиць,
І дичка, взявши в пелену кислиць,
Мене прийшла родинно пригощати.
Мене сьогодні вийшли зустрічати
Тополі у зелених хусточках,
А клени в серпанкових сорочках,
Що до схід сонця вишили дівчата,
Звернулися до мене, мов до брата,
Сказавши:

– Нам повідав дядько Гриць,
Що будеш ти із фронту повертати
Дорогою зелених блискавиць.
І що, либонь, завернеш до села,
Де юність, мов ромашка розцвіла.
Звідкіль у вогневир пішов солдатом,
Обнявши ньєнку якось винувато.
Мене сьогодні вийшла зустрічати
Джерельна врода дідових криниць,
І п'ятеро смерічок-чарівниць,

Біля яких матуся колискову
Мені вела про вірність колоскову.
Тут болем моє серце обпекла
Черешенька, зустрівши край села:
«Чекаєм з перемогою, Іване,
Хай за тобою цвіт в росі не в'яне...»
...І ось дорога стелеться хрещата,
В селі уже весілля на порі.
Старий лелека всівсь на димарі.
Віконницями привітались хати,
Вдовинням і розлукою крислати.
Повітря враз мені забракло в грудях:
Як бути тут, сказати що на людях?
А ось і батько з матір'ю старою,
І біла хата... й річка за горою...
І серце стугонить в гранітні груди:
– Я повернувся... Стрічайте мене, люди!
Я – ваш Іванко... Ось же я – стрічайте,
Світлицю рушниками уквітчайте.
Я повернувся на батьківський поріг,
Якому вірність стільки літ беріг...
Я повернувся крізь зірвані мости,
Щоб обеліском у село ввійти...
Я повернувся під рідний небозвід,
Ріку безсмертя подолавши вброд...

СОЛОВ'ІНА БАЛАДА

Дев'ятого травня соловей край шибок
Обізвався голосом мого дядька,
Який не повернувся з війни.
Мати розповідала, що дядька Івана
Називали в селі соловейком,
Бо мав справний голос
І дівчат частував піснями,
Як поцілунками.
А коли на світанку у червні
Заніміли від вибухів бомб солов'ї,
Мій дядько пішов на війну,
Бо хотів від заброд зберегти
Свято мирних дібров для Орисі,
Що сватам подала рушники,
А Івану клялася чекати,
Виглядати з фронтів солов'я.
Із вогню, що кресали гармати,
Пісню солов'їну виніс мій дядько
Живою в одній із атак,

Хоч сам не вернувся до хати,
 Взувши гранітні чоботи,
 Бо цього вимагало безсмертя.
 А сьогодні ранком тітка Орися
 Почула, як співав я про вірність закоханих,
 І змахнула сльозу посивілу з очей,
 Усміхнувшись задумі своїй,
 Бо здалось удові, буцім голосом
 Я дуже схожий на дядька.
 Може, тому й сопілку із скрині –
 Ще дядькову – вдячно мені простягла,
 Проказавши:

– Тримай, соловейку...

І розвеснила кутики брів.

...У саду захлинавсь соловей.

СОПІЛКА

І прийшов тоді день

З молодими,

як в батька,

очима,

І вітаючи землю,

Вточив їй добра і пісень...

Розв'язав речмішок,

Що п'ять літ перебув за плечима,

І сопілку дістав,

І покликав до хати людей...

...Вже нема солов'їв,

Що повернення батькове знали,

І немає сопілки,

Що свято весни стереже...

Тільки той речмішок,

Що задимлені знали вокзали,

Солов'їв і сопілку

Для сина мого береже...

БАЛАДА ПРО СОЛДАТСЬКІ ПОЦІЛУНКИ

*Ветеран трьох війн дід Люльченко стверджує,
 що найбільше поцілунків у визволених від
 фашистів містах і селах завжди діставалось йому...*

– Я найбільше за всіх цілований.

Цілувала мене Морава,

Прага, Краків, вогнем гартований,

І розбомблена Руська Рава, –

Дід Гордій ордени помацав,
Пригадав, як було колись –
На тачанці, без прокламацій
В Копані улетіла вість:
Повертають з війни солдати!
Радість повинню в дім впливла.
Дітваки і баби – із хати,
І мерщій за окіл села.
Там, де клени зеленочолі
Перемозі лаштують трон,
По несіянім житнім полі
Повертався кавескадрон.
На запилених, на стременах
Стигли зорі трьохсот доріг,
Відбиваючи на раменах
Конопатого місяця ріг.
Просвітлили безстріхі хати,
Дід Гордій усміхнувся тут:
– Зустрічайте, Одарко, свата,
Як велить фронтовий статут.
«Князь» наш, гвардії підполковник,
Вполювати мені звелів
Ту, що спершись на підвіконник,
Материнських чекає слів.
– Усміхніться, ну, що ж Ви, мамо, –
Ронить Любка палкі слова, –
Вже доросла... Авжеж, не рано... –
І до милого підплива.
Зорі дарять весільний трунок,
Замузичують все довкіл.
І бринить на вустах цілунок
В нецілованих хлопчаків.
... Дід Гордій ордени помацав,
Сиву люльку-гіркавку взяв,
Усміхнувся, помилувався,
Затягнувся і знов почав:
– Я найбільше за всіх цілований...

Далі буде

ПЕГАС-МИНИАТЮРИСТ

Наталья Головки Севастополь МИНИАТЮРЫ

МОРОЗ И СОЛНЦЕ

Мороз и солнце, ветер ледяной, но моего внука Владислава это нисколько не смущает.

С радостными воплями он бежит к школе, а причиной всему долгожданные зимние каникулы.

Несколькими минутами позже появляется одноклассник Влада с дедушкой и красивым футбольным мячом. Внук делает «грустные глаза» и просит: «Бабушка, стань, пожалуйста, в воротах».

«Влад, ты что! – возмущенно начинаю я. – Посмотри, я в шубе. И потом, я же бабушка, у меня нога болит», – продолжаю уже более спокойным тоном, как школьница, неожиданно решившая прогулять урок физкультуры. «Бабушка! Да тебе делать ничего не надо. Просто наклониться и поймать мяч...»

ПОЕЗДКА

Алёшке шестнадцать. Спортивная фигура. Красивые карие глаза с длинными ресницами, на зависть всем девочкам, густыми тёмными ресницами. А я хорошо помню его кудрявым годовалым малышом. Сегодня Алексей зашёл к маме на работу. Пьёт кофе и торопливо, но с интересом, просматривает на экране монитора совсем свеженькие фото. Сотрудники ездили в лес. Среди них Алёшина мама, бабушка, тётя и папа, который недавно вернулся из заграничья. Фотографии одна лучше другой. Сказочная крымская осень! Неожиданно Алёшка спрашивает: «А почему на бабушке моя красная спортивная куртка?»

Мама, как прилежная ученица, без запинки отвечает: «Потому, что бабушке очень идёт красный цвет. Ты не находишь?».

«Хорошо, что бабушка не носит твои кроссовки», – вмешиваюсь я в разговор, прекрасно зная, что у нее 33-й, а у него 43-й размер обуви.

И вдруг юноша совершенно по-детски восклицает: «Вон, на папе мои кроссовки, посмотрите! Мои походные кроссовки!...»

УТРО

Утром мама с дочкой идут в детский сад. Мама торопится, а трёхлетнее чадо еле плетётся, левой рукой, нежно прижимая к себе лысого розовощёкого пупса. В правой – несёт маленький пакетик с одеждой.

«Алина, поторопись», – оглядывается мама.

«А как ты себе это представляешь? Я иду с ребёнком на руках, который к тому же ещё и спит!».

ПРОСТО ИГРА

В вашем доме есть собака? У нас есть. Такса, но не простая, а такая, которая вот уже два года считает, что она ротвейлер. Когда Соня с громким лаем выбегает из подъезда, дворовые псы обалдело смотрят на неё круглыми глазами

и интеллигентно молчат... Но я знаю, о чём они думают: опять эта скандальная особа выкатилась во двор!

Вдоволь нарезвившись, Соня и дома не успокаивается. Её коронный номер, который приводит в ужас всех без исключения гостей — найти и обезвредить kota. Собака догоняет Рыжика, одним чётким, отработанным движением опрокидывает его на спину и, открыв зубастую пасть, с глухим грозным рычанием тычет носом в кошачью шею. Сразу возникает желание спасти бедное животное, у которого, кстати, целых двадцать острых когтей и одного когтя достаточно, чтобы собака, обиженно заскулив, отправилась восвояси. Значит все это — просто игра...

БАБУШКИ НЕ ПРЫГАЮТ С ДИВАНА

В один из осенних дней произошли два события: дети купили новую мебель и меня пригласили понынчить трёхлетнего внука. Воодушевлённый отсутствием родителей (а из любящей бабушки при желании можно вить веревки), шалун карабкался на высокую спинку дивана и с воплями Тарзана прыгал вниз на ковер.

«Влад, высоко», — пыталась я образумить внука. Он соглашался, а через минуту все повторялось. Совершенно неожиданно для себя я спросила:

«А можно бабушка один раз прыгнет с дивана?» Малыш изумленно на меня посмотрел, а затем, медленно, но уверенно произнёс: «Бабушки не прыгают с дивана».

«Ну почему? — принялась канючить я. — А если очень хочется? Всего один разочек!»

«Нет, — с металлом в голосе сказал Владислав, — будем читать сказки». Я огорчённо вздохнула и открыла его любимую книжку с яркими картинками.

ОСЕНЬ

Озорной ветер всю ночь засыпал дорожки школьного парка осенними листьями на любой вкус: жёлтыми, багряными, оранжевыми. Ранним утром я иду по пёстрому коврику и любуюсь всей этой красотой. А вот и проза бытия — на сером бордюрном камне белый пластиковый стаканчик с остатками томатного сока. Что-то заставляет меня оглянуться.

С ближайшего дерева слетает ворона, берёт стаканчик в клюв, высоко запрокидывает голову и пьёт сок с таким видом, как будто она всю жизнь только этим и занималась. Мне остается произнести: «Хвала производителю!» — глядя на любительницу витаминов, хлопающую крыльями.

ЧИСТОТА — ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ

Наша Соня обожает резвиться, впрочем, как и все таксы в щенячьем возрасте. Любимая игрушка — маленькая бархатная подушечка голубого цвета. Такса летает с ней по прихожей, рычит и треплет до полного изнеможения. Затем плюхается посреди кухни совершенно без сил, изображая глубокий обморок. На очень короткое время наступает тишина, и только часы тикают на стене. Неслышной походкой к таксе подходит Рыжик-реаниматор и начинает старательно, самозабвенно мыть Соне уши, а чтобы процессу ничего не мешало, кладет правую лапу ей на голову. Облизывает и мордочку, где пробиваются небольшие колючие усы, а когда притрагивается шершавым языком к носу, «спящая царевна» чихает, вскакивает и несётся к мисочке с водой. Чистота — залог здоровья.

ЖАРА

Какая стоит жара! И ни одного обещанного синоптиками дождя.

Я выношу ведёрко воды, чтобы ковшиком полить цветы на небольшой клумбе у подъезда. Совершенно разомлевшие от зноя дворняги, тяжело дыша, плетутся ко мне через двор. Куда деваться – наполняю для них пластмассовую ёмкость и смотрю, как они жадно лакают, уступая друг другу место. Белые голуби, слетевшие с крыши, пугливо оглядываясь, торопятся утолить жажду из крохотной лужицы на клумбе. Молодой человек с небольшим рюкзаком за плечами, проходивший мимо, неожиданно останавливается и спрашивает: «Вы не могли бы полить мне на руки? По дороге ел пирожное и весь липкий. А можно я ещё и умоюсь?» Когда сладкоежка, поблагодарив, уходит, я смотрю на пустое ведро и думаю: «Какая жара. Надо бы полить цветы у подъезда».

Михаил Квасов Луганск

ЧАЙНИК

Поздний вечер. Дневная суматоха осталась где-то там, за окном нашей уютной кухни. Мягкий, ровный свет из-под абажура располагает к отдыху. Я сижу на плетёном стуле и курю в раскрытое окно. У стола хлопочет моя любимая.

– Устал?

– Не то слово. Веришь, родная, сел и встать не хочется.

– Может чайку? Я сегодня купила замечательный травяной сбор. Давай попробуем?

– Давай.

Она набирает в чайник воды, ставит его на газовую плиту, зажигает конфорку под выдавшим виды чайником, и уходит в комнату по своим делам. Я сижу и бессмысленно пялюсь в темноту. Докурив, посылаю лёгким щелчком окурочек за окно. Он летит по какой-то замысловатой траектории маленькой светящейся точкой. Мысли мои далеко отсюда – блуждают в бесполой сутолоке прошедшего дня.

– Вот так бегаешь, бегаешь изо дня в день...

И тут мой взгляд натывается на закипающий чайник. Стоп!

– Ё-о-перный театр! Да ведь это же не просто чайник, это же... представьте себе (!), действующая модель человеческой жизни! Вы напрасно смеётесь и думаете, что у мужика «крыша» поехала – отнюдь! Смотрите, вода, налитая в чайник – наш жизненный ресурс, отмеренный, уж не знаю кем, Богом, природой, родителями, наконец. А дальше всё как в жизни. Мы юны, здоровы, полны сил. Мы растём и хотим быстрее стать взрослыми. Мысленно торопим время, сетуем на то, что нам так мало лет. Кажется: время стоит на месте. Но вот чайник начинает закипать и над носиком появляется лёгкий парок, а этот парок, смею заметить, не что иное, как улетающие годы. Чайник закипает сильней, и годы наши летят быстрее. И вот он уже бурлит, клокочет и пар из него валит вовсю! Как жаль, что годы наши улечиваются так же, как этот пар. Помните Экклезиаста? – «Всё в этом мире тщета и суета сует».

Вы скажете:

– Но позвольте, милейший, а где же опыт, накопленный с годами? Где же, наконец, возраст, которого мы достигли?

Отвечу:

– Опыт и возраст – это накипь, образовавшаяся на стенках чайника. Но, чем меньше в нём остаётся воды, тем меньше у нас в запасе жизненных сил, а потому,

соответственно, и дней меньше. Вот такая диалектика.

Выкипела вода и ...

– Любимый, ты за чайником следишь?

– Слежу и очень даже внимательно. А что?

Моя лапушка молча открывает крышку и вздыхает:

– А вода-то выкипела.

– Да ты что?!

Она без разговоров доливает в выкипевший чайник изрядную порцию воды.

– Ни хрена! Ещё поживём, ещё покипим!

Я притягиваю любимую к себе и прижимаюсь к ней, к такой родной и теплой. Она кладёт мне на лоб свою прохладную ладошку:

– Да что с тобой?

– Спасибо тебе, моя родная!

– За что?

– За то, что вовремя долила воду, за то, что ты есть у меня, ну и, конечно, за вкусный чай.

Евгений Матвеев Одесса

ПОЛТОРЫ МИНУТЫ

Лето, июль месяц, теплынь.

Я остановил машину рядом с тротуаром, перед светофором с горящим красным светом, нетерпеливо барабанил пальцами по рулю в ожидании, когда загорится зелёный. Как всегда, я спешил по делам.

С тех пор, как в городе установили светофоры с электронными секундомерами, время стало видимым и почти осязаемым. Меняющиеся цифры, стремясь к нулю, постоянно напоминают, что время заканчивается, призывая нас спешить. В повседневной суете и нехватке времени мы зачастую не обращаем внимания на окружающую нас природу, людей, животных и, происходящие рядом, но не касающиеся нас события, считая всё это незначительным и полагая, что работа, домашние дела и обязанности и есть Жизнь.

Долгие годы я наивно думал, что Время год за годом идёт с одинаковой скоростью. И лишь теперь всё больше убеждаюсь в том, что за последние тридцать лет жизненные процессы (не биологические) ускорились раз в двадцать. Время сжимается – его с каждым годом не хватает всё больше!

Помню, тридцать лет назад (и двадцать тоже) не было машины, компьютера, мобильного телефона и не было изобилия в магазинах. Была бесконечная работа, поездки на общественном транспорте по часу в каждую сторону, беготня по магазинам и базарам в поисках продуктов и одежды, дача по выходным дням за городом «у чёрта на куличках» и работа до усталости третьей степени. А ещё были дети малые, школа, ремонты и ... И на всё хватало времени.

А сейчас, в двадцать первом веке?! С помощью оргтехники можно легко узнать что, где, когда и сколько. Есть машина: вжик – и уже там, вжик – и здесь. По магазинам бегать нет нужды. Захожу в супермаркет и беру всё, что нужно. Дети стали взрослыми – у них уже свои дети. На дачу не езжу. А времени не хватает. ПАРАДОКС!

Но иногда Жизнь дарит нам вынужденные паузы, пусть даже короткие, чтобы мы могли оглядеться вокруг и задуматься хотя бы над одним из множества философских вопросов.

Итак,...я в машине перед светофором. Рядом со мной, в левом ряду

остановился джип «Лэнд круизер», в котором мужчина и женщина в возрасте до тридцати лет, модно одетые, выпуская табачный дым в открытые окна джипа, ни на что и ни на кого не обращая внимания, с безрадостным выражением лиц, мягко говоря, высказывали свои претензии друг другу на повышенных тонах. Так могут ругаться только близкие люди – муж с женой – по житейским мелочам. Никому из нас и в голову не придёт разговаривать подобным образом с соседями или знакомыми. И я подумал, что у них, наверняка, есть всё, кроме Счастья.

В боковое зеркало заднего вида я увидел пса, весело бегущего трусцой по тротуару откуда-то в никуда, вдоль стоящих перед перекрёстком машин. Беложёрстный, с пушистой в завитках, но грязноватой шерстью, с бледно-розовым носом и такого же цвета ушами – он, конечно же, был ничей.

Пёс держал в зубах обломок ветки от дерева. Он то и дело подбрасывал его вверх и в сторону, тут же догонял и ловил его, как убегающую добычу, подпрыгивал вокруг обломка, прижимал морду к тротуару и вилял хвостом от удовольствия, по-видимому, представляя, что он прячется в траве, в лесу, хватал обломок и, гордо подняв голову, нёс несколько шагов в зубах. А затем снова подбрасывал. И никакого рычания, агрессии или злости. Это была игра, радость и удовольствие.

Навстречу псу шла мама с дочкой лет пяти-шести. Девочке явно понравился этот игривый пёсик, и она хотела подойти ближе, но мама поспешно взяла ребёнка за руку.

– Не подходи, он тебя укусит. Смотри какой он грязный – испачкает.

Перетащи дочурку за себя, подальше от собаки, мама, проявляя героизм, закрыла её своим телом, как амбразуру дота, и бочком прошла мимо этой «ужасной твари». А девочка всё выглядывала из-за маминой спины и широко раскрытыми глазами смотрела с интересом на пёсика, который, не обращая на них внимания, продолжал свой путь с видом – «Да мне до вас нет никакого дела».

Неподалёку на низкой металлической оградке, отгораживающей газон-клумбу от тротуара, сидел мужчина с виду лет сорока пяти-пятидесяти, в одежде не первой свежести, давно не бритый и не стриженный. Судя по всему, гражданин был Без Определённого Места Жительства. Он ел продолговатый батон белого хлеба, равнодушно глядя перед собой. Но, когда он увидел бело-грязноватого добродушного пса, его взгляд оживился. БОМЖ отломил от батона кусок и, посвистев и почмокав губами, бросил его собаке. Пёс остановился, положил свою палку рядом, понюхал хлеб, повернул голову к мужчине и несколько секунд глядел на него. Я не видел собачьих глаз, но, думаю, в них было выражение благодарности. Собаки от природы преданные и благодарные. Но оказалось всё не так-то просто. Наверное, в нём происходила борьба между Духовным и Материальным. Пёс явно не хотел менять радостное душевное состояние на кусок хлеба насущного. Пересилив инстинкт, он всё-таки поднял палку, подбросил её, ловко поймал и побегал дальше. Мужчина улыбался, глядя ему вслед.

Из забытья меня вывели гудки, сзади стоящих машин. Горел зелёный свет светофора, и я нажал на педаль газа. Машина рванулась с места, а я ехал и думал:

– Так что же такое Счастье? И как стать счастливым? Может быть, это умение радоваться самым простым, самым обычным, жизненным вещам? Да, так оно и есть.

СЧАСТЬЕ – это УМЕНИЕ РАДОВАТЬСЯ ЖИЗНИ! В любом возрасте!

Но это моё субъективное мнение.

Юрий Полицкий Днепропетровск

ДО ИЗ АМЕРИКЭ

Когда началось это безумие – гражданская война в России, родители Эли Сумберга приняли окончательное решение уехать в Америку.

– Элочке, таерер унзере зинеле (на идиш – «Элочка, дорогой наш сыночек»), бери свою семью и, пока не поздно, все вместе отплываем в Америку. Там нет погромов, там никто тебе не скажет «жид», там рай земной. Одним словом – Америка.

Но Эля, переживший в этой стране погромы, солдатские окопы первой мировой, погибавший в тифозном бараке, неожиданно отказался:

– До из Америкэ (на идиш – «Здесь Америка»), – сказал он.

Так и прожил эту жизнь Эля Сумберг, получив от здешнего «рая» всего сполна: жестокие погромы, еврейскую резню махновскими бандитами, постоянный страх от визга тормозов ночных «энкавэдевских» машин, эвакуацию семьи в трижды попадавшем под бомбёжку «товарняке», борьбу с «безродными космополитами», оголтелый хрущёвский антисемитизм.

«До из Америкэ».

– Неужели и я совершил ту же ошибку, – в сотый раз задавал себе вопрос сам уже ставший дедом внук Эли Сумберга.

Он ходил по улицам красивого Израильского города Ашдода, куда приехал встретиться с родственниками. Ходил и восхищался выросшей в пустыне цветущей страной, и людьми, построившими свою страну и беззаветно любящими её.

– До из Америкэ.

...Самолет из Тель-Авива благополучно приземлился в Днепропетровске. Внук Эли Сумберга, пройдя таможенный и паспортный контроль, вышел в зал ожидания аэропорта. И в тот же момент его шею обвили руки самого дорогого и любимого в мире создания – обожаемой внучки.

– Ты был прав, дедушка Эля, до из Америкэ.

СОРОК СЕКУНД СЧАСТЬЯ

– Переезжай ко мне, – предложил он.

– Не могу: у меня здесь внуки. Лучше ты оставайся у меня.

– Не могу: мои внуки там.

Они стояли – два старых человека – и смотрели друг на друга прежними, молодыми глазами. После той нелепой ссоры она вышла замуж за нелюбимого и с мужем уехала в Израиль. Он ещё целый год на что-то надеялся, а потом тоже женился не по любви. И сегодня, через полстолетия, они снова встретились и поняли, что чувства никуда не ушли.

– Я всю жизнь люблю тебя, – признался он.

– И я тебя тоже.

Глядя друг на друга, они искали и не находили нужного решения.

– Ну тогда обещай, – попросила она, – что в следующем году прилетишь снова.

– Целый год в моём возрасте – это слишком много. И я не уверен, что со своим инфарктным сердцем смогу совершить такое путешествие ещё раз. Так что прилетай ты.

– Увы, для моего сердца с пятью стентами это тоже не под силу.

Они стояли – два старых человека и смотрели друг на друга, понимая, что

это их последняя встреча.

– Твой автобус до аэропорта будет через пять минут.
Они обнялись, и, молча, стояли в ожидании автобуса.

Вой сирены разрушил тишину прощания.

– Что это? – спросил он.

– Подарок из Газы. Через сорок секунд ракеты упадут здесь.

Не размыкая объятий, они ещё сильнее прижались друг к другу. И высокого напряжения искра, пронизав сердца, соединила их в одно, в котором пульсировала выстраданная ими любовь.

– Видишь, судьба благосклонна: мы, наконец, вместе.

– Да, родная, это самые счастливые секунды в нашей жизни.

Ракета разорвалась в километре от них на безлюдном побережье, а два старых счастливых человека всё так же стояли, обнявшись и живя друг в друге.

Из-за поворота вынырнул рейсовый автобус, и в этот момент город накрыл новый вой сирены.

Николай Семенченков Луганск

Мир – мер...

Грузный праздник...

Отказанное внимание...

Крайние мэры...

Вернуться можно,
Вернуть нельзя...

Четвероногие бомжи...

Доказательство...

Всё чаще – чащи...

Шило в смешке...

Мёртвых помним,
живых лишь иногда вспоминаем...

Зло существует для того,
чтобы не забывали о добре...

Если о себе не напоминать,
то тебя могут забыть...

Позывные и подзывные...

Отсутствие чего-то,
ещё не говорит о том, что оно присутствовало...

Недомерие...

Миг – маг. Магия мига...

Бывает – бивают...

Жизнь пробивается сквозь будни...

На подвеске дня...

Иван Чалый Луганск

УЧИТЕЛЬНИЦА

От хутора Терехово до Дубровок через луг три километра, а в обход – семь. Машинами и телегами ездили напрямик только летом, когда речка пересыхала. В другую пору года смельчаков не находилось. Перед началом войны думали положить большие трубы и общими усилиями тереховцев и дубровчан сделать насыпь. Уже начали завозить материалы. Но когда на степи, деревни, города обрушились бомбы, работы прекратились. Так и стоял несколько лет мост, сколоченный из двух толстых брёвен.

Каждое утро проходила по этому мосту молодая учительница Нина Остапчук. Жила она с матерью в Терехово, а ходила пешком в дубровскую школу, там в то время ещё не хватало учителей. Сначала трудновато было вставать чуть свет, но, вспомнив любознательные лица, девушка решительно сбрасывала одеяло.

Сегодня Нина вышла раньше обычного. Позёмка нанесла через дорогу большие сугробы, ноги то и дела проваливалась в снег.

Учительница решительно шла вперед. Неожиданно началась метель. Дорога прошупывалась всё реже и реже и вдруг совсем исчезла. Нина растерянно остановилась. Но в этот момент на память пришли слова старого партизана: «Когда идешь в непогоду, запоминай, откуда ветер дует. В случае, если заблудишься, по ветру можно определить в каком направлении нужно идти».

Очень пригодился ей этот совет во время войны. Нине, самой юной партизанке во всём отряде не раз приходилось ходить в разведку. Маленькая, в длинном потрёпанном пальто, она не вызывала у немцев подозрения. Попрошайничая, прикидываясь сиротой, смекалистая девочка всё запоминала и доставляла партизанам ценные сведения о расположении и численности врага. В отряд чаще всего возвращалась в непогоду, и её выручал всегда данный однажды добрый совет.

И сейчас уже через несколько лет после войны, она решила им воспользоваться. Определив первоначальное направление ветра, она сделала несколько шагов в сторону и нащупала мост. Обессилив от волнения и ходьбы, опёрлась на перила. Может вернуться назад, домой? Ведь до Дубровок больше двух километров. А как же дети!? – подумала она. Нет, – только в школу! Плотнее закутав лицо платком, учительница отважно шагнула в белый снеговорот.

Метель не затихала. Неистовая снежная буря кружила так, что не было видно ничего на расстоянии протянутой руки. Идти становилось всё тяжелее и тяжелее. И вдруг до ушей долетел протяжный вой.

«Волк», – испуганно решила девушка. Из рассказов стариков она знала, что убежать нельзя, волк обязательно погонится. Они боятся свиста, вспомнила Нина. Попробовала засвистеть, но ничего не получилось. Тогда она, словно отрешённая, пошла вперёд. Крупный, широкогрудый волк стоял посреди дороги и настороженно наблюдал за приближением Нины. Глаза его хищно горели. Шаг за шагом девушка приближалась к зверю. Вот уже отчётливо видны приподнятые уши, буроватая шерсть...

Не отдавая себе отчёта, девушка хлопнула ладонью по обледенелому пальто и крикнула: «Пошел вон!»

Волк злобно щёлкнул зубами, неуклюже подпрыгнул и неторопливо побежал в поле. На щеках и на лбу учительницы выступил пот. Было такое ощущение, будто с неё сняли невероятно тяжёлый груз. Но не успела она сделать и нескольких шагов, как волчий вой заставил её опять настрожиться. Ему ответил второй, третий. Зловеще сверкнули огоньки, их было много, очень много.

Холодея от ужаса, забыв о предосторожности, девушка бросилась бежать. В голове была одна единственная мысль – только бы не упасть. Нина бежала и все время чувствовала за собой погоню. Волки почему-то не нападали, видимо они ещё не были готовы к решительным действиям.

Нина на секунду остановилась перед копной соломы, чтобы перевести дух. Поджечь! – мелькнула мысль. Но чем? Хотя бы одну спичку. Начала искать, и чуть не вскрикнула от радости – в кармане пальто рука нащупала спасительный коробок. Нина вытащила пук соломы и стала зажигать. Замёрзшие пальцы не слушались, спички ломались. Наконец, солома загорелась. Волки отпрянули в сторону и, окружив копну, кровожадно смотрели на девушку.

Судьба смистовилась над Ниной. Два тощих волка, забыв на время о человеке, затеяли драку. Звери, рыча катались по снегу, лязгали зубами, пытались схватить друг друга за горло. Наконец, более сильному удалось это сделать. И тут вся свора набросилась на поверженного сородича. И через несколько минут все было покончено. Обезумев от запаха крови, волки снова приблизились к костру. Нина швыряла им навстречу горящую солому. Но волки продолжали идти.

Страх овладел девушкой. Она стала бросать пучок за пучком. И вот её пальцы уже коснулись снега, вся копна была разбросана. На снегу чернели пятна от сожжённой соломы. Спичек тоже уже не было. Огонь потух. Дым от тлеющей снежной шапки копны сливался с метелью и улетал в снежную круговерть.

Цепenea от безысходности, Нина закричала. Перед глазами проплыли лица учеников, раскрытые школьные тетради и мост, сколоченный из двух толстых брёвен...

В то утро ребята дубровской школы долго ждали свою учительницу. Нина никогда не пропускала занятий. Обеспокоенная этим, сторожиха побежала в контору правления колхоза.

– Да дома она. Кто в такую метель пойдет? – успокаивал счетовод.

– Нет, ты не знаешь нашу учительницу! – возразил председатель колхоза. –
Надо идти её искать.

И первым вышел на улицу.

Весть о пропавшей девушке молниеносно облетела хутор. Десятки колхозников разбрелись по степи. К поискам любимой учительницы присоединились сельские охотники. Снежный буран бросал людей из стороны в сторону. Они падали, проваливались в сугробы снега, поднимались и снова шли на выручку человека.

А Нина уже начала терять сознание и в затухающей памяти пронеслось лишь грозное рычание волков и щёлканье зубов. Выстрелов она уже не слышала. Очнулась девушка в жарко натопленной избе правления колхоза.

Владимир Шестаков Кременчуг

КВАРТЫ

ПО ТАРИФУ

Судьба подарки иногда
Отвесит, будто по заявке...
Но плату твёрдую всегда
Возьмёт исправно за доставку.

ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ?

Уточняю просто
И без многословья:
Деньги пахнут потом,
А большие – кровью...

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Жара, похоже, всех достала...
Скорей бы, что ль, зима настала!
Ну а когда метель задует,
Мечтать мы будем об июле...

ДЕТИ-ИНДИГО

Давно идём по краю...
Средь общей кутерьмы
Детишки эти знают,
Чего не знаем мы.

УТОЧНЕНИЕ

В распрях политикум мается,
Кто-то теряет лицо...
Истина в спорах рождается,
Правда, не в спорах глупцов!

ОТ АРХИМЕДА

Одолевая пороги,
Мнится и в ванной успех...
Мысли преследуют многих,
Но догоняют не всех!

ПО ДОРОГЕ ПРОГРЕССА

Кружит планета устало,
Следует не забывать:
Ежели мысль к вам закралась,
Надо её задержать!

ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ БИЛИНГВИЗМА

Политика – дама сметливая,
Уже не покажется странным:
Язык доведёт и до Киева,
Но если язык тот – «державный».

АПРЕЛЬСКИЕ КВАРТЫ**ВОПРОС**

В небе над куполом – марево,
Тянется страждущих нить...
Чтобы грехи не замалить,
Может, не стоит грешить?

О ДОБРОДЕТЕЛЯХ

Кого удивит бездуховность?
Немало других проявлений...
Тогда украшает лишь скромность,
Коль нету иных украшений.

НЕСРАВНЕННОЙ

Утверждают не по делу,
Повторений и не счесть:
«Совершенству нет предела»,
Но ведь ты на свете есть!

НЕИЗЛЕЧИМО

Лечить не берётся нарколог,
Шаманы бессильны в борьбе...
Мой путь излечения долог,
Ведь пьян от любви я к тебе!

ГЛЯДЯ В ГЛАЗА

Слушают часами,
(Хоть слова – не песенки!).
Любят коль ушами, –
Значит, их развесили...
Значит, их развесили...

СВОЯ НОША

Тянет дойти до намеченных мест,
Путь избирая иной...
Радуйся, если несёшь ты свой крест:
Хуже, коль тащишь чужой.

НОВЫЕ ИМЕНА

Татьяна Богданова Запорожье

НЕПРИКАЯННАЯ ЛЮБОВЬ

Любви, не находящей тихой пристани,
Вновь суждено бурлить, мятежа кровь.
И даже взгляд, манящий счастьем, пристальный,
Не увлечёт звучаньем нежных слов.

Парады звезд, даря свое свечение,
Напомнят о безудержной любви.
Далёкое святое увлечение,
Уносят в океаны корабли.

Куда причалит чувств благих витание,
Когда на сердце холод и жара?
Качание. Молчание. Венчание.
Пока. Привет. Ну, здравствуй! Мне пора...

Ещё гроза не заискрила молнией,
И на душе моей искристый бриз.
Способен ждать любви, самодовольным быть,
Осуществляя чувственный каприз.

Но за полоской светлой вновь мелькание.
Души порыв – за гранью света дня.
И в серых буднях – чуда ожидание:
Ведёт судьба, лелея и гоня.

И снова вздор, и взрыв судеб. Отчаянье.
И снова шквал обид, потери вкус.
И отчуждением горьким неприкаянным
Разрушен наш безоблачный союз.

Огни. Туман. Удушье и признание.
Тоска и боль. Сердечные бои.
Затишье бурь. Мгновенное сгорание.
Стремления, желания твои.

МАНОВЕНИЕ ЛЮБВИ

Владу Клену и Алине Остафийчук

Миг лови, мы рядом.
Два случайных взгляда,
Расстоянье vis-a-vis.
Праздник встречи ближе,

Музыкою дышит
Мановение любви.
Вьётся ветром платье,
Мир котёнком ластится.
Мною, милый, дорожи.
Обещанья разве
Станут нашим счастьем?
Долетят до межи,
Превращаясь в миражи.

Дорога ли встреча?
Нас разлуки лечат,
Переправы и мосты.
Говоря о вечном,
Тают плавно свечи,
Уводя из суеты.
Мы с тобой измерены
И судьбой, и временем,
Знаем цену пустоты.
Нас сближают чаще
Радость и несчастье,
Наши общие мечты,
Постижение высоты.

БЕЗВОЗВРАТНОЕ ЛЕТО

Безвозвратно окончилось знойное лето.
Облака уплывают в лазурную даль.
Ты закаты любил, я – одни лишь рассветы,
Уводящие в летний и ласковый рай.

Кто-то мудрый сказал, что любовь быстротечна
И придумал её тот, кто горя не знал.
А любовь – бесконечна, как звонкая речка.
Неизвестен её бесприютный причал.

Может, ты опоздал, может, я поспешила.
Наша встреча сияла парадом огней.
Как нам судьбы связать? Расскажи мне, мой милый,
Не играй моим сердцем, мне душу согрей.

Время, лекарь и страж, залечи мои раны,
Строгим пастырем зримо не стой у ворот.
Почему ж ты, любовь, так коварна и странна?
Дай, сударыня, счастьем и радости срок.

В ОБЛАКАХ ЛЮБВИ

Я предательств не прошая,
Пресловутого мещанства.
Подрастаю, обретаю
Я души своей пространство.

Неудачи присмирели:
 Песни и стихотворенья
 Ангажируют умело
 Для расцвета и везенья.

Пусть порою я теряюсь
 И томят меня потери,
 Пусть я от бессилья маюсь
 В дни разлук и в дни безверья,
 Пусть холодный ветер воет
 И воюет тело с сердцем, –
 После вздоров, споров, боя
 У любви – сопрано-меццо!

Я, как мим, смешно шагаю.
 Нарисована улыбка.
 Всё прощаю, всем прощаю.
 У надежд я фаворитка.

Нескончаема дорога.
 Увлекают птицы пеньем.
 Так прочувствовано много,
 Что душа поёт свирелью.

Я предательств не прощаю,
 Мне милее постоянство.
 В облаках любви витаю,
 Изменив судьбы пространство.

Лариса Ковальчук Ильинцы Винницкая обл.

ГУДЗИКИ НА БЛУЗІ

Дивився в очі дівчинці неначе
 Осліплений від сонячного літа.
 І називав її – моя Лоліта,
 А їй було з тобою трохи лячно.
 На блюзі погляд жадібно-гарячий
 Та гра в мовчанку, сховки, тет-а-тети,
 Вона для тебе з іншої планети.
 Таких очей ніколи ще не бачив.
 На сковорідці смажаться котлети,
 І Вакарчук виспівує про Сьюзі.
 Ти думаш – які ж ми з нею друзі?
 Таких жінок оспівують поети,
 Такі жінки тримають у напрузі.
 А кожне слово їх – для тебе хокку.
 Вас розділяє стіл і двадцять років
 А ще ті кляті гудзики на блюзі...

НАЗИВАЙТЕ МЕНЕ ЛІЛІТ

Здається, що вона постійно на когось чекає.
 Дивиться мовчки в небо. Із вишень облітає цвіт.
 Її ім'я – анітрохи не особливе – Рая.
 Та вона вимагає називати себе Ліліт.
 В будинку для престарілих в неї немає подруг.
 Є один залицяльник. Нібито відомий поет.
 Нещодавно зізнався, що пише про неї оду.
 Навіть кілька разів дарував із тюльпанів букет.
 На вечерю вона одягає ошатні сукні.
 Неохоче їсть буряковий салат й картопляне пюре.
 В неї є особливий дар – вона бачить майбутнє.
 І достеменно знає, коли Бог її забере.
 У наступний четвер... На зупинці зійде з трамваю
 Худорлявий дідусь, підійде до рипучих воріт.
 Зі слезами поет прошепоче: «Куди ж Ви, Раю?...»
 А вона озирнеться: «Називайте мене Ліліт».

НЕ ЧЕКАТИ

На небі місяць яблуком повис
 і нумо заглядати до кімнати.
 Ніколи вже не буде, як колись,
 Бо я тебе навчилась не чекати.
 Під зорями виспівують коти
 Пісень весняних в стилі джазу-ретро.
 А знаєш що? – Іди під три чорти!
 І не дивись на мене так відверто.

ЯК ВАС ЗАБУТИ?

Додолу тихо злітає листя,
 Попід ногами танцює вальс.
 Навіщо знову Ви тут з'явилися?
 Я тільки вчора забула Вас!

Без Вас так важко, та з Вами гірше.
 Безсилі ночі... Солодкий гріх –
 Замало місця в чужому ліжку –
 Кохання наше як перший сніг.

Жадає тіло палких обіймів,
 Летять із неба дощем зірки...
 Три слова тихо: «Я завтра їду» –
 Навіщо ж душу рвете так Ви?

Квиток на потяг... Туманний ранок...
 Слід поцілунку... Назад – ніяк!
 Пожовкле листя летить на ганок.
 Як Вас забути? Забути як?

Платон Беседин Киев

ЭХО

*However far away I will always love you.
However long I stay I will always love you.
Whatever words I say I will always love you .
P. Смур "Love Song"*

В тесном кабинете следователя Волошко пахло нечищеными пепельницами и свежеекрашенными окнами. Сварливой тещей жужжал включённый кондиционер.

Следователь, лысеющий человек с выбеленными глазами, рассматривал синюю папку, на титульном листе которой значилось: «Дело №325 гражданки Окуновой А.П.». Сама гражданка, кудрявая блондинка с жёваными губами, сидела напротив.

Волошко: Пойдём по порядку, Анастасия Павловна. Как вы познакомились с будущим мужем?

Окунова: На дне рождения общего друга. Он предложил греческий салат. Тем, как он это сделал, мне и понравился. Вышли на балкон, перекурили, обменялись телефонами.

Дальше, как у всех. Встречи, кафе, ухаживания. Когда ждёшь его под дождём, а он опаздывает, и ты психуешь, но вот он появляется, с горящими глазами, с цветами наперевес, и всё твоё раздражение уходит, будто и не было его...

Волошко вздрогнул. В его голове гипнотическим шёпотом звучало эхо. Вспомнилось первое свидание с женой: рыбный ресторан, её чёрное облегающее платье, стриженные «ёжиком» волосы и большие миндальные глаза, всегда чуть встревоженные и удивлённые.

Эхо: Виной семейным ссорам – гордость и лень.

Гордость не позволяет быть слабым, первым идущим на «мировую». Хотя выигрыш очевиден, ибо нет большей победы, чем обретение любви.

Лень мешает делать то, что вначале казалось естественным. Внутренний голос твердит, что объект завоёван, а, значит, не стоит прилагать лишних усилий. Хотя удержать всегда сложнее, чем завоевать, ибо любовь есть процесс непрерывный.

Окунова: С мужем мы съехались на третий месяц знакомства. Хорошая двухкомнатная квартира. У него, кстати, всё было хорошее: и родители, и работа, и воспитание. Конечно, он разбрасывал носки, забывал поднять крышку унитаза, но это уже – мужские аксессуары. Важно другое – старание исправляться.

Он исправлялся. Я хвалила и находила новые поводы.

Волошко: Поводы для чего?

Окунова: Для недовольства. Я хотела изменить мужа. Он же мечтал остаться собой.

Помню нашу первую серьёзную ссору. Мы собирались в кино. Он хотел

смотреть приключения, я – комедию. И никто не уступал. Всё началось с выбора фильма, а закончилось взаимными обвинениями. Он пошёл в кинотеатр – я осталась дома. Конечно, он вернулся с извинениями и цветами, уверял, что больше не хочет ссориться, а я, вся зарёванная, клялась ему в вечной любви и обещала, что мы никогда не расстанемся. Но что-то треснуло тогда.

Волошко: Вы говорили с мужем об отношениях?

Окунева: Он говорил. Я молчала, уткнувшись носом в подушку. Уйдёт? Милости просим! И даже если потом будет паршиво, а так и будет, то и хрен с ним; сейчас ты хочешь быть без него... только сейчас и можешь. Слушала я его лишь раз, когда он предлагал мне выйти замуж.

Эхо: Два базиса семейного счастья – настойчивость и восприятие.

Одному необходимо преодолеть защитный рефлекс другого, который пытается либо избежать прямой встречи с проблемой, либо приуменьшить её размер.

В конце концов, любая ссора имеет два варианта развития: быть или не быть вместе. Если человек выбирает «быть», то ему незачем портить себе жизнь семейными дрязгами. Если «не быть», то почему они ещё здесь, почему цепляются друг за друга?

Волошко грустит, вспоминая, как делился с женой мечтами стать психологом. Спустя месяцы он уже не заикался об этом.

Волошко: После свадьбы стало легче?

Окунева: Только первое время. Затем наша жизнь превратилась в ещё больший кошмар, потому что теперь каждый имел право требовать. Знаете, однажды я увидела, как горит дом, плод усилий десятков людей, в нём было столько денег, труда и надежд. Но одна искра, и всё то, что строилось годами, вдруг исчезло за час. И жильцам нужно было искать новый приют.

Волошко: К чему это воспоминание?

Окунева: К тому, что у нашей любви остался лишь остов. Я искала новый приют.

Начала с подруг. Для замужней женщины нет ничего хуже одиноких подруг. Они твердили мне, что муж – не моё. Посмотри на него, кем он стал, шипели они: растолстел, польсел, обленился. Советовали сменить причёску – меняла. Сделать татуировку – пожалуйста. Проколоть пупок – нет проблем. Время женщины ограничено, твердили мне, и тратить его необходимо на себя. Муж говорил мне о том, что главное в жизни любовь, о том, что нет ничего выше семьи, но его слова казались очередными ограничениями моей свободы.

Волошко: Вы изменяли мужу?

Окунева: Да.

Волошко: Он догадывался?

Окунева: Не думаю.

Волошко: Как вы проводили время вместе?

Окунева: В будни я приходила с работы, после – готовка, уборка, телевизор. В общем, старалась не замечать его. В выходные деваться было некуда. Мы пили вино, ходили в кино и молчали. К тому времени мы перестали разговаривать. Любые слова вели к ссоре. Ругани стало отвратительно много. И это были не те ссоры, что случались в начале. Они стали злее, большее, потому что мы уже знали слабые места друг друга.

Волошко: Доходило до рукоприкладства?

Окунева: Да. Вы же знаете.

Волошко: Он бил вас?

Окунева: К чему этот вопрос? Я била его. Вы же знаете. Швырялась посудой, книгами, вазами – всем, чем попадалось под руку. Мне нравился страх в его глазах. Я научилась доводить его до слёз. Он плакал, вставал на колени, умолял прекратить. После наступало перемирие. В такие моменты у него были счастливые глаза ребёнка. Он едва не прыгал от радости, а я думала: «Как же ты жалок...»

Эхо: Мужская и женская измена имеют разную природу.

Мужская объясняется самоутверждением посредством обладания большим числом трофеев. Женская обусловлена сушностью клитора.

Волошко изменил жене только раз. Поруговшись, он ушёл из дома, напился с друзьями, и те посоветовали ему девочку, «всего двести рублей за ночь». Сунули в карман пиджака презерватив, в руку – бутылку водки и отправили развлекаться.

Как честный муж, Волошко признался в измене. Неделю он жил у друзей, после был прощён, но стало лишь хуже.

Волошко: Почему вы не завели ребёнка? Это бы скрепило вашу семью.

Окунева: Семью? Не тот эпитет. Сожительство, может быть. Да и как можно забеременеть, не занимаясь сексом?

Волошко: Вообще?

Окунева: Крайне редко. В основном тогда, когда я встречала симпатичного мужчину, но не могла переспать с ним. В таком случае я занималась сексом с мужем, представляя себе того, кто мне понравился.

Волошко: Это и отдаляло вас.

Окунева: Он размышлял так же, как и вы. Притащил домой вибраторы, насадки, смазки – хотел разнообразить сексуальную жизнь.

Волошко: Помогло?

Окунева: Он был мне отвратителен сам по себе, а с этими штуками ещё больше.

Эхо: Секс – атрибут материалистической сущности человека, который интересен исключительно своей новизной, а, значит, требует постоянного обновления. Но гроб ценен пустотой, куда можно положить покойника. Пустота не зависит от выбора материала для гроба.

Так и секс должен быть средством для выражения любви, но не попыткой самоутвердиться, не страстью самой в себе.

На второй год семейной жизни Волошко уже не мог вспомнить, когда последний раз был близок с женой. Она не изменяла ему – старалась давить своё сексуальное желание, от чего становилась всё более и более раздражительной. В результате – заработала невроз и мигрень. Сам Волошко периодически мастурбировал.

Волошко: Почему вы не ушли от мужа?

Окунева: Из-за страха. С ним была упорядоченная жизнь. Паршивая, конечно, но кто сказал, что с другим будет лучше? А здесь всё-таки быт, общие друзья, квартира, наконец. Куда идти? С чем? Тебе уже двадцать семь (у женщин именно так – уже двадцать семь), ты привыкла к сытой жизни, а неизвестность пугает. Лежишь рядом с ним и в сотый раз думаешь: «Смогу ли я начать всё сначала?»

Волошко: Вы смирились?

Окунева: Я ждала. Надеялась, что рано или поздно появится тот, кто из

всего этого меня вытасчит. При этом, собственно, мне и делать-то ничего не придётся. Поэтому и не рожала. Женщине нужно либо много смелости, либо много цинизма, чтобы намеренно родить от того, кого презираешь. Я хотела жить в прежнем мире, но без мужа. Пользоваться той же ванной, смотреть тот же телевизор, спать на той же кровати – только без мужа.

Эхо: Причина женской неудовлетворённости – иллюзии.

Они формируют устойчивые «точки счастья»: свадьба, рождение ребёнка, карьера и т.п. Число «точек обыденности» значительно превышает число «точек счастья». Как следствие – разочарование и неудовлетворённость.

Женщина ищет «точки счастья» на стороне. Однако там, как и в семье, первый этап беззаботности всегда подходит к концу. Реверс.

«Точки счастья» необходимо создавать на своей территории.

Волошко вспомнил разговоры с женой: споры о картошке, ругань на козлов-соседей, жалобы на транспорт. Он не помнил, чтобы они беседовали о своих отношениях.

В какой момент картошка стала важнее любимого человека? Когда «как у всех» оказалось эквивалентно «как у нас»?

Окунева: Всё же иногда я пыталась уйти от мужа.

Волошко: Что мешало?

Окунева: Он. Стоял на коленях, рыдал, умолял. Я оставалась. И так каждый раз. По сценарию. И вдруг однажды он остался в комнате. Я стояла в коридоре с вещами и думала: «Ну, пожалуйста, подползи». Потому что уйти я боялась, но ещё больше боялась потерять своё лицо. Делала вид, что укладываю вещи. Час, наверное, укладывала и плакала.

Волошко: Он не выдержал?

Окунева: Да, приполз.

Волошко: Стало легче?

Окунева: После таких ссор всегда становилось легче. Он радовался, говорил о том, что теперь всё будет хорошо, а я смотрела на него и думала: «Если бы ты только знал...»

Но в такие моменты я чувствовала к нему что-то вроде привязанности.

Волошко: Вы считали себя хорошей женой?

Окунева: В плане быта – да. Я старалась: готовка, стирка, глажка. Стояла у плиты до поздней ночи, – он любил покушать – просила его о помощи, но неизменно получала отказ. «Это женская обязанность», – поучал он. Апатия и лень в мужчине отпугивают больше всего.

Волошко: Что вы сделали, дабы он стал лучше?

Окунева: В этом-то вся и проблема.

Эхо: Самое главное в отношениях – говорить друг с другом. Вначале это просто, но со временем откровенный разговор превращается в попытку. Пустить отношения на самотёк значит намеренно идти на конфликт.

Если бы двое говорили друг с другом, то все бы психологи мира в раз стали безработными.

«Не сошлись характерами» – стандартная причина развода. Четыре года сходились, а потом вдруг взяли и не сошлись. Странно это, думал Волошко во время бракоразводного процесса.

Когда они вышли на улицу, уже разведённые, то не знали, как себя вести. Волошко импульсивно взял её за руку, посмотрел в глаза и хотел что-то сказать, но ком в горле не дал. Она расплакалась, отёрнула руку и прыгнула в такси.

Волошко остался на тротуаре и прошептал «я люблю тебя», понимая, что именно эту фразу он так и не смог сказать.

Волошко: Это вся предыстория, Анастасия Павловна?

Окунева: Пожалуй. Я же говорила, что ничего нового вы не услышите. Как у всех.

Волошко: Не все жёны убивают мужей.

Окунева: К счастью, да. Но... вы же знаете...

Волошко: Случайность, как вы говорили.

Окунева: Если отбросить всё сказанное, то да. Само убийство – случайность.

Волошко: И всё же, как так получилось?

Окунева: Я уже рассказывала им.

Волошко: А теперь расскажите, пожалуйста, мне.

Окунева: Он хандрил дома. Вот уже неделю. Больной он был ещё невыносимее. Моё отвращение к нему стало запредельным. В тот вечер я просто хотела помолчать. Но он заговорил. Хуже – начал приставать: Я чистила лук для котлет, а он мешал. Его кислый запах, сальные ладони, шершавые губы – всё это было невыносимо. Просила отстать, но он был настойчив, а от того ещё противнее.

Я оттолкнула его. Стала материться, унижать. Старалась сделать максимально больно, чтобы избавиться от него, но он остался. Сел за стол и начал говорить.

Я почистила лук, вымочила батон в молоке, прокрутила на мясорубке мясо, слепила котлеты, обваляла их в панировочных сухарях, пожарила, а он не умолкал. И...

Волошко: Пожалуйста, дальше.

Окунева: Я хотела, чтобы он заткнулся. Как угодно, но лишь бы заткнулся. Но он говорил. Я орала, бесилась, швырялась котлетами. Наконец, ударила его... сковородой. Он вскочил на ноги. Я думала, что сейчас он ударит в ответ. Но он повалился на колени, схватил меня за ноги и, плача, прохрипел: – Настя, ну нельзя же так!

Потом вскочил, стал целовать в шею и лицо. Я отталкивала его, но он был сильнее.

И тогда я ударила его тем, что первым попало под руку.

Волошко: Кухонным ножом.

Окунева: Наверное.

Волошко: Вы пробили ему сонную артерию. Убили одним ударом.

Окунева: Для чего вы говорите мне это? Хотите сделать больше? Для чего?!

Волошко: Я просто пытаюсь понять. Не каждый профессионал может убить так ...

Окунева: Понять? Я не понимала себя. Это была не я! Боже мой, не я! Как же вы не можете понять? Это была не я! Всё время, что мы жили вместе. Не я! Не такой я была, когда клялась ему в любви! Для чего, чёрт возьми, для чего вы говорите мне всё это? Его не вернуть. Сашеньку моего, любимого! Прости, родной, прости! Господи!

Эхо: Влюблённые как дети: они играют в любовь. Взрослея, они теряют интерес к игре, любовь умирает. Нужны новые правила игры. Только так можно остаться детьми.

Бог есть любовь. Дьявол есть отец лжи. Бог, смешанный с Дьяволом, перестаёт быть Богом. Ложь убивает любовь.

Окунева рыдала. Слов было не разобрать. Она повалилась на вспухший линолеум. Волошко бросился к ней, чтобы успокоить, но остановился. Окунева очищалась. Она увидела себя его глазами.

Когда Окуневу увели, Волошко принялся рыться в ящиках стола. Наконец, отыскал пожелтевший фотоснимок. На нём он обнимал стройную женщину с большими миндальными глазами. Волошко набрал номер телефона и после долгих гудков услышал заспанный голос:

– Алло.

– Галечка, прости, что так поздно.

– Лёша, это ты? Что случилось?

– Случилось, – Волошко осёкся, – но ничего страшного. Хорошее случилось.

Ты одна?

– Да.

– Я приеду.

– Что?!

Но Волошко уже не слышал последней фразы. Он думал, где найти круглосutoчный магазин цветов. Вспомнил, выключил свет и вышел из кабинета.

Назвав в такси адрес бывшей жены, Волошко передумал и сказал свой, вспомнив, что на их первом свидании он был в белом костюме и полосатой рубашке. Где лежала рубашка, он знал. Осталось найти белый костюм и купить цветы.

Ольга Воробьёва Сумы

ГОРЬКИЕ ЗАРАБОТКИ

Отрывок из романа

Глава I

Утро не предвещало Максиму ничего хорошего. Во-первых, проспал, а до отхода поезда оставалось ровно один час двадцать минут, во-вторых, с вечера не собрал вещи.

– А всему виной Светка. Затесалась ещё пополудни, а потом еле-еле вытолкал в два часа ночи. Хоть бы девчонка как девчонка, а то ни то, ни сё, правда, в постели «ас». Но это её работа. А куда бабе деваться? Ребёнок на руках, работы нет – шахту закрыли. Вот и приходится торговать по подворотням своим телом, чтобы заработать на кусок хлеба да кое-как задницу прикрыть. Взял бы с собой в Москву на заработки, так ей ребёнка некуда деть, – думал Максим, собирая наспех одежду, документы, запихивая в рот остаток ужина.

Кажется, всё готово. Выключив свет, постоял ещё немного в тёмном коридоре и, пожелав самому себе зелёной дороги, направился к выходу, но вдруг вспомнил:

– Адрес Игоря забыл. Златоглавая большая. Где его искать?

И принялся искать то, что так надёжно было спрятано в нагрудном кармашке рубашки. Не найдя искомого, всё же решительно двинулся навстречу неизвестному.

– А вдруг повезёт, найду хорошо оплачиваемую работу, появятся деньги, а потом, глядишь, и подфартит: женюсь на какой-то вдовушке – тут тебе и прописка, и гражданство. А тогда уже можно найти и девушку своей мечты. Была бы в родном городе работа, никуда бы не уехал, – думал Максим, шагая к

остановке, но, увидев хвост автобуса, выругался:

– Мать твою...! Что делать? Один выход: попутка.

Останавливая мчавшиеся машины, Максим пританцовывал, с горечью поглядывая на давно потерявшие всякий вид туфли. Наконец-то остановился красный «Жигулёнок».

– Батя, подкинь к железнодорожному вокзалу.

– Садись. Мне хоть и не в ту сторону, но чего ж хороших людей не подвезти.

Лишний рубль не помешает.

– Да не обижу, батя.

– Видать, богато живёшь?

– Да богаче некуда, коль убегаю из хренового Донбасса.

– Да, жизнь сейчас в этих краях «бекова...», – с тоской в голосе проговорил мужик.

– Батя, поднажми, опаздываю. До отхода поезда ровно тридцать две минуты. Не успею – капец. Новый билет не за кой хрен будет купить. Снова придётся год терриконы рыть, металл доставать.

– Жму, сынок, жму.

Доехав до вокзала и на ходу заплатив десятку, Максим побежал к поезду.

– Сынок, погоду, много это. Вижу, давно не работал. По туфлям вижу твоим. Негоже в твои-то годы в таких-то туфлях шеголять.

Но Максиму было не до сдачи. Он бежал навстречу новой жизни, сытной, богатой, денежной, он бежал в неизвестность.

Вскочив на подножку уже отправляющегося поезда и сунув впопыхах билет проводнице, заулыбался:

– Успел, сестрёнка.

– Нашёл сестрёнку, да я тебе в матери гожусь.

И только теперь Максим рассмотрел, что перед ним стояла подвыпившая женщина лет за сорок пять, но красивая, пышнотелая, наглая. Она, казалось, поедала его взглядом карих глаз.

– Извините.

– Да чего уж там. Ступай в седьмой вагон. Скажи Зойке, чтобы дала тебе чистую постель. Понял, чистую.

– А что? Бывает и грязная?

– Не грязная, а использованная. У нас знаешь, как бывает, побрызгаешь водичкой, посидишь, чтобы, так сказать, разгладить её, т. е. задницей вытюжить, и по второму заходу можно пускать, а то и по третьему.

– Вот не думал, что такое бывает.

– А всякое бывает, голубок. Приходи вечером на чаёк. Не пожалеешь.

Добравшись до нужного вагона, Максим нашёл Зойку, лицо которой горело, как маков цвет, от лишней выпитой рюмочки. Подмигнув красавцу, Зойка потребовала билет, но, присвистнув, сказала заплетающимся языком:

– Ну и место у тебя, возле туалета. Не допущу, чтобы такая красота провонялась. Иди в моё купе, служебное.

– Да не хочю я в твоё служебное купе, мне, может, нравится запах туалета, – сообразив, на что намекает Зойка, отпарировал Максим.

– Ну, как знаешь! Ещё и выкобенивается. Мы тоже знаем себе цену. Не лыком шиты. Понял?

Разместившись на своей верхней полке, Максим улёгся, заранее решив, что постель брат не будет.

– Кому постель? Красавчик, постель брать будешь? – пропела Зойка.

– Нет.

– А что же так? Деньги решил сэкономить?

– Да ведь всё равно использованную постель дашь. Не хочу лишних насекомых набираться.

– Ты смотри, какой он всезнающий!

– Да и не знал бы, да вот мать из последнего вагона подсказала.

– Это Нюрка-то. Вот зараза. И на чай, небось, тебя зазывала? А? А ты сходи, она баба что надо, хоть и подтопанная.

За их разговором наблюдало ещё пять пар глаз, любопытных, с омерзением смотревших на Зойку, печальных, видевших всякое, стыдливых, впервые встречающихся с наглостью.

– Эй, ты-то будешь брать постельное? – обратилась Зойка к девушке лет двадцати пяти.

– Нет, – стушевалась та.

– Ты уж извини, милочка, деньги-то у всех какие. Вот и я не буду, – сказала старушка, сидевшая на нижней полке.

– Так, матрасы и подушки не брать! А то знаю я вас. Нечего марать государственное-е-е имущество-о-о, – вдруг ни с того ни с сего надрывным, всхлипывающим голосом отрубил Зойка и, быстро смахнув слезу, побежала по проходу вагона.

– Что это с ней? – спросил недоумённо веснушчатый парень.

– Да это она хорохорилась для порядку. А, видать, душа-то у неё добрая, отзывчивая к чужому горю, нищете, – ответила старушка.

Гнетущая тишина воцарилась в купе. Максим заёрзал на полке, хотел было взять подушку под голову, но передумал – не хотелось нарываться на скандал. Подложив кулак под голову, улёгшись удобней, стал рассматривать попутчиков. Его взгляд остановился на девушке, сидевшей на нижней полке, напротив него. Он стал разглядывать её смуглое, курносое личико.

– Косметикой не пользуется, – подумал он про себя. – И не курит – пальчики не жёлтые.

Волосы спелого каштана, туго собраны в хвост. До чего же ему нравятся темноволосые девушки. Она стушевалась под пристальным взглядом красивого парня, легла на полку и, отвернувшись к стенке, предалась своим мыслям:

* * *

– Володька (как любила она называть за глаза своего бывшего мужа) нравился ей с детства, старше её был на семь лет. Каким-то богом считала она его. Парень был высокий, широкоплечий, с золотой фиксой и непокорным вихром выходящих каштановых волос. Он был идеалом девичьей мечты. Так как он соблазнил её, выскочила за него замуж в семнадцать лет. Володька в свои двадцать четыре года побывал в армии, затем в Сургуте. Да и, вообще, был мастером в любовных утехах. Как же нравилось ей лежать в его объятиях! Вдыхать аромат его тела, чувствовать его в себе. Через шесть месяцев после замужества родился Родька. Всё шло гладко, сладко, казалось, семейному счастью ничего не могло помешать. Рос малыш, любовались, радовались его первому зубику, первому слову, неуверенным шажкам. Но, видать, наскучила Володьке семейная идиллия, уговорил он её, Елену, отпустить его на заработки в Сургут.

– Заработаю денег, куплю там квартиру и вас с Родькой заберу, – уговаривал, словно убаюкивал, он.

Согласилась. Кто же не согласится, если шахты закрыты, работы нет, а случайными заработками здорово не проживёшь. Отпустила. Уехал Володька. Не плакала – боялась ненароком обидеть. Письма писал нежные, но денег не высылал – копил на квартиру. Через год явился. Весь из себя, одет по последней моде, красивый, пышущий здоровьем. Всего один раз взял Родьку на руки, подбросил вверх, но малыш, не привыкший к такому обращению, заплакал. Володька скривился:

– Растишь девочку, а не мужика.

После этого Родька обходил его стороной, искоса посматривая на папашу, а Володька вообще не замечал сынишку, иногда, правда, кривился, когда тот садился на горшок, а потом сгибался и просил потереть ему попу. Чтобы избежать лишней неприязни отца к сыну, Елена бросала всё, хватала Родьку в охапку, подмывала и уносила с Володькиных глаз. Боялась спросить, почему он стал таким им чужим. Уже не чувствовала в нём прежнего пылкого мужа, казалось, да это и было так на самом деле, отбывал он свои мужские обязанности. После этих минут ей хотелось не то что плакать, а рыдать. Но терпела. Через два месяца её муж засобирался «домой», в Сургут. Стал поговаривать о разводе, о фиктивном браке в Сургуте. Мол, прописки так не дают, следовательно, гражданства не дадут. Поверила. За пять дней её муженёк оформил развод и довольный, не скрывая своего счастья, которое, казалось, выплёскивало из него, сказал:

– Вот и всё. Не печалься, дорогая, через год приеду, заберу вас с собой. Ты не думай ничего плохого. Денег я вам высылать не буду, а буду копить на квартиру. Как-то проживёте. Вот мамаша моя с тобой остаётся, она в обиду вас с Родькой никому не даст. Правда, мам!

– Оно-то так, – ответила свекровь, – да не нравится мне, что ты от семьи скачешь, милый. Хоть ты и мой родной сын, но чувствует моё материнское сердце, что неспроста ты всё это затеял. Я тебя не бросаю, когда отца убило на шахте, а вырастила, подняла на ноги. Не хуже других одевала, обувала.

– Заныла, старая. С вас не убудет. Куда я денусь? Приеду через год и заберу вас всех в маленькие «эмираты» (так он называл Сургут).

– Дай-то Бог, чтобы твои слова были правдивыми, – думала Елена, утирая горькие слёзы.

Уехал Володька, оставив документы о разводе, Родьку и свою мать. Правда, перед уходом положил на стол сто тридцать две гривны, сказав при этом:

– Купи матери пуховый платок, а то просвету не даёт, совсем заела.

Пусто стало у Елены на душе, горько, обидно. За душой ни копейки. Что делать? На работе сократили два года назад. В «мёртвом» городе попробуй найти работу. Поначалу мыла подъезды в домах, но в последнее время стало некому нанимать, если учесть, что в шестиэтажном доме проживает всего две семьи на весь первый подъезд, а остальные жильцы, забив двери квартир, уехали в Россию на заработки. Сынишке уже шесть лет. Его надо собирать в школу. От папашы уже три года ни слуху, ни духу. Целую зиму малыш сидел в квартире – не было у него ни зимнего пальто, ни обуви. Перебивались на скудную пенсию свекрови. Поговорив с матерью, решила съездить на заработки в Москву. Едут же люди, находят работу. А что делать? Ходила в службу занятости, но никакой работы не подыскали. Предложили пойти работать на рынок к хозяйну. Ходила.

И что? Постояла месяца три, получила триста гривен. Что на них купишь? Хорошо хоть в «сэконд-хэнде» купила кое-что себе, свекрови, Родьке. Елена, забыв, что находится в вагоне, дала волю слезам. Как там Родька? Выдержит ли свекровь? Найдёт ли она в чужом городе работу?

Максим молча слушал всхлипывания красивой девушки, но утешить её он не имел права. Как же хотелось ему вытереть ей слёзы, прижать к груди, поцеловать! Но в чужую душу не влезешь. Да и зачем? Постепенно девушка успокаивалась, дыхание выравнивалось. Он понял: она спала. На верхней полке храпел вснушчатый парень.

Долго ворочался Максим. Наконец уснул под равномерное похрапывание и посапывание соседей.

Нина Дернович Краснодон НЕ ЕДИНОЖДЫ ОБМАНУТАЯ

Она шла по шумному, переполненному вокзалу легко и грациозно, ловко обходя пассажиров с их чемоданами, торговков с кошёлками. Красные вспотевшие лица, слёзы расставания, бравые крики носильщиков: «Кому чемодан поднести? Кому чемодан поднести?»; запахи пота, котлет, паровозного дыма... И она в белоснежных носочках, с копной непокорных с золотинкой волос, туго стянутых на затылке маленьким газовым платком. Ей так шло летящее платье в горошек с большим кружевным воротником. Казалось, что она попала сюда случайно из какого-то другого мира. Но, в то же время, было видно, что она здесь своя: весело и непринуждённо поздоровалась с кассиром, по-дружески подмигнула милиционеру, что-то сказала дежурной, да такое, что обе звонко захохотали.

На перроне стоял поезд восточного направления. Он только что сошёл с поезда и не знал здесь ни единого человека. Ему нужно было, прежде всего, снять квартиру. Увидел её, но подойти не решился, боялся – отошьёт. Позже он видел её ещё несколько раз, любовался чуть вздёрнутым носиком, её гордой осанкой:

– Яка вродлива, гарнэсэнька. Ни, наши навіть файни жиночки так ходиты нэ вмиють.

Заговорить с нею он так и не посмел. Но однажды они встретились в одном строящемся доме, он там плотничал – делал окна, двери, настилал полы. А её пригласили сложить печь. Он был так удивлён, что такая пани, такое изящное создание может заниматься такой грубой, грязной, мужской работой:

– Ни, наши панночки цього нэ роблять.

В полдень хозяйка пригласила их пообедать. Познакомились:

– Анастасия. Можно – Настя. Свои зовут Настёнкой.

– Можно, я теж буду так зваты, Настёнка? Як свий. А я – Янко. Прыйихав з пид Коломыйи. Мэни прыятель казав, що коло стации багато будують домивок.

– Да, наша железнодорожная станция Лихая – узловая. И её немцы бомбили непрерывно. Поэтому в посёлке большинство домов разрушено, а неповреждённых – вообще нет. А что умеешь делать, Янко?

– Усэ! Но тильки з дерева. Я тэсляр и столяр. Буду рубэли заробляты. А ты?

– И я всё! Но только не с деревом. Как видишь, печки кладу, шью, кожи выделываю. Да я много, чего могу. А вот с деревом у меня проблемы, окна, двери после войны, так и стоят перекошенные.

– Гаразд, нэмає проблем. Цэ я хутко тобі зроблю.

– Было бы здорово. Когда время будет свободное. Хорошо?

– Добре, звычайно, добре!

После работы Ян пошёл проводить Настю домой и сразу же принялся за работу. Анастасия приготовила ужин, взяла у соседки бутылочку самогонки. Но пить он не стал и денег за работу с неё не взял. Тогда Настя пригласила его на концерт во Дворец культуры железнодорожников. Он с радостью принял приглашение, и в ближайший выходной они вместе отправились во Дворец. Шли оба такие стройные, красивые. У него были усы, правда, не вверх подкрученные, не казачьи, а опущенные вниз. И чуб не вьющийся, а гладко причёсанный. Настя усадила Яна на лучшее место в зрительном зале и вышла, сказав ему:

– Я приду чуть позже.

– Гарзд.

Уже начался концерт, а её всё не было. Янко, удивлённый её долгим отсутствием, даже хотел уйти:

– Отакой! Сама запросыла и зныкла.

И вдруг он увидел её на сцене. Оказывается она пришла сюда не посмотреть, а выступить. Как она пела! А плясала! Особенно здорово у неё получались казачьи песни и пляски. В них была такая удаль и озорство. Она делала это легко, свободно и самозабвенно. Каблучки гулко выбивали какую-то невероятную казачью дробь, руки двигались в такт музыки широко и свободно. По залу нёсся её игривый, открытый и сильный голос:

Али ты не любишь
Любушку свою?
Али ты не любишь
Любушку свою, свою?
Жаль, жаль, жалко мне,
Любушку свою...

Глаза её сияли, словно две звезды, и Ян попал в зону их излучения:

– Та мабуть, вже кохаю любушку свою, – задумчиво произнёс он.

Ян плотно подогнал все двери, окна, форточки в доме Насти, а вскоре и сам стал в нём жить. Он был поражён: выглядит совсем юной, а оказалась матерью четверых детей. В Насте его удивляло всё: такая худенькая, а тело не рыхлое – плотное и сильное, так и хочется дотронуться или ущипнуть. А кожа золотистого оттенка. Похоже, немало солнце гладило её своими лучами. И вся она, его Настёнка, такая упругая и красивая, пахнет степью и рожью.

Но, как же иначе? Выросшая в небольшом придонецком хуторке, всю свою жизнь она бодалась с ветром-степняком, играла с ним в прятки на посевной да уборочной, на сенокосе, в ночном, когда в степи пасли лошадей, днём было некогда – и люди, и лошади работали. В степи и мужа нашла, с которым хотела прожить всю жизнь. Ради него она распрощалась с мечтой стать артисткой, хотя её с раннего детства все так дразнили, и с радостью занялась семьёй, детьми. Но обманула жизнь, только помазала губы мёдом, а облизать не дала. Пулемётчик Дмитрий Лаврентьевич Тараканов погиб 31 июля 1942 году в Ворошиловградской области. Лёнечке – младшенькому, когда погиб отец, был всего годик. Сейчас ему уже семь, в школу собирается. А старшей, Саше, 20, уже и замуж успела выйти.

Насте понравился этот непьющий, мастеровой мужчина:

– Янко. Это не Ванька какой-то. Одно имя чего стоит, – думала она, хотя на самом деле ей было трудно содержать дом без хозяина, быть детям и за маму, и за папу. Она не успела хорошо узнать и полюбить этого мужчину. Скорее, она

влюбилась в его работающие да умелые руки.

Дети приняли нового отца настороженно – какой-то чудной, и разговаривает «не по-нашему», даже трудно понять. А Шура, которая привыкла говорить прямо то, что думает, однажды за ужином спросила:

– Дядька Янко, а ты бендеровец?

Ян как раз ел суп и даже поперхнулся от такого вопроса.

– Та ни. Булы в нас Стэфкови хлопци. Алэ йих вже немайе. Останню схованку сами люды пидийрвали, на фуру тила прыввезлы до правлиння и сказали: «У лиси знайшлы». Усим обрыднуло годуваты йих постийно. Мэни стрый казав.

– А кто такой «стрый»?

– А цэ дядька по татку.

– Дядька Янко, ты вот говоришь – гуцулы, гуцулы... А кто это?

– Гуцулы – цэ люды гир.

– Батя, а тебя можно называть вуйком? – это уже Николай встрял в разговор.

– Та ни. У мэна немае сэстэр, уси лэгыни, а вуйко – дядько по матуси, тому я нэ е и николы нэ зможу буты вуйком. Хочь у своийи родыни кожен чоловік старший, вуйко. Тому можеш зваты мэна вуйком, колы побажашь.

– А у меня знакомая украинка. Её я хорошо понимаю, а тебя нет, – продолжала приставать к Яну Александра, похоже – не доверяла она ему.

– Мова схидняка рознытсья з мовою карпатських русынив..

– А что такое схидняк?

– Це – восток, схидна Украина.

Настя слушала его внимательно и напряжённо. Она заметила – с каким пренебрежением он сказал слово – схидняк. В голове роились вопросы, на которые она хотела знать ответы: «Где он воевал? Как не погиб в первые же дни войны, живя на западе? Почему он приехал сюда, так далеко от дома?» Когда дети улеглись, Настя задала ему все эти, волнующие её, вопросы.

– Живый тому, що у Карпатах багато схованок, усим достатньо.

– Ты что, дезертир? Ты не защищал нашу землю, Родину нашу? – возмутилась Анастасия.

– А яку це – нашу?

– Как – какую? Советский Союз.

– Пид Совитами мы тилькы з сорок четвертого року. А коли б я воював за Австро-Угорщину, як бы ты до цього ставилась?

Анастасии трудно было понять, что в этом правильно, а что нет. «Насколько было бы всё легче и понятнее, если бы он был Ванюшкой, а не Янком», – впервые подумала Настя.

Из поколения в поколение передавали предки Насти – донские казаки чувства святого поклонения Отчизне, которую они защищали, часто отдавая за неё свои жизни. Если бы этот разговор случился до войны, Настя не стала бы больше слушать Яна. Но теперь... В этой страшной войне погиб её муж и четыре родных брата. Её мать, потеряв всех сыновей, стала ночами разговаривать сама с собой и со своими погибшими сыновьями, виня себя в том, что не уберегла их, не спрятала так, чтобы никто не нашёл.

– Но почему ты приехал сюда, так далеко от своего дома, от своей земли?

И Ян рассказал Насте, что жена его в тюрьме, здесь, неподалёку, ей дали 8 лет, а он приехал, чтобы поддерживать её, возить передачи. Рассказал и о том, что у них есть маленькая дочь и живёт она с его мамой в Коломые. Настя оценила

его ответственность перед семьёй, даже зауважала. После этого разговора она сама собирала в тюрьму передачи для его жены. А потом настояла на том, чтобы он забрал девочку.

– Негоже это, чтобы при живом-то отце дитё сиротою росло.

Вскоре Янко привёз дочку.

– А это Мырсося. По-вашему, Мирослава, – представил Янко девочку. –

Шануйтэ.

Теперь она, а не Лёнечка, была самой маленькой в семье. И все её и любили, и жаловали.

Казалось, что жизнь настроилась, вошла в своё надёжное русло. Но через три с половиной года досрочно вышла на свободу жена Яна. Это произошло неожиданно.

– Ну, мэни ж трэба йийи кудысь прывэсты. Она ж прыйшла до мэна и донькы, – доказывал Янко Анастасии, когда привёл жену в её дом. А вскоре купил свой дом неподалёку. Настя недоумевала:

– За что купил? На какие такие деньги? Мы ведь жили в полупроголодь.

– На рубэли. Накопычив.

– Ты что же, прятал от меня и от детей деньги?

– Та я ж сам робыв, чому ж и нэ сховаты?

Янко с женой и дочерью ушли в новый дом. А Настя ещё долго не могла прийти в себя после такого обмана.

– Это же надо быть таким хитромудрым, с нами ел, пил, в глаза смотрел, дети его батей называли, а он от них прятал деньги. Всё жаловался, что ему мало платят. А я, простофиля, доверяла. Правильно говорят, что простота хуже воровства. По простоте душевной я позволяла детей своих обкрадывать. Ведь они недоедали, бедные.

Но надо жить. Ничего другого не остаётся. До боли закусив губу и ещё выше вздёрнув носик, она бралась за любую работу, только бы поднять детей. Шло время. Она так привыкла к определённом ритму жизни: работа-дом-дети-хозяйство, работа-дом-дети-хозяйство, что он ей был уже и не в тягость, как говорят – втянулась она в него. Это – жизнь, её жизнь, она и должна быть именно такой – была уверена Настя.

Но через 4 года жена Яна, подорвавшая здоровье в тюрьме, умерла.

И однажды Настя, придя с работы, увидела в своём доме Мырсося.

– Титочко Настёнка, я нэ хочу, щоб хтось инший був моею матусэю. Я хочу до тэбэ, хочу тэбэ зваты матинкой. Ну, титочко Настёнка.

Девочка дёргала Настю за подол платья, заглядывала в глаза, по щёчкам её текли слёзы. Настя, успокаивая ребёнка, обняла и прижала к себе. Руки вспомнили, как носили и укачивали маленькую Мырсося. И сердце её дрогнуло, зануло от жалости.

На следующий день пришёл Янко с шампанским и с предложением руки и сердца. Он долго доказывал Насте, что не мог поступить иначе, что, оказывается, это он вывез товар и не смог вовремя вложить деньги. И у его жены оказалась крупная недостача, в которой был виновен он. Она сидела за него – на себя взяла его вину в надежде на то, что у неё маленький ребёнок, и её не посадят. Но случилось не так, как они планировали. Янко не мог после её отсидки позволить ей ехать домой или оставить её. От обиды она могла заговорить, сказать правду, а срок давности за преступление ещё не истёк. Он всё говорил, говорил Насте, что любит её, что всё это время думал о ней, что ребёнка к ней послал вперёд из

боязни, что она его не простит. Не всё, что он говорил, нравилось Насте. Но ей очень жаль было дитя, которое её снова, в первый же день, назвало мамой.

И стали они жить втятером: Анастасия с Яном, сыновья Насти Николай и Алексей (дочери уже были замужем и жили своими семьями) и маленькая Мырся, которую все любили и баловали. Шли годы. Они купили дом и переехали во все станционного в шахтёрский посёлок. И пусть он серый, подёрнутый угольной пылью, и поэтому неприглядный, но в нём была работа и для Яна, и для мальчиков. Ян теперь не ходил с инструментами из дома в дом, а плотничал на шахте. Ребята работали там же, Мырся училась. Настя занималась хозяйством, садом-огородом. Она не держала обиды на Яна. Но нет-нет, да и заглянет в зарплатный листок мужа, чтобы сравнить, сколько он заработал и сколько денег принёс домой. Ей, выросшей в казачьем хуторе на открытой донецкой степи, где двери домов не замыкались, а просторы были распахнуты во все стороны, хитрить, скрывать что-то, а тем более, проверять, было не свойственно, непривычно. В хуторе, что раскинулся на чистом косогоре на высоком берегу реки всё вокруг было видно и слышно. Поэтому никто ни от кого не прятался, не скрывал. Доверие, бесхитростность были в характере живущих здесь людей и впитывались с самого рождения. Дети вырастали, и даже, если покидали родные места, то на новом месте оставались всё такими же хуторянами, доверчивыми и бесхитростными. Такою осталась и Настя.

В семье её, слава Богу, наконец-то всё успокоилось, появился достаток. Но грянула новая беда – на шахте погиб младший сын Анастасии, Лёничка. Бессонными ночами она плакала и взывала к Богу:

– Господи, за что же ты меня караешь? За какие такие прегрешения? Дай знак, чтобы я поняла. И я буду каяться денно и ночью. Ведь нет для матери кары страшнее, чем хоронить собственных детей.

Как она понимала сейчас свою маму, потерявшую за годы войны всех пятерых сыновей. Страдала Настя, не зная, не ведая, что впереди у неё ещё немало бед и разочарований.

Выросла Мирослава, вышла замуж, зажила своей семьёй. И остались они втроём с Яном да Коленькой. Что с того, что он взрослый, шахтёр, что основной достаток в доме его? Для Насти он все равно Коленька, сыночка.

Шло время, а с ним и лето потихоньку шло на убыль. Уже спала жара. Приятное тепло согревало тело и душу. В невзрачном посёлке двор Насти весь утопал в цветах. Жёлтые хризантемы делали его богатым и солнечным. Яркие кусты разноцветных георгинов выстроились вдоль забора огромными букетами. А между хризантемами и георгинами синели астры, как звёзды, брошенные под ноги Анастасии за её труды и за такую нелёгкую жизнь.

Ян получил путёвку в санаторий. Он решил поехать на юг, подлечиться, а перед отъездом устроить свято, как он говорил, а проще – закатить прощальную вечеринку в их цветущем дворе. Пригласил всю родню. Анастасия накрывала столы, когда Ян вспомнил, что на электрическом столбе перегорела лампочка, которая должна освещать двор. Хотел Николай влезть на столб, чтобы заменить. Но Ян не пустил его:

– Я сам зрблю. То йе моя справа.

– Ну, что, я бы не поменял? Сидел, отдыхал бы уже, – бурчал Николай.

Надел Янко когти и полез на столб сам, но покачулся и нечаянно схватился за провод высокого напряжения. Вечеринка оказалась воистину прощальной.

Похоронили Яна. Трудно остаться одной в таком возрасте. Ведь сложился

определённый уклад жизни, привычки, расставаться с которыми нелегко. Но больше, чем себя, Анастасия жалела Мыросю. Теперь она осталась и без отца. Для Насти она дочь. Но считает ли Мирослава Настю матерью? И Анастасия предложила ей забрать в доме, что хочет, на память об отце. Когда Мырося подогнала машину и вывезла из дому всё самое лучшее, Настя удивлённо, но молча поглядывала на неё. А на следующий день она узнала – несмотря на то, что Ян погиб достаточно молодым, он, оказывается, оставил завещание, по которому единственной наследницей всего движимого и недвижимого имущества, а также денежного вклада была его дочь Мирослава. Ян, даже мёртвый, снова обманул Анастасию. Она пыталась с Мирославой договориться полюбовно, ведь они с Николаем оставались по этому завещанию даже без крыши над головой. Но та наотрез отказалась от переговоров:

– Як татко сказав, так и буде.

Обманула и она, та, которую Настя считала своей дочерью. Настя о себе уже не думала. Но где жить Николаю?

Дети Анастасии, преданные человеком, которого называли батей, преданные девчонкой, которую баловали, считая своей сестрёнкой, настояли на том, чтобы мать подала заявление в суд. По суду ей вернули половину её же дома, а за вторую половину она заплатила Мыросе деньги: собрали дети, у кого что было, немного заняли. Николай ведь – шахтёр. Понадеялись на его зарплату.

После выкупа дома Анастасию совсем покинули силы. Она лежала и перебирала в памяти всю свою нелёгкую, полную обмана и ударов судьбы, жизнь: «За что она меня так? За что? За что? За что?» – Этот вопрос больно бил ей в виски с каждым ударом сердца. По щекам сами по себе текли и текли слёзы. Когда подушка становилась совсем мокрой, она чуть приподнималась и переворачивала её. Настя отказалась есть. Не хотела. Не могла. Ветер-степняк беспомощно тыкался в плотно закрытые окна, маленьким щенком скулил за ними. Но Анастасия Ивановна уже отгородилась от мира плотными шторами душевной боли. Николай, не зная, что с нею делать, позвал сестёр. Те приехали со своими детьми, чтобы повидали бабушку. А вдруг это в последний раз? Увидев внуков, Анастасия попыталась улыбнуться. Улыбка получилась беспомощной и горькой. Тихо, почти шёпотом, она проговорила:

– Запомните, родные мои: «Сколько волка не корми, он всё одно у лес глядит». Не связывайтесь с пришлыми. Потому что свои – они и есть свои.

Теперь она говорила так, как в детстве на хуторе. И сны у неё были из детства: ветер надувает её платье, пытается поднять его. Она держит подол, но степняк срывает с неё косынку и она белой птицей кружит над стернёй. Настёнка, звонко смеясь, босая, бежит следом, хочет догнать и поймать косыночку, но не может...

Анастасия Ивановна так и не поднялась. А вскоре её не стало, хотя ей ещё не было и шестидесяти лет. Её сломили не болезни, а жизненные невзгоды да предательство близких людей.

Ветер, обволакивая ароматом духмяных трав её холмик, засеял вокруг него семена любимых ею полевых цветов. Цветут они с весны до осени, трогательно-нежные, крепко держатся за землю своими сильными корешками на упругих ножках. И так было бы всегда, если бы не прохожие: один надломил, другой наступил, третий дёрнул за головку. И всё, уже нет цветка, что так уверенно стоял на земле.

Ушла Анастасия Ивановна. Но внучка её, навсегда запомнив завет бабуни, вышла замуж за земляка, и свою дочь в честь бабушки назвала Анастасией.

Настя шла по шумному, переполненному вокзалу легко и грациозно, ловко обходя пассажиров с их чемоданами, торговков с кошёлками. Вокруг – красные вспотевшие лица, слёзы расставания, бравые крики носильщиков, запахи пота, котлет, сигаретного дыма... И она в белоснежных кроссовочках, с копной непокорных с золотинкой коротко стриженных волос. Ей так шёл её короткий топик, не закрывающий пуп с золотым пирсингом в нём, и летящая юбчонка чуть шире пояса. Казалось, что она попала сюда случайно из какого-то другого мира. Но, в то же время, было видно, что она здесь своя, потому что её встречали, обступали со всех сторон и радостно приветствовали близкие люди, родня. И каждый встречающий называл её по имени – Настёнкой. Она вела себя непринуждённо, светила своей лучистой улыбкой. Видно было, что она всем рада, а потом что-то сказала им, да такое, что все весело и звонко захохотали.

Юлия Дубчак Донецк

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «ТРИАДА»

91

Эта осень пахнет йодом, чаем с лимоном, расставаниями, болью и непроходимой тоской. Любая моя осень наполнена оттенками этих запахов – с изморозью за окном пробирается и изморозь в сердце дорогих мне людей. И они уходят. В преддверии осени. Вместе с ожиданиями нового счастья.

Как бы я мечтала впадать в спячку в период с 1 сентября по 1 марта. И оживать вместе с первыми весенними днями.

92

Попытки заполучить желанную свободу закончились разбитым телефоном, разбитым лицом и разбитой жизнью.

Думаете, я напилась? Фигушки. Только я могу пойти гулять с собакой и припасть к асфальту в жарких лобзаниях, ибо некоторые спаниели мнят себя покруче иных битых жизнью овчарок, и сидя на руках у хозяина, готовы бросаться с ними в мёртвую схватку: есть, кому спасти. Я сказала маме, что напоминаю себе нашего спаниеля, и, может быть, пришло время выбирать себе более адекватную добычу? У меня нет отчаянного хозяина, который бросится вырывать из когтей реальной опасности.

Она не стала отрицать. Милая мама.

Илья замазал мне рану йодом и погладил по голове.

Я, конечно, хотела, чтобы он пролил мне бальзам на сердце. Но он умница. Сделал всё как надо. Теперь я даже не могу на него злиться.

Как легко мы покупаемся на фразы вроде «Я не хочу ломать тебе жизнь!» и «Я не смогу дать тебе ничего хорошего». Не сможешь или не хочешь? А что я у тебя прошу, собственного говоря? Хорошо, что он не сказал «Давай останемся друзьями», заменив на более покупательное «Ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью». Я постараюсь не обращаться.

93

Если хочешь найти что-то очень сильно, просто перестань это искать, и оно придёт само. А если и не придёт, однажды ты поймёшь, что можешь обойтись и без него.

94

Если мужчина говорит «люблю», это, во-первых, совершенно не значит, что он говорит правду; а, во-вторых, что он имеет в виду то же, что и ты. Может

быть, это был случайный прилив нежности или благодарности, а ты уже успела подобрать себе свадебное платье и детскую малышам.

Мне говорили о любви два мужчины. И как оказалось, оба путали это слово с признательностью, благодарностью, постелью. Короче, с чем они его только не путали, в то время как я безнадежно жаждала бурных признаний, романтических писем, ранних звонков и отважных поступков. На последние оказывалась способна только я. Вот оба и объелись.

95

Из диалога мужчины и женщины, которые были близки, но решили остаться друзьями (то есть никогда не пересекаться, не поздравлять друг друга на 8-е и 23-е, и продолжать обманывать себя в том, что они вроде как приятели):

Он: – Боюсь даже представить, каким подонком буду выглядеть в твоём новом романе.

Она: – Ты о себе очень высокого мнения.

Он: – Но ведь ты была счастлива со мной? Многим не дано и этих нескольких месяцев. Может быть, я окажусь лучшим в твоей жизни.

Она: – Ты о себе очень высокого мнения.

Он: – Тебе уже полегче? Любовная лихорадка проходит? Эта болезнь (любовь), она скоро отступит, поверь мне. Я много видел, я знаю.

Она: – Ты о себе очень высокого мнения.

Он: – Представляю, сколько раз ты навсегда удаляла мой номер из своего телефона.

Она: – Ты о себе очень высокого мнения.

96

Теперь, когда я осталась одна, у меня появилась целая куча времени, чтобы заниматься тем, что принято называть саморазвитием: читать книги, философствовать, болтаться по магазинам, смотреть умное кино, ночевать на работе, возиться на кухне и натирать дом до блеска. И всё равно я не знаю, куда потратить лишние часы. Может, записаться на курсы повышения самооценки?

97

Я ушла из дома не от страданий по Илье, хотя и их в ту пору ещё было в избытке.

Незадолго до моего рокового признания в измене, муж поведал мне, что любил в своей жизни трёх женщин. И я не вхожу в их число. Я и сама всегда это знала, но не хотела слышать это от него. Я надеялась. Надеялась, всегда зная правду. Я боялась причинить ему боль, потому что дорожила нашими отношениями, а он нанёс мне удар, после которого больно встречаться глазами и заглядывать в душу. Тем не менее, я всё чаще и чаще прихожу ночевать домой. В свой дом. В его дом. Стираю ему рубашки и готовлю ужин. Раньше мы часто держались за руки. Теперь мы часто молчим. Забавно наблюдать за отношениями, которые спустя несколько лет совместного сосуществования превращаются то ли в дочерне-отческие, то ли в братско-сестринские.

Мы ходим одними дорогами, но каждый своим путём.

98

Время уходит напрасно после расставания с Ильей. Оно как бы утекает впустую, и жизнь медленно, но целенаправленно утрачивает всякий смысл, сконцентрированный в любви к нему. Мне незачем краситься, покупать одежду, маскировать прыщи и брить ноги. Даже сидеть на диете незачем. Он не любил меня худую и не будет любить толстую. Разницы нет. Мотивации – тоже.

Доктор, как всегда, оказался прав – это болезнь, к которой у него (везунчик!)

развит стойкий иммунитет. Он же врач! Даже не стоит задумываться, сколько симпатичных вирусов и их носительниц он перелечил за свою долгую медицинскую практику.

99

Я думала, что теперь по ночам снова смогу представлять в своей постели Тимоти Далтона. Хотя раньше я занималась любовью только с Ильёй. Даже в фантазиях. Не получается. Вероятно, любовь умирает в тот момент, когда ты можешь вообразить себя с другим.

100

Почему мужчины и женщины, способные любить по-настоящему, так редко встречаются друг с другом?

101

На сайте одного забавного сочинителя прочла, что в связи с мировым финансовым кризисом втрое возросло число женщин, согласных спать за деньги. «Что же будет через сто лет?» – с безнадежной риторичностью вопрошает бедолага. Да-да, возросло. Но трагического апокалипсиса не случится: вместе с женской продажностью втрое снизилось количество мужчин, согласных платить за секс и покупать любовь. (Кто-то ведь всё ещё верит, что её можно купить.) Так что лет через сто, вероятно, люди снова начнут спать по велению души и зову тела. Всё к лучшему. Пусть химия сама решает.

102

А быть психбольным нынче в тренде! Кто из нас не грешил психоанализом и самокопанием, кто не гордился найденными отклонениями и не ставил себе диагнозов? Я – шизофреник! У-ау, а я всегда догадывался об этом! Во мне живёт это, как его, второе я, Альтер, мать его, эго! Это оно на всех испражняется, и я тут совершенно ни при чём. Дедушке Фрейду гранд мерси. Общество говорит об этом так часто, что в мире, кажется, психически нездоровы даже аквариумные рыбки. Да и как с их-то напряжённым бытием не страдать маниакально-депрессивным синдромом? Всю жизнь молчишь и ждешь, как унылое говно, поменяют ли тебе воду или так и будешь гнить в вонючем аквариуме, лишённый даже сладкой возможности обляпать собратьев по общежитию.

103

Я думала, ты будешь для меня ступенькой, а ты оказался подножкой.

104

Ну вот. Я наконец-то решила. Сегодня был тяжёлый день прощания с прошлым. Такой же, как последний удачно сданный экзамен в институте, за которым заканчивается период ожиданий и обязательств и начинается неопределённость. Я выберу себе любую дорогу и пойду ею, все равно ничего нельзя изменить или вернуть. И пусть мне повезёт, если я не споткнусь о собственные ошибки в очередной раз.

Решила начать жизнь сначала? Начну. Выброшу из головы ветошь прошлого и придумаю себе мечту, потому что у меня больше нет мечты, и срочно необходимо изобрести что-то, что потянет вперед и вселит хотя бы слабую надежду на перемены. Они мне так нужны!

Только женщины, от которых уходили без объяснений, смогут понять меня по-настоящему.

Сто три дня балансируя на краю пропасти, я пришла к простой по своей сути мысли: от любимых и нужных не уходят из-за неудачно брошенных слов или неправильно построенных предложений. Уходят от надоевших развлечений, бросают поломанные игрушки и забывают про разгаданные головоломки. Или

наоборот – слишком сложные, справиться с которыми – тяжкий и напряжённый труд. Не стоит требовать многого от уставших и разочарованных людей, потому что они непременно заразят вас усталостью и разочарованиями, а этого дерьма в мире хватит на каждого.

Михаил Лисицкий Лисичанск

КАВУНИ

Сьогодні друге вересня – день визволення нашого міста. Я щойно повернувся з урочистостей. По дорозі купив великий кавун, нарізав його довгими скибками. Солодкий рожевий сік, як останок життя, стікає крізь пальці...

Спогади – згустки пам'яті про страшну війну, що вкрала моє дитинство, мов тромби крові, не дають спокою моему серцю...

Фашисти швидко вдерлися в наше селище. По широкій дорозі зі скреготом повзли велетенські танки, за ними гармати, польова кухня.

Окупанти нахабно зайняли кращі будинки, а нас викинули на вулицю.

В нашій хаті розташували штаб, у сусід – щось на зразок шинка, поряд оселились староста і поліцаї. У двір напроти привезли якихось «панянок», як їх зневажливо називали наші матері. Звідти майже щовечора лунав патефон чи губна гармоніка. Іноді було чутно стриманий сміх тих дівчат та гучний регіт «фріців».

Фріцами ми називали всіх загарбників: німців, румун, італійців, маляр. Вони жили без зайвої остороги. Наші війська були аж за Дінцем, полонені солдати знаходились в концтаборі біля Осьмушинського яру. Комуністів і євреїв розстрілювали. З нашої вулиці в їх пазури попав старий більшовик Макар Федякін і добрий дідусь Раїк. Молодь почали вивозили до Німеччини. Із мешканців залишались тільки жінки та діти. Були встановлені жорстокі порядки. Навіть за намагання спротиву, невиконання наказу, а тим паче крадіжку, на винуватця чекав розстріл.

Зате самі грабували, тягли все, що западало на їх нахабні очі. Яйця, кури, кролі, сало, а хто не встиг заколотити, то й порося — все йшло до їхнього столу. Корови були взяті на облік. Пильно слідували, щоб наші мами молоко до краплини відносили на фашистську кухню.

Часто відправляли посилки додому, іноді одержували пакунки звідти.

У них всі розпорядження, всі роботи виконувались з високою педантичністю і точністю. А як настигав час обіду, то тут навіть штабний писар на півслові залишав ручку в чорнильниці і біг їсти.

А нам їсти, ой, як хотілося! Одного разу, скориставшись нагодою, коли всі фріци обідали, я підкрався до лави, що стояла коло хати і поцупив посилку, підготовлену для відправки. Потяг здобуток в куші. Добре ми поласували в той день з сестричкою і меншим братиком! Виявивши пропажу, німці стривожились, бігали, кричали, як круки на багновищі. Поліцаям було надано наказ знайти грабіжника. Та марно!

Прошло декілька днів. Я зробив з того ящичка своєму братику забавку – візочок з поворозкою. Він грався біля землянки, де ми жили, а потім вийшов на вулицю і став ним везти дорожню пилюку, а ми з сестрою допомагали йому в цій цікавій справі.

– Кнабе! Кнабе! Ком! Ком! – наді мною, як з під землі, виріс здоровенний рудий німець у спідній сорочці і незастебнутою ширинкою на галіфе. Він прибіг, побачивши свій посилочний ящик. Куди діватись? Дуло автомата вперлось

поміж моїх переляканих очей... Та тут його погукав, мабуть, хтось із вищих чинів. Рудий гад заскреготав зубами, вхопив мене, високо підняв і з усього маху кинув на бухту колючої проволочки, що лежала неподалік паркану.

Страшний біль пройняв з голови до ніг! Гарячі від спеки, сталеві шипи враз глибоко вдерлися в моє маленьке тіло. Я несамовито закричав від болю і побаченої крові і знепритомнів. Брат і сестричка кинулись мені на поміч. Та де там! Фашист відкинув їх далеко від себе і вони простяглися в пилюці посеред дороги.

Прибігла мама. Обливаючись слізьми, вона зняла свого шестирічного годувальника з колючого дроту, а потім довго лікувала травами, засипала рани попелом з перепаленої шерсті нашого Сірка.

Підвівся я вже майже по осені. Старші хлопці ходили в поле збирати колоски, а як траплялось, то приносили чи картоплину, чи бурячину. Мене, малого, мама з ними не пускала, бо справа ця небезпечна, можна було заробити кулю в лоба.

А лютої зими життя наше стало зовсім нестерпним. Дошкуляли голод і холод. В ту пору в селищі з'явилися гнані від Москви італійці і румуни. Вони були зодягнені в легенькі обшарпані шинельки, об'язані жіночими шарфами, платками. На ногах, замість онуч, прив'язані цілі снопи соломи. Їхній жалюгідний вигляд водночас позбавив тутешніх окупантів свої безтурботності. А невдовзі їм почали дошкуляти ще й нальоти наших нічних бомбардувальників. Зухвали вороги стали бояться партизан. Було дано наказ вирубати дерева в балці. На ці роботи поліцаї погнали наших матерів.

З верху яруги фашистські посіпаки з собаками і рушницями поливали лайками бідних жінок. А ті, в лахміттях, бо добра одежина була давно поміняна хоч на який-небудь харч, знесилені, пиляли, тягли нагору по крутих схилах наче почорнілі від туги, кремезні дуби, берестки, липи. Потім все це рубали на дрова для сугріву німців.

Весною стало трішечки легше. З кропиви, лободи, щиріці мама почала варити борщ. В річці Біленькій ми ловили мідій. Драли і пекли пташині яйця, їли «бабки», квіти з акації і дерези та ще багато іншого, про що дай, Боже, ніколи не знати нашим дітям.

Неподалік за яром фрїци розпорядилися засіяти великий баштан.

О другій половині літа на сонечку вже вилискували смугасті кавунці і золотаві дині. Почалося наше дитяче полювання на ці ласощі. Німці стали помічати пропажу врожаю, через старосту Гапона попередили населення, а потім поставили по краях поля чотири високі шибениці. Петлі на довгих товстих вірвочках вороже гоїдалися під поривами вітру...

Та це нас не зупиняло. Була відпрацьована справжнісінька тактика. Троє, четверо знонайменших дітлахів непомітно піднімалися з балки на баштан і, плазуючи між огудиною, зривали кавуни, тихо опускали їх по схилу вниз, а там, на дні, старші хлопці вже збирали і відносили наші трофеї подалі в кущі, куди боялись заходити поліцаї.

Одного разу, коли я майже докотив великий кавун до яру, важкий чобіт став на мою тонку шию і почав притискати до огудини, вдавливати в землю. В рот ліз пісок, в очі потемніло, блискавкою промайнула думка: «Все!»

Та раптом щось гуннуло і поліцаї з пробитою головою простягся поряд зі мною. Це підліток-відчайдуха Петро Сурмич, подолавши страх, вдарив його ззаду великим каменем і попав прямо в ліву скроню.

Забувши про здобич, ми, як розпурхані горобці, розлетілись по домівках

очікувати на обלאву. Так і трапилось. Зразу після обіду всіх мешканців стали виганяти з домівок. Бідні люди вибігали з своїм небагатим скарбом. Дехто з візками, на яких сиділи малі діти. Мама з нами трьома теж стала в гурт. У нас нічого не було, навіть кошика з їдою.

Всіх вишикували в шеренги по чотири, п'ять чоловік, спереду і ззаду німці з собаками, по боках поліцаї і погнали в Лисиче. Невдовзі ми прибули на подвір'я школи. Там вже було багато людей, а нові колони все прибували і прибували.

Ці місця я вже знав. Здавалося ще недавно неподалік від школи, на стадіоні, мій батько, в числі перших добровольців, чекав відправки на фронт. Матінка залишала меншого братика з дідусем, а нас з сестрою брала віднести татові вечерю. Наприкінці побачення він поцілував маму, сестричку, а мене підхопив однією рукою посадив на широку долоню і сказав: «Давай я тебе синку, покачаю наостанок...» Підняв високо над собою і почав гойдати.

Я дивився в його сумні волошкові очі та очікуваних радощів не було. Може тому, що бачив я ці очі востаннє, а може, що сестричка відвернулася, вткнулася в мамину спідницю і не бачила мого щастя, та й мама не посміхалась, як завжди, а тихо плакала.

Прошло два роки війни, як все змінилося в нашому житті! Тоді над стадіоном лунала шахтарська пісня, а тепер навкруги стояв гавкіт вівчарок, гелгіт фашистів, та лайки п'яних поліцаїв. Нас протримали добу, а ввечері майже двохкілометровим етапом погнали в бік Малорязанцева. Там в далечині, в полі, вже гуло – наступали наші! Люди здогадалися: – з полонених хочуть зробити живий щит перед лавами Радянської Армії. На спуску в Саєвий лісок стали тікати, та їх на узбіччі дороги назавжди зупиняли фашистські кулі...

Вже темніло, коли ми зійшли в балку. На горі, неподалік, рідна оселя. Тут знала кожна стежина! Мама, як чайка крила, розпустила над нами свої руки і мовчки потягла в яр. Не пам'ятаю, скільки ми бігли тим глибоким яром, може це було всього декілька хвилин, але вони здавались вічністю.

Захекавшись, піднялись на гору і сховались у великому глинищі за нашим городом. Там, тремтячи тілом і душею, пересиділи ніч. Чули, як спішно тікають німці, а вранці вже били наші гармати. В повітря піднялась польова кухня, розлетілась хата старости. Як весняна повинь, йшли радянські війська! Радість! Воля!

Ми з мамою першими зустрічали наших визволителів. А потім я з хлопцями пригощав їх кавунами з фрїцівського баштану, а бійці частували нас своїми небагатими запасами. Всі знали: більше ніхто, ніколи не захоче ласувати донбаськими кавунами, не буде своїми чобітьми топтати наш волюбний народ!

О, пам'ять! Чому ти така нетривка в старості, але міцно тримаєш в обіймах спогадів далекого минулого?

Солодкий, рожевий сік стікає і стікає крізь мої заскорузлі пальці...

АУФШТЕЙН!

Василько Дроган – безбатченко.

Ні, звичайно, у нього, як і у кожного хлопця в хуторі, батьки були, але...

Але їх ще в сороковому році на шматки порубали бандерівські братчики.

Коли на крайці селища розташувалася червоноармійська частина, чотирьох зв'язківців розмістили в їхній хаті, що стояла неподалік від штабу.

Молоді бійці скоро потоваришували з такими ж молодими газдами – батьками Василечка, а з ним тим паче. Мабуть, дивлячись на нього, згадували

своїх братиків і сестер, які zostалися в далеких російських, донецьких та грузинських землях. Вони дарували йому нехитрі подарунки: то кусник цукру, то відстріляну гільзу, а то якусь витівку, зроблену з телефонного дроту. А наймолодший, мовчазний Коте, віддав хлопцю свій невеличкий складаний ніж.

В рідкісні хвилини відпочинку він навчав Василя, як його треба кидати, щоб з будь-якого положення ніж завжди лезом встрявав в ціль. Так влучно, як у Коте, у Васька ще не виходило, та з ножом він тепер не розлучався.

В кінці літа полк виїхав в гори на навчання. В скорий час на хутір, як чорні ворони, налетіли братчики і порубали всіх, хто мав хоч якась спілкування з червоноармійцями.

Першим вуйко (брат мами) розтяв ненависного зятя, мого тата, інші потягли матір. Вона лишень встигла шепнути: «Василечку, біжи...» і вказала своїми блакитними очима на гори.

Василько знайшов радянських вояків. Ті швидко повернулись, та вже було пізно... Вбитих поховали з військовими почестями, а Васько став сином полку.

В короткий передвоєнний час, та і спочатку страшної війни, його ніхто і не думав відправляти з військової частини. Васько отримав підігнані по ньому гімнастерку і галіфе, а чоботи у нього були свої. Він так і жив із солдатами, як з своїми старшими братами.

В тяжкі часи відступу від самого західного кордону і до Донбасу полк після запеклих боїв не раз зазнавав великих втрат, переформувань. Та Матір Божа на цьому довгому, кривавому шляху зберегла від лютої смерті і дитину і всіх її чотирьох опікунів.

Аж ось, біля самісінького Дінця – полон... Фріци зразу ж наказали скласти вогнепальну і холодну зброю. Діватись було нікуди. Хто, прощаючись зі своєю рушницею, цілував її, як подругу-рятівницю, а хто ошаліло, з люттю устромляв багнета в землю і по рукоять заганяв в пісок ніж, чи фінку – наче в самісіньку пельку ненависному ворогу.

Полонених погнали в тимчасовий концтабір біля Осьмушинського яру.

Червоноармійці, поки ще не попали за ґрати, при кожній можливості і наказували, і просили Василька тікати. Але той тільки дивився на них своїми синіми, волошковими очима, повними сліз, і, тяжко здихнувши, опускав їх до самої землі. Та ще сильніше стискаючи руку Коте, йшов з усіма далі.

І всі розуміли, що сам Василечко вряд чи виживе в чужому розореному краї...

За колючим дротом на полонених чекали спека, жага, голод і смерть.

Кожен день, десь о десятій ранку, їх гнали до Дінця на водопій, а хто встигне і вмитися.

Десь з півтори тисячі душ, сірою, жакливою хмарою сповзали до річки. В перших рядах колони ледь-ледь плентали побиті, спотворені гестапівцями командири, політруки, комуністи, євреї.

А вже за ними голодна і виснажена маса вояків, і серед них наш Василько.

По боках йшли німецькі охоронці в одних касках і трусах. На шиях висіли автомати, ззаду в гаманцях виблискували запальнички, а в кого і губні гармоніки. За широкою халявою кованих чобіт у кожного стирчав запасний автоматний ріжок.

Зранку сонце тільки починало палити і спускатися до річки було ще б пак, а ось назад підніматися на Попову гору по обідній порі, коли все навколо опановувала нестерпна спека – страх, як важко. Сорочки, штани – а вірніше те, що від них залишилось, ставали мокрими від поту, солоний град застилав очі,

сіль виступала на плечах і колінах. Жага мучила неймовірно, та треба було йти, не впасти, і ще дожити до завтрашнього водопою.

Один Васько встигав скупатися біля бережка, або хоч змокнути в своїй одежині, тому йому було трохи легше, ніж іншим. А багато поранених, знесилених бійців, особливо в перших рядах, втрачали свідомість і падали, як зрубані клени, понад дорогою.

Охоронець зразу ж підходив до бідолахи, бив його кованим носком чобота і кричав: «Ауфштейн! Встань!». Якщо той не підводився, то не знімаючи з ший автомата німець робив два – три постріли, ще раз з усього маху бив небіжчика ногою, і колона, переступаючи через бездиханне тіло, прямувала далі.

Хлопчина, почувши цю команду, щільно долонями затуляв вуха і закривав оченята. Він вже добре знав, чим це все закінчиться.

Надвечір, коли ставало прохолодніше, Василько з друзями забирався в середину гурту, доставав свого ножичка, і починалася гра. Коте кидав ножа і через руки, ноги, і через голову, Васько теж не відставав, а зв'язківці, та й інші, спостерігали за грою і слідкували, щоб не «застукали» німці. То була хоч якась-то розвага, спомир про мирне, щасливе життя...

Та одного разу, коли і Василько став робити один за одним влучні кидки, всі захопились грою і не помітили, як рудий високий німець підбіг до пацана і кинувся на нього зі зв'язким криком: « Мессер? Мессер! Ніж! Ваффе! Кальтваффе! Холодна зброя!» – і схопив його прямо за горло. Молоді захисники, що було сили, кинулись на німця і звалили з ніг. Та все було марно.

На поміч охоронцю з гелготом налетіла ціла згряя фашистів. Полоненим зв'язали руки, довгою вірвовкою пов'язали між собою.

Їх погнали на край яру. Всередині Василько – син полку з Карпат, а по боках – Іван з Воронежа, і Андрій з Горлівки, Коте з Батумі і Сергій з Калуги.

Якби не ця вірвовка, то можна було б подумати: в червоних променях сонця, що спускається за обрій, прогулюються старші брати зі своїм улюбленцем – найменшим.

Але з тої прогулянки вже ніхто не повертався...

Пролунали постріли.

В лице Васильку хлопнула гаряча кров. Він упав, а на нього всі четверо червоноармійців – його братів...

Кожної весни на День Перемоги, надвечір, йде на Войківське кладовище дивного вигляду старенький чоловік. В його вузлуватих, тремтячих руках завше чотири віночка і букет білих троянд.

Він зупиняється біля яру, хрестом викладає вінки, лягає біля них на лівий бік і прислухається чи то до землі, чи то до биття свого серця. Коли підіймається, то в косих променях стомленого сонця добре видно, що в нього немає лівого вуха.

Тоді, під час розстрілу, куля відбила Василеві вушну раковину, він знепритомнів, а зв'язківці своїми тілами прикрили хлопця і врятували від контрольних пострілів озвірілих фашистів...

Він іде на кладовисько, тут лежить тітка Палажка – його друга мама. Жінка в той далекий вечір біля яру випасала свою козу і все те бачила. Коли німці пішли, підкралася поближче і почула з-під солдатських тіл слабкий дитячий стогін.

Вона забрала Василька до себе, відходила, виростила хлопчину, як свого рідного сина. Так і прожила з ним весь вік, бо чоловік загинув на фронті, а своїх діток не було.

От і сьогодні, відпочивши від міських урочистостей, Василь Захарович прийшов на схил яру і ліг на те місце, де колись впав поранений. З тих пір він лівим вухом майже нічого не чув, зате правим і досі добре ловив всі звуки. Старий закрив очі і полинув у далекі спогади...

– Ауфштейн! – раптом дзвінко пролунало над ним. Все тіло здригнулося...
А якийсь хлопчина-босяк, несамовито зареготав і побіг далі...

Людмила Машковская Луганск

АРОМАТ РОЗЫ, ИЛИ 20 ЛЕТ БЕЗ ЛЮБВИ

Какой бесконечной была сегодняшняя ночь... Самая длинная ночь в моей жизни. «Бессонница – это издевательство ночи над человеком» – сказал известный французский писатель, и с ним трудно не согласиться. Чувствую себя маленькой, слабой, разбитой. Не могу и не хочу двигаться. И вот, наконец, первые долгожданные минуты рассвета... Но утро не обрадовало, начался ливень. Дождь громко стучит по крыше, притихли воробьи, сидят, бедняги, мокрые, взъерошенные, жмутся на ветках. Вот уж воистину, ничего нет хуже плохой погоды. Всё усугубляется вчерашним испорченным праздником. Надо же было такому случиться. Столько лет прошло, вроде бы чувства остыли, а увидела его – и все... И долой все годы, потраченные на то, чтобы забыть... Любовь-химия! Зараза – и в 20 лет, и в 40! И нет от неё иммунитета. Кстати, учёные доказали, что любовь – на самом деле, болезнь: гормон адреналина во сто крат превышает норму, и даже придумали шифр этой болезни, обозначив её симптомы: эйфория, нездоровый блеск в глазах... По-другому: любовная горячка, при которой гормон радости парализует мозг, – человек глупеет, совершает безумные поступки...

Не дождутся! Достоинo преодолeю этот недуг – отлежусь в постели. И так, сегодня из дома ни шагу! Надо возвращать силу духа, ибо маленькой и слабой можно быть только тогда, когда рядом с тобой есть большой и сильный, чем я похвалиться, увы, не могу!

Вчера в своём кабинете я обнаружила огромное количество роз. Розы стояли на столе, на подоконнике, на полу – везде! Хочу заметить, что с некоторых пор я не переносю розы. Свою нелюбовь объясняю аллергией, хотя это ложь. Правда, увы, горька. Как гласит древняя восточная мудрость – если ты прошёл мимо розы, не ищи её более... Двадцать долгих лет этих цветов не было в моей жизни. Слово впервые вижу мною забытый цветок, символизирующий знак невинности, чистоты и святости. Как же я не люблю! Любила эти цветы... Алая роза – земная любовь и страсть. Розовая – семейное счастье. Белая роза – небесное совершенство. Жёлтая – цветок успеха... Прелестные, нежные, душистые цветы... Но мне не забыть, какими беспощадными бывают их шипы. От их аромата у меня перехватывает дыхание: «Когда-то любила эти цветы...» Пытаюсь найти секретаря, но, взглянув на часы, понимаю, ещё слишком рано. Это я примчалась ни свет ни заря, ведь сегодня для меня день хлопотный, как-никак, юбилейная дата. И так, не забыть в ресторанное меню внести коррективы, организовать транспорт, гостиницу для иногородних... А уж потом разберусь с розами! Отодвигаю проблему на завтра, но в душе остаётся тревога...

...Вот и разобралась! Я натягиваю на себя одеяло, укрываюсь с головой. Надо бы принять снотворное и хорошенько отоспаться. Резкий звонок разорвал

тишину. Я не хочу ни с кем разговаривать... Но телефон назойливо трещит... В надежде, что кому-то надоест звонить, я не беру трубку. Тщетно...

– Ты что не отвечаешь? – возмущается моя подруга Люська.

– И куда пропала вчера? Ну, ты даёшь!

Да. Люська права... Я действительно пропала. В полном смысле этого слова. На мгновение даю слабину и едва не поддаюсь искушению все рассказать подруге, но сдерживаюсь. Люське говорить правду опасно, это всё равно, что объявить о случившемся по радио, а потому я молчу, она же меня продолжает третировать:

– Так что же случилось? Ты что, до сих пор в кровати? – в голосе Люськи отчётливо слышу неодобрительные нотки. Я не пытаюсь оправдываться, на все её вопросы отвечаю монотонно:

– Да проснулась я, встала.

– Да я вижу, как ты встала, – злится Люська, – вероятно, не с той ноги, а может и не на ту метлу села? Ты мне подруга, или кто? Не темни! Отвечай: куда ты вчера делась и откуда у тебя такая шикарная диадема? Если я не ошибаюсь – это танзанит, королевский камень. Он же бешеных денег стоит... Небось, поклонник подарил? И вообще, я заметила, в последнее время у тебя такие потрясные наряды! Возлюбленного завела? И он тебя одевает!

– Возлюбленный меня раздевает, одеваюсь я сама, – отвечаю с издёвкой.

Люська не понимает иронию. В её голосе откровенная зависть:

– Обескуражила вчера отсутствующих и испарилась! Праздник без именинницы – это что-то новенькое! Да, вот ещё... Тебя искал незнакомец, седой такой, высокий, симпатичный...

Стоп! Пожалуйста, больше ни слова! Я этого не вынесу... Отчаяние подступает к горлу. Швыряю телефон и, ударившись о стену, он разлетается вдребезги. Невероятными усилиями воли заставляю себя подняться и, наконец, добираюсь до кухни. Ставлю кофе. Вот уж не ожидала я в свой юбилей получить такой сногшибательный сюрприз. Это – как удар в спину! Мысли упрямым бумерангом возвращают меня в прошлый день.

...Я заметила его сразу, лишь он вошел в банкетный зал, и не только я. Этот человек всегда умел произвести фурор. В элегантном костюме, подчеркивающим безукоризненную фигуру, он не спеша проследовал к столику в углу. Ну, здравствуй, прошлое! Откуда ты взялось? Ведь я только-только научилась жить без тебя...

Надо же, он ничуть не изменился, только русые волосы в идеальной причёске приобрели седоватый оттенок. Он всегда относился к категории благородных суперменов эдакий выхолонный тип. Под два метра ростом, мужественное, в какой-то степени надменное лицо.

Не понимаю, как он вообще мог оказаться у нас в ресторане, в нашей компании?

Я видела, как при его появлении заметно оживился зал, особенно прекрасная половина. И под этот шумок, выйдя через служебный ход, я покинула ресторан. Итак, юбилей не удался. Последнее, что я слышу, как произносится тост «За любовь»... Мой водитель в недоумении, но он никогда ни о чём не спрашивает.

– Домой! Скорее, – бросаю на ходу.

У меня одно желание – исчезнуть... И мы мчимся по улицам родного города

подальше от этого ресторана с огромным числом приглашённых, с ломящимися от угощений столами, с подарками и прочей юбилейной суматохой.

Признаться, я не собиралась так широко отмечать этот день, ибо не сторонник шумных компаний, тем более, публичных чествований. В подобной ситуации я чувствую себя неловко и мечтаю, чтобы поскорее всё закончилось. И потом, чему радоваться? Годы летят, и не покидает ощущение, что жизнь проходит мимо. Идея устроить грандиозный праздник принадлежала гражданскому супругу, мечтавшему стать моим официальным мужем. И почему я не хотела за него замуж? Ведь у него почти нет недостатков, но при мысли о нём от скуки у меня начинало сводить скулы. Видно не зря говорят, что люди, не имеющие недостатков, как правило, имеют очень мало достоинств... Что-то внутри меня протестовало, и часто в голову приходила шальная мысль – избавиться от него, познакомиться с подружкой из модельного бизнеса. Как слабое существо, он обязательно клюнет, а мне только того и надо... Стыдно вспоминать, мы неоднократно подавали заявление в ЗАГС, но я всегда находила тысячи предлогов, чтобы не явиться в назначенный срок. Я лгала, изворачивалась, в то время как несостоявшийся супруг обманывался мыслью, что всё будет хорошо, – в следующий раз всё получится. Но ведь счастье – это когда не надо врать, что тебе хорошо...

Итак, я трусливо бежала, растворилась в тумане. Откуда он взялся – человек из прошлой жизни? Как снег на голову. Сколько вёсен прошло. Память безжалостно возвращает меня обратно в мою юность.

Да. Это была очень грустная история. В уголках моего сознания короткими вспышками возникают и гаснут кадры минувших дней.

Школа, шумный выпускной бал. Дирекция школы пригласила принять участие в празднестве известный вокально-инструментальный ансамбль, руководителем которого был необыкновенно талантливый поэт и музыкант в одном лице. Этот молодой человек впоследствии и стал трагедией всей моей жизни... Но тогда... Первый вальс. Моё скромное васильковое платье и он – с глазами того же цвета... Первая любовь, романтические встречи, пылкие признания и розы. Огромные охапки цветов. А потом несколько лет безумного счастья: его забываемые песни, неповторимые тексты, от которых и по сей день кружится голова: музыка души, чарующие мелодии. Любимый распахнул для меня дверь в этот чудный мир, и я растворилась в нём без остатка. В памяти мелькает его фраза: Музыка – это дорога, по которой можно вернуться назад – в разное время жизни... Только сегодня понимаешь её смысл.

Наша любовь, словно жизнь, оборвалась внезапно, и был побег из-под венца и свадебное платье, выброшенное в мусоропровод...

И теперь он здесь... Что ему нужно?

Звук убежавшего кофе возвращает меня к действительности. Остаток выливаю в чашку. Добавляю коньяк, чтобы окончательно прийти в себя. Обжигаясь, глотаю крепкий ароматный кофе...

Нет, нельзя... Нельзя думать о нём! И невозможно вернуться на 20 лет назад!

...А ведь всё могло быть иначе. Мы готовились к созданию семьи. Всё было крепко и зримо. Так продолжалось ровно столько, куда не явилась моя соседка-подруга с «доброй» вестью разрушившей свадьбу и, по сути, всю мою жизнь.... Лишь теперь понимаю: ведь не было никаких доказательств, и все её

домыслы собственно, строились на песке. Но тогда я не хотела ничего слышать, и слова доброжелательницы сыграли роковую роль. В молодом возрасте потеря любимого подобна невосполнимой утрате. Болезнь моего разбитого сердца оказалась запредельной, опасной для жизни.

Чтобы спасти свою душу от невыносимого холода, я уехала далеко и надолго. Но ведь от себя не убежишь... В итоге целых 20 лет каждый из нас шёл своей дорогой

«Не судьба!» – убеждала я себя... И пыталась в это верить. Жизнь продолжалась и даже иногда была интересной. Спасала любимая работа. Ведь творчество хорошо тонизирует мозг, а чувство востребованности, как правило, возрождает активность.

– Проснулась? – я вздрагиваю от неожиданности. Оборачиваюсь на голос супруга...

– А ты почему не на работе? – отвечаю вопросом на вопрос.

– Позволил себе расслабиться, отдохнуть. Не каждый день у любимой жены юбилей.

Я задыхаюсь от нахлынувших эмоций.

– Как же так, ведь именно сегодня по плану встреча с французами, я же тебя предупреждала!

У меня начинается истерика и, как всегда, от негодования пропадает голос:

– Полагаешь, нам не нужен договор о сотрудничестве с солидной фирмой? – почти шепотом кричу я.

– Ничего страшного, – беспечно бросает он, – французы подождут.

Да... нужно быть полной идиоткой, чтобы доверить серьёзное дело мужчине. Я смотрю на часы. До встречи остается минут сорок. А мне ещё нужно принять душ, сделать макияж, домчатся в офис раньше французов минимум минут за десять.

– Я всегда знала, что на тебя нельзя положиться, – зло шепчу я.

Подхожу к зеркалу. Оцениваю свое обличье после бессонной ночи и нахожу его даже очень привлекательным, (не учитывая сумасшедшего блеска глаз). Итак, обойдусь без душа и косметики. На одном дыхании: облачаюсь в маленькое чёрное платье, закручиваю волосы в тугой узел, на шею – бусы из жемчуга, последняя деталь – туфли на шпильке и вызываю рабочую машину.

Водителя себе я подбирала достаточно долго. Последний меня устроил своей немногословностью. Он и теперь молчал, что было очень кстати: по дороге к офису я собралась с мыслями, готовясь к предстоящей встрече. Я мчалась навстречу французской делегации и своей судьбе, но об этом пока не догадывалась.

Почему? Почему приходится брать инициативу в свои руки, спасать дело и репутацию фирмы? Почему выполнение самых сложных задач ложится на мои хрупкие плечи? Итак, я вынуждена быть сильной женщиной. Но я больше не выдержу... Я устала быть сильной... Мне нужен мужчина – настоящий, а не это неуверенное в себе существо, числящееся замом. Если на него нельзя положиться, то стоит ли ему доверять собственную жизнь?

Машина сворачивает в арку, итак – мы на месте. На стоянке я вижу прижавшуюся к обочине шикарную иномарку. Значит, французы уже здесь. Ещё раз внимательно просматриваю документы. Теперь нужно сосредоточиться – осознать весь масштаб задачи и – вперед, навстречу французам!

Взлетает лифтом на восьмой этаж, распахиваю дверь приёмной. Секретарь Леночка сияет своей белоснежной улыбкой.

– Утро доброе, – говорю я, – затем обращаю свой взор на посетителей и на мгновенье замираю. Я не понимаю, что происходит. Где французская делегация? В приёмной тот, от которого я вчера постыдно бежала из ресторана. В голове проносится фраза – «ни один человек не может стать более чужим, чем тот, кого вы в прошлом безумно любили»

– Через минуту я вас приму, – произношу сдержанно и скрываюсь за дверью кабинета. Я мечусь, как зверь в клетке: восьмой этаж и никуда не деться... Что я имею в наличии – панику, отчаяние, злость и растерянность. Интересно, что он скажет: «Привет, бежавшая невеста?» Меня начинает бить дрожь. Надо брать себя в руки! Сейчас он войдет...

Он входит со словами:

– Насколько я помню, вы любите розы, – протягивает мне цветы.

– Розы? – я еле сдерживаю раздражение, – боюсь, вы ошибаетесь. Я их ненавижу!

Он кривится, как от зубной боли, и очень тихо произносит:

– Розы любят все, так что позвольте вам не поверить. Роза – совершенство! Древнеиндийские сказания утверждают, что любой человек, принесший царю розу, заслуживает снисхождения и может просить у него всё, что пожелает...

– Но мы не в Индии и здесь этот номер не пройдёт, – жёстко парирую я и с вежливо-презрительной улыбкой добавляю:

– Простите, у меня сейчас запланирована о-очень важная встреча, а потому я вас не задерживаю.

Непрошенный гость вздыхает, спокойно извлекает из кейса бумаги, протягивает мне и замирает в ожидании. Я листаю кипу документов, пытаюсь разобраться в договоре. Но вот беда, перечитываю пункт за пунктом и бесполезно. Мой мозг отказывается что-либо воспринимать. Я понимаю лишь одно – этот мой незванный гость, человек из прошлого представляет известную французскую фирму.

– Что, мадам, что-то не так? – и вновь на его лице эта застенчивая улыбка...

– Зачем вы здесь? Что вам нужно? – я почти не слышу своего голоса.

– Пытаюсь смешать бизнес с удовольствием...

Я резко подымаюсь. И тут происходит неожиданное. Он крепко берёт меня за руку и не терпящим возражения тоном произносит:

– И не думай. Тебе больше не удрать, – его синие глаза метают молнии, – я искал тебя полжизни...

Как пахнут розы... Что напоминает мне их аромат? И вдруг меня осенило – розы пахнут счастьем! Мое самообладание даёт сбой. Я тяжело опускаюсь в кресло. Господи, как же я могла всё это время жить без него.

Виктория Миллиан Германия Гамбург

НЕИЗВЕСТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЛЕМЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА, ЭСКВАЙРА

Вставной рассказ из романа «Священный лес» или «Голливуд»»

Дорогой друг, моя бурная жизнь, полная путешествий, приключений и злоключений, привела меня однажды в удивительную страну, обычаи и порядки которой хоть заслуживали внимания слушателей, но были столь странными, что могли бы вызвать полное недоумение и недоверие в умах слушателей. Поэтому я долгое время не решался присоединить этот небольшой рассказ к уже известным

описаниям моих странствий. К тому же посещение страны было очень коротким и не отличалось яркостью приключений. Однако мои долгие размышления о нескольких днях, проведенных в описанной ниже стране в переломный период её истории, удивительное преобразование, которое происходило с нравами и обычаями её народа, заставили меня всё же взяться за перо.

Ты, мой вдумчивый и преданный читатель, без сомнения вникнешь в глубинный смысл описанных событий и поймёшь неразрывную связь поступков и нравов странного народа с сутью человеческой природы.

Преданный тебе Лемюэль Гулливер, эсквайр.

Итак, я пересёк границу нового и странного мира, не ведая о нравах и обычаях его народа, в один непримечательный и благополучный день. Небо не предвещало бури, наш корабль зашёл в мирную тихую гавань, и встретили нас пограничные чиновники, одетые в униформу не более нелепую и пёструю, чем те, что проводили нас некоторое время назад, когда мы покидали милую родину.

Странности начались, однако, уже при досмотре корабля и наших личных вещей. Главное и пристальное внимание обратили пограничные чиновники на наши съестные припасы. Вначале экипаж и офицеров закрыли в нескольких каютах и заставили написать точный список всех продуктов, находящихся на корабле, включая всё съестное не только в камбузе и трюме, но и в личном владении каждого. За точность списков мы поручались своей свободой и возможностью в дальнейшем беспрепятственно покинуть привечавшую нас страну.

Списки собрали и начали досмотр корабля, после которого весь найденный провиант был выгружен и увезен в неизвестном направлении. Нам же было дозволено сойти на берег и находиться в городе, питаться же было предписано в одном заведении, означенном в документе, выданном каждому члену команды для ознакомления. Документ сей был столь любопытен, что я сочту необходимым ознакомить с ним пытливого читателя, решившегося отправиться в это удивительное путешествие со мною, хотя бы только в своём воображении.

Итак, это был документ, в котором на двадцати страницах убогистого текста описывались традиции высоконравственного, исполненного высокой духовности, народа, следовать которым должны были абсолютно и неукоснительно все посетители страны. Эти традиции и следующие из них предписания были выражены в документе в пространной и взвинченно-эмоциональной форме. Суть же их сводилась к одному: В ЭТОЙ СТРАНЕ ЕДЯТ СУХУЮ ОВСЯНКУ. Точка.

Поверьте мне, мой добрый друг, в том документе, если отделить суть от выпяченной и патетической формы, прославлявшей высокую духовность народа, его миссию в огромном, разлагающемся и смердящем извращениями мире, не было ничего, кроме предписания использовать для утоления голода всегда, везде и при всех обстоятельствах один единственный продукт: СУХУЮ ОВСЯНКУ. И чтобы ни у кого из пришельцев, явившихся в страну, не возникало никаких позорящих человеческий облик устремлений, каждого из нас прикрепили к высокодуховному ментору, предписав кроме того ежедневно являться в участок, подтверждая своё местопребывание.

Я не стану утомлять вас, добрый читатель, описанием всей долгой процедуры, предварившей наш выход на столь гостеприимный берег. Скажу лишь, что приблизительно через три часа мы были в порту. Ожидая назначенного мне ментора, я стоял неподалёку от нашего юнга. Его наставник явился раньше

моего. Молодой человек, в форме таможенного чиновника, блестя глазами, подошёл к юнге нашего корабля. До меня донёсся его приглушённый голос:

«Ты ел когда-нибудь жаркое из копчёной грудинки?» Потом он прыснул, прикрыл рот, и добавил, как бы смущаясь сам: «И солянку с беконом?» Юнга пожал плечами, молодой чиновник взял его под руку без всякой примеси офицоза, близко наклонился к лицу, жадно впился глазами в смущённого нелепыми вопросами парнишку и повлёк его к выходу, кивая и вслушиваясь в ответы.

Я с недоумением наблюдал за удаляющейся парочкой. Вот они поравнялись с пожилым благообразным стариком. Высокий и сухой, он вдруг властным жестом остановил проходящих юношей и что-то гневно сказал молодому чиновнику. Тот развёл руки рутинным жестом, слегка поклонился с деланной улыбкой и пошёл дальше. Похоже, что гнев пожилого господина не произвёл на него сильного впечатления.

Всё новые сопровождающие, в большинстве своём молодые и раскованные люди, подходили к членам нашей команды и уводили их в город. Наконец я остался в зале один на один с благородным стариком, о котором уже имел честь упомянуть вам, мой дорогой друг. Да, этот и был мой ментор. Доктор философии, профессор местного университета, преподобный Штуль. Как и я, он уже добрых полчаса наблюдал за выходом в город пар из местных и пришельцев. Правда, последние минуты я смотрел уже только на него. И видел, как гнев на благородном аскетичном лице сменился выражением возвышенной боли, почти скорби.

Он заметил, что я смотрел на него. Наше молчаливое знакомство произошло в минуты наблюдения за возбуждёнными парами, скрывававшимися одна за другой в сияющем ярким солнцем дверном проёме. Поэтому казалось, что мы уже были давно знакомы, когда наконец остались одни в тёмном зале. Он подошёл ко мне со словами: «Всё погубило! Опереться больше не на кого! Духовности больше нет! Свиная грудинка... жаркое в соусе... фаршированные гуся... Боже мой! Почему я должен был дожить до этого дня?»

Ему стало дурно. Мы не пошли в город. Я не могу в точности объяснить вам, мой дорогой друг, чем именно заслужил я внезапное доверие почтенного господина. Но его дрожащий голос, страстность, с которой он сжимал мою руку, слёзы на глазах не заставили меня усомниться в высоком доверии, которым сей достойный человек проникся к моей скромной персоне.

Долгие часы мы провели вместе. И то, что я услышал, повергло меня в великое смущение. Дорогой друг, поверьте мне. Просто поверьте. Как ни странно будет сие повествование, его поведал мне достойный даже в своём заблуждении человек. Уже несколько лет в отчаянии наблюдал он за падением и разложением нравов своего народа. Народа, который из поколения в поколение жил в уважении к высоким и аскетичным традициям духовности, которые несли ему его досточтимые пастыри.

Однажды, приняв тезу, что всё зло исходит от слабостей тела, отказались они услаждать его низменные потребности в изысканной пище, заменив её раз и навсегда сухой овсянкой. Конечно, чтобы поддерживать род человеческий, пришлось разрешить простому народу есть дома втихомолку варёное мясо с отварным зерном, но упоминать об этом прилюдно было неприлично. Низменные нужды справляли за закрытыми дверями. И говорить об этом было столь же непристойно, как и об испражнении кишечника, неизменно следовавшей за удовлетворением несчастной потребности плоти.

Чтобы пагубное влияние других народов, погрязших в растленьи чревоугодия, не смущало светлый дух народа-мессии, заперли пастыри границы. Чистые храмы открыли свои двери дочерям и сыновьям народа-духоборца. Отступников же ждала быстрая и верная расправа.

Во все века находились честные граждане, готовые раскрыть позорное лицо негодяев, предававшихся в тишине смрадных притонов грязному пороку чревоугодия.

И вот... – Голос почтенного рассказчика прервался. Он смотрел на меня, и благородные слезы застили бледные, выцветшие глаза. Наконец он продолжил, путано и рвано: – И вот мы судили ошибку. Молодчики, с выпачканными жиром мордами бегают по улицам. Их видят дети... дети! – Вы слышите? Чистые создания развращаются с самого нежного возраста. Над почтенными людьми смеются. Предписания живы только на бумаге. Нравственность пала. В страну хлынул поток грязных журнальчиков и книг. Растленный внешний мир душил нас своими грязными, жирными щупальцами. Вот! – И как доказательство выхватил он нервным жестом из-под полы длинного чёрного кафтана книжку в пестрой обложке, – Вот! Читайте! – И я прочёл: «Поваренная книга».

Надежда Петрова Зимогорье, Луганская область

НАКАНУНЕ ЮБИЛЕЯ

Новое голубое платье из тонкого трикотажа сидело на ней вовсе не так, как она желала. Нелля рассматривала себя в трюмо, поворачиваясь то боком, то спиной, подходила поближе, снова отступала на шаг, – но обстановка не радовала. В который раз убеждалась, что вещь надо брать готовую, а не шить, так как не знаешь, каким оно окажется в результате; ну примерила, купила, и всё понятно: идёт оно тебе или нет, а теперь хочешь-не хочешь – носи, привыкай.

Вот это – привыкай – всю жизнь её преследует. В детстве родители постоянно одёргивали её: ты старшая, должна заботиться о младшем брате. Привыкай! После школы пошла учиться в горный техникум, денег не хватало, а так хотелось красивое платье, как у Соньки, дочки начальника шахты, а родители говорят: привыкай жить самостоятельно и экономить деньги. Привыкай! А как, если стипендии всего сороковник, и родители вышлют ещё тридцатник, в лучшем случае к празднику дадут пятьдесят? Так и привыкла, пока вся жизнь не прошла: учёба, замужество, новая квартира, дети, перестроечные времена, где и привыкнуть не успевали – ежегодные перемены, деньги менялись то смешные крошечные купоны размером три на четыре, то дошли до миллионов. Какая чумь! У неё шёлковое зелёное платье было за четыре миллиона. Ужас! Даже американская дива не покупала за четыре, а у неё было! Потом снова всё резко сменилось, и вдруг стали гривны. Гр! Гр! Гривны... Одни привыкания. Всю жизнь.

Завтра юбилей. Ей исполняется пятьдесят лет. Боже мой, это же полвека! Страшно подумать, неужели прошло пятьдесят скоротечных, быстрых лет? Оглянуться и увидеть, – что было позади? Юбилеев-то было много, разных – весёлых и грустных, с друзьями и почти в одиночестве, и каждый раз в жизни

хотелось чего-то нового, неосуществимого, просто нереального счастья, а прошли годы и всё окрасилось другим цветом, желаний становилось всё меньше, не так остро, да и прошлые желания стали объясняться другими словами, с пятидесятилетней высоты показалось всё таким простым и земным, понятным, ушло беспокойство, кровь перестала бурлить. В душе наступило равновесие.

Вот первый юбилей – двадцать лет. Его и юбилеем никто не называет – просто ей уже двадцать лет, она красивая и стройная, весёлая и счастливая. Это потом, спустя много лет, она узнает, что параметры 90 – 60 – 90, считаются признаками красоты, а она была именно такой, и не подозревала о своих идеальных формах. На неё даже заглядывались, и Толик, её будущий муж, на танцах заметил её сразу, и другие набивались в ухажёры, но это все было как само собой разумеющееся, прошло быстро и незаметно для неё: и она была молода, и её подруги, и за всеми кто-то увивался, кто-то женился. Это же была юность! И Нелля остро чувствовала движение жизни вокруг неё, жутко хотелось увидеть весь мир: ездить, видеть, жить, знакомиться с новыми людьми, и чтобы всё вокруг крутилось и вертелось, всего побольше, побольше! Ехать куда угодно, хоть в другой конец планеты, были бы только билет, плацкартная верхняя полка, сумка под голову и хорошая книга в дорогу. И всё! И она была счастлива.

А в тридцать она вдруг почувствовала, что техникум – это ерунда, этого мало. Мало! Пришло неудержимое желание учиться. Всему: профессии, кухне (каждый день готовила что-то новенькое), учиться жизни вообще. Читались любые, самые скучные, умные книги – только бы узнать новое. Больше знать! Всё знать! Во всех областях. Ещё! Ещё! Ещё что-то... И она окончила институт.

Стукнуло сорок. И тут она вдруг неожиданно влюбилась, неожиданно для себя. Хотелось любить – как никогда. Открыто, преданно, искренне. Всей душой... Вот разве только душой – он был женат, и она была замужем. Любить издали, лишь взглядом, встретившись на проходной. Большого нельзя. Счастье – оно приходит иногда, как беда. Поведать об этом никому нельзя, а в душе происходит такой невероятный перелом, надрыв чувств, что прошлое кажется таким простеньким, как жидко заваренный чай: цвет есть, а вкуса – нет.

Сорок пять отмечали, как положено – настоящий юбилей был. Дети выросли, отошли семьями в сторону. И Толик, как и все предыдущие годы, был при ней, невозмутимый и непьющий, и всё, вроде бы, было в порядке: он – муж, она – жена, но чего-то не хватало в их будничных отношениях. Как-то, вроде бы, вместе, и как бы каждый сам по себе. И весь день она мучилась в смутном напряжении, потом вечером устало присела на кухне и поняла: юбилей, суета, поздравления, это же всё заранее срежессировано, это театр, с ней в главной роли, а она хочет выражения настоящих чувств: в сорок пять так хочется, чтобы тебя пожалели. Она устала, очень устала. От всего и от всех. «Пожалейте меня! Пожалейте!.. – кричала душа. – В любовь я вряд ли уже поверю, а вот в то, что можно пожалеть, возможно, ещё поверю. Пожалейте меня! Счастливо пожалейте!..» И кому эти слова? – А всем, всем, кто был рядом с ней. Ей показалось, что все эти годы она была роботом. Самым настоящим роботом: много хотела и много делала. Она раз нечаянно полюбила до боли, но любовь та мелькнула, как падающая звёздочка на небосводе, да и ушла бесследно дальше, и дальше. И всё исчезло. Но при ней осталась семья: муж и дети, вся жизнь была отдана им, она их и любила, и жалела. Как же они не поняли, что жалость – сильнее любви. А счастливо пожалеть – это значит отдать всё, пожертвовать собой и ни о чём не сожалеть.

И вот завтра будет пятьдесят. Очередной юбилей... Чего ей хочется сегодня, когда позади прожито полвека? Ещё полвека, конечно, не прожить, но жизнь продолжается.

В пятьдесят хочется признания, благодарности, наконец. Признания за прожитые годы, за то, что отдала себя, свою молодость, за то, что любила, заботилась, за то, что была рядом, жила ими, служила и прислуживала. Да, она заслуживала благодарности и признания во всём. Она поняла, что все её прежние желания – они уже в прошлом, пришла пора философствовать. Она теперь часто отдается этому чувству: размышляет, вспоминает, сожалеет о каких-то мелочах, о прожитых днях. Сегодня проснулась и увидела, что последние годы ходила, как слепая, последние пять лет пролетели одним днём, словно спеты по одной ноте. Неужели ничего хорошего, желанного больше не будет? Старость – это отсутствие желаний? Неужели это старость?

И это платье сидит на ней нехорошо... Новое, неудобное, словно чужое. Если бы не гости, одела бы любое из шифоньера, да и ладно, какая разница, в чём она одета, не платье придут смотреть, а её поздравлять, дети обидятся, если она не наденет новое, придется терпеть. Все-таки юбилей. Ну а годы, что годы? Ну постарела, ну устала чуток за пятьдесят-то долгих, но внутренне – она не просто та же, она стала качественно лучше! Лучше! Это она знает. Теперь она умеет и любить, и ждать, и прощать.

Нелля сняла платье и повесила его на видном месте: пусть ещё муж оценит, это она себя здесь цинично рассматривает, сомневается, а гости выпьют и весь вечер, ничего не замечая, будут нахваливать и звонко стучать бокалами. А она, пока в состоянии думать о прошлом всё теми же категориями, воспринимать бытие со всеми прелестями и переменами, без обиды, мести и зависти, она живёт, всё также любит жизнь и всё в ней. Она всё та же и всё у неё в порядке! Будем гулять!

Интересно: а что будет в шестьдесят?

Николай Ремнёв Сумы

В ПОСТЕЛИ

– Надя, к телефону! – крикнула мастер участка по переработке пластмасс, наклонившись к самому её уху. В помещении стоял стонущий, шипящий, какой-то надрывный гул.

Надежда Сергеевна выключила пышущий жаром и ядовитыми испарениями пресс и поспешила к телефону. Он находился довольно далеко от участка, в другом цехе. Но сам участок примыкал к нему, перенасыщенному станками и оборудованием по производству тяжёлых машин.

Надежда Сергеевна уверена: позвонила дочь Люда и сейчас даст какой-то наряд.

Люда в нынешнем году окончила школу. Вместе с аттестатом о среднем образовании получила свидетельство секретаря-машинистки. Матери стоило немало труда, чтобы устроить её по специальности в одно из учреждений. Зарплата там небольшая, но Надежда Сергеевна искренне радовалась. Дочь работала в чистоте и уюте. Ей не приходилось таскать тяжёлые тележки и заготовки, дышать гарью и пылью, слушать эти шипящие и стучащие надрывные звуки, от которых болела голова.

Но радость оказалась недолгой. Люда несколько раз пожаловалась матери: невозможно. Потом и вовсе «забастовала», сказала:

– Не пойду. Начальник – зверь. На работу вовремя приходи, и с работы никуда не уйди. Жить невозможно.

– Как ты хотела? – убеждала Надежда Сергеевна. – Работа для того и существует, чтобы там находиться, выполнять свои обязанности. За это деньги платят.

– Не хочу никаких денег, – отвечала дочь.

– Чтобы выучить тебя, пошла во вредный цех. Потеряла здоровье. Не вижу, не слышу, как следует. С лёгкими проблемы, – доказывала дочери.

– Не могу я, не могу, – отвечала Люда.

– А я могу. Растила тебя, надеялась на помощь. Теперь до пенсии придётся кормить?

– Поищу работу сама.

– Ищи. Ты уже взрослая.

Так Люда оказалась не у дел. Надежда Сергеевна думала, что сама устроится, раз отказалась от её предложения. Поймёт, как ей трудно. Но та что-то не торопилась.

Надежда Сергеевна проводила с дочерью воспитательные мероприятия. Иногда возникало желание не кормить или выгнать её на улицу, но что скажут люди. Да и сама Люда будет помнить это до конца жизни. Но никакие уговоры на неё не действовали. Ничего не делала даже по дому и воспринимала это как само собой разумеющееся.

Несколько месяцев назад Люда привела в дом Костика – молодого, крепко сложенного парня, но довольно бесцеремонного и самоуверенного. Познакомила:

– Мой жених. Занимается спортом.

Костик стал жить вместе с ними. При этом никто не спросил у матери – не против ли она. И зачем ей нужен какой-то Костик.

Когда остались одни, попросила дочь объяснить, что всё это значит, почему не посоветовалась с матерью.

– Что изменится? – вопросом на вопрос ответила Люда. – Мы уже всё решили.

– Я для тебя ничто?

– Мамочка! Давай не будем. Всё уже свершилось.

Целую ночь Надежда Сергеевна плакала и глотала пилюли. Спала на диване в зале. Пока работала, дочь заняла спальню. Перенесла туда телевизор и другую технику. С неделю Надежда Сергеевна не находила места, не хотела идти домой. Прокручивала разные варианты, чтобы изменить ситуацию. Но ничего не приходило на ум. Она не могла выгнать родную дочь из квартиры или поставить ультиматум, чтобы та выставила Костика.

Немного успокоившись, убеждала Люду хоть бы расписаться с Костей. Молодые не спешили.

– Успеем, – дружно отвечали они.

Однажды на квартиру зашёл отец Костика.

– Мой лоботряс у вас? – спросил Надежду Сергеевну.

Та не сразу поняла, кого он имеет в виду. Гость назвал имя. Они познакомились.

Надежда Сергеевна обрадовалась приходу. Думала, вдвоём смогут решить проблемы: чтобы дети узаконили брак и нашли работу. Одной прокормить их неумоготу.

Но сват оказался немногословным. Его визит длился недолго. Осмотрел квартиру, решил: здесь жить можно. На всякий случай обругал сына и ушёл, даже не поговорив с нею. И больше не появлялся.

Надежда Сергеевна пересекла участок, открыла порядком замасленную дверь в цех, к которому примыкало их помещение.

Зашла в небольшую комнатку, где стоял телефонный аппарат.

Плотно закрыла дверь, пытаясь избавиться от шума и гама, которые царили на производстве. Напрасно. В ушах гудело и звенело, стучали тяжёлые металлургические молоты.

– Слушаю, – взяла телефонную трубку.

– Мамочка, это я, – раздался знакомый голос.

– Люда, что случилось?

– Ничего.

– Ты в своём уме? – рассердилась Надежда Сергеевна.

– В своём, – последовал ответ.

– Ты знаешь, где находится телефон. Разве можно беспокоить людей по пустякам!

– Подумаешь, трудно пройти несколько метров, – ответила ей Люда.

Матери осталось только спросить, чего хочет её дочь. Та обрадовалась: нечего есть, а Костику и пивка купить желательно.

– А вы чем занимаетесь? – спросила Надежда Сергеевна. – Неужели вам некогда в магазин сходить?!

– Мы сегодня с постели ещё не вставали, – недовольно ответила Люда. – Надо одеваться.

– Мне бросать производство, бежать к вам?

– Зачем же, после работы.

– Обойдётся!

– У нас денег нет.

– Идите, трудитесь.

– Мамочка, куда мы пойдём, мы ничего не умеем.

После минутного разговора пришлось уступить. Положила трубку и не могла встать со стула: и от усталости, и от обиды.

Диспетчер Нина возилась с бумагами. Кроме неё, в диспетчерской – никого.

– Что с тобою? – спросила Нина.

– Ничего, – ответила Надежда Сергеевна, вытирая руки о халат. Она торопилась, так с грязными руками и пришла звонить.

– Не ври, на тебе лица нет.

Женщины давно знали друг друга. Как и всё на заводе. Но их судьбы не перекрещивались. Надежда Сергеевна была в таком настроении, что всё выложила Нине, как на исповеди.

– Растила дочь одна, думала, что вырастет, станет легче. А вышло наоборот, хоть из дому убегай.

– Думаешь, такая одна? У меня тоже не получилось. Муж загулял с молоденькой, думал – буду терпеть все его выходки. Жили у его родителей. Никуда не денусь. Развернулась и ушла.

– Где сейчас?

– В общежитии.

– Не знаю, что делать. Хоть самой в общежитие уходи.

– В моей комнате есть место, – сказала Нина. – Вздумаешь, приходи.

Окончился напряжённый трудовой день. Надежда Сергеевна, вооружившись сумкой и пакетом (всегда носила с собою), поплелась в магазин.

Заняла очередь за продовольствием, а затем стала думать, как же взять пива. Для этого предстояло не только выстоять в другой очереди, но и выслушать массу самых грубых оскорблений от подвыпивших мужчин. Но любимый зять захотели пива. Как ему откажешь?!

Её муж запивал, натерпелась с ним. Что только не делала, чтобы сохранить семью. Он скатывался в пропасть, и не думал бросать вредные привычки. Пришлось расстаться.

Прошли годы, она считала, что сделала правильно. А муж совсем спился и умер...

К её удивлению, Люда и Костик сидели на кухне и что-то ели. Оттуда доносились их голоса, и тянулся дымок сигареты.

Надежда Сергеевна сняла верхнюю одежду, поставила сумку и пакет у вешалки. Навстречу вышла сияющая улыбкой раскрасневшаяся Люда.

Вся в отца – полненькая, кругленькая, в небрежно застегнутом халате и тапочках.

– Мамочка, заходи. Мы с Костиком балдеем.

Увлекла на кухню. Усадила за столик против Кости. Неприятного ей, плотного, с рыжеватыми волосами, со щетиной усов. Сидел, скрестив толстые руки на груди, раскачивался на стуле. Его рубаша не застегнута на две верхние пуговицы. Виднелась мощная волосатая грудь. Его широкое красное лицо сияло довольством.

– Слушай, тёща, раздели вместе с нами, – плеснул ей немного вина.

– Не пью.

– Пригуби за компанию.

– Люда, что всё это значит? Около часа простояла в очередях, ты говорила, что нечего есть. А у вас не только еда, но и вино.

– Лажа подвалила, – ответила Люда.

Надежду Сергеевну покорило слово «лажа». Раньше дочь его никогда не употребляла и, наверное, не знала.

Люда, между тем, рассказывала о сегодняшних похождениях Костика. Позвонили ему ребята. На базар с юга приехала машина с арбузами. Можно повернуть дело. Он согласился. Ребята подошли к южанам, предложили услуги по разгрузке арбузов. Те спросили, сколько это будет стоить.

Ребята заломили высокую цену.

– Это же грабёж, – возмутились приезжие.

– Тогда придётся убираться отсюда, – ответили грузчики.

Обстановка быстро накалялась, вот-вот должна была разрядиться дракой. В это время в скандал вмешался Костик. Урезонил ребят, пообещав в противном случае «обломить им рога».

Продавцов успокоил:

– Торгуйте, не бойтесь, вас никто не тронет.

Те не знали, как его благодарить. Костик много не взял, но всем хватило: и ему, и друзьям.

– Так же в тюрьму можно угодить, – не удержалась Надежда Сергеевна.

– При чём здесь тюрьма, тёща, законов я не нарушал. Торгаши сами деньги дали.

– Это ж вымогательство.

– Какое вымогательство? Я защитил людей. Для этого им пришлось немного раскошелиться.

– Не ты, так ребята вымогали, — не успокаивалась Надежда Сергеевна.

– Мама, не приставай к нему, — вмешалась Люда. — Кто как может, так и зарабатывает.

Костик взял из пепельницы недокуренную сигарету, довольно затянулся. Посмотрел на Надежду Сергеевну свысока. Мол, ничего не знаешь и не понимаешь.

Не без гордости рассказал, как уламывали одного из предпринимателей — часовщика. Имел свою «будочку» в центре города, скупал за копейки неисправные часы у людей, чтобы потом их продать втридорога. Грёб деньги лопатой. Раз намекнули ему, второй. Не понял. Кое-что подрезали по запчастям. Не сдаётся. Тогда пришлось кирпичиком разбить стекло в будочке. Сразу всё понял и попросил защиты.

– Работать с ним сейчас приятно, — закончил рассказ Костик. — Мужик оказался очень смышлёным.

Надежда Сергеевна уже прекрасно изучила образ жизни друга своей дочери. Обычно он «работал» пару часов в день. То есть выходил на проверку «объектов» или «собирал дань». Иногда проводились внеплановые мероприятия, когда звонил кто-то из команды и предлагал «горячего клиента».

Раз в неделю собирались на тренировки, чтобы не терять форму.

В прошлом Костик был подающим надежды спортсменом-каратистом. Но отказался от более трудной и длинной дороги, чтобы зарабатывать средства к существованию. Деньги, оказывается, можно получать, почти не выходя из квартиры.

И влиянию такого человека поддалась её дочь. Хуже всего, она добровольно разделяла его образ жизни. Сколько не воспитывала Надежда Сергеевна дочь, ей не удавалось переубедить Люду. Она продолжала катиться в пропасть.

«Побалдев» на кухне, молодые перешли в спальню. Включили магнитофон. А Надежда Сергеевна взялась прибираться, мыть посуду, наводить порядок. Легла спать поздно.

На несколько часов отключилась. Проснулась от дикого визга и выстрелов. Не сразу поняла, в чём дело. «Они» смотрели видики.

Заглянула в спальню. Люда и Костик лежали, обнявшись, не отрывали глаз от телеэкрана.

– Сделайте потише, — попросила.

– Тише нельзя, — ответила Люда. — Не тот кайф.

Надежда Сергеевна пошла на кухню, приняла несколько таблеток. Но по-настоящему до утра так и не уснула. Шла на завод разбитой и больной. А впереди предстоял напряжённый день.

Глухие удары молотов и прессов, ядовитые испарения, высокая температура, напоминания мастера, что нужно любую цену выполнять план.

А здесь ещё Люда. Вырастила её, дала среднее образование. Но, оказывается, этого мало. Надо направить её по правильному руслу, чтобы не потерять дочку. Что она может сделать, если та находится под влиянием Костики и не спешит устраивать свою жизнь.

В обед Надя зашла в маленький кабинет Нины.

– Бледная какая-то ты, Надька. Видно, дома опять нелады?

– Как тебе сказать. Внешне всё вроде нормально, но на сердце беспокойно. Разве можно так жить! Днями не вставать с постели.

– Успокойся. Такая молодёжь пошла.
 – Легко сказать!
 – Пойдём лучше ко мне в общежитие. Оно недалеко. Селёдки купим. Мундирки сварим.
 – Пойдём! Посмотрю, как живёшь.
 Комнатка у Нины была небольшой, но уютной. В центре стоял столик, накрытый белой скатертью, возле стенки у окна – тщательно заправленная кровать.
 Нина подала две тарелки, положила туда очищенные картофелины, кусочки селёдки, лук.
 Надя никогда ещё не обедала с таким аппетитом. Но неприятные мысли о дочери не покидали её.
 – Разве можно так!? Не думать о своём будущем, жить одним днём, – жаловалась подруге.
 – Успокойся. Все они такие.
 – Больше месяца в своей жизни никогда не гуляла.
 – Я – тоже, – ответила Нина. – Но раньше с трудоустройством не было проблем. Сейчас заводы закрыли. Пойди, найди работу.
 – Кто хочет, тот всегда найдёт. Они не хотят ничего делать. Даже с постели лень встать.
 – Сами виноваты. Такое поколение вырастили и воспитали.
 – Виновата, что недосыпала, недоедала, чтобы доченька ходила не хуже других.
 – Брось изводить себя. О себе подумай. Знаешь, пойдём лучше вечером в кафе сходим. Посидим, поболтаем. Выбросишь дурное из головы.
 – В кафе!? Ты что?! Не помню, когда там была.
 – Побудем, посмотрим на людей, себя покажем, – улынулась Нина.
 – А кто их покормит?
 – Не бойся, с голоду не помрут.
 – Ой, засиделись. На работу опоздаем. Скандала не оберёшься.
 Женщины быстро собрались, чтобы вовремя проскочить через проходную завода.
 Через несколько минут Надя уже стояла за дышащим жаром и ядовитыми испарениями станком. Поправляла просторный халат, косынку. Поглядывала на часы. Мастер уже находилась в цехе, выясняла что-то у одного из запоздавших работников.
 Настроение её изменилось. Подумала. Может, бросить всё. Уйти в общежитие. Пусть как хотят, так и живут. Не маленькие.

Ирина Руденко Севастополь

Я ЗНАЮ

(из ненаписанных писем)

*«В каждом из нас заложена
 сила нашего согласия на здоровье и
 болезнь, на богатство или бедность
 на свободу и рабство?..»*

Ричард Бах «Иллюзии»

1

Лето. Середина июня. База отдыха. Сажу перед окном, смотрю на море. Вот он – южный берег. Передо мной, как на ладони, белый пароход у самого края горизонта. Чайка, сидящая на фонаре. Я жду ужин. И вспоминаю.

Вспоминаю наше последнее свидание в Ялте. Вместо радости от встречи, я как всегда злилась:

– Отдыхай, – раздражённо говорил ты, и заставлял смотреть какую-то дурацкую, французскую комедию.

Я ненавидела этот говорящий ящик, этот фильм. Я ненавидела тебя. Я любила тебя. И ты тоже любил меня.

Но ты принял решение. И приехал прощаться. Не смог отказать себе в последнем свидании. Позволил себе взглянуть на меня ещё раз.

Ты был снисходителен. Благороден. И злился, на себя, на меня, и на то, что нет сил начать всё заново. (Со мной или без меня.) Тебя хватило на то, чтобы развалить мою жизнь. И утешаться тем, что спасаешь меня, вырываешь из лап злодея-мужа.

Лето только начиналось. Мы гуляли по набережной, держась за руки, ссорились, мирились, целовались, ели мороженное, купались в отвратительно холодном море, валялись на обжигающе-горячей гальке,

Тебя раздражала моя старая джинсовая юбка и застиранная футболка. Они не вписывались в шикарный холл интуристовской гостиницы. Меня раздражал твой слишком respectable вид. Ты пыхтел и ругался, осматривая номер. Тебе не нравились обои на стене и вид из окна.

Мне нравилось всё, потому, что рядом был ты.

Необычен закат на южном берегу Крыма. Солнце плавно приближается к горизонту, и ты ожидаешь наслаждения от созерцания медленного погружения дневного светила в воду, но оно быстро ныряет, и тебе остаётся разочарованно всматриваться в бледно-розовый след.

За окном ночь. В оконное стекло комнаты, где я предаюсь воспоминаниям, бьются ночные бабочки. Глупые. Какие они глупые. Бабочки. Бабы. Дуры. Какие неведомые силы заставляют их мчаться, поддаваясь порыву, на свет, и сгорать от страсти, так и не узнав, к кому и зачем.

Ты меня любишь? – спрашивала я, спрашивали мои глаза, спрашивало моё тело.

– Я желаю тебе поскорее выйти замуж, за какого-нибудь идиота, который прижмёт тебя к стенке и выбьет из твоей головы всю глупость.

– Ты любишь меня? – спрашивала я.

2

Тебе нравилось кормить меня шоколадом, сырокопчёной колбасой и апельсинами.

Мне нравилось есть всё это, но у меня дико болел живот от непривычной пищи.

Мы пили коньяк, смотрели друг на друга влюблёнными глазами и ссорились. И, наверное, ещё на что-то надеялись. Ты на то, что я всё-таки начну отстаивать свои права на тебя, а я на то, что ты вспомнишь про свои обязанности передо мной.

Потом, через пару часов, мой желудок мучительно расставался с коньяком. Я плакала в ванной и жалела себя, тебя и нашу несчастную любовь.

Вечером мы гуляли возле гостиницы. У двухэтажного автобуса суетились

люди, с «не нашими» лицами, доставали раскладные столы, стулья. Усаживались, готовились ужинать, говорили на непонятном языке.

На клумбах пестрели цветы, от их дурманящего запаха мне закладывало нос и першило в горле. Я часто останавливалась и неприлично сморкалась в твой носовой платок. Рядом местный художник складывал свои картины. И портреты. Дамы на этих портретах были большеглазыми с загадочными улыбками. Красивые-красивые. Я очень хотела такой портрет. Свой, но боялась сказать тебе об этом. И, вообще, старалась изо всех сил говорить поменьше. Но время от времени, меня «прорывало», я болтала глупости, и мне было наплевать, что будет дальше.

Я была молода, любила тебя, ненавидела твою жену, твой город, твой мир. Ненавидела всё, что было у тебя без меня. И так порой хотелось бежать, бежать куда-нибудь подальше от го этого кошмара, и так хотелось продлить подольше эту муку, не отпускать от себя, не отпускать.

Ночь была сумасшедшей, как перед концом света. Мы не могли насытиться друг другом, понимая, но не осознавая, что разлука на долгие-долгие годы, а может быть, навсегда. И не были согласны с этим, и ничего не могли сделать. Мы оказались слабее, нахлынувших на нас чувств. И сейчас, понимая, что чувство, пережив долгие годы, не стало слабее, я задаю себе один и тот же вопрос: «Зачем? Зачем мы так долго сражались с собой, если всё равно проиграли?» И чувство долга, наши семьи, дети, успешная карьера не смогли перевесить другую чашу весов, на которой – «я помню». И всё может полететь к чёрту, и снова закружиться бешеной каруселью, и кубарем покатиться, и понестись ураганом над морем, над горами, над буднями и снова всё превратить в ожидание, когда время растягивается, удлиняется и обретает смысл в молчании по обе стороны телефонных трубок, я знаю. Я это точно знаю.

3

Мы очнулись, не проснулись, нет, очнулись утром. Вот она беда. Стоит рядом. Мы прощаемся навсегда. Пьём чай в последний раз, доедаем конфеты, смотрим из окна на море – вместе, в последний раз.

Сдаём номер, расплачиваемся и плетёмся на вокзал. Ты улетаешь первым, я провожаю.

В такси сидим молча, испуганно, ты держишь меня за руку. В аэропорту покупаешь мне в последний раз цветы. Розы. Красные.

Терпеть не могу розы. Этот букет долго, засохший, стоял у меня на шкафу, пока бабушка, воспользовавшись моим отсутствием, не выбросила его.

Мы прощаемся. Ты целуешь меня. Тебя снова раздражает всё. Ты хочешь уйти. Я не отпускаю тебя. Задаю какие-то дурацкие вопросы, сама на них отвечаю, только бы протянуть время подольше. Зачем? Не знаю.

Всё. Тырываешь паутину, которой я оплетала тебя. Решительно. Уходишь не оглядываясь. Я плачу. Вот тебя уже и не видно. Ты затерялся в толпе. Я одна. Пусто. Пусто и темно. И непонятно, зачем жить дальше, ходить по этой земле, дышать, если тебя в моём мире уже не будет.

И вдруг... Я вижу твои глаза. Ты оглянулся. И я увидела твои глаза. В них отчаяние и боль, и страх, и надежда, и вера, и любовь.

И любовь!

Я знаю.

Вот сейчас бы броситься навстречу друг другу, дотянуться, пока ещё не поздно, пока мы ещё рядом и всё равно, что скажут люди, что самолет улетит без тебя, и мой ревнивый муж устроит дома скандал, и плевать на мою старую

джинсовую юбочку и на твоё чувство долга.

Ты уходишь... Всё.

Свет гаснет. Бабочки больше не летят, и не бьются о стекло.

Наверное, это кажется странным. Но я никак не могу поставить точку в этой истории, Может быть потому, что она ещё не завершена? Я помню твои глаза, они не могли солгать. Мы должны ещё встретиться.

И совсем не важно, когда это будет – через неделю, через год, или в следующей жизни. Важно, что встреча эта состоится.

Я верю в это. И ты тоже веришь.

Я знаю...

Я ВСЁ МОГУ

Новогодний праздник в этом году закончился десятого февраля. Десятого февраля я выбросила ёлку. След от бледных, высохших иголок пролёг через всю квартиру и оборвался у входной двери. Ёлка улетела вниз, в оконный проём девятиэтажной малосемейки, взмахнув на прощание облысевшими ветками.

И в этом году чуда не случилось. А было здорово. Бенгальские огни. Стекланные шарики. Бумажные снежинки. Ажурные. Чем больше дырочек, тем изящнее они получаются.

Год новый, а всё осталось по-старому: застиранные шторы на окнах, сломанный диван с пружиной, упирающейся в бок, выгоревшие обои. И часы на кухне с кукушкой, которая «кукукает» тогда, когда ей вздумается.

– Вынеси, пожалуйста, мусор, – первый раз в этом году прошу мужа;

– А ты не можешь?

– Могу...

Много лет одно и то же. Много лет. Десять.

А если рассчитать в масштабах вселенной? Это даже не миг. Это что-то такое крошечное-крошечное. Микроскопическое. А для микроба? Наоборот. Много! Космические расстояния.

А человек где-то между. Между большим и малым, плюсом и минусом, величественным и ничтожным. Нечто среднее.

Десять лет назад на пороге моего дома появился мужчина. Сам пришёл.

– Здравствуй, я сделаю тебя счастливой!

И я обрадовалась. Так велико было желание прятаться за широкой спиной и заглядывать кому-то в рот, что я приняла решение:

– Входи!

И он смело шагнул в мою жизнь. И я поверила. В неё. В новую жизнь. И в счастье. И так же смело шагнула навстречу.

Новый год сменял старый. Комета Галлея неизбежно приближалась к Земле, японцы предсказывали землетрясение в Крыму, а на Дальнем Востоке второй месяц не было горячей воды. Я человек по своей натуре очень впечатлительный, ужасно переживала за судьбу человечества. Вполне возможно, что участковый психиатр, умеи он читать чужие мысли, без всяких дополнительных исследований сделал бы меня своим клиентом.

Я распустила старые кофточки и вязала новые. Племянникам, детям, себе, знакомым.

– Когда у тебя будет зарплата? – иногда, между делом, бросала я.

– А ты попробуй связать что-нибудь на продажу.

2

Дородовый отпуск длился две недели. Все планы по обустройству квартиры, генеральной уборки, прогулок у моря и вязания кофточек на продажу рухнули. Три дня в стационаре пытались спасти мою семимесячную беременность.

- Ну что, когда сына рожать? – спросила я на очередном свидании.
– Двадцать седьмого в субботу можешь?
– Могу.

Всю ночь накануне субботы я мужественно переносила, начинающиеся схватки. Большой, белой птицей я мысленно взлетала и смотрела на себя сверху. Так советовал мне один знакомый, увлекающийся йогой. Если представить себя вне своего физического тела, то боль переносить легче. И я добросовестно хлопала крыльями и билась головой о потолок, взирая на своё страдающее, измученное тело. Утро наконец-то наступило. Я доползла до телефона. Поговорила с родственниками. С трудом, взмахнув, крыльями вскарабкалась на гинекологическое кресло. Тело, устав терпеть боль в одиночку, вцепилось в дух железной хваткой, а крылья обвисли. Я выщипала клювом все перья и искусала губы.

Доктор, зевнула, прикрыв рот ладонью. Выпучила глаза и заорала неожиданно звонко:

3

- Быстро! Каталку! В родзал!
– И мне.
– Терпи! Можешь?
– Я? Конечно, могу.

Через полтора месяца, меня и моего нетерпеливого мальчика (родившегося раньше срока) выписали домой.

Начинался март. Радиаторы отопления, как обычно, были слегка тёплыми и поэтому дорожка, с выброшенной накануне ёлки, была зелёной и даже слегка пахла хвоей.

Я сидела на диване, ощущая любимую пружину, которая тогда ещё пряталась под тканью, и грела ноги у электрического камина. Как хорошо дома.

- Ты мне привяжешь веревки в коридоре? Надо где-то сушить
– Пелёнки?
– До выходных потерпеть можешь?
– Я? Могу.

Я могу, но мальчик терпеть не хотел. Он жил своей собственной жизнью и требовал относиться к ней с подобающим уважением и вниманием.

Молоток. Гвозди. Верёвка. Через час пелёнками был увешен весь коридор и кухня.

- У нас кто-то был? – спрашивал вечером муж.
– Нет, – удивлённо пожимала плечами я.
– Вот видишь, ты и сама всё можешь, – радовался он.
– Могу, конечно...

Сын знакомился с нашим миром, набирал вес, догонял сверстников и радовал домашних своими успехами.

Я вязала кофточки на продажу и страдала с героями бразильских сериалов. Комета Галлея, слава Богу, пролетела мимо, землетрясения не научились предсказывать даже японцы, и горячую воду, нет, не у нас, а на Дальнем Востоке наконец-то включили.

Мне было хорошо. Счастье уже приближалось к моему порогу. Я это чувствовала. Шторы на окнах выглядели вполне прилично, да и обои потерялись лишь кое-где. Правда кукушка – это пластмассовое, птицеподобное существо – куковала, когда хотела. Но она жила одна в своём деревянном домике и вполне могла это себе позволить.

– Ты погуляешь немножко с сыном? – кричала я из ванной, воскресным утром, стирая пелёнки.

– А ты не можешь? У меня же выходной.

– Могу...

4

Прошел ещё один Новый год. И ещё несколько. Я переклеила обои в квартире и заштопала дыру в диване, прижав предварительно, пружину кусочком фанеры. Я устала ждать счастья, наверное, оно прошло мимо.

Я распускала кофточки из секонд-хенда и вязала новые. Я была подписана в нескольких сетевых компаниях, набирала баллы, носилась по городу с баночками и скляночками, косметикой и фильтрами для воды. Муж искренне гордился моими успехами и радовался каждой продаже, как ребёнок. Я не могла на него сердиться.

Комета Галлея затерялась в окрестностях Галактики, японские острова периодически потряхивало, а кукушка, по-прежнему жила своей жизнью.

Сын написал первое письмо Деду Морозу и ждал подарков на Новый год. Я вырезала снежинки из белой бумаги и ждала зарплату мужа так, как, когда-то, ждала счастья. И начинала подозревать, что они заблудились где-то вместе. Может быть это Комета Галлея, пролетая мимо нашей планеты, зацепила их своим хвостом и увлекла за собой осваивать неизведанные просторы?

– Захвати, пожалуйста, мусор, – иногда по привычке кричу я вслед мужу.

– А ты не можешь?

– Я? Я всё могу...

Евгений Рудов Красный Луч

ТАЙГА. ВЫЙТИ ЖИВЫМ

(Окончание. Начало в № 17)

III

Сморщенный, совсем обнищавший рюкзак позванивал за спиной Мухи пустым котелком, топором и последней банкой тушёнки. Оставалось ещё немного крупы и десяток сухарей. Чтобы сэкономить жратву, снова перешли на ягоды. Часто встречалась брусника. Но после каши и мяса от подножного корма желудок ощущал одну пустоту. Сытнее были кедровые орешки, но кедр попадался редко. Когда он выскакивал навстречу, Муха сбрасывал на землю рюкзак и взбирался на дерево. Шишек росло много, но висели они на самых краешках тоненьких веточек и дотянуться к ним было непросто. Сучья опасно прогибались под ногами, раскачивались, а если ломались, то с треском и внезапно, стремительно обрушиваясь вниз. Муха успевал только ухватиться за соседнюю ветку и повисал на ней, подыскивая новую опору для ног.

Руки от шишек покрывались клейким соком, а пальцы слипались между собой так, что с трудом можно было отодрать их друг от друга.

Собранные шишки обжигали от смолы на костре и лущили орешки. Желтоватая гранёная скорлупа орешков была твёрже семечек, а зёрна крупнее и вкуснее, и даже отдавали сладостью.

Часто встречались целые выводки рябчиков. Серые пушистые комочки низко сидели на деревьях. Самочки вертели маленькими головками с хохолками и с любопытством, вытянув шеи, глядели на приближавшихся к ним людей. Подпускали близко. Шумно вспархивали с веток, но недалеко вновь усаживались всей стайкой.

Лом снял карабин, подобрался к выводку на десяток метров, прицелился и

выстрелил. Неожиданный грохот в осенней тишине леса поднял перепуганный выводок. Рябчики сорвались с увешанной краснеющими гроздьями рябины и совсем скрылись в тайге.

Муха и Лом долго искали в траве убитого рябка. Под рябиной лежал только разбросанный пух и несколько сбитых краснеющих гроздьев.

– Попал я в него, попал, – оправдывался бугор за истраченный впустую патрон. — Куда он, сука, исчез!

Ему было невдомёк, что огромная убойная сила карабина с короткого расстояния напрочь разнесла тельце маленькой птицы.

С каждым днём становилось всё тяжелее идти. Рюкзак опустел, жрать стало нечего, и от голода живот совсем прилип к спине. Ноги сделались непослушными, быстро наступала усталость. От ягод внутри брюха урчало и часто поносило. То бугор, то Муха по очереди снимали штаны и, не отходя даже в сторону, прямо на тропе садились на корточки. Болезненные спазмы выжимали из пустого нутра одну жидкость.

В магазине карабина из пяти патронов оставалось всего два. Первый патрон израсходовал по ним геолог, вторым бугор намертво уложил стрелявшего, третий – разнёс рябчика. Но уж последние два бугор твёрдо решил вложить в дело. «Сохатого выследить, – постоянно вертелось в голове. – Завалить быка». И он уже видел костёр, а в нём куски пахнущего жареного мяса. Явь и бред тесно сплетались вместе. В такие минуты его качало, как пьяного. Сделать дневной переход без остановок и отдыха было уже невозможно.

– Не та пайка, – мрачнел Муха. И оба, не сговариваясь, садились на выползшую под ноги валежину.

Спускаясь в неглубокую ложбину, шедший впереди Муха внезапно остановился. На высокой, растущей среди сосен одинокой берёзе, в полусотне шагов, почти на голых, сбросивших листья ветках, на самой вершине сидел косач, полтора-два килограмма так необходимого им сейчас мяса. Самец тетёрки с чёрными по всему телу перьями и зеленоватым отливом по голове и шее, с загнутыми лирообразными перьями хвоста, отчётливо был виден на фоне серого неба.

– Лом! – с надеждой в голосе прошептал Муха. – Косач на берёзе. Видишь его?

– Не шевелись! – приказал бугор.

Медленно, стараясь делать свои движения незаметными, Лом снял карабин и положил ствол на плечо Мухи. Так было удобнее. Голодная дрожь в руках искала опоры. Щёлкнул затвором. Долго и тщательно целился в косача. Помнил – один патрон в стволе, и один в магазине. Это его жизнь. О Мухе не думал. Выжить должен он.

Косач сидел спокойно, повернутый к ним боком и, не выражая тревоги, наблюдал за приготовлениями одним глазом. На его крыле заметно выделялось зеркальце – белая поперечная полоска. Даже две. Почти рядом. Лом навёл между ними прорезь прицела. И вдруг, словно почуяв угрозу, самец легко и неслышно сорвался с вершины берёзы. И в это мгновение вслед ему прогремел выстрел. Делая частые взмахи, косач скрылся в зелени густых сосен.

– А-а-а! – истерично катался по нападавшим на землю листьям бугор, выл и плакал, перемежая слова отборной лагерной матерщиной, в ярости рвал под собой траву и мох, бросал клочья в стороны и сучил кулаками.

– Сука, падло! – стервенел он. – Век воли не видать!

Муха опустился на валежину. От голода ему всё было безразлично. На нервный припадок бугра он не реагировал.

Ночью из сонного оцепенения Муха вышел от ужасной боли. Решил, что Лом воткнул ему в бок финку. Такое случалось в побегах. Он знал это по рассказам эзков. С собой вели на махан жертву, которая ничего не подозревала о своей участи. На сотни километров тайги только так можно было запастись какой-либо едой. Выбирали заранее. Молодого, здорового и даже подкармливали в зоне, чтобы большеросло на нём мяса. А когда жрать становилось совсем нечего, подыхали с голодухи, жертву закалывали. Своя жизнь была дороже.

Муха схватился за бок и обжёг пальцы о тлеющую телогрейку. Суматошно вскочил на ноги, выдирая куски дымящейся ваты и пританцовывая от боли. Затушил огонь. Снаружи выгорела дыра в яблоко. Прогорела куртка, рубаха, а на голом теле размером в пятикопеечную монету краснело волдырём болезненное пятно.

Проснулся и высунул голову из одеяла бугор.

– Ты чего танцуешь, фраер. Весело тебе?

Несколько дней шли по чернолесью. Сапоги утопали в толстом моховом покрове, как в разостланной перине. Ели и пихты, тесно переплетаясь между собой, закрывали над головой небо, цепляли на каждом шагу одежду, а отведённые в сторону мохнатые лапы, отпущенные на свободу, больно хлестали колючими иголками. Здесь и летом царил полумрак, а сейчас, в осеннем хиреющем дне, солнце сюда вообще не заглядывало. Пахло сыростью и гнилью.

Муха выдирает из лесной подстилки встречавшиеся грибы, бросал в пустой рюкзак. Поживиться в таком лесу было особенно нечем. Кедр здесь не рос, брусника попадалась очень редко и одинокими заблудившимися кустиками. Черника, голубика и другая ягода давно отошли.

На ночёвке накалывали на заострённые сучья белые чашечки груздей, обжаривали на костре. Грибы тонко сипели в огне, пуская влагу, морщились, сжимались и чернели. Оставалась ещё соль, прихваченная в палатках, и жареные грузди становились съедобными.

Днём повстречался осинник. И лес вдруг изменился. Из мрачного, тёмно-зелёного, хвойного он превратился в светлый и лиственный. И сразу стало просторнее, ярче, разноцветнее от нападавших на землю и ещё оставшихся на деревьях красноватых листьев.

Высокие и прямые, как свечи, осины тянулись светло-серыми без единого сучка стволами на десятки метров в небо.

Стали попадаться подосиновики. Их было так много, что Муха почти не разгибал спины, срывая грибы. Выпуклые, красноватые или оранжевые шляпки были под стать яркому лесу.

Услышав над собой лёгкое урчание, Муха удивлённо поднял голову и остолбенел... Прямо перед ним на толстой осине, обхватив лапами ствол и прижавшись к нему животами, на высоте в полтора – два роста человека сидели медвежата. Один повыше, другой ниже. Это были сеголетки, лончаки. Весной они родились совсем маленькими шенками, всего в полкилограмма весом, а через месяц, чуть повзрослев, уже шастали повсюду за мамашей, которая учила их добывать пока только съедобные корешки. За лето медвежата хорошо подросли, многому научились и тяготились обществом матери. Да и медведица часто покидала их в поисках пищи.

Круглыми глазами лончаки с любопытством разглядывали Муху, вытягивали шеи, фыркали. Они впервые видели человека и раздумывали, опасен он им или нет.

Муха оглянулся назад. Бугор тоже увидел медвежат и, снимая на ходу с плеча карабин, шёл прямо на них. Лучшего ничего не могло быть. Звери не

убегали. Казалось, их можно было взять голыми руками.

Лом ткнул в зад нижнего медвежонка дулом вытянутого карабина. Тот по-детски обиженно взвизгнул, потом сердито заурчал и стал карабкаться выше. Полез выше, уступая своё место, и верхний медвежонок. Оба были недовольны непрошеным вторжением в их таёжную жизнь.

Бугор хорошо помнил – остался единственный патрон, и промахнуться ему просто нельзя. Другого такого случая уже не будет. Сейчас не нужно было даже целиться, достаточно только наставить ствол, и среди близнецов он выбрал медвежонка покрупнее. Наверное, это был маленький самец.

Выстрел вспугнул тайгу, прокатился по ней глухим отзвуком. Сорвались с деревьев птицы, дал стрекоча из травы заяц.

Ослабив передние лапы, закатив глаза, дёрнувшийся от пули нижний медвежонок на секунду замер, отклонился животом от ствола осины и гулко шлёпнулся комом о землю. Второй сеголеток спрыгнул сам и с визгом, как испуганная собачонка, неуклюже подкидывая маленький зад, кинулся в лес, спасаясь бегством.

Отбросив теперь уже совершенно ненужный без патронов карабин, за ним бросился Лом. Перепрыгивая колодины, он бежал за сеголетком, зажав в руке выхваченный из-за голенища нож. Он никак не мог смириться с тем, что прямо из-под его носа уходила такая лёгкая добыча. И делов-то всего – всадить нож в маленького беспомощного зверька. А сколько мяса! Сразу из двоих медвежат!

Но медвежонок не уступал, не давал догнать себя. Он делал быстрые и отчаянные прыжки, убегая от человека. Мелькали передние вытянутые лапы, мгновенно подтягивались задние, снова прыжок, и так, раз за разом, мельтеша детскими подошвами, ломясь сквозь кусты, он уходил от погони.

Старая медведица услышала выстрел и насторожилась. Она знала эти сухие, короткие, как гром в небе, отрывистые звуки. Они принадлежали опасному двуногому зверю, от которого лучше держаться подальше. Но она помнила, в той стороне остались её детёныши, и тревога за их судьбу закралась в материнское сердце. Два чувства сейчас боролись в ней – страх перед человеком и боязнь за своих малышей.

Медведица застыла на месте, терзаемая сомнениями, уходить прочь или броситься к медвежатам. И вдруг услышала визг, отчаянный визг одного из своих малышей. И хотя медвежата были близнецы и для кого-то выглядели одинаково, она всегда различала и узнавала каждого по голосу. Скулила меньшенькая, визжала её девочка, звала на помощь. И медведица не стала больше раздумывать. Жалобный писк пронзил всё её существо. Она ринулась на крик.

Чуть вздрагивали ветки раздвигаемых кустов, легонько, незаметно покачивались верхушки тонкой молодой поросли, но ничто не выдавало стремительного движения медведицы. Как будто она летела по воздуху.

Встреча была молниеносной. С рёвом, который приводил в трепет всех лесных обитателей, медведица подмяла под себя человека.

– А-а-а-в в! – это был последний вздох пытавшегося отвернуть в сторону Лома.

Ещё дёргались под медведицей выглядывавшие из под её туши добротные, снятые с геолога сапоги, елозили по нападавшим красноватым листьям осины вытянутые ноги, когда напуганный жуткой смертью бугра Муха рванул со страшного места в тайгу. Он несколько раз падал, сильно ушиб колено, оцарапал лицо и руки и, совсем уже задыхаясь, не в силах бежать дальше остановился, спрятавшись за толстый ствол лиственницы. Осинник кончился, и снова началось черное лесье. Перед глазами стояла ужасная сцена расправившейся с

бугром медведицы, в ушах завис её дикий рёв. Муха прислушивался, напрягая слух. Он спешил отдышаться, чтобы бежать снова. От частых вздохов сипело и остро кололо в груди.

Постепенно дыхание налаживалось, приходило в норму. Тайга молчала. Ничего подозрительного Муха не слышал. Над головой застучал дятел. Он долбил засыхающую пихту. И этот стук успокоил его. Занятая делом птица не прерывала свою работу. Лес никому не угрожал, жил своей обычной жизнью.

– Хорошо бы вернуться, – подумал Муха. – Медведица утащила оба трупa и где-то запрятала. Сейчас она сыта и оставила на потом, а сама ушла с оставшимся в живых медвежонком. Самое время подобрать одеяло бугра, его нож и рюкзак. И топорик. Чем он будет готовить костёр?

Брошенного было жаль. В рюкзаке лежала соль, в его карманчике – спички, а у него оставался только полупустой коробок.

Муха задумался. И боязнь, и желание получить обратно утраченные вещи боролись в нём, как в своё время у медведицы страх перед человеком и материнское чувство к своим детёнышам.

– А если она не ушла или где-то поблизости? – и вновь страх овладел им.

Муха долго топтался на одном месте, но так и не решился вернуться обратно.

IV

Через несколько дней пошёл первый снег. Ночью. Невесомые холодные льдинки непрерывно шелестели сухим дождём, цепляясь за лапы елей и пихт, сыпали, укрывая землю, падали на костёр. Не долетая, таяли в раскалённых языках пламени, а сразу за костром стояла непроницаемая муть из ночной темноты и оседающего снега. Над огнём Муха различал отдельные мелькающие струйки следовавших одна за другой снежинок, а выше они сливались в единый поток и превращались в сплошную снежную завесу.

Снег шёл утром и весь день. До следующей темноты. Низко нависшее свинцовое небо казалось неистощимым и непрерывно низвергало на землю потоки холодных осадков. Тайга одевалась в зимний наряд, а земля укрывалась, пряталась от морозов под белым пуховым одеялом.

К вечеру небо прояснилось и поднялось выше. Словно сбросив с себя тяжёлый груз, оно очистилось от низких облаков и вывездило. По всему небосводу запестрели яркие точки. Тайга замерла, окунувшись после лета в первый мороз.

Муха брёл по насыпанному, ещё неглубокому снегу. Пустынная тайга вдруг запестрела многими отметинами. Появились мелкие следы сеноставок, прыжки зайцев, крадущиеся отпечатки соболя. Часто встречались крестики от лап птиц. Это они наследили на снегу в поисках нападавшего корма – красных горошин рябины и калины. Муха останавливался и подбирал ягоды. От первых морозов горечь исчезла, и ягода отдавала сладостью. Набивал ею полный рот. Жрать больше было нечего. Грибы, брусника – весь подножный корм ушёл под снег. Услышав над собой легкий стрекот и цоканье, поднял голову. Серебристая шубка разглядывала его сверху. Белке он был не страшен.

Муха совсем обессилел от голода. Часто усаживался на валежины, подолгу отдыхал. Перебираясь через упавшее, запорошенное снегом дерево, поскользнулся, ударился о затвердевшую от мороза древесину затылком. В голове зазвенело, в глазах поплыли круги.

С каждым днём снега становилось больше. Он укрывал пышными шапками кусты, переокрасил зелёные шубы елей в белый мех, завалил и спрятал на земле сучья, выровнял, сгладил все неровности. Зимнее покрывало пышно стелилось

вокруг, и Муха проваливался в него, оставляя позади себя глубокие следы. Холодное белое крошево набивалось за голенища и, хотя он вытряхивал из них снег, в сапогах оставались невидимые ледяные крупинки. Они подтаивали при ходьбе, от влаги сырели портянки, и стоило только остановиться передохнуть, как сразу мёрзли ноги.

Под телогрейкой во внутреннем кармане пиджака, прижимаясь к теплу груди, лежал спичечный коробок. Там было надёжно, спички не отсыревали. Но хранить было уже нечего. Предпоследнюю спичку он истратил вчера. Попытался было сэкономить, не разжигать костра, но провести ночь без огня было невозможно. Деревенели и не сгибались в коленях ноги, холод заползал под лёгкую лагерную одежду, коченели руки. Пританцовывая, бил себя по бокам ладошками. Не выдержал. Натыкаясь в темноте на колючие, хвойные лапы, добрался до примеченного засветло сухостоя, наломал сучьев.

Надвигалась следующая ночь. Муха ожидал её со страхом. Последняя спичка, тонкая нить его жизни. Последний огонёк, последнее тепло, а дальше холод и ночная темень. Пока ещё день, он мог двигаться, согреваясь собственным теплом и надеждой. Но уже скоро наступят сумерки, осенний день недолог, и нужно будет развести огонь, последний огонь. А что дальше?

Впереди за чернеющими стволами сосен мелькнула белая полоска безлесья. Река?.. Неужели он вышел к реке? И радость, и вспыхнувшая с новой силой надежда одновременно и вдруг овладели им. Муха заторопился. Ему не терпелось поскорее убедиться в этом. Ещё немного усилий по нетронутой снежной целине и вот он, берег. Засыпанное русло ровнёхонько уходило в обе от него стороны, петляя, как и он, по тайге. У ног лежала неширокая, в полсотни шагов река, заваленная снегом. «Что под ним, лёд? Достаточно крепок, чтобы выдержать его, или лучше идти вдоль реки? Но в какую сторону? Конечно, только по течению. Так можно наткнуться на какое-либо селение или зимовье, если они где-то есть, и если хватит у него сил добраться к ним», – рассуждал Муха.

Определить направление скрытого снегом течения оказалось несложно. У самого берега, выпирая из русла реки сквозь белую на ней пелену, торчала вершина подмытой, упавшей в воду лесины. Дерево застряло на дне тяжёлым корневищем между камней и коряг, напиталось влагой и отяжелело, всплыла чуточку только его вершина, и под напором воды она пыталась было вырваться из западни, да так и вмёрзла в лёд. И Муха двинулся в указанном ею направлении, как по компасу.

В полукилометре он увидел следы. Это были отпечатки коротких и широких лыж, подбитых оленьим камусом. На таких лыжах ходили охотники. Он это знал. Лыжи были удобны и легки при ходьбе, не проваливались в снежные наметы, не давали скатываться на склонах назад, топорщась камусом, упираясь короткими и жёсткими ворсинками в снег.

След пересекал русло реки, уходил наискосок, петляя между сосен, и терялся в тайге. Надежда встретить жильё, надежда на тепло и кусок сухаря, которым можно было бы заморить мучивший голод, прибавили Мухе сил. Оставалось только определить, не ошибиться, куда или откуда шёл охотник – на промысел или наоборот, возвращался к жилью. От этого зависела его жизнь.

Муха склонился над лыжнёй. Следы были уже припорошены. Маленькие, серые ледяные крупинки заполняли оставленные углубления, но ещё не настолько, чтобы укрыть их доверху. Почти каждый день с холодного низкого неба срывался снег. Иногда он шёл так густо, что расплывались и тонули в белых осадках, как в тумане, деревья, или падал отдельными редкими пушинками.

И по тому, как была занесена тропа, Муха определил – человек прошёл здесь совсем недавно. Может быть, даже утром. Но что из этого? Гораздо важнее было знать, в какой стороне ждала его охотничья изба.

Он ещё раз внимательно оглядел следы. Они тянулись в глубь тайги, отклоняясь каждый раз кончиками лыжин в стороны так, словно человек косолапил. И только по этим косолапинам, которые вновь возвращались на тропу, Муха предположил, что охотник шёл из-за реки, с противоположного ему берега, может быть, шёл проверять капканы. Второго следа, второй тропы он не увидел. Охотник мог вернуться к своей избушке совсем в другом месте.

Но далеко или близко была охотничья изба, этого Муха не мог знать. Обычно жильё устраивалось у самой воды. Но если его на берегу реки рядом со следами не было, тогда оно могло стоять где угодно – за излучиной, у притока, ручья, а то и просто у чистого болотца. К жилью можно идти весь день, а такому доходяге, как он, и ещё больше.

Муха решил заночевать. До темноты, а она уже наступала на пятки, надо было ещё успеть натаскать для костра хворосту. Топорика у него не было, остался в рюкзаке, где медведица подмяла под себя бугра, и он давно уже ломал сучья руками. От такой работы руки покрылись глубокими царапинами и засохшей кровью, а теперь ещё и посинели от холода. «Как у мертвеца», – ловил он себя на мысли. Переночует у огня, а утром двинется дальше. Это будут последние километры его мучений. Но как хотелось прямо сейчас толкнуть дверь зимовья, схватить сухарь и упасть на тёплые нары!

Муха наломал сучьев. Рядом с толстой сосной, чернеющей снизу грубыми растрескавшимися наплывами коры, разрёб сапогами и утоптал почти до земли снег. Здесь, откинувшись спиной на живой ствол дерева и, сидя на корточках, сжавшись в комок, подогреваемый спереди жаром, огня он проведёт под небом свою последнюю ночь.

Чиркнутая спичка вспыхнула крохотным красным огоньком. Муха затолкал пустой коробок в карман. Почему-то стало жалко его выбрасывать, жалко расставаться с ним. Это была частичка его прожитой жизни.

Затрещала, пуская чёрный смолистый дымок, подождённая береста. Муха готовил её в пути, сдирая с белоствольных берёз тонкую, чуть ли не как бумага кору.

Сунутый огонёк бересты в выложенную для растопки кучку тоненьких сухих прутьев лизнул их раз, другой и стал разгораться. Осторожно, боясь ему навредить, Муха подкладывал сучья. Слабые язычки пламени стали пробиваться наружу, и он протянул к ним негнущиеся, посиневшие от холода пальцы...

Муха не сразу понял, что произошло. Увесистый, слежавшийся ледяной ком свалился сверху на его вытянутые к теплу руки, засыпал разгоравшиеся сучья и заглушил огонь. Послышалось слабое шипение подтаявшего снега. Муха вскочил на ноги, закинул голову. Отяжелевшая ветка сосны сбросила с себя непосильный груз и легонько покачивалась. С её хвои сыпалась мелкая белая пыль.

Он бросился к костру, вытащил обгорелые прутья. Пытался раздуть их, вызвать хотя бы слабый огонёк. Дул так, что темнело в глазах и становилось больно в груди. Но почерневшие сучья не выронили даже маленькой искорки. Полез в карман за коробком, выдвинул доньшко. Оно зашуршало, цепляясь за картонные стеночки. Пусто, и ненужный хлам вывалился из рук.

Оставаться у задухшего костра и ждать утра теперь стало невозможно. Уходило последнее тепло, вызванное ходьбой и сбором сучьев. Мороз заползал под одежду, и Муха поднялся.

След лыж пусть и смутно, но разглядеть можно было и в темноте. И Муха сделал первый шаг. Надежда увидеть мерцающий огонёк в окне охотничьей избушки толкала его вперёд.

Спуск к реке оказался крутым, хотя и выглядел пологим. Его скрывал наваленный у берега снег. Муха это понял, проваливаясь по пояс и тяжело таская за собой ноги.

По реке идти было легче. Снега здесь намело меньше, но под его покровом прятался лёд и по нему скользили подошвы сапог.

Ближе к середине реки началось лёгкое потрескивание, будто под ногами ломались тоненькие хрупкие веточки, и Муха замедлил шаги. Дальше двигаться стало опасно, стремнина не давала окрепнуть молодому ледку.

Он остановился. Можно повернуть назад и попытаться перейти реку в другом месте, ниже или выше лыжных следов, но в темноте недолго и запутаться, заблудится, потерять охотничью тропу. А на неё у Мухи были все надежды. И кто знает, есть ли где-нибудь безопасный для переправы лёд.

Раздумывал он недолго. Холод не давал застаиваться. Осторожно сделал маленький шагок, подтянул и перенёс вторую ногу, снова шагок. Лёд потрескивал.

– Если не выдержит, прыгну на снег животом. Уползу, – решил он.

Оглянулся. Половина пути была уже пройдена. И с одной, и с другой стороны до заметённых по берегам снегом сосен расстояние выглядело одинаковым. Теперь с каждым шагом лёд будет только крепчать, и Муха перенёс всю тяжесть тела на выставленную вперёд ступню...

Лёд проломился сразу, и задуманный прыжок не получился. Муха успел только выбросить руки, пытаясь удержаться на снегу. Холодная вода затекла в сапоги, поднялась выше, забралась под телогрейку, сдавила ледяным обручем грудь. Стало трудно дышать. Он дёрнулся из промоины, упираясь локтями в лёд, но тот снова треснул, обламываясь под ним, и Муха опустился на дно.

Из воды и образовавшейся снежной горловины, как из воронки, торчала голова в шапке, а ниже под сапогами перекатывались стронутые ногами речные камешки. Сильное течение тянуло онемевшее тело под лёд. Муха ломал задубевшими пальцами ледяную кромку, бил по ней кулаками, крошил локтями, пытаясь пробиться к берегу, но холодный, застывший на реке панцирь со слежавшимся на нём слоем снега всё труднее поддавался усилиям, а выползти на лёд у него не было сил. Он подпрыгивал, отталкиваясь от речного дна, скрёб ногтями снег со льдом и снова опускался на дно. Течением стянуло сапог, и теперь одной босой ногой Муха стоял на скользких камнях...

Странно, но он вдруг перестал чувствовать холод. Стало тепло рукам. Лёгким дыханием, словно веянием весеннего дня после долгой зимы, наполнилась грудь, по телу разлился жаркий озноб. От нахлынувшей усталости после долгой изнурительной ходьбы по заснеженной тайге клонило в сон. Но откуда пришло тепло, Муха сообразил не сразу. Конечно же, теперь он понял, от жарко натопленной печи охотничьей избушки. Отблески пламени он увидел в маленьком заснеженном оконце, они и привели его сюда. Спать, только спать, и Муха повалился на нары.

Морозное утро и поднявшееся над заиндеветшей тайгой холодное сияние солнца заглянули в прорубь. На затянутой за ночь промоине лежала вмёрзшая в лёд, потёртая серая шапка.

К полудню потеплело, пошёл снег, сосны вновь затянуло ледяным туманом. Густо падали снежинки, заметая следы. Через час скрылась охотничья тропа, завалило промоину. Потревоженная река укрылась до весны ровным белым покрывалом.

Анна Солодкая Лисичанск

ЗАБЫТАЯ ШЛЯПКА

«Не пора ли выбросить накопившийся хлам? – подумала Мария, заглядывая в шкафы и антресоли, – надо бы сделать генеральную уборку». Она обустроила свой быт удобно, с любовью. Тот, кто бывал у неё, с интересом рассматривал изысканный интерьер. В квартире всё было очень красиво.

В дальнем уголке шкафа, за множеством свертков, рука её нащупала коробку, перевязанную алой лентой.

– А это ещё что? – удивилась она и, не спеша развязав бант, извлекла на свет пожелтевшую от времени соломенную шляпку. Да так и замерла.

– Мам, ты чего? – спросил сын, взглянув на неё.

– Да так, ничего. Иди, дружок, на занятия, а то опоздаешь!

Серёжка ушёл, захлопнув за собой дверь. Воцарилась звенящая тишина, а Мария вспомнила давний отпуск на турбазе. Места там живописнейшие! Хвойный лес вперемешку с лиственным, огромный водоём с прекрасным пляжем. Вековые сосны впиваются в синее небо, а на ветвях резвятся ручные белки. Отдыхающие с удовольствием кормят их, принося из столовой еду. Проказницы, не боясь, берут из рук угощение, а то и сами воруют печенье или кусочек сахара! Воздух напоён хвойным ароматом, под ногами – мягкий игольчатый наст. Шагов не слышно! Когда пройдёт дождик, можно и за грибами сходить. Здесь же, в лесу, рядами стоят ярко окрашенные домики, а в них живут приветливые люди. Чем не рай? Просыпаешься на рассвете не от звона противного будильника, а от пения птиц. Выглянешь из оконца, а на необъятной водной глади на лодках сидят рыбаки. Тишина несказанная! После ночи прохладно. В утренней дымке из-за леса лениво встаёт солнце. Спешешь искупаться в нетронутой воде и – бегом в домик, согреться! Среди такой красоты и проводила время Мария с маленьким сыном.

Чуть поодаль строились новые современные корпуса турбазы. Стройплощадку хорошо было видно за широкими стволами деревьев. Там всю кипела работа. Загорелые парни ловко возводили стены, кровлю, настилали полы. Они тоже жили здесь и питались в общей столовой. А по вечерам из их домика доносились чарующие звуки гитары. Кто-то хорошо владел инструментом и задумчиво пел.

В то время Серёжке было лет шесть. Ему очень хотелось пойти на стройку, туда, где стучат молотки и визжат пилы. Да вот беда – мама не пускает!

Но мысль эта не покидала сорванца ни на минуту.

Резвый чертёнок всё посматривал в запретную сторону! Вечно растрёпанный, гибкий, словно лиана, с огромными чёрными глазами, он снискал прозвище Маугли.

Как-то после обеда, в самый солнцепёк, Маша уложила непоседливое чадо в постель и сама прилегла рядом. Но не тут-то было! Хитрец совсем не собирался спать. Убедившись, что сон сморил мать, он незаметно выскользнул из домика и стремглав помчался к заветному объекту. Малыша приняли радушно. Разрешили забить несколько гвоздей, подержать в руках вожака.

электропилу и даже залезть на второй этаж! Словом, дали вкусить настоящей жизни. А потом бригадир отвел его к маме.

Марию разбудил незнакомый мужской голос:

– А ну, показывай, в каком домике живёшь? В этом?

– Да в 57-м... – виновато ответил Серёжка.

– Ну, тогда сюда и поступим.

На пороге показалась заспанная Мария.

– Вот, гражданочка, сына вашего привёл. Что ж это Вы спите среди бела дня, за ребёнком не смотрите?! Так и потерять его можно!

Смущённая женщина не знала, что и ответить:

– Сбежал всё-таки! Простите, не уследила...

– Не уследила! Эх, мамаша-мамаша! Ладно, на первый раз прощаю. А мальчонка у вас смыслённый, хорошим работником будет!

Прораб ушёл, подмигнув на прощание новому знакомому, и подумал: «И чего это я накричал? Совсем перепугал бедную женщину. Здесь-то и потеряться негде!»

С этого дня началась дружба. Андрей, так звали бригадира, занимал очередь в столовой, затем все вместе обедали за одним столиком и шли по своим делам – кто на стройку, а кто на пляж. Мужчина искренне привязался к Маугли, да и на хорошенькую Машу частенько стал заглядываться.

Небо дышало зноем! Вода в реке разогрелась. Купались, сколько хочешь, не боясь простудиться. В серебристых волнах ярким поплачком мелькала Серёжкина жокейка. Благодаря бесстрашному нраву, он в тот год и научился плавать! А Мария от палящего солнца спасала голову под соломенной шляпой. Да, под той самой, которую сейчас держала в руках.

Незаметно пролетело время. Отпуск неумолимо приблизился к концу и в последний день Андрей пригласил Машу на шашлыки. Домик, где жили рабочие, был просторным, в нём размещалась вся бригада. За ним стоял старый мангал. Он никогда не пустовал. Всегда находился повод разжечь угли и приготовить какую-нибудь вкуснятину. А сегодня и сам Бог повелел – прощальный вечер! Строители уезжали вместе с отдыхающими. Основной объём работ сделан, остальное планировалось уже на следующий год.

– А кто у вас так замечательно поёт? – поинтересовалась Мария.

– Вот уж не знаю... Кто бы это мог быть?! – лукаво улыбнулся Андрей и взял гитару. – Ну, что, хлопцы, вам «Цыганочку» как сыграть? С выходом или без?

– Давай с выходом!!! – засмеялись парни.

И бригадир «дал», да так, что никто не мог усидеть на месте!

– Где Вы так научились играть? – удивилась Маша.

– Отец научил. Он у меня был профессиональным музыкантом, не то, что я!

– Ничего себе! Да Вы виртуоз!

– Виртуоз, но виртуоз, но кое-что умею. Маша, а Вы замужем? – вдруг спросил Андрей, не отрываясь от гитары. Он давно хотел поговорить с ней, да всё робел.

Мария поперхнулась и, не задумываясь, выпалила:

– Да! Замужем! Мы очень счастливы.

– Даже так?! – бригадир недоверчиво взглянул ей в глаза. Он ведь знал, что с мужем она рассталась. Юный друг Маугли пролил свет. Поведал и о том, как папа разбитой чашкой поранил маме голову. Мужчина не стал больше заострять внимание. Спел на прощание несколько любимых Мариных песен и разошлись.

Утром к турбазе были поданы «Икарусы». Народ с рюкзаками и саквояжами заполнял автобусы. Серёжка пробрался первым и занял места для мамы и дяди Андрея. Когда все уселись и погрузили вещи, бригадир взял ребёнка на руки. А ему только того и надо! Уж очень они понравились друг другу!

Покачиваясь на лесных колдобинах, автобус медленно покидал зону отдыха. За окнами проплывали знакомые места. Вот, наконец, скрылись и яркие домики с резными окошками... «Икарус» вырулил на шоссе и набрал скорость. Ехали молча. Андрей всё не мог понять, почему же Мария ему соврала? Обида закралась в сердце. Но всё объяснялось просто – разведённую женщину, брошенную, как любят говорить, принято считать вторым сортом... Так, ночь провести для собственной услады – это можно, да и то, чтоб жена не узнала! Серьёзных же отношений заводить никто не собирается. Вот и срабатывает самозащита!

Прораб овдовел пять лет назад. Но о новой подруге как-то не помышлял, привык отдаваться работе и коротать холостяцкие дни в одиночестве. А когда совсем было невмоготу, изливал душу гитаре. И за всё это время ни одна женщина не смутила его покой. Но встреча с Машей встряхнула, заставила радоваться жизни. «Только, видимо, я ей не нравлюсь, если она не сказала правду. Что поделаешь? Насильно мил не будешь», – такой неутешительный вывод сделал он для себя.

Между тем, «Икарус» приближался к городу. Потянуло родным дымком, замаячили заводские трубы. Окончились светлые деньки! Ждала работа и прежняя мирская суета. Пришло время расставаться.

– Всё. При-е-ха-ли! Выгружаемся! – сообщил водитель, притормозив на перекрёстке, откуда было удобнее всего разъезжаться по домам.

Толкаясь джинсовыми боками, пассажиры нехотя покидали автобус. Попрощавшись со своим спутником, вышла и Маша. Из-за постоянного лепета сына она на верхней полке забыла шляпу. И сейчас, стоя на остановке, об этом так и не вспомнила!

– Вся бригада в сборе? – прораб окинул взглядом оставшихся в салоне, – трогай, Максимыч, вези в контору!

Водитель кивнул, и они поехали дальше.

Андрей долго смотрел в окно, не спуская глаз со стройной фигурки. Там, рядом с ней, остался и его покой. Подошёл троллейбус. Маша с сыном вошли – и он увёз их в неизвестном направлении. Вот и всё. На душе стало тягостно и пусто. Так пусто, что и сказать нельзя!

Мария, стоя на задней площадке, тоже глядела вслед уходящему автобусу и думала: «Какая же я дура! И зачем было врать?! Наконец-то встретился нормальный человек – и того потеряла!» Горечь разрывала сердце. Дома, обнаружив пропажу, решила, что невелика потеря. Бывает и хуже... Бог с ней, со шляпой!

Вскоре «Икарус» остановился у завода. Бригада поспешила к проходной. Максимыч деловито прошёл по пустому салону. Увидев на полке чью-то шляпу, крикнул:

– Эй, мужики! Шляпу забыли! И выбросил её наружу.

Андрей на лету поймал бесценную вещь и прижал к лицу. Шляпка пахла знакомыми духами... «Ну, вот. Хоть что-то осталось на память», – грустно вздохнул он. Но, придя домой, подумал:

– А ведь всё не так уж и плохо! Живём в одном городе. Можно найти её и отдать шляпу. Тем более, повод есть! Значит, судьба дарит ещё один шанс!

Он разделся и лёг на диван, вспомнив однако, что совсем ничего не знает о ней – ни фамилии, ни адреса, ни места работы! «Ладно, утро вечера мудреней. Что-нибудь придумаю», – решил он и, укрывшись с головой, уснул.

Шло время, но поиски так и не увенчались успехом. Он искал Марию всюду, заглядывал женщинам в лица, толкался в людных местах... «Вот тебе и живём в одном городе!» – досадовал он. А пока вечерами, не теряя времени даром, мастерил для шляпы коробку. Она получилась на диво аккуратненькой – ни дать, ни взять – магазинная! Купил широкую алую ленту, перевязал её и, как заправский продавец, украсил бантом. Глаз не оторвать!

Мечтал, как однажды придёт на свидание, протянет её Марии и скажет: «Родная, в ней лежит мое сердце!» И она полюбит его, обязательно полюбит! Потому что не может быть иначе! Потом крепко обнимет, потом... Вдруг ему пришла умная мысль – сведения можно узнать на турбазе! Он ведь знает, что они жили в домике № 57! А в учётной книге все фамилии записаны.

Но туда он попал только ранней весной. Бригаду снова откомандировали заканчивать строительство. А до этого ехать бессмысленно – всё опечатано и занесено снегом. И кроме сторожа да двух свирепых волкодавов нет никого!

С надеждой в сердце, по шатким ступеням, Андрей вошел к директору в домик.

– О! Мастеровой прибыл! Рад тебя видеть, – приветствовал Иван Иванович, бессменный начальник этих мест, и сразу же заговорил о деле. – Ящики с инструментом...

Но бригадир прервал его.

– Слушай, Иван, на этот раз дело у меня к тебе. И дело серьёзное.

– Ну, давай, выкладывай, что тебе надо?

– Дай взглянуть в журнал регистрации отдыхающих за прошлый год. Адресок один нужен.

– Ещё чего! – возразил директор. – Я не имею права разглашать такие сведения. Может, ты маньяк какой!

Андрей горько рассмеялся:

– Маньяк? Ты сам-то хоть соображаешь, что говоришь? Ты меня столько лет знаешь, столько я здесь всего понастроил, весь на виду, а ты... Друг называется! Не можешь уважить по такому пустяку!

– Да говорю же – права не имею!

– И что ты заладил! Права, права... Правильный какой!

– В общем, закрыли тему! – злился начальник, – не позволю я тебе лазить в документах и всё тут!

Не обращая на него внимания, Андрей спокойно выставил литр пшеничной водки, выложил копчёное сало, консервы, буханку свежего хлеба, хрустящие солёные огурчики...

У Ивана потекли слюнки. Но, не подавая вида, он сказал:

– Подкупить хочешь? Не пройдёт у тебя этот номер, не пройдёт! Всё равно не поможет!

– А вдруг, да и поможет? Как знать? – настаивал гость.

Журнал ему достался, когда в бутылке ничего не осталось, а падкий на спиртное Иван Иванович мирно посапывал в своём углу.

– Ура, нашёл! – радостно воскликнул Андрей. – Вот он, домик № 57! Значит, здесь проживала Никитина Мария Александровна с сыном Серёжей? Всё сходится. Прекрасно. И даже номер телефона есть!

Счастливый прораб ушел от несговорчивого друга, укрыв его на прощание меховым козухом, чтобы не замёрз до утра.

После окончания вахты строители вернулись в город.

Как ждал Андрей этого момента! Как отчаянно считал дни! И вот он уже набирает заветный номер, пошли телефонные гудки...

– Алло, – послышался любимый голос, – слушаю Вас.

– Здравствуй, это Андрей...

Марию пронзила тревожная мысль: «Как он меня нашёл?» Она покосилась в зал, где развалившись в кресле, муж смотрел телевизор. Он уже давно вернулся. Ползал на коленях, каялся, умолял простить в последний раз... Сердце её дрогнуло. Подумала: а вдруг и правда будут жить по-человечески? Всё-таки, родной отец ребёнку! Она не хотела, чтоб он слышал этот разговор, дабы не спровоцировать скандал, но трубку не положила. Ведь человек мог позвонить снова. Помолчав немного, она повторила:

– Слушаю Вас...

– Машенька! Я сейчас около твоего подъезда. Мне надо тебе кое-что передать. Выйди, пожалуйста.

– Ну, хорошо... Минут через десять...

Увидев, как Мария надевает плащ, муж удивлённо поднял брови:

– Куда это ты, на ночь глядя? Дождь идёт!

– Сейчас вернусь. Там мне что-то принесли... Правда, я и сама не знаю что!

У подъезда, в тени густой ивы, ждал Андрей. Серебристые капельки сбегали с волос. Казалось, таким счастливым он ещё не был! Глаза сияли, улыбка растянулась до самых ушей.

– Здравствуй, хорошая моя, долгожданная...

Он крепко обнял её, прильнув губами к горячей щеке:

– Вот возьми... Я принёс тебе...

В руках Маши оказались заветная коробочка, нет, не с соломенной шляпкой, а с сердцем Андрея! И алый букет благоухающих роз. Она стояла, будто громом сражённая, не сводя с него обречённых глаз. Как же они могли разминуться в мире? Какая злая превратность судьбы!

– Что же ты молчишь, милая моя? Скажи хоть что-нибудь...

Преодолевая в горле ком, Маша тихо произнесла:

– Прости меня, Андрей, но теперь я действительно замужем.

– Ты опять смеёшься надо мной?

Кровь ударила в виски. Он выкрикнул:

– Я не верю! Не может быть!

– Рада бы шутить, но это правда.

В ветвях шелестел горемыка-дождь...

– Неужели опоздал? – мужчина прислонился к плакучей иве.

Земля ушла из-под ног. Глядя вдаль потухшим взором, он грустно добавил:

– За что такая боль?! Все надежды – к чёрту! Для меня ведь это крах! Я

тяжело схожусь с людьми. Снова в жизни моей всё станет серым и мрачным. Сколько можно одиноко скитаться по белому свету, как бездомному псу?!

Он будто окаменел. А потом растерянно сказал:

– Ну, что ж, прощай, мой светлый мираж! Я желаю тебе счастья.

И, как-то по-стариковски сутулясь, исчез в сумерках.

Дождинки струились по лицу Марии, смешиваясь с горячими слезами, не видно было, что она плачет. Немного успокоившись, вернулась домой.

– О! Какие шикарные розы! – зло отметил супруг, встретив её у порога, – надо бы и себе выйти к подъезду, может, чего подарят...

В тот день Маше досталось и за ленточку, и за коробочку. Маугли спрятался за шкаф и с ужасом наблюдал, как отец хлестал мать букетом по лицу, а затем, войдя в раж и забыв обо всех своих обещаниях, стал жестоко избивать кулаками: «Запомни, тварь, – с расстановкой грозил он, – пока я жив, жизни тебе не дам. Не шути со мной. Всех перестреляю и уничтожу! Крепко запомни!»

Пережив эту страшную ночь, она забрала перепуганного Серёжку и уехала к матери. Теперь они жили в другой стране, и много воды утекло с тех пор...

Сквозь окно пробивались лучи заходящего солнца. Игривые блики плясали на стенах, на пожелтевшей соломенной шляпке, на алой ленте, свисавшей со стола. Озарили немолодое, но ещё красивое лицо Марии и... угасли. Повертев реликвию в руках, она прерывисто вздохнула и бережно, как держат что-то очень дорогое, поставила коробку на прежнее место.

Николай Спиридонов Мерилэнд США

СВИДЕТЕЛЬ АДЖИМУШКАЯ

Однажды, на большой перемене, мой друг Вовка отозвал меня за угол школы, огляделся по сторонам, как заправский заговорщик, и раскрыл свой пузатый портфель.

– Зырь!

Из портфеля улыбался жёлтый в матовых отблесках человеческий череп.

– Ух ты! Где достал?

Вовка рассказал, что череп ему дал Серёга, который получил его от Шиманчика, а тот от своего приятеля, который нашёл череп в аджимушкайских каменоломнях. Поначалу каждому хотелось заполучить этот роскошный пиратский атрибут из романов Стивенсона. Но держать его дома было страшновато, к тому же возникали проблемы с родителями. И череп переходил из рук в руки, нигде не задерживаясь.

– Хочешь, отдам тебе? – предложил Вовка, – Матушка ругается. Говорит, уноси откуда принёс, чтобы в доме его не было.

Аджимушкайские каменоломни находятся в окрестностях города Керчи. Неподдалеку жила моя бабушка, и я хорошо знал это место. Сухая холмистая крымская степь там сминается ложбинами, проседает котловинами. Среди выгоревшей от солнца жёлтой травы и серых каменных глыб, покрытых цветными пятнами лишайников, чернеют провалы и наклонные ходы, ведущие под землю. Раньше там добывали строительный камень. Дядя Володя говорит, что это отложения морских ракушек, поэтому он так и называется – ракушечник. Когда-то, давным-давно, на месте степи было море, и в нём жили ракушки. А потом, говорит дядя Володя, дно моря поднялось и стало сушей, и теперь мы здесь живём.

Трудно это поверить, но если поковырять камень, он крошится, и видно, что он действительно состоит из кусочков ребристых раковинок. Вся старая Керчь, центр города, белые домики пригородов и окрестных поселков выстроены из этого камня. Но сейчас в Аджимушкае камень больше не берут. Когда дядя Коля строил свой новый дом на посёлке рядом со старым бабушкиным домиком, ему привозили грузовиком ещё не просохший ракушечник из новых каменоломен. Местные жители рассказывали о подземельях страшных историй, родители не разрешали нам ходить в катакомбы, но мы всё равно убегали туда играть в войну.

На первом ярусе каменоломен заблудиться трудно. Во многих местах в подземелье через провалы и узкие лазы пробивается свет. А на втором ярусе холодно и глухо. Там жутко. Сырая известковая крошка скрипит под ногами, и бесконечные разветвления одинаковых коридоров пляшут в луче фонаря. Подземные ходы тянутся на много километров, и если погаснет фонарик, тебе уже не выбраться на поверхность. На самом нижнем, третьем ярусе добывали песчаник, плотный и прочный камень, из которого построены лучшие городские здания. Отчаянные старшие ребята пробирались туда и находили патроны и ржавые винтовки без прикладов, которые съела подземная сырость. Во время войны наши дрались в Аджимушкае с немцами. Вот он откуда, этот череп. Интересно, наш он или немецкий?

Мама только охнула, когда я принёс его домой. Я вымыл череп с мылом, отёр щёткой потёки глины, и он заблестел жёлтой костью. Череп казался страшным только на первый взгляд. При ближайшем рассмотрении удивляло его сложное и целесообразное устройство. Теменные, лобные и височные кости, плотно сшитые извилистыми швами, смыкались высоким куполом. Глазные впадины выложены изнутри гладкой костью, и тонкая перегородка разделяла впадину носа. А снизу он был покрыт симметричными буграми и выступами, изрыт вмятинами и гладкими протоками нервов и сосудов. Пустой и гулкий, с тёмным проёмом для спинного мозга, он походил на огромную раковину экзотического моллюска, покинутую хозяином. Единственным изъяном были зубы, бурые от ввешегося никотина, с чёрными дырами кариеса.

Он поселился в моей тумбочке. Там было много сомнительного добра: пятнистые обломки гранита, блестящие кусочки слюды и кварца, кораблики, вырезанные из пенопластовых рыбацких поплавков, рыболовные крючки и лески, позеленевшие пулемётные гильзы, зазубренные осколки авиабомб и алюминиевая ложка с фашистской свастикой.

О прошедшей через город войне напоминали бетонные коробки немецких дотов на Митридате, скелет старой аглофабрики, иссечённые осколками стены домов. И инвалиды. Слово «ветеран» не было в ходу по отношению к этим несчастным человеческим обломкам страшной войны. Сколько их было на керченском рынке и окрестных улочках в шестидесятые годы! У железных, выкрашенных зелёной краской ворот рынка сидел увечный гармонист, выложив перед собой засаленную кепку для подаяния, и выводил хриплым надрывным голосом под переливы ладов:

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт...

Горлопаны и матерщинники, до черноты прожаренные крымским солнцем, они задирались у пивного ларька, дремали в рябой тени акаций, и приторговывали на рынке всякой хозяйственной мелочью – шингалетами, дверными ручками, гвоздями и шурупами. Кто без руки, но всё же на своих двоих, а кто на костылях. Безногие ездили на самодельных деревянных тележках, посаженных вместо колёс на шарикоподшипники, отталкиваясь от земли деревянными чурбаками. Отец знал их всех. Если мы шли через рынок и у отца были деньги, он обязательно доставал рубль и давал кому-нибудь из калек.

– Лёня, зачем ты это делаешь? Он ведь всё пропьёт, – говорила в таких случаях мама. Голос её звучал напряжённо. Денег в семье постоянно не хватало.

Как много их было на керченском рынке шестидесятых, как незаметно и скоро исчезли они к семидесятым годам, переселившись на окрестные кладбища.

Шло время, и содержимое моей тумбочки менялось. Появлялись и исчезали пластилиновые солдатики, самодельные машинки на резиновом ходу, самострелы, самолёты и парашюты, магниты, окаменевшие кости древних китов, увеличительные стёкла, из которых мастерились микроскопы и подзорные трубы, а потом провода, паяльник, конденсаторы, диоды и транзисторы. И только череп проживал там постоянно. Когда родителей не было поблизости, я доставал его, ставил на стол и думал об этом человеке. Став постарше, я уже понимал, что это череп нашего, советского солдата. Но у меня даже и мысли не возникало о том, что его можно вернуть во мрак, холод и сырость подземелий, в которых погиб тот человек. Он стал частью моего мира, свидетелем недавней истории земли, на которой я жил.

Когда я учился в средней школе, мне довелось повстречать живого защитника каменоломен. Через двадцать лет после окончания войны в каменоломнях открыли музей. Вышла статья в местной газете, и пионерская организация пригласила аджимушкайца на школьное собрание. Он не походил на других ветеранов. Те, что приходили к нам раньше, были в отутуженных офицерских формах с орденами и медалями, со звёздами на золотых погонах. Громкоголосые и напористые, они говорили об артподготовках, стремительных бросках, форсировании водных преград, о преодолении упорного сопротивления противника и овладении населёнными пунктами. А этот сутулый дядька в поношенной гражданской одежде ничего не рассказывал. Он молча сидел перед классом и глядел на нас, пока пионервожатая разливалась о героизме и преданности защитников Родины. А после собрания я услышал в школьном коридоре обрывок разговора учителей, относившийся к нашему аджимушкайцу: «...один из шести, оставшихся в живых...».

Прошло немало лет, пока я вполне осознал, кем был наш тогдашний странный гость. И тогда мне стали понятны причины его молчания. Он был одним из советских солдат, попавших в окружение на керченском полуострове в мае 1942 года. Несколько тысяч человек, отрезанные от переправы на кавказский берег, спустились в каменоломни, чтобы продолжать борьбу. Отступавшие части ушли под землю без достаточных запасов воды, еды, медикаментов и боеприпасов. Почти для всех каменоломни стали братской могилой. Когда после пяти месяцев боёв немцы взяли каменоломни, они захватили в плен горстку вымотанных и истощённых бойцов. Один из этих солдат, переживший подземную осаду и немецкий концлагерь, пришёл к нам на классный час через двадцать с лишним лет после окончания войны.

Прошедший через ад, о чём он мог рассказать детям?

Потом я окончил школу и поступил в университет. А в 1973 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Керчи было присвоено звание города-героя. И тогда началось. По городу развесили плакаты, лозунги и транспаранты. В новопостроенный аджимушкайский мемориальный комплекс автобусами повезли экскурсантов. Организовывались торжественные собрания и митинги, замелькали статьи в местных газетах, зазвучали по радио песни и стихи московских поэтов:

Кто всхлипывает тут? Слеза мужская
Здесь может прозвучать кощунством. Встать!
Страна велит нам почести воздать
Великим мертвецам Аджимушкай!

Моя бедная терпеливая мама много раз просила отнести его на кладбище. Но я почему-то считал, что он не принадлежит сухой и рыжей от окислов железа керченской глине. Закончив университет, я уехал работать в Россию, и там похоронил его в зелёном подмосковном лесу. И мне показалось, что он с облегчением лег в тёмную густую землю под корнями ясеня. Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.

Виктор Шендрик Артёмовск
КАВТОРАНГ, ИЛИ ПОСЛЕДНИЙ
ПОДВИГ ГАРРИ ГУДИНИ

Существует такой метод определения уровня массовых знаний: человеку говорят слово и предлагают назвать ещё три, которые для него ассоциируются с первым. Результаты широкого опроса приводят к усреднённому варианту, который, возможно, даёт специалистам толчок для определённых заключений.

Метод, надо сказать, забавный и к респондентам вполне лояльный, то есть, глубоких откровений не требующий. Я, например, готов участвовать в подобных опытах ежеминутно.

Этим можно заниматься и самостоятельно. Ну, к примеру:

библиотека – тишина, мудрость, гуммиарабик;

Бразилия – кофе, Пеле, рабыня Изаура;

демонстрация – воздушные шарик, знамёна, новые туфли.

Здорово! И хотя мои ответы нарочито близки к среднестатистическим, где-то за ними уже брезжит поэтическое осмысление действительности.

Но есть и проблема. Если девяносто восемь человек дадут похожие ответы, то один-два вернут такое... Любая система плохо уживается с частностями.

За примером опять же не нужно ходить далеко. Какие ассоциации может вызвать у человека такое словосочетание, как «гражданская оборона»? Противогаз, сирена, искусственное дыхание... Прекрасно! Бомбубежище, носилки, штаб... Ещё лучше!

Но обратитесь с этим вопросом ко мне, и всё великолепие системы рассыплется в пух и прах. Ибо любое, даже косвенное упоминание о гражданской обороне в памяти моей прочно увязано с человеком по фамилии Казанков.

Именно этой ассоциацией я любезно огорошу возможного исследователя. Алексей Авдеевич Казанков, капитан второго ранга. Кавторанг.

Но достаточно преамбул с лёгким флёром загадочности – на деле всё объясняется просто. Капитан второго ранга в запасе Алексей Авдеевич Казанков преподавал у нас гражданскую оборону, когда я завоёвывал диплом инженера. Завоёвывал, попутно сражаясь с собственной натурой, питающей к точным наукам чувство устойчивого отвращения.

Борьба эта продолжается по сей день, и надо сказать, что в последние годы технарй во мне заметно сдал свои позиции.

Гражданская оборона – дисциплина не инженерная, то есть не ахти какая сложная и занимательная. Да и важности, прямо скажем, сомнительной, но в те годы чему только нас не учили. Когда я читаю приложение к своему диплому с перечнем освоенных дисциплин, даже названия некоторых вызывают у меня лёгкое недоумение. Память, как рациональный и немелочный хозяин, избавилась с годами от ненужного хлама.

Так случилось и с гражданской обороной, – не держать же в памяти схему штаба ГО на металлургическом заводе, – но зато я хорошо запомнил Алексея Авдеевича Казанкова.

Преподавателем Казанков был заурядным, да и предмет излагал суховатый – соловьём никак не зальёшься. Остался же он в моей памяти исключительно потому, что какое-то время обретались мы с ним в одной компании.

Ох, какая это была компания! Головная боль декана Денисенко, красная тряпка для туповатых перестарков из бюро комсомола, приют отдохновения для всех надорвавшихся на каменистых тропах науки! Ни одна драка в ближайших к общежитию кварталах не обходилась без нашего участия, ни одна партия вина в окрестных гастрономах не продавалась в обход нашего пристального внимания. Обычно мы вино это и разгружали, и мы же подбирали остатки. Мафия, гусарский эскадрон, уголок Дурова, красная капелла – вот далеко не полный перечень коллективных прозвищ и самоназваний. Одним словом, компания – оторви да брось! Та ещё компания!

И вдруг – Казанков! Отставной офицер и степенный преподаватель достойного учебного заведения...

Алексея Авдеевича открыл для нас Серёга Безуглов. Подобно комиссару Мегрэ, коллекционирующему людей в целом, Безуглов коллекционировал собутыльников. Среди них встречались раритеты: уголовник-рецидивист Фога, не расстававшийся с полуметровым ножом, и инспектор по делам несовершеннолетних, представлявший из себя отчаянно молодящуюся блондинку с густо накрашенными губами и устойчивым налётом перхоти на капитанских погонах.

Вполне естественно, что в обществе Безуглова засветился и преподаватель. Мужчина солидных лет, невысокий и плотный, с уходящей к темени лысиной и сохранившейся армейской выправкой.

Многим из нас Алексей Авдеевич был известен. Особенно, постигающим курс гражданской обороны и уже обогатившимся знанием оной. Разумеется, знали мы его как преподавателя, то есть человека с другой стороны баррикад. С лёгкой руки Безуглова с Казанковым пришлось познакомиться вновь, на этот раз – в пивбаре.

Алексей Авдеевич новых знакомств не чурался, но обычно, хитро сощуриив маленькие глазки, спрашивал:

– На каком курсе?

Узнав, что перед ним «мафиози» четвёртого или пятого года обучения, Алексей Авдеевич удовлетворённо кивал. Если новый знакомец оказывался младше, Казанков радостно отмечал:

– Мой клиент!

И вполне мог достать трояк и сгонять «клиента» за пивом. Впрочем, на этом его верховенство и заканчивалось – в нашем кругу он вёл себя демократично, снисходительно посмеиваясь над многочисленными нашими выходками.

А трояки и более крупные бумажки из его кармана появлялись бесперебойно. Надо думать, бывший военный, он получал неплохую пенсию. Да и преподаватели в те годы ещё не были отеснены на последнюю – шербатую и заплёванную – ступеньку социальной лестницы. Мог, короче, позволить себе Алексей Авдеевич некоторое мотовство. И было в этом что-то от высшей справедливости: получая деньги за наше обучение, деньги эти он с нами же и пропивал.

Деньги и в тогдашней жизни имели немаловажное значение, но не настолько, чтобы говорить о них днём и ночью, как это делается сейчас. А тогда и других тем хватало в избытке – сойдясь вместе, языками работали мы без устали. Особенно, если поглощались при этом всякого рода стимулирующие напитки.

Бурные споры без надежды добраться до истины и планы, шокирующие авантюризмом, леденящие душу откровения и словесные перепалки – всё это казалось важным, нужным, значительным. Во всяком случае, мне понадобилось ещё очень много лет для понимания того, что весь этот пьяный треп не имеет ни малейшей ценности... Да и многие другие слова, сказанные при иных обстоятельствах, – тоже.

...Каким-то образом разговор зашёл о спорте. Потом о физической силе. Серёга Болотников поспешно освободил край стойки от пивных кружек и выставил перед собой согнутую в локте руку. Желаных бороться с ним на руках не оказалось. Нам было хорошо известно, что этот «крестьянский вождь» способен в порядке очерёдности переломать руки всем посетителям пивбара. Болотников вопросительно глянул на Казанкова.

Алексей Авдеевич приосанился, поиграл плечами и вздохнул:

– Был бы я помоложе... Всё-таки семь лет был чемпионом Балтфлота по борьбе. Это кое-что значит...

– Кто был чемпионом? – компания несколько притихла.

– Я, – просто ответил Казанков, рассматривая пену в своём бокале.

– А по какой борьбе? – спросил Болотников.

– Без разницы, – отмахнулся Алексей Авдеевич. – И вольной занимался, и классикой... А вообще я вам скажу, кого я уважал, так это Ивана Поддубного. Слыхали?

Мы даже возроптали негромко – кто же не слышал о легендарном чемпионе!

– Талантливый был борец, нечего сказать, – задумчиво продолжал Казанков.

– Если становился в мост или полумост, – труба! Никто не мог одолеть...

Мы покивали. Если уж Поддубный сделал мост, – ситуация безнадёжная, каждому понятно.

– ...А я – то накатом, то перекатом... Никак! Стоп, думаю, попробую-ка я прогибом. И что вы думаете – сломал всё-таки!

– Кого? – мы даже о пиве забыли.

– Поддубного, – как можно бесстрастно ответил Казанков.

За нашей стойкой случилось то, что в театре принято именовать немой сценой. Самый малоначитанный из нас знал, что пик славы русского богатыря Ивана Поддубного приходился на конец девятнадцатого – начало двадцатого века. Не нужно было разбираться в тонкостях борьбы, чтобы сообразить: если и пришлось борцу Поддубному жить на белом свете в одно время с борцом Казанковым, то первый был уже безнадёжным стариком, а второй...

– Ах, да! – встрепенулся Безуглов. – Как же, как же! Ну да, конечно...

Он повернулся и направился к прилавку, считая на ходу мелочь.

Всем стало ясно: в нашей компании объявился враль.

Следует заметить, что враль – это ни в коей мере не врун и, уж тем более, не лжец. К врялям мы относились терпимо, если ими соблюдалось условие: врать нужно так, чтобы было интересно слушать.

И ведь находились такие, кто достигал в этом жанре особого мастерства, поднимая до той высоты, за которой начинается чистое искусство.

Приближённость к искусству достигалась с помощью ещё одного нюанса: в рассказе желательнее было себя не приукрашивать, а даже наоборот...

На этом попроще неуваждающей славой покрыв себя Витя Чуркин. Его рассказы, подобно русским былинам, передавались из уст в уста. В своё время Чуркин служил на подводной лодке. Так вот, по его версии, на этой самой лодке росла сирень, а матросам заботливое командование выдавало свинцовые трусы. Заботилось, то есть, о генофонде нации – «бежишь по отсеку и слышишь, как

атомы, нейтроны там всякие, от трусов только отскакивают».

При этом Чуркин отлично понимал, в чём заключается истинное мастерство вралья – все его рассказы неизменно заканчивались фразой «А мне как дадут по шее... Пошёл отсюда, усатый!»

Осмелюсь утверждать, что за рамками сольного рассказа привирали все. Не соврёшь – красиво не расскажешь, – гласит народная, как не крути, мудрость. Тут стоило бы послушать, как мужское общество, собравшись после летних каникул, наперебой живописует свои амурные подвиги. Какой-нибудь Джакомо Казанова или тот же Генри Миллер сдохли бы от зависти, не дождавшись и середины программы. «Декамерон» – это, вообще, тьфу! Сказка «Теремок» – никак не больше...

Как-то раз на подобную, мягко говоря, беседу забрёл Николай Сергеевич. Став студентом в тридцать без малого лет, он старался держаться чинно, в проделки нашей компании не ввязывался, хотя нередко поглядывал на нас с молчаливым одобрением. Завиральные истории о подвигах молодых ловеласов Николай Сергеевич слушал молча, – держал, так сказать, дистанцию, – лишь вертел головой, внимая то одному, то другому рассказчику. Наконец он засопел негромко, крикнул и, презрев какие-либо художественные изыски, выпалил:

– ... а вона мені й каже: не дам тобі під кушем – і все! Пришлось хату шукать...

Что касается Казанкова, то подобных тем достойный отставник не касался вообще. Хотя, знакомясь с нашими девицами из позаниститутских кругов, он выпячивал грудь, шурил в улыбке маленькие глаза и, протягивая ладонь, скромно представлялся:

– Лёша...

Не касаться-то скабрёзных тем он не касался, но зато уж когда коснулся... Рассказчик он был, прямо скажем, – так себе, плохонький. Обычно подолгу бубнил что-то себе под нос, отхлёбывая пиво или глодая таранку, ничуть не считаясь с окружающим гомоном. Но тем неожиданней, ярче и эффективней звучали концовки его историй, поражая слушателей непредсказуемостью сюжетного поворота и грандиозностью описываемых событий и их участников.

Каюсь, я совершенно не помню, с чего начал Алексей Авдеевич очередную историю, но финал её слушали все, боясь пропустить хотя бы слово.

– ...и вот поднимается к нам на борт английская королева. Мы – в строю, навтыяжку, а она идёт вдоль строя в белом платье с бриллиантами... Я тоже – в белом кителе, на груди – иконостас... Как подмигну ей... Она смутилась, покраснела... И тут командир приказывает мне показать ей линкор. А я-то корабль знаю как свои пять пальцев – повёл её так, что свита отстала и заблудилась...

– Ну! – не вытерпел кто-то сделанной Казанковым паузы.

– Что «ну»?! – дёрнул плечом Алексей Авдеевич. – Экипаж – на палубе, каюты свободны...

Он умолк, глядя себе под ноги: не джентльменское, мол, это дело – вдаваться в подробности.

Потом вскинул затуманенный взгляд поверх наших голов, заулыбался отрешённо, как всякий нормальный мужчина, вспоминая о дорогой, оставшейся в прошлом женщине.

К счастью Вити Чуркина, он в тот день отсутствовал и рассказа этого слышать не мог. Иначе, боюсь, его ожидал бы нервный срыв. А ведь человек был не из слабых – украл же как-то вдвоём с напарником трёхтонную торпеду...

Стоит ли говорить о том, что мы не имели веры рассказам Алексея Авдеевича? Тем не менее, никто и никогда не прервал его, не уличил во лжи, не попытался сделать всеобщим посмешищем. Так же, как никто и никогда

не оспорил его право находиться в нашем кругу – в кругу бесшабашного, не зашоренного социальными догмами студенчества. Видимо, мы чувствовали, что и ему, немолодому человеку, так же, как и нам, душно в институтских стенах. Видимо, и он испытывал глухую тоску от противоречий между естественными устремлениями и навязанной, скучной и глупой ролью.

Каждое утро он приходил в институт, где его ожидали студенты, лекции, зачёты, кафедра... Скорее всего, на кафедре работали отставники, подобные ему, с которыми он мог бы выпить не хуже, чем с нами, но... Но вряд ли в обществе бывших полковников мог он дать выход своей фантазии, своему глубоко спрятанному и, похоже, не отыгранному до конца мальчиществу.

И вообще – почему люди врут? Что подталкивает их к этому: неудовлетворённые амбиции, рухнувшие надежды или дефицит внимания и чуткости со стороны ближних? Почему самые дичайшие вымыслы рождаются именно в нетрезвой голове, то есть в минуты наибольшего раскрепощения?

Боюсь, тривиальной пьянке здесь отведена роль всего лишь декорации, да и то не первого плана. Рассказывая о Казанкове, я мог бы и не упоминать, где и при каких обстоятельствах мне довелось слышать его умопомрачительные истории, но... Но – истина дороже.

Конечно, я рискую навлечь на себя град упреков в смаковании застольных сцен. Увы, мне приходилось выслушивать их не раз. Ну, а что может поделата автор, поставивший перед собой неблагодарную задачу – как можно достоверней отобразить не что иное, как жизнь? К тому же существует мировая литература со своими устоявшимися традициями. Ну, например. Сколько поколений строителей коммунизма (впрочем, как и его хулителей) в юности взахлёб зачитывалось романом Дюма «Три мушкетёра»? А чем, скажите, на протяжении шестисот страниц заняты его герои? Эти благородные сердца, эти рыцари духа? Ответу: дерутся, курочат девок, наставляют рога отцам благородных семейств. И всё это – наглотаившись какого-нибудь бургундского или в поисках опохмелки.

Достойная компания, а младшему – восемнадцать! Да поставили бы в своё время мне с Серёгой Болотниковым по бутылке этого самого бургундского и сказали: сгоняйте, ребята, в Англию – мы бы себя ждать не заставили и припёрли б оттуда не то, что подвески, а целую ювелирную лавку... А может, и ничего бы не припёрли, но Жоржику этому Бекингэмскому морду б начистили – это уж точно!

Хорошо! Я готов сделать реверанс в сторону блюстителей строгих нравов и признаться, что пили мы не всегда. Доказательством тому служит факт, что большинство из нашего «уголка Дурова» получили-таки дипломы инженеров, для чего необходимо хотя бы изредка проветривать голову от хмеля.

Вот и Казанков, излагая свою дисциплину, преподавателем был не из худших. А ведь многие в памяти моей не оставили даже внешнего облика.

Из лекций Казанкова я усвоил, что здание от здания необходимо строить на расстоянии, равном высоте одного из домов плюс пятнадцать метров. Для того, чтобы избежать завалов, если потом эти здания разрушить. Чудесное правило – интересно знал ли его НКВД, взрывая в 1941 году Крещатик?

На занятиях Казанков демонстрировал великолепную память и дисциплину мысли. Конспектом не пользовался. Помнил фамилии всех студентов потока. По звонку обрывал фразу на полуслове и продолжал её с того же полуслова после перерыва.

Однажды это обидело Николая Сергеевича. Тот примчался откуда-то в перерыве между часами, плюхнулся рядом со мной за стол, достал конспект. Прозвучал звонок и в аудиторию вошёл Казанков, вещая на ходу:

– ...в одна тысяча девятьсот пятнадцатом году и был впервые применён...

– Алексей Авдеич, – возмущился Николай Сергеевич, – я ж пришов, меня отметьте!

– А, Панасенко! – Казанков добродушно нацелился ручкой в журнал. – Спишь долго?

– Та з вечера біля стінки ліг... – пробасил Николай Сергеевич.

Сто пятьдесят человек, преимущественно молодых, недоумённо повернулись в сторону моего соседа.

– Ясное дело: пока перелезешь... – с пониманием кивнул Казанков и продолжил:

– ...русской армией при отражении газовой атаки немцев в первой мировой войне.

Но помнится мне и другой случай. Дело было в самый разгар сессии, лекции закончились, и гуляли мы в тот день по городу с самого утра. Где-то по пути к нам прибился Казанков.

За окнами бара уже серело, и в народных массах вызрело логически завершённое решение: запастись горючим и продолжить вечер в общаге.

Кто-то был при деньгах.

– Возьмём водки, – сказали массы.

– Да ну её, эту водку, – приземлил идею Петя Таратун.

И мотивировал:

– Выпил – и всё! Наберём лучше вина – потеха будет!

У парка Гоголя на глаза нам попалась стоящая пожарная машина. Большая и красная – как было её не заметить даже в сумерках?

С доблестными пожарными мы сторговались за две бутылки водки. Так и подкатили к общаге на пожарной машине.

Но фантазии, как известно, нет предела.

– Ребята, выкиньте нам лестницу на четвёртый этаж!

– Да вы чего, мужики! Это уже слишком!

– Ещё литра водки!

– Хотя... почему и нет?

Славные ребята, эти пожарные.

По пожарной лестнице, выдвинутой прямо к окну на четвёртом этаже, мы по очереди двинулись вверх.

Алексей Авдеевич лестницей не воспользовался. Наблюдая за нашим десантом, он исходил восторгом вниз.

– Ура! Табор уходит в небо! – кричал он, стоя у машины, по-командирски выбросив руку над головой. – Вперёд! Молодцы, гвардейцы!

Когда последний из нас скрылся в окне, он умолк и прошёл в общежитие самым заурядным способом. Через дверь. Предъявив вахтёрше преподавательское удостоверение:

– Дежурный от кафедры. Проверить порядок.

Ближе к ночи веселье не угасло, а всё набирало и набирало обороты.

– На пропой! – уже кричала Света Паровоз, сорвав с пальца перстенёк с жёлтым камнем.

Уже всхлипывала в руках Дубровского гитара:

Любовь пытаюсь удержать,

Берём как шпагу мы её

Один берёт за рукоять,

Другой берёт за остриё...

Умел, шельмец, вынуть душу! И уже хитроумный Саня Хлыстов деланно вздыхал, глядя куда-то мимо Казанкова:

- А завтра ж зачёт... По гражданской обороне.
- Так давай зачётку, – Алексей Авдеевич достал авторучку.
- Да ладно, не надо. Завтра, – великодушно отверг преподавательский порыв

Хлыстов.

Потом появился Вовка Ушаков. Институт он уже закончил, работал на заводе и забрёл в общагу, как говорится, на огонёк.

В присутствии Ушакова Дубровскому с гитарой делать было нечего.

Ушаков пел сначала на заказ, в зависимости от песни перестраивая гитару с шестиструнного строя на семиструнный и обратно. Потом и сам завёлся. Грянул:

Ах, ручеёчек, ручеёк,
Брала я воду на чаёк...

И тут Алексей Авдеевич не выдержал. Выскочил на середину комнаты и пустился в пляс.

За ним вместе с гитарой ринулся танцевать Ушаков.

Так и плясали они в кругу студенчества: шеф-инженер крупнейшего машзавода и преподаватель ГО, капитан второго ранга Казанков.

Ушаков притопывал небрежно – нужно было ещё играть на гитаре и петь:

А речка помутилась,
А с милым разлучилась я...

При этом Ушаков ещё умудрялся курить.

Зато Алексей Авдеевич плясал истоиво, ляская себя по икрам и ступням, откинув голову и зажмурив глаза, как пляшет на свадьбе хмельной забубённый русский мужик...

К слову, когда на следующий день Хлыстов явился к нему за зачётом, Казанков гонял его по всему курсу. До семи похмельных потов, до дрожи в коленках. Потом вывел в зачётке долгожданное «зачт», после чего отправился пить пиво с тем же Хлыстовым.

Иногда, приняв на грудь два-три стакана вина и переложив их пивом, Алексей Авдеевич мог огорошить компанию неожиданными знаниями:

– Вы слышали когда-нибудь об эскейпологии?

Безуглов кивнул, Дубровский сделал идиотское лицо, кто-то хохотнул коротко: опять, мол...

– Был такой знаменитый фокусник – Гарри Гудини. Слыхали?

Имя казалось знакомым, хотя чего-либо конкретного припомнить никто не мог.

– То-то, – довольно ухмыльнулся Казанков. – Он прославился тем, что выбирался из любых пут... Кандалами его заковывали, верёвками связывали. Потом зашивали в мешок, закрывали в сундук... Сундук запирали в камере... А он разбирал суставы рук и выбирался...

Мы стояли в чахлой посадке, в десяти шагах – шумела очередь у пивной бочки.

Алексей Авдеевич оказался в центре – окружив его, мы заинтересованно слушали.

– Что с ним только не делали... Всего в цепях в море бросали – он освобождался и всплывал, – с мстительной интонацией продолжал Казанков.

Бродяжка сунулась было в наш круг за пустыми бутылками. На неё прикрикнули:

– Быстро забирай и топай!

– Ага! – веско сказал Алексей Авдеевич после вынужденной заминки. – И, наконец, последний его фокус...

Он поиграл плечами, глядя поверх наших голов. Это означало, что рассказ

достиг кульминации, а рассказчик – наивысшего вдохновения.

– ...Похоронили его живьём. Он приказал сделать металлический гроб и на могилу положить двухтонную плиту. Через сто лет он пообещал выбраться из могилы...

Алексей Авдеевич умолк, взгляд его мечтательно вперился в безоблачное весеннее небо...

– Ну?! – не выдержал Дубровский.

– Сто лет уже прошло... – не меняя позы, отозвался Казанков.

– Ну и?!

– Ну и вот, – Казанков скромно потупился, пнул ботинком землю.

– Вот! – повторил он и чуть развёл в стороны ладони: как вы, мол, дураки, не понимаете...

Опешив, мы молчали...

Из уст Алексея Авдеевича Казанкова мне довелось услышать ещё немало историй.

Однажды, в госпитале, развлекая раненого соседа по койкам, он начертил схему автомата. Начертил прямо на простыне. Сержант Калашников, а именно он оказался рядом с Алексеем Авдеевичем, ошастливил мир непревзойдённым скорострельным оружием...

Казанков плакал и каялся: лишние пять минут задержался у обольстительной гейши и не успел предупредить Рихарда Зорге о предстоящем аресте...

Переправлял в Боливию Эрнесто Че Гевару. В пути они выпили и Казанков выиграл в карты у Че триста песо. В счёт долга легендарный команданте предлагал рассказать, куда подевался вместе со своим самолётом Камило Сьенфуэгос. Стеснённый в средствах кавторанг предпочёл деньги...

Весь он был устремлён в прошлое. Он как бы прислушивался к отголоскам отшумевшей эпохи, хранил тепло встреч с незаурядными, навсегда ушедшими людьми.

«Какие были времена! Какие люди меня окружали! – пронзительно звучало в подтексте его рассказов. – А что сейчас? Тоска зелёная. Только и осталось – пить водку с вами, сопляками...»

В обществе отставных полковников делать ему было определённо нечего.

Вот таким был Алексей Авдеевич Казанков – победитель Ивана Поддубного и соблазнитель английской королевы. Он же – великий эскейполог и проходимец Гарри Гудини, завершивший наконец свой знаменитый фокус.

А вы спрашиваете: с чем ассоциируется у меня гражданская оборона?

Спросите лучше про Бразилию. Бразилия – это футбол, это карнавал, это крейсер из давней песенки Вертинского.

ПОЭТИЧЕСКОЕ БРАТСТВО

Иван Волосюк Донецк

Гаснет свечка восковая –
В Божьем храме сквозняки,
Радость в воздухе святая,
Только мы её не знаем
И растём, как сорняки.

Я сырым молился кочкам,
Кланялся гнилому пню,
Я замёрз осенней ночью,
Но боялся в одиночку
К Твоему идти огню.

Мы – поколение, связанное крепко,
Одною цепью, кабелем одним,
И торрентов вытягиваем репку
Из серых, оцифрованных глубин.

Взрослеем рано, умираем рано,
Живём не так и молимся не так:
«Прости меня, и сохрани от спама,
Убереги от хакерских атак!»

Я спросил у неба: «Навсегда ли
Эти села, эти города,
Синевою залитые дали...»
Небо отвечало: «Навсегда».

Я спросил: «Поэзия уйдет ли?
(Слово канет в Лету, что тогда?)».
Голос был серьёзен и отчётлив,
Небо отвечало: «Никогда».

Если б в мире враждебном
Научились по-новому вы
Слышать голос целебной
Городской придорожной травы...

Слышать песню простую
В город детства вернувшихся птиц,
Где ловил на лету я
Одуванчик твоих небылиц.

Там, где шли мы отдельно
От всего, чем эпоха жила,
Там, где выстрел смертельный
Не коснулся живого крыла.

Елена Гурьева Сватово

Ночное небо бродит по аллее –
Спокойное, на голос твой похоже.
Была бы я хотя б чуть-чуть моложе,
И был бы ты хотя б на шаг смелее.

Но безрассудство нам не по карману.
И, подменив сентиментальность прозой,
Любовь не защежит в душе занозой.
А вдруг твой взгляд залечит в сердце рану?

Что общего у нас? Мотив снегов –
Прозрачный, неприкаянный, как слово,
Как горький стон, что из стиха любого
Стекает воском на пустой альков.

Непостижимо где, но где-то там
Одним пространством наши души были.
В потоке света, сна и звёздной пыли
Они прильнули к разным берегам.

Мне мыслей Ваших бережный порыв
До боли близок, точен и понятен.
И поровну на чувствах наших пятен,
Их можно смыть, лишь сердце приоткрыв.

Открыть бы настезь! Выставить кресты
На чьей-то лжи дыхания движеньем.
Я против, что земное притяженье
Сильнее, чем безудержность мечты!

Сергей Загороднов пос. Мироновский, Донецкая обл.

* * *

Тянулись дни безликой чередой.
Сменялись зимы длинные на вёсны.
Катились в бездну с небосклона звёзды.
Ничто, увы, не вечно под луной.

Шёл человек сквозь пелену веков,
Невесть куда, по маленькой планете.
Спасая мир молитвами стихов,
Наперекор злой, ненасытной смерти.

ОСЕННЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Асфальт лоснится от воды.
Плывут, как баржи, неуклюже,
Ворча, троллейбусы по лужам.
Ныряют в переход зонты.

В уютном маленьком кафе,
Что в двух шагах от перехода,
Накурено, полно народа.
Мужик какой-то подшофе,

Пытаясь «осчастливить» всех,
С надрывом стих читает громко,
Лишь вызывая у девчонки
С копною рыжей звонкий смех.

Дым сигарет и аромат
Духов, и запах капучино...
А за окном, словно гардины,
Густые сумерки висят.

Холодный дождь всё льёт и льёт.
Темно совсем. Промозгло очень.
Октябрь. Семнадцать тридцать. Осень.
Кафе. Подземный переход...

* * *

Тихий дворик. Старый дворник
Нервно шаркает метлой.
«День какой сегодня? Вторник?» –
Дед с похмелья никакой.
Старику бы «подлечиться»,
Да в кармане ни гроша.
Злясь, тихонько матерится
Окаянная душа.

А октябрь листвы насыпал –
Успевай лишь подметать!
Дед совсем в осадок выпал.
И... прилѣг на листьѧ спать...

* * *

Дни не идут – они летят.
Неделя мчится за неделей.
За листопадом – снегопад.
А следом – вешние капли.

Не замечая в небе звѣзд,
Погрязнув в бытовой рутине,
Как муха в липкой паутине,
Ты задаѣшь себе вопрос:

К чему пустая суета,
Коль жизнь так быстро пролетает?
Чувств пропадает острота.
И ничего не удивляет.

Не лучше ль пламенем гореть,
Живя неистово и ярко,
Чем век коптеть и тихо тлеть,
Жизнь завершив огарком жалким...

Елена Кисловская Дружковка
БАЛЛАДА О ПАДШЕМ АНГЕЛЕ

Летел и думал;
«Смогу помочь»:
Любил и верил –
и день, и ночь.
Отдать – до капли,
вернуть – зачем?
Нет сил – иссякли,
помог не всем.
Прощал обманы
и ждал: поймут.
Что людям раны?
Ещё кольнут.
В любви услышал:
«Попроше будь,
наивен слишком,
свет звѣзд забудь».
Взлетал и падал.
Вдруг понял он,

что с верой в Правду
смешон... Смешон!
Тогда в последний
он раз взлетел
и больше верить
не захотел.
Привык. Обжился.
Обрёл покой
и стал терпимым
ко лжи любой.
Семья и дети.
Доволен всем.
Правдив стал в меру,
и в меру смел.
Когда же ночью
болит душа,
из дома выйдет
и не спеша
приладит крылья,
взмахнет, взлетит...
Вернется – спрячет.
Переболит.

* * *

Когда смеётся женщина от счастья,
На небесах прощается ей всё.
Ведь счастье – это с кем-то соучастье
В той ноше бед, упрёков и несчастий,
Которые по жизни мы несём.
Когда смеётся женщина от счастья,
Она открыта для любви и света,
В тот миг она пред Вечностью в ответе,
Ей все по силам, что угодно стерпит,
Спасти сумеет от любой напасти.
Когда смеётся женщина от счастья, –
Прости Господь, и не судите, люди:
Ей так нужны забота и участие,
Уверенность, что лишнею не будет.

СКРИПКА

Женщине

Она ожидала долго.
Из футляра её нередко
Доставали. Любуясь, вздыхали,
Возвращали: «Проще – верней».
Среди многих себе подобных

Не могла показаться броской,
Взгляд невольный не привлекала,
Лик от времени потускнел.
Но в мерцающе-тусклых изгибах
Сотворенного Мастером тела
Тайну Духа хранила безмолвно
И любых заклинаний верней.
Но однажды по ней пробежали
Чьи-то чуткие, нервные пальцы
И, не веря, ещё раз вернулись
К грифу, струнам,
погладили лак...
Ожидаемое свершилось:
Слившись с телом,
душа встрепенулась
Птицей, вырвавшейся на волю,
И запела. Но как...
Но как!

* * *

Не натопчите похода в душе,
Пусть даже в ней и не
стерильно чисто,
И даже самый пошленький
сюжет
Сыграйте с виртуозностью
артиста.
Не опускайтесь до удобства
лжи –
Удобство это призрачно и зыбко:
Чтоб совесть вы сумели
заложить,
Поманит золотой игривой
рыбкой.
Я о любви, пожалуй, промолчу,
Она ведь людям, как талант
даётся.
Себя вверяют ей не на
чуть-чуть,
Но до тех пор, покуда
сердце бьётся.

Юрий Коломиец Счастье

ЗОВ СЕВЕРА

Заповедный, дикий, необжитый,
Покорённый мужеством людей,
Крайний север, все мои открытия
С яркой далью связаны твоей.

Ты зовёшь меня к себе зимою
Долгим завыванием пурги.
Буйным летом, шалою весною,
Ароматным запахом тайги.

Треском дров в охотничьей избушке,
Сном коротким около огня.
Чаем из простой походной кружки,
Что спасал от холода меня.

Манишь ты просторами седыми,
Чистотой своих бурлящих рек,
Тропами звериными глухими,
Где ни разу не был человек.

Верными друзьями на маршруте,
Кто не раз в походе горячо
В самую тяжёлую минуту
Подставлял надёжное плечо.

В грозном шуме звонких перекаатов,
В снеговом безмолвии хребтов
Слышу я тревожный и набатный,
Сердца стук и твой призывный зов.

ГРУСТНО МНЕ ...

Запуржило, закрутило, занавесило
Белым покрывалом Колыму.
Я смотрю в окно, и мне невесело,
Грустно мне, не знаю, почему.

Может, оттого, что дни весенние
Где-то позади остались там,
Молодость, любовь, и вдохновение,
И полёт к заоблачным мечтам.

Может, оттого, что стал разлучен
Пущей Беловежскою с семьёй,
Может, потому, что стал измучен
Вместе с разворванной страной.

Может, потому, что там, за тучами,
Будущее прячется во тьме.
И надежды нет, что станут лучшими
Годы, что ещё остались мне.

Может, потому, что провожаю
Множество испытанных друзей,
Тех, которых с Севера пинают
Сапоги безжалостных вождей.

Может, потому, что жизнь торопится,
Не могу уже за ней поспеть,
А ещё так много сделать хочется
И ещё так многое успеть.
А метель звенит прекрасной песнею,
Украшая снегом Колыму,
Красота! А мне совсем не весело –
Грустно мне, не знаю почему.

СЧАСТЬЕ

Внучка спит у деда на руках,
Безмятежно разбросав ручонки.
С радостной улыбкой на губах:
Снится что-то доброе девчонке.

Добрый принц, красавица княжна
И Руслана славная победа –
Из прекрасной сказки, что она
Только что услышала от деда.

Дед сидит, стараясь не дышать,
Проронить боясь хотя бы слово,
Чтобы сон прекрасный не прервать,
Горд собой, хоть выглядит сурово.

Мало дней хороших видел он,
Счастье обошло его сторонкой.
Вот и мысли только об одном:
«Пусть оно достанется девчонке».

Василий Кузьменко Красный Луч

ПЛАМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Мимолётный один только взгляд...
Сколько в нём красоты и огня!
Обожгла ты случайно меня.
Я ж растаять под ним буду рад.

Отогрей моє серце, молю!
 Растопи в нём отчаянья лёд,
 Ведь любовь здесь давно не живёт,
 Покорившись судьбы февралю.

Взглядом знойным со мной согреси,
 Полыхни, словно в небе заря,
 Не скупись – он зажжётся не зря,
 Озаряя глубины души.

ВІДПОВІДЬ

(розгорнуто)

Якщо ти мені колись-таки відповіси...

Якщо ти колись... Не обирай паперу!

Юлія Бережко-Камінська

Папір непотрібний, – знаю, коли теплом
 В безодню ночей душа надсила сигнали,
 Пульсуючи болем, сумом, рясним добром,
 Якого ніколи, – вірю, не буде мало.

В крилатих твоїх рядках – неосяжність мрій,
 Думки, мов птахи, здіймаються в чисте небо.
 Мій серця приймач, сигнал розпізнавши твій,
 Вистукує те, що серцем почути треба.

Для мене твій кожен лист – мов ковток весни,
 Який увібрив терпкий аромат конвалій,
 Як подорож в ті далекі казкові сни,
 Що линуть у спрагле серце із рідних далей.

Хоч ніч розсипа над степом зірковий пил,
 З небес кам'яних, як звір, скаженіє лютий,
 Проте зупинити мрії – забракне сил,
 А ширим серцям – послання однак відчути.

Хай теплою миттю лист усміхнеться мій –
 З далеких світів яскравим душі привітом.
 Я в нього вкладу терпкий оберемок мрій,
 Долаючи сходи днів між зимою й літом.

Як дивно цей світ створив Той, хто любить нас,
 Хто втілює любов без меж на віки у Сині,
 Крізь безліч століть вогонь почуттів не згас –
 Нас Бог, як дітей несе на руках донині.

Чи є важливіше щось у моїм бутті,
 Ніж те, що в душі зросло, принести до Нього?
 Вдихнувши на повні груди, щасливі ті,
 Хто сенсом свого життя обирають Бога.

Нехай Його Лист і нас зігріва завжди,
Долаючи те, що світ – взагалі не в змозі.
Відправимо ще не раз із думок листи,
Долаючи прірву літ по вузькій дорозі.

ВІН НЕ ЗАБУДЕ

Хто ми? Непомітні атоми?
Чи розсипом зорь – світи?
Ми серцебиття не квапимо,
А мусимо просто йти.

Знайомих пісень переспіви
Зі щемом хвилюють знов.
Пливемо річками скреслими,
Та весни бентежать кров.

Себе ж бо самих чи знаємо?
Когось – і надії – зась.
То квітнуть літа розмаями,
То враз стебелинка – хрясь!..

Кружляння мізерних атомів
І зоряний пил світів –
За мить все, що маєм – втратимо
В пожовклих рядках листів...

Але ж до Твоєї, Господи,
Найвищої з всіх висот
Йдемо ми стежками росними,
Сприймаючи дар чеснот.

Любов Твоя, Боже, істинна,
Хоч зайдемо ми за край,
Несе нас крилами бистрими
В земний благодатний рай.

Диана Липка Стаханов

Кто-то сад посадил по кругу –
Ни начала и ни конца.
Аромат пропитал округу,
В ожидании пчёл пыльца.

Обцелованы солнцем летним
Разноцветных плодов шары.
Но ни стал этот сад столетним,
В память сложены все дары.

Круглый сад поглотила вечность
Надо было сажать крестом.
Может он отпугнул бы нечисть,
Подошедшую с топором.

Я еду к морю в поезде,
А за окном – страна.
Её пейзажи – повести.
Стихи – её тона.

Вот станция «Зелёная».
Пчёл эскадрон летит.
Коза, в траву влюблённая,
Пасёт свой аппетит.

И колокольчик старенький
По ветру сеет звон.
Его козлёнок маленький
Лизнул со всех сторон.

И вдруг желанье сильное
Охватывает грудь –
Не ехать к морю синему,
А в море трав нырнуть.

И если б горькой прозою
От поезда отстал –
В траве бы рядом с козами
Кузнечиков искал...

ТРИ ПУТИ

Где-то встретились однажды
Три Пути, как в сказке той.
И поведал из них каждый
Смысл свой жизненный земной.

Молвил сухо Путь Тернистый:
«Закаляю лучше стуж.
И колючий я, и мглистый,
Кто прошёл меня – тот дюж».

Млечный Путь сказал блестящий:
«Просто я людей люблю.
И своей звездой летящей
Их желанья ловлю».

«Мне покорны все, не скрою.
Про плохое позабудь.
Тайну я тебе открою», –
Прошептал Последний Путь...

Александр Морозов Дебальцево

Говорят, что на белом свете
Есть места, где любовь и радость,
Там растут счастливые дети,
Стариков не пугает старость.
А у нас, если дождь – то с градом,
Если ветры – то суховеи...
Никому ничего не надо
И никто никому не верит...
Может быть, всё изменится вскоре
И у нас будет жизнь-малина.
Я увижу Японское море
Поголяю по улочкам Рима,
Может быть я поплаваю в Ганге,
Поднимусь к вершине Эльбруса...
«Помечтай», – улыбнулся ангел,
Так похожий на Иисуса...

КАСТИНГ

Дождь прошёл стороной –
странно...
Отчего мне сейчас
тошно?
Отчего бережу
раны
И копаюсь в своём
прошлом?
Гром гремит и всё небо
в тучах
Но ни капли воды
на землю...
Я когда-то был самым
лучшим
И в красивые сказки
верил.
А теперь я не верю
в сказки.
Погремлю, но не брызнут
слёзы...
Записался на жизни
кастинг
Неизвестный поэт
Морозов...

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Знаешь, полная луна может многих раззадорить,
Над полями – тишина и едва заметный шорох.
К небу тянутся ростки, поднимаясь над землёю
Земляные червяки, неустанно норы роют.

Почка лопнула в саду! Ухнула лесная птица!
Рыба плещется в пруду, собираясь нереститься.
И кружится голова, сами пишутся сонеты,
Расцветает сон-трава и другие первоцветы.

Новая зажглась звезда, а другая – отгорела,
Словно струны – провода, ветер перебрал умело...
А в квартирах городов вряд ли кто вообще заметил,
Как на струнах проводов до утра играл нам ветер.

ВОЛОСЫ ВЕРОНИКИ

За 300 лет до новой эры жила царица Береника (была царица Береника женой Птолемея-царя)

Для подданных служа примером, и древним следуя заветам, сияла царственной красою, как предвечерняя заря.

Сирийцам мирно не живётся, воюет с ними муж-воитель, ну а жена кусает локти и рвёт в волненьи волоса...

Победа просто не даётся... – О боги! Мужу помогите! Отдам вам всё, что захотите! Хотите волосы? Берите... – И на пол падает коса...

Муж возвращается с победой. Жена воителя встречает. Он у супруги вопрошает: «А где же волосы твои?»

Какие ты познала беды? – Мои власа у Афродиты. Как благодарность за победу. Как знак моей большой любви.

Жрец-астроном по кличке Конон, такую весть чете законной, что правила тогда Египтом, под утро радостно принёс,

Что жертва принята богами, (вы можете увидеть сами) созвездье новое над нами сияет в виде женских кос...*

**Своим названием это созвездие обязано Беренике (Веронике) — жене египетского царя Птолемея III Эвергета (III в. до н. э.), которая отрезала свои прекрасные волосы и поместила их в храме Афродиты в благодарность богине за победу над сирийцами, дарованную её мужу. На следующий день жрец-астроном Конон сообщил царской чете, что жертва была принята, и он наблюдал ночью новые звёзды в виде женских кос.*

Людмила Мосина Кременчуг

ГОСТЬ СИБИРСКИХ ДАЛЕЙ

Мне приснился болотный лишайник,
Уходящие дали берёз.
Я давно только гость здесь случайный
По приезде с букетиком грёз.
Тут из крохи я стала берёзкой
В окруженьи тобольских холмов,
Оставаясь под тенью неброской
Деревянных смолистых домов.
Сколько чаги прилипло губами
На берёзовый старенький лес.
Пьёт он свежесть хмельными губами,
Как вино на Кавказе черкес.
Редко встретится жёлтая липа
С золотую копною волос.

Растревожит с пригорков осиплый
Грустный ветер, поющий до слёз.
Как я жду, что в лесу костяника
Загорится искристым ковром,
И посмотрит в глаза княженика
На поляне цветочных костров.
Наслаждаясь нектаром, как пчёлы,
Княженику ко рту поднесу
И на зов отдалённый, весёлый
Утром я побегу сквозь росу.
Где вы, игрища шумные детства?
Я спартанкою стала с тех пор.
В поединках могу разогреться,
Из стихов выметая весь вздор.
Где глаза ребятни озорные
В монастырском приюте беды?
Там зимою глядели шальные
В окна вьюги сквозь наши мечты.

АРХИВ ПАМЯТИ

Копаясь в старых именах
В архиве памяти моей,
Чтоб лица, высветлив в словах,
Узнать детдомовских детей.

Раскрыть их тайны бытия
И судьбы, скрытые от глаз,
Где время каждому судья.
И мир не ждёт в объятья нас.

Они, как тени в стороне,
Мелькнув, исчезли навсегда.
Но снова тянутся ко мне
Их руки детства сквозь года.

Как одуванчиковый пух
Уносит ветер в никуда.
Так разбросала всех подруг
Судьба по разным городам.

Не знаю я их адресов,
И кем кто в этой жизни стал.
Куда писать? И есть ли кров?
Молчат детдомовцев уста...

Татьяна Мыхлик Попасная

Рыхлый снег. Терпкий запах мимозы.
Бродит в воздухе мартовский хмель.
Словно чистые девичьи слёзы,
Первый признак весенний – капель.

У зимы нет былого азарта,
Ведь старухе давно на покой.
Рассыпает лучи солнце марта
Щедрой, ласковой, нежной рукой.

Тяготится земля снежным грузом.
Неохотно зима ползёт прочь.
Сочным спелым, душистым арбузом
Пахнет марта холодная ночь.

Есть вдох и выдох... Кислород сердечку.
Ещё жива... А может, не живу?
В любой момент жизнь может дать осечку,
Отправив на другое рандеву.

Богат ли, беден, неизвестен, знатен –
Отмерян каждому кусок холста.
Нельзя прожить без грязных, чёрных пятен –
Начать всё можно с чистого листа.

Я словно сплю. И лень мне просыпаться.
Но есть полёт – во сне ли, наяву.
Упасть гораздо проще, чем подняться.
Заполненный листок на части рву.

Оживают тени в доме старом.
Лишь погаснет солнца яркий свет,
Зеркало причудливым овалом
Отражает след минувших лет.

Появляется неясный шорох,
Тихий шёпот, чей-то силуэт.
И воспоминаний целый ворох
О любви, которой больше нет.

Был хозяин прежний весел, молод
И влюблён. Писал стихи в тиши.
Здесь бессильны время, мрак и холод:
Дом хранит тепло его души.

Вот мелодии забытой звуки:
Невесомы, призрачны, легки...
Маленького эльфа крылья-руки
Оживляют розы лепестки.

Старое окошко тихо плачет.
Сумерки меняют интерьер.
Дом легенды и преданья прячет
В пыльных складках бархатных портьер.

Иван Нечипорук Горловка

Я люблю украинскую речь,
Но её не считаю родною,
Этот факт не даёт мне покоя –
Он завис
как Дамоклов меч.

Я был вскормлен другим языком:
Я тепло южнорусских наречий
С материнским впитал молоком.
Русской речью был очеловечен!

Мой славянский род – равновелик,
Не объять его мерою узкой...
Я люблю украинский язык!
Но родным я считаю –
русский!!!

ШАРДЕНОВСКИЙ ДЕНЬ

Этот день так возвышенно строг, как полотно Шардена,
И течёт над февральскою улицей призрак тоски.
Но сегодня надежды со мною настолько близки,
Что я вырван у этой хандры из тягучего плена.

Растворился туман обречённых иллюзий. Вальяжно
День крадётся за мной, словно наглый шарденовский кот.
Он ведь знает, что цель моя – только вперёд и вперёд,
В этой хитрой игре, за которую взялся отважно.

КОЛОС

Я – колос пшеничный, нас – море, но я здесь один.
Один – не сгибаюсь под ветром и тяжестью зёрен.
В стремлении к солнцу я принципиально упорен,
И в верности свету, давно сам себе господин.

И пусть по-холопски собратья склоняются вниз,
Судьба – не подарок: и ветром, и градом нас било.
Но если я слышу бряцающий лязг мотовила,
Я твёрдо уверен – прогнаться, не значит спастись.

РЯБИНОВАЯ БАШНЯ

Тикки Ш.

Тырываешься в мир мой из светлой страны идиотов,
Воспевая уродов и пение чёрных ворон.
И меня увлекает твой голос в сырое болото,
Где тяжёлые образы, словно застывший гудрон.

Все твои короли и пажы, проститутки и донны,
Словно с древних порочных и мрачных полотен сошли,
Ты снисходишь до них, извлекая из ямы бездонной,
Обличая пороки безумной старухи-Земли.

* * *

Седящий город, как странник с клюкой возле храма,
Бормочет молитву, и грезит о завтрашнем дне.
Святой простотою исполнен, и верит упрямо,
Что мир не сгорит в безрассудном холодном огне.

Беспечная молодость, мысли шальные и злые
Безбожные годы – безумный и страшный загул.
Всё минуло это, но совести раны былые
Его доконали, и город в тоске утонул.

Озябла душа, вены рек от хандры промерзают,
И стынут ладони ржавяющих рук-тополей.
Но город не спит, омывая проступки слезами...
Он выживет в чистой молитве и вере своей.

Владимир Предатько Северодонецк

Сховав гіркоту понад шляхом полин,
Мечі назавжди повростали в долоні,
Втомились Софія, Бахмут, Чигирин,
Втомилась земля. і втомилися коні.

Над тим що було щось шепоче трава,
Та постать стоїть – вартова бездоганна,
То хто ж вона буде? Праматір? Вдова?
Уже невід’ємна частина кургану.

Стоїть і мовчить, бо життя тут чуже.
Заклякла повіки, немов у полоні.
Історію краю свого береже
В якомусь старечому напівпоклоні.

Крізь марево часу своє вигляда,
Уже не земне, а далеке, космічне...
Колись ця красуня була молода,
Стоїть і мовчить про життя потойбічне.

Залишилось все у далекій порі,
У Дикому Полі, мов тїнь легкоплинна...
Кружляє невтомно шуліка вгорі,
Та ген коло яру сумує калина.

ПРИДІНЦЕВЕ ПОРУБІЖЖЯ

Примарилось за прірвою часів,
Що спокою немає коло броду –
Загоптаний геть берег аж просів,
Де коні п’ють з Дінця холодну воду.

То здалеку, з туманної імлі,
(Бо зношені тавровані підкови),
Шляхами прапрадавніми пройшли
Володарі приреченої мови.

Тріщали поміж ребрами списи
Та люди шаленіли до нестями.
Чорнилом із кривавої роси
Історія писалась. Та мечами.

Не всім у тих розвагах повезло,
Це знають Прикінцеві степ і кручі.
Їх без числа тут воїв полягло,
З того й земля тепер така родюча.

А може то мені наснився сон,
Що з давнини тривожно докотився...
Мене хотіли взяти у полон,
Та я іще тоді не народився.

Орден Славы утверждён Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8-го ноября 1943 г., и состоит из трёх степеней. За время войны только Орденом Славы третьей степени были награждены 997 815 человек. Изготовлен полностью из серебра. На рынке я увидел орден Славы третьей степени за № 722 115. Очевидно, он был вручен герою перед самой Победой.

Лежит на торгах беззащитно-красив
Отсветом победного счастья,
Ушедшего века военный архив –
Свидетель войны и ненастья.

Прицельным огнём зацепили меня
Копателей черных находки –
Как искры слепые святого огня
Значки, ордена и колодки.

Я бережно в руки награду беру
И чувствую тяжесть прохлады,
Зачем ты на рынке лежишь на юру?
И кто был хозяин награды?

Среди непутёвой мирской суеты
Потомкам случайно достался,
На нём шестизначные числа видны –
722 115.

Растаяли в буднях Священной войны
Защитников строгие лица,
Они издалёка уже не видны,
Их жизнью ушла колесница.

Торговой палаткою стала страна,
Совсем растерявшись в бедламе,
Снесла на продажу свои ордена,
А вышло, что продана память.

Убитого века мольбы не слышны,
Здесь впору стране разрыдаться...
Лежит на продажу осколок страны –
722 115...

Рина Ца Харьков

Не забыть тебе... и этот
Гвалт разбуженных сорок...
На плече твоём с рассветом
Мой златистый завиток...
Как из нежного глагола
Сделала тебе капкан.... –
Так желал «обманность слова»
Только Ма-кси-ми-ли-ан*....
Как из рук плела оплётки
Вкруг тебя – наискоски... –
Чувств рассыпанные чётки –
Не сдержали узелки....
Как на рынке Бессарабки
Потерялась в двух шагах...
Как грузин – торговец... в шапке...
Мне своё вдогонку – «Вах!»
Как по моему хотенью –
Вдруг букет из бузины!
Как по щучьему веленью –
Ваза киевской княжны!...
Как в грозе нашли забаву –
Неба чёрного расщеп
Как пришёлся нам по нраву
Взбаламутившийся Днепр...
Как, промокшая до нитки,
Я устроила бойкот:
Ну их – ...мокрые пожитки!
Дай твой сладко-властный рот!...
Как из всех подлунных спален
Возжелал лишь ту... со мной.
Как строкой моей захвален....
В час,... когда сказала: « Мой!»...

О, СЕРДЦЕ!

Не передать, как я тебя люблю!...
Мятежным чувствам вновь дала поблажку...
Смотри, как обнажаю... Нет!... Стелю
Тебе под ноги Душу – нараспашку!

*Максимилиан Волошин

За рёбрами – прикованный звонарь,
 Не знающий гордыни, ни сословья...
 Звони вовсю, искусник мой! ... Не жаль,
 Что бьёшь колокола. – Бей на здоровье!

Опровергай наивность аксиом –
 (Два раза ... и в одну и ту же реку!...)
 О, сердце – филигранный, странный дом –
 Не «раскусить» пресыщенному веку

То чудо ... из невысказанных чудес!...
 В нём безупречны – драма и реприза!
 Загадка! – не по силам!... слыше!... чрез... –
 Хранит так тайну только Мона Лиза...

Люблю!... Наперекор всему!... Назло
 Оголена!... – Стальные сняты латы....
 Не в первый раз я ставлю на зеро...
 В сто первый раз, разрушив постулаты...

ЛЮБИТЬ ВЗАХЛЁБ

Любить вздохом, предать себя огню,
 Выращивая сердца парадоксы...
 Поверить слепо злему февралю,
 Что зацвели метельчатые флоксы

В саду замёрзшем... неба козырёк...
 Скамья под сном из снежного сатина...
 .. Коснуться губ... и выказать намёк
 Предложенною долькой апельсина.

Играть себя... Прикрыть рукой глаза...
 Считать до трёх... изображая дуру...
 Простыть тобой, температура... за...
 И... за любовь пить горькую микстуру...

Достичь успеха в юном озорстве... –
 Лепить снежки из бело-белой сдобы...
 В признаниях стоять на голове...
 Найти, ... что все сугробы – белолобы...

Душою всей потворствовать «ЛЮБЛЮ» –
 Приумножать и холить парадоксы...
 И обнаружить, сдавшись февралю,
 В своей душе метельчатые флоксы...

Виталий Свиридов Алчевск
КО ДНЮ НЕЗАВИСИМОСТИ УКРАИНЫ...

Проходит август. В комнате темно.
 Гляжу, как будто из-за рубежа, –
 В надземный мир распахнуто окно
 На высоте шестого этажа.

Внизу повис на кронах тополей
 Дожливый сумрак городского лета...
 Сезонный Рай для местных «королей»
 Под крышей суверенитета;

Для прочей челяди – полярная зима,
 Да рюмка

«оковитої»,
 чтоб не сойти с ума...

Чудны́ несообразности людские...
 Ум с Разумом не мирятся никак;
 Видны

сквозь тучи
 вспышки грозовые,

А между вспышками,
 как бездна – полный мрак!

Поторопись, Гроза – Царица ночи!..
 Да так (!),

чтоб к небу обратил глаза
 Власть
 предержавший люд,
 и всякий прочий,..

Чтоб миром всем
 не лечь под образа.

Благослови забытую обитель,
 И в душах скверну выпали дотла,..
 Чтоб поутру

проснулся
 каждый житель,

А суть его возвышенной была!

ЧАША ГОРЬКАЯ

Своенравны ветра
 Перемен –
 Роковые и роковые...
 Человечьему счастью
 Взамен
 От прогресса –
 Пиллюли шоковые.

Людам, «доброе семя»
Не впрок;
Мир и сам себе
Нынче не рад...
Бьёт по нервам
«Тяжёлый рок» –
Похоронная музыка
В Ад.

Где-то в прошлом
Грустит Шопен,
У органа спит
Мудрый Бах...
И хмельная,
От вспоротых вен,
Бродит Смерть
Со шприцом в руках.

Чашу горькую
Через край
Переполнят
На выдохе ночи...
То ли в Ад летим,
То ли в Рай?!..
Можно... и в никуда...
Между прочим.

NATURE MORTE

На обозрение
Орудовал кузнец.
Толпа
Его радушно принимала..
Кричали дети,..
Музыка играла...
Когда,
Уже под вечер, наконец,
Угомонился
Яростный творец –
Вокруг всё замерло,
И... публика устала.

Апофеоз труда,
Преодолея вес,
Вознёсся к небу
Ко всеобщей радости!..
Дышал ещё огнём
Новорождённый лес,

Охваченный пожаром
Побежалости.
Внахлѣст
Откованы
И листья и трава,..
Кусты
В причудливом
Хитросплетении...
Возможно
Здесь и не нужны слова, –
Уместны лишь восторг,
Да умиление?!
Однако, из травы,
Вдруг
Выпрыгнул кузнечик,..
Облюбовал
Железный пьедестал...
Творенье Божее,..
Почти, как человек,
Взглянул на солнце,
И... за-стре-ко-тал!..
А я подумал:
Как силѣн кузнец –
Создатель красоты
Из мѣртваго металла!..
Но, всё же,..
Всѣ же,
Трижды прав мудрец:
С природой спорить
Может лишь юнец,
Которому
Любви не доставало!

Лидия Соколко Сватово

ЛИШ ПАХНЕ ЛИСТЯ

О, літо бабине! Останній теплий день!
Коштовне листя в осені на скронях.
Дерева сиплять золото із жмень:
Неначе гривні – листя на долоні.

Нізвідкіля – як можуть виникать
Такі чудові, витончені звуки?
...На відстані я стала відчувать,
Коли струну торкають Ваші руки.

Від чого тії порухи душі?
Лиш пахне листя, сонцем обігріте.
Під серця стук римуються вірші,
Але чи зможе хтось їх зрозуміти?

Погасне день, немов чиєсь життя,
Розкида листя вишня біля хати.
Скажіть, навіщо серцю почуття,
Коли все рівно їх не здарувати?

Я кину їх в дощів холодну рать,
Де вітер, наче вовк голодний, вис.
Осіньню зливу буду я прохати –
Хай душу начисто від зайвого відмие.

РАДІСТЬ

До занімалої душі,
Що мерзла на сухім морозі,
Назустріч радість побіжить
І маму стріне на порозі.

До неї серцем припаде,
Щоб не розстатися ніколи.
І тихо сонцем назове,
І рідною, і золотою.

Утому витре на лиці,
І скаже: «Мамо, ти красива».
Погладять руки-промінці
Вже де-не-де волосся сиве.

І відчувається – в мені
Відходять зашпори останні,
І почуття – мов навесні
Квітки з відмерзлої поляни.

Що в світі найдорожче є?
Дитя... Само того не знає,
Як світлу ніжність перелле
У серце, зболене до краю.

Фёдор Тарасенко Старобельск

РОДНЫЕ ВЕРБЫ

Сам себе не верю.
Вижу дом родной,
Чуть склонились вербы
Молча надо мной.

Вновь трепещет сердце,
Слезы на глазах.
Жаль, бегу я в детство
Только лишь в мечтах.

Синеглазой речкой
Юность протекла.
Жизнь, как звёздный вечер,
Вся почти прошла.

День за днём мелькает,
Превращаясь в снег.
Мне вполне хватает
Счастья при луне.

Мне приснились вербы,
Дом наш над рекой.
И я свято верю
Мудрости седой.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СЫН

Вот и снова вызрела калина,
Сизые туманы полегли.
Мать всё ждёт единственного сына,
Жаль, что улетают журавли.

Мать сказала журавлям крылатым:
«Передайте сыну моему,
Что уходят годы без возврата,
Тают на кострах в густом дыму».

Журавли, над сыном пролетая,
Передали мамины слова.
Сын слезу невольную роняя,
Им сказал: «Я рад, что мать жива».

Полетел он с клином журавлиным,
Чтоб увидеть мать, родной порог.
Вновь морозом вызрела калина,
Что там впереди – лишь знает Бог.

Сын пришёл, а мать уже седая,
Ей сказал: «За всё меня прости,
Жизнь ты подарила мне, родная,
Указала верные пути».

«Мой сынок, не стоит огорчаться,
Дай тебя покрепче обниму.
Мы не будем больше расставаться,
Пусть растает прошлое в дыму».

ЖАЛЬ, ЧТО БЫСТРО ЮНОСТЬ ПРОЛЕТЕЛА...

Жаль, что быстро юность пролетела,
Словно сон, средь радужных полей.
На неё взглянуть мне захотелось
Сквозь густые кроны тополей.

Улетела юность без возврата,
Как голубка в сказочную даль.
Пусть лучи пурпурного заката
Унесут уснувшую печаль.

Я себе оставлю в небе звёзды,
Где-то встречу юность у костра.
Звёзды для меня – родные сестры,
Мне не сосчитать их серебра.

Ясный месяц в кареглазом небе,
Словно в речке юности моей.
Все плывёт, как стройный белый лебедь,
Средь счастливых чувственных ночей.

Елена Хейфец Днепропетровск

Не уходи, любовь, из сердца моего,
Потеря эта пусть меня минует!
С ней пишутся стихи и голуби воркуют...
Не уходи, любовь, из сердца моего!

Я обещаю дам быть терпеливой в меру,
Внушив самой себе, что не всегда права.
Но только та любовь имеет все права,
В которой до конца не потерялась вера.

Побудь ещё со мной, магическое чудо,
Надежда всех надежд, мой чуткий камертон!
Пусть груз велик и неподъёмен он,
Но с ним я вновь всесильной буду.

Когда земная нить однажды оборвётся,
Душа моя найдёт иной приют,
Все чувства от меня тогда уйдут,
Но пусть любовь со мною остаётся!

Строке родиться было не дано,
И... вырвана ненужная страница.
Но голубь из неё бумажной птицей
Легит легко в открытое окно,
Где мир звенит, и тысячи лучей,
Его качают, словно в колыбели.
Но он один. Без дома, без постели...
Он одинок без нежности моей.
Душа жила и трепетала в нём,
Пока он смог на землю опуститься...
И было жаль бумажную синицу,
Которая не стала журавлём...

Не осложнить бы отношений
С пером, бумагой и собой.
Немеет сердце в предвкушенье
У двери, где живёт любовь,

Где на рассвете звонки птицы,
Идут дожди, стучат в стекло,
И у не начатой страницы
Так холодно... и так светло...

Ещё не вижу я созвучий,
С которыми отправлюсь в путь...
Нет ничего на свете лучше,
Чем их найти когда-нибудь!

В них дерзость первого побега
Родит нетронутость листа.
В них белизна и холод снега,
Где чувств сокрыта нагота.

Мне б сил, терпенья и отваги
Не дрогнуть, стоя на краю.
Опять перед листом бумаги,
Как перед пропастью стою...

В Париже дождь такой же, как у нас,
И звёзды здесь такие же большие,
Но поливальные машины тут другие
И на углу не продается квас... .

Здесь, как везде, врасплох застигнет дождь.
День начинается в кофейне с круассаном.
Свою французскую имеет он осанку –
Парижский день... На наш слегка похож...

На проводах расселись наши птицы,
Случайные совсем, как я в Париже.
Хоть этим город стал немного ближе,
Но очень захотелось возвратиться...

Я навсегда с тобой, Россия!
В речном тумане, стылых росах,
Тоске, ветрах небесно синих,
В твоих бурьянах и покосах.

Хочу, чтоб продолжала сниться
Ты в золочёных куполах!
Твои калина и синицы,
Твои младенцы на руках...

Тебя любить, стихи писать,
С тобою плакать и смеяться,
И напоследок пожелать
В твоих лугах травой остаться...

Леонид Шептовицкий Харьков

ЛИРИЧЕСКАЯ-ТУРИСТИЧЕСКАЯ

Я – турист, раз в неделю хожу я в походы,
Раз в неделю мы с ней навсегда расстаёмся.
Я бросаю в рюкзак свой пожитки – свобода!
И решительно топаю в собственно дом свой.

Но неделя пройдёт – и нас тянет друг к другу.
И опять всё в рюкзак свой истёртый бросаю.
И по улицам ранним шагаю упруго.
Раз в неделю мы месяц медовый справляем.

НЕУНЫВНОЕ

На дворе...
В декабре...
Ну и что «на дворе»?
Да, представь – в декабре
Слякоть?!
И ещё – на душе
Тоже мокрый сюжет:
Наловчилась чуть свет
Плакать.

– Пусть поплачется, пусть, –
Улыбается грусть:
Я в стихе обернусь
Бликом.

Чтоб в грядущий мороз
Прокатится вразнос
По дорожке из слёз
Лихо.

ВЕСЕННИЙ ХМЕЛЬ

(шутка)

Мы с собачкою гуляем вдоль
На зиму оставленного сада.
Над забором гроздья винограда,
И у них курьёзнейшая роль:

Замерзали ягоды зимой.
А весной, оттаяв, забродили.
Так же, как их братия в бутылки,
Где напиток зреет молодой.

И весной птицы их клюют.
И тогда – лети хоть в поднебесье!..
Так с собачкой мы открыли суть
Их хмельных весенних птичьих песен.

ПАМЯТИ ЗАЛИВ

Гоним прочь уныние и стоны.
В памяти оставим лёгкий груз –
Тот залив, где сплошь до горизонта
Зонтики сияющих медуз.

И плывёшь по ним ты ледоколом,
Раздвигая скользкие пласты...
Детство тут же рядышком и школа.
В дневниках с пятёрками листы –

Лишь одни отличные отметки
(Двойки выдираем навсегда).
И, как шоколадные конфетки,
Прожитые с мамою года.

Женщина любимая – в расцвете.
И друзья. И никаких врагов.
Злость и зависть – им вернём с приветом.
А себе оставим лишь любовь.
И залив тот, солнышком согретый...

ПЕГАС-КРАЕВЕД

Анна Драй Луганск

НАШ УЕЗДНЫЙ ГОРОДОК

Луганск стал центром Славяносербского уезда в 1882 году. Но прежде чем рассказать об этом, следует рассказать о том, как центр уезда формировался, а также кратко изложить историю возникновения и развития дореволюционного города Луганска.

14 ноября 1795 году Указом императрицы Екатерины был учреждён Луганский литейный завод, который положил начало развитию при заводского посёлка. В 1797 году посёлок получил название Луганский завод (до этого литейный завод именовался Екатеринославским). В конце 1830-х годов посёлок Луганский завод становится центром горного округа, а в 1852 году получает статус горного города Луганский завод.

Но давайте посмотрим предысторию становления уездного центра.

Ранее центром Славяносербского уезда был г. Славяносербск, который был основан 6-й ротой конного гусарского полка Ивана Шевича в 1753 году на правом берегу Северского Донца при озёрах Кривом и трёх Подгорных. По озёрам возникшее поселение назвали Подгорным. В 1784 году с. Подгорное было преобразовано в г. Донецк, административный центр Донецкого уезда, учреждённого в том же году. В 1797 году территория Донецкого уезда была присоединена к Бахмутскому уезду, а Донецкий уезд был упразднён.

К началу 1805 года существовало два мнения о месте размещения города Славяносербска в г. Донецке (с. Подгорное), который уже был центром уезда или в селе Каменный Брод. К этому времени Луганский завод становится по сути дела экономическим центром уезда, а по числу жителей самым крупным селением. К тому же он занимал выгодное географическое положение, имея дороги: на север, связывающие его с Воронежем и другими губерниями России, а на юг – шла дорога на Таганрог.

Учитывая, что Луганский завод находился в ведении Горного ведомства, а Горный начальник подчинялся не губернатору, а непосредственно Берг-Коллегии, находящейся в Санкт-Петербурге, и другой власти не могло быть, наиболее удобным местом для уездного города было признано селение Каменный Брод. В конце 1806 – начале 1807 гг. здесь были размещены присутственные места, и город получил название Славяносербск. У местных жителей арендовали строения для размещения уездного суда, городской полиции, уездного казначейства и устройства острога.

По существующим правилам, если селение получало статус города, утверждался генеральный план его развития. И такой план был утверждён. Предполагалось новую часть города разместить в Каменном Броде в районе расположения в советское время Тонкосуконного комбината им. Ворошилова.

Но этому плану не дано было осуществиться. Случившееся в городе весной 1809 года большое наводнение затопило всё назначенное по плану место застройки. Снова обсуждался вопрос о переносе уездного центра Славяносербска в г. Донецк. Но Славяносербск в Каменном Броде уже существовал и развивался.

Он начал застраиваться, появились купцы и мещане, а утверждённый 29 июля 1811 года герб г. Славяносербска вселял надежду на то, что уездный центр останется на прежнем месте. Война 1812 г. тоже задержала развитие города, и дело о переносе продолжалось почти 8 лет. 10 декабря 1817 года Александр 1 подписал Указ о переносе уездного города в г. Донецк с переименованием его в г. Славяносербск. А Каменный Брод снова стал казённым селом.

Документы, относящиеся к г. Славяносербску в Каменном Броде впервые были обнаружены в Государственном архиве Луганской области (ГАЛО) в конце 2000 года научным сотрудником Городского музея истории и культуры города Луганска Александром Сергеевичем Люлько и в дальнейшем были подтверждены официальными документами, найденными Ю.А. Темником и Ю.Я. Егеревым.

Земельная реформа в России 1861 года отменила крепостное право и имела большое значение для экономического развития страны. Получив свободу и некоторые права, безземельные крестьяне устремились в города в поисках заработка. Началось быстрое развитие промышленности, в том числе Донецкого бассейна, а также интенсивный рост городов. Широкие возможности для расширения деятельности получили купцы и промышленники. Однако управлять делами без городского устройства было затруднительным. Отсутствие городского общественного управления тормозило развитие посёлка. И хотя и без административных преобразований посёлок рос и развивался, купцы, духовенство и мещане неоднократно обращались о переносе уездного города.

Но только с 3 сентября 1882 года после неоднократных ходатайств о переименовании Луганского завода в город Луганск и преобразовании его в уездный город, было решено перенести уездный центр в более перспективный Луганск с перемещением в него административных учреждений (присутственных мест): магистрата, ратуши, Городской думы и уездного суда... Таким образом, Луганск становится центром Славяносербского уезда, коим и оставался вплоть до 1919 года, а г. Славяносербск стал волостным центром.

С 1887 года в городе начались земляные, мостовые и нивелировочные работы на основных улицах города. Город преобразуется.

Со снесением хворостяных казарм начали застраиваться улицы Петербургская, Казанская, Банковская. Застройка города должна была осуществляться согласно инструкции по планировке городов, действовавшей на то время. Инструкцией предписывалось домам быть одной высоты, соблюдать принцип симметрии в архитектурном облике и размещаться по красным линиям застройки. Двухэтажные дома в Луганске начали возводиться во второй половине и в конце XIX в.

Обширности города первоначально способствовало присоединение села Каменный Брод, и наличие частного сектора с одноэтажными и двухэтажными постройками, выходящими на улицу с длинными заборами. Почти при каждом доме был обширный двор, окружённый службами и с огородом.

Не было общепринятого и знакомого нам сейчас порядка в обозначении адресов, и дома обозначались не по номерам, а по их домовладельцам. Иногда обозначалось сословие, которому принадлежал домовладелец, или его чин.

В Луганске, например: дома Сафарова, Гридина, шахтовладельца Ноткина и т.д. Магазины также именовались по их владельцам с указанием титула, ежели таковой имелся, например: «Модно-мануфактурный магазин Почётного Гражданина А.А. Кушнарёва в Луганске, Успенская ул., собственный дом», «Самый обширный московский мясной колбасно-гастрономический магазин Е.И. Ноткина и М.И. Воеводова» и т.д.

С конца XVIII века и до 1834 года в Петербурге существовала валовая нумерация в пределах каждой полицейской части и квартала. Эта нумерация не всегда была последовательна и в быту почти не употреблялась. С 1834 года была введена нумерация домов каждой улицы, чётной и нечётной стороны раздельно. Луганск в некоторых моментах копировал Петербург. В Луганске поперечные улицы назывались «линиями», а стороны широких улиц тоже именовались раздельно: «Крутая правая сторона», «Крутая левая сторона», «Желтянская (ныне Рабкоровская) левая сторона», «Желтянская правая сторона», «Покровская правая сторона», «Покровская левая сторона» (ныне улица Комсомольская), «Троицкая правая сторона», «Троицкая левая сторона» (ныне улица Металлистов).

Нумерация домов начала заводиться с 90-х годов XIX в. Но такой порядок прививался туго. Издавались, распоряжения, но номера всё равно не приживались. Прибегали к запрету писать фамилии на столбах ворот. Были введены фонари с номерами, что позволило различать номер дома и ночью. Когда их ввели в Луганске – неизвестно, но ещё в 50-х годах прошлого XX века участковые милиционеры строго предупреждали о штрафе, если фонарь не горел.

Город развивается, и в 1906 году в Луганске было: населения – около 40 тыс. человек, дворов – 4501 (домовладений), гостиниц – 9, ресторанов – 4 и при каждой гостинице, церквей – 11, кинематограф – 1, городских – 47, околоточных надзирателей – 4, полицейских надзирателей – 2, урядников – 2, врачей – 20, страховых обществ – 11, банков – 2, гимназий – 4, начальных школ – 6. Растёт число промышленных предприятий.

И хотя город Луганск изначально развивался и формировался как город промышленный, он был центром уезда, и в 1899-1890 гг. дворянство уезда избирает своим предводителем потомственного дворянина Ильенко Сергея Михайловича, который уже в 1891 году вместе с городским головой Вербовским В.И. и исполняющим обязанности уездного исправника Н. Тимофеевым хлопотал о гербе города Луганска, утверждённом Николаем II только в 1903 году.

Первая мощёная улица в Луганске появилась лишь в начале XX века. Многие улицы к середине века имели твёрдое покрытие. «Самым распространённым видом мостовой в дореволюционном Луганске была булыжная». Благодаря неровностям, она была не скользкой в дождливую погоду и отличалась завидной прочностью. Но экипажи на них тряслись и громыхали (резиновые шины даже в Москве появились после 1864 г.). Такое покрытие было дорогим удовольствием. Поэтому замощивался только центр города. Окраины имели покрытие из щебёнки, а большая часть улиц ещё очень долгое время, даже после Великой Отечественной войны, вообще не имела твёрдого покрытия.

Об автомобилях в то время не было и помину. Ограничивались лошадиной силой. Весь транспорт был гужевой: для перевозки тяжестей пользовались ломовыми извозчиками, для лёгкой езды – извозчиками. Экипажами были пролётки без верхов и с верхами.

В 1911 году такса для легковых извозчиков в Луганске составляла:

«Пароконных 1-го разряда при трёх пассажирах:

- конец – 40 коп.
- к вокзалу – 50 коп.
- Каменный Брод – 60 коп.
- в з-д Гартмана – 30 коп.
- час – 80 коп.
- день (12 часов и 2 часа отдыха) – 6 руб.

Одноконных 1-го разряда при двух пассажирах:

- конец – 20 коп.
- к вокзалу – 30 коп.
- Каменный Брод или тюрьма – 30 коп.
- в з-д Гартмана – 30 коп.
- час – 40 коп.
- день – 4 руб.».

Всеми этими экипажами пользовались обыватели и мещане, рабочие и служащие, все те, кто не имел своих лошадей. Все, кто мог позволить себе, содержал выездных лошадей. Это считалось хорошим тоном и придавало солидность.

Существовали и «линейки» – длинные экипажи с двусторонними сидениями. Такие линейки сохранились в Луганске и после Великой Отечественной войны, вплоть до конца 1950-х годов XX столетия, обслуживая разные учреждения, в том числе и медицинские. По воспоминаниям старожила г. Луганска Дихновой Анны Егоровны, на такой «линейке» ездили врачи Скворцовы.

О городских нравах того времени сохранилась публикация в одной из газет от 13 июля 1906 года под названием «Берегись, беднота, богачи гуляют»: «В последние дни луганская публика очень пристрастилась к быстрой захватывающей дыхание езде... Что ж, катайтесь, катайтесь, довольные господа, мчитесь как бешеные, по людным улицам во время самого сильного движения, и вы, пожалуй, будете иметь возможность исполнить свой каприз. Задавите какого-нибудь несчастного бедняка, вот вам и сильные ощущения... Может быть, хотите этим выразить порицание тем, другим, беспокойным... Вот мол, смотрите, как жить надо! Спокойно есть, пить кататься, а не разные митинги и бунты устраивать... И без ваших катаний знаем ваши мысли, не заставляйте нас ежеминутно припоминать поговорку: «Берегись, беднота, богачи гуляют», мы и так хорошо это чувствуем, в особенности в теперешний бесправный момент».

Постепенно технические новшества входили и в жизнь луганчан. Получив в сентябре 1910 года разрешение Городской думы, Яков Макаров и Ханин Фрейман открыли в Луганске грузовое и пассажирское автомобильное движение. «Пролёткам лихих луганских извозчиков пришлось пугливо прижиматься к пыльным обочинам мощёных булыжником мостовых, уступая дорогу извергающему пары бензинового перегара грохочущему железом автомобилю. В то же время приступили к разработке проекта строительства трамвайной линии».

В 1899 г. благодаря частным маломощным дизельным электростанциям С. Уманского, а в 1912 г. Я.П. Остроухова и В.С. Сухомлинова в Луганске появилось электричество. И в 1912 г. были освещены первые улицы города.

В начале XX в. телеграфная связь дополняется телефонной. Авцин Павел Иванович в 1903 году заключил с городом контракт об устройстве и эксплуатации телефонной сети, и в 1913 году Луганск уже имел телефонную связь с Екатеринославом, Харьковом, Бахмутом, Юзовкой (Донецком). Контора и станция размещались на улице Петербургской.

Таким образом, к началу XX в. Луганск становится крупным промышленным городом с развитой сетью магазинов, пестреющий по вечерам рекламой и огнями уличных электрических фонарей.

ПЕГАС-ФИЛОСОФ

Владимир Петрушенко Рубежное

ТЕОРИЯ ВЕЧНОСТИ

Я становился деревом,
чтобы проверить теорию переселения душ.
Стоял у дороги
весь в жёлтых листьях мудрости
и философствовал,
глядя вслед беззаботным влюблённым.
Я становился водным потоком,
бегущим через пустыню,
чтобы проверить теорию суфизма:
поил жаждущих, а они
поднимали брошенные монетки,
чтобы никогда сюда не вернуться.
Я становился абсолютной идеей,
шептал на ухо Гегелю:
«Не укради, не убий...»,
Застривал в горле Иуды
колокольными серебрянниками.
А потом... вернулся в ЭГО.
Оно ловило рыбу в пруду
среди зелёных камышей.
ЭГО приложило палец к губам и сказало:
«Тише, ты! Испугаешь вечность!»

ВИДИМКА

Выбелю себя до белизны берёзы,
Выкипачу до стерильности пелёнки.
Доведу чистоту рукопожатия до
совершенства белых перчаток.
Отстираю душу, отшлифую сердце
и, не обнаружив себя в зеркале,
снова вываляюсь, выпачкаюсь,
разругаюсь, раздвоюсь...
И проявлюсь,
снова увидев своё отражение...

ТЕНЬ

Поменяйтесь когда-нибудь местами со своей тенью.
Понаблюдайте за собой, походите...
Погодите говорить, что это абсурд.

Я же не прошу вас сделать это днём,
под солнцем.
Нет – тёмной ночью.
Когда совершенно невозможно
спрятаться от себя
в тень.

ВЕЩИЗМ

Я не очки, чтобы приближать
Привлекающие вас предметы.
Я не перчатки, чтобы находить тёплое место
для каждого вашего пальчика.
Я не тапочки:
меня нельзя обуть или растоптать.
Да, в быту... в быту я шляпа,
и могу вместе с вами над собой посмеяться.
Но всё дело в том, что дело в шляпе.
И вам придётся со мною считаться.

КАК ЧЕЛОВЕК СОШЁЛ С УМА

Человек сошёл с ума, как поезд с рельсов.
Постоял, подумал и — сошёл.
За ним, посмеиваясь и очень осторожно
Последовали разумные люди.

ДОН-КИХОТЫ

Вдоль долгих дорог — Дон-Кихоты худые.
Они держат на руках своих провода,
пропуская через себя ток
человеческих криков.
Но люди не верят в идальго.
Смеются и даже хохочут
в проезжих и скучных зверинцах
у клетки облезлого льва.

ЗА СТОЛОМ

Мы так плотно и жадно сидим,
ощетиня локти,
что левша
чувствует себя не в своей тарелке.
Или становится, как все, — правой,
или накалывает ломтики колбасы на вилку,
улыбчиво извиняясь,
изворачиваясь и прогибаясь.
Но есть ещё одно «или» —
встать и уйти голодным.

ПЕГАС-ФАНТАСТ

Елена Матвеева Луганск

ОСТАНОВИВШИЙСЯ МИР

(отрывок из повести)

Заплыв на середину реки, Тальзар намеренно упорно, долго нырял, дожидаясь, когда звезданы уйдут. Оставшись один, спешно бросился к берегу, обмотался набедренной повязкой, и, цепляясь за траву, вскарабкался на крутой берег. В поселок заходить он не собирался, любопытство гнало его по тропинке вдоль обрыва. Преодолев овражек, по дну которого бежал ручеёк, Тальзар свернул вправо, предполагая, что волчицы снова собрались у скал, недалеко от реки. Не ошибся.

Уже издали юноша услышал знакомый звук, от которого дрожало, вибрировало всё пространство. Лёгкий и одновременно мощный, безудержный, как нарастающая волна, он словно пропитывал собой воздух. Тальзар побежал медленнее. К нарастающему звуку добавился глухой бой барабана. Тропинка стала едва приметной, но, продираясь сквозь густой подлесок, нолеан не сомневался в правильности направления. Внимательно озираясь по сторонам, он перешёл на шаг. Запах прелых листьев, ленивый шелест крон, пересвистывание птиц – казалось, никому не было дела до висящего в пространстве звука, он был частью всего, родным и естественным, единосущным с этой природой. По крайней мере, именно такое чувство испытывал нолеан. Умом он понимал, что поют люди, бьёт барабан, но внутри него нечто вибрировало мощно, завораживающе и умиротворяюще. На четвереньках, ползком в высокой траве, юноша преодолел открытый участок до нагромождения камней, отыскал место, где в прошлый раз наблюдал за звезданами. Внимательно оглянувшись и поудобнее устроившись на коленях, он приник к просвету между камнями.

Поляна находилась чуть ниже и была видна, как на ладони. Обзору немного мешали ветки кустарника, в изобилии покрывающего склоны, но они же маскировали расселину, и нолеан был уверен, что снизу его невозможно было заметить.

Звезданы сидели кругом на коленях, опираясь на пятки или скрестив ноги, ровными столбиками. Глаза прикрыты, руки сложены чашей – эта поза была знакома юноше, не раз наблюдал в ней волчиц. Взгляд задержался на Лит. Расположившись справа, девочка била в небольшой барабан. Рядом Юссар со свирелью и незнакомая девушка с оллем, сидящая к Тальзару спиной. Все мерно покачивались в такт звукам. Почти напротив стояла незнакомая высокая звездана. «Тонин», – догадался нолеан.

Всматриваясь, он не мог определить её возраст. Она была не юна, но никак не старуха. Тёмно-русые волосы потеряли свою яркость из-за лёгкой проседи. Глаза были прикрыты, и Тальзар не видел, какого они цвета. Статную фигуру не скрывало, а скорее выдавало платье из двух полотнищ, скреплённых на плечах пряжками, а на талии перехваченных витым кожаным поясом. При малейшем движении полотнища расходились, обнажая стройные ноги и бёдра.

В фасонах звезданы не отличались большой изобретательностью. Не только женщины, но и дети, мужчины носили подобные наряды, различающиеся длиной, цветом, плотностью ткани – от тёплых до полупрозрачных. При необходимости подол можно было поднять, пропустить между ног или обернуть вокруг бёдер. То, что было надето на Тонин, – расшитое по подолу, вероятно, магическими знаками, – явно предполагалось для особых случаев. В стороне лежали амуниция и оружие, а сидящие звезданы остались кто в набедренных повязках, кто в коротких платьях, кто и вовсе без них. Старшая жрица-наставница стояла, подняв руки в стороны и вверх, обратив их ладонями вперёд к центру круга.

Девушки, сложив руки чашей, сидели, полуприкрыв глаза. Чем больше Тальзар всматривался в отрешённые лица, расслабленные тела, тем больше состояние покоя передавалось ему. Сердце перестало бешено колотиться, дыхание выровнялось. Нолеан отыскал глазами Эгесс. Она, вместе с Керри, сидела справа от Тонин. Звезданы нараспев произносили имя богини:

– Лавор – хя – ал! – затягивали они последний слог – ал–л–л, который летел ввысь, отражаясь от камней, деревьев, и, возвращаясь назад, накатывался волной. Сливаясь с мерным боем барабана, звук становился чем-то густым, осязаемым. Тальзар не понимал, но некая волна проходила по телу, глухой, глубокий звук барабана толчками пульсировал в ногах, ощущался плотным и вязким сгустком не то внизу спины, не то живота. В прошлый раз юноша испугался этих ощущений, в панике сбежав. Сейчас, встретившись с ними как с чем-то знакомым, с любопытством наблюдал за происходящим внутри него. Постепенно, незаметно он закрыл глаза. К барабану добавился нежный, мелодичный перебор струн олля. Звук спокойными струями разливался в груди, успокаивая смятение чувств, сменяющихся безмятежным покоем. Тальзар готов был раствориться и обнять весь мир, кружился, паря где-то высоко над поляной и в то же время ощущая себя сидящим среди скал. Оперевшись лбом о камень, юноша растекался в приятном расслаблении. Медленно проникая в сознание, появился звук свирели, он, словно струна, пронизав голову, потянул тело вверх. И из этой неведомой дали что-то звало, влекло. Куда?.. Зачем?.. Нолеан не знал, но готов был подчиниться этому призыву.

Мягкий, густой бой барабана, переливы струн олля, влекуще-звенящий голос свирели бились, дрожали, переливались внутри, восхищая и завораживая необычностью ощущений.

Потеряв реальность, он, кажется, правда улетел из собственного тела – и не сразу почувствовал прикосновение к плечу. Оно было лёгким, неявным, и юноша не сразу вернулся к действительности. Тело отреагировало быстрее, возвращая сознание. Тальзар открыл глаза. Перед ним стояла звездана, вторая сидела почти рядом. Вероятно, они находились тут давно. В отличие от полугололого сборища, обе в доспехах, с оружием.

«Охрана... – промелькнула мысль. Нет, не промелькнула – проползла, лениво и безразлично. – Глупо было не предвидеть это, – подползла другая. – Ну, и пусть...» – устало вздохнула третья.

Тальзар нехотя посмотрел на звездан. Сидящую узнал сразу – Ильнар, подруга Эсси. Вторую не припоминал. Обе мрачно смотрели на нолеана.

– Хватит, Карси, – чуть устало сказала Ильнар, – пора, по-моему, всё и так ясно.

«Ну да, конечно, Карси!» – встрепенулась мысль. В доспехах, с волосами, собранными на макушке в пучок, она совсем не походила на жрицу у погребального костра.

Карси, сверля юношу взглядом, спросила:

– Ты знаешь, что тебе не позволено здесь находиться?

– Знаю, – мысли немного оживились перед лицом опасности, не лихорадочно, но засутились. – Я случайно забрёл.

– Врешь, – жёстко оборвала Карси.

– Вру, – неожиданно для самого себя согласился юноша.

Девушки переглянулись, на их лицах мелькнул не то интерес, не то удивление.

– Зачем же ты здесь?

– Мне стало интересно.

– Любопытный, значит! – поднявшись, Ильнар подошла ближе, обе сурово, не мигая, смотрели на него.

– А знаешь, как наказывают любопытных?

– Слышал.

– Ты так смел – и ничего не боишься?

– Только дурак ничего не боится.

– А ты, значит, умный?

– Жить-то хочется... – он не смотрел ей в лицо, зная, как взгляд волчицы подавляет волю.

– Неужели? Не похоже, что ты её ценишь, пожаловав сюда.

– Может, я уйду? Просто отпустите меня, – он скользнул взглядом по застывшим лицам.

– Ты предлагаешь нам обмануть подруг?

– Просто не говорите. Никто не будет вас спрашивать, и вам не придётся обманывать.

«Главное – не смотреть в глаза, – подумал юноша, – иначе захватит мысли...»

– А себя нам как обмануть?

– Но...

– Хватит! – прервала Ильнар. – Знаешь, что это?

Тальзар, избегая прямого взгляда, поднял глаза. Ильнар держала длинный нож. На рукоятки, в отвесах лучей Ноллы, кровавой каплей мерцал камень.

– Гранат, – ответил юноша, – красный гранат.

– Ты ослеп? Смотри лучше! Он же зелёный!

Властный голос на миг обескуражил Тальзара, заставив присмотреться.

Звездана медленно подняла нож на уровень своих глаз.

– Зелёный? – юноша в сомнении всматривался.

«Кто-то из нас сумасшедший...» – мелькнула мысль

– Зелёный! Как сочная трава!

– Но...

И тут из глубины камня, словно луч из-за тучи, вспыхнула зелёная искра. Она росла, расширялась, захватывая пространство – и вот уже не было красного цвета... На рукоятки всеми оттенками зелени красовался изумрудный гранат.

– Зелёный, – тихо подтвердил лелеан, поражаясь не то превращению, не то собственной невнимательности.

«Глупость какая-то», – думал он.

– Иди в лагерь! – услышал он издали и ощутил толчок в плечо. – Пора!

«Конечно, пора! Хвала Богом! Всё кончилось. В лагерь, в лагерь! Как тихо, ни звука! Будто глубокая ночь, – он чувствовал под ногами мелкие камни, иногда спотыкался, но мысль, овладевшая им, гнала вперёд, – в лагерь!»

И вдруг ощутил, что его держат за плечи.

«Кто это?» – неожиданно чётко всплыла мысль, и звуки вихрем ворвались в голову: пересвистом птиц в кустарнике, знойным жужжанием, стрекотом кузнечиков. Тальзар поднял голову: он стоял на коленях. Перед ним возвышалась Тонин. Рванулся, пытаюсь подняться; стоящие рядом Ильнар с Карси, жёстко удерживая, надавили на плечи. Нолеан осмотрелся. Звезданы так же сидели кругом, глядя на него. Тут же всплыли в памяти рассказы о жутких жертвоприношениях волчиц.

– Как зовут тебя? – бесстрастным тоном спросила Тонин.

– Тальзар, – хрипловато ответил юноша.

– Ты неосторожен, Тальзар.

– Я не хотел ничего плохого...

– Верю. Но ты знаешь, что уединение жриц Лавор нельзя нарушать? Это наказуемо смертью. Зачем ты пришёл? Только не надо врать, что заблудился.

«Вот и конец славной нолеанской разведке», – подумалось.

– Мне стало интересно, что вы делаете. Я хотел почувствовать, меня просто разрывало любопытство.

– Откуда ты знаешь, что надо чувствовать?

– Я был один раз, но, ощутив непонятное, испугался и убежал. – Тонин искоса посмотрела на Керри, девушка виновато опустила голову. – Я всё время вспоминал, хотел понять. Я не мог не прийти, мне было интересно.

– И ради этого интереса ты решил рискнуть жизнью? – насмешливо спросила Старшая жрица, не спуская с него холодного взгляда.

– Да, – Тальзар почувствовал усталость. – Конечно, я не рассчитывал, что меня обнаружат. Меня что-то звало, я не могу это объяснить, ты не поймёшь.

– Отчего же? – сурово сказала Тонин, но во взгляде появилась мягкость, и смешинки залегли в уголках серых глаз.

Тальзар, сбитый с толку несоответствием слов взгляду, не знал, что думать и как себя вести.

– Что ж, Тальзар, мы не звали тебя. Это был твой выбор. Лаворхяал – Великая Богиня, ведущая по тропе, примет твою жертву.

У Тальзара упало сердце.

«Жертву... – в нарастающей панике он оглянулся по сторонам. Непроницаемые, отрешённые лица – им всё равно. Только у Эгесс взволнованно-растерянный взгляд. – Спасибо, Эсси, хоть ты сочувствуешь. Конечно, одна ты ничего не решаешь. Прощай... – и тут мысль ужасом взорвала голову: – Но я не хочу умирать!!!»

– Ильнар, Карси, присоединяйтесь, вы хорошо справились с задачей.

«О, боги! – осенило Тальзара. – Значит, они меня выслеживали! Я вообразил себя таким хитрым, а они просто расставили ловушку и отловили как глупого, любопытного лиса!»

Тонин обратилась к звезданам:

– Жрицы Лаворхяал, идущие тропею Богини! Этот мужчина пришёл добровольно! Мы не можем спорить с выбором Богини. Керри, Эгесс, возьмите его!

Девушки приблизились, сменяя охранниц. Звезданы встали, смыкая круг. Просто так убежать надежды не было. Преподать им напоследок хороший урок драки? Скрутят, конечно, это не нолеанки, которые разбежались бы с визгом, но, по крайней мере, попытка будет...

– Встань, Тальзар! – велела Тонин, и нолеан поднялся, искоса осматриваясь и готовясь к нападению.

«Может, взять одну как заложницу, пригрозить скрутить ей шею? – он прикидывал кого. Лит, озираясь, прятала улыбку. – Глупый, милый ребёнок, тебя точно не трону, слишком много досталось тебе, ладно, пусть будет ближайшая...»

Пока он лихорадочно соображал, не заметил, как оказался в центре поляны. Голос Эгесс отвлёк его и удержал от действий.

– Керри, – прошептала она едва слышно, – а если я права, и это он?

– Ты слышала, Эг, – также тихо отвечала подруга, – он сам пришёл. Ничто не имеет значения.

– Даже если...

– Ничто! Даже если ты права, – отрезала Керри.

«О чём это она?»

Они остановились в центре поляны, в круге, выложенном камнями. Забил барабан, громко, раскатисто. К Тальзару вплотную с трёх сторон приблизились Тонин, Керри и Эгесс. Звезданы, держась за руки, образовали два круга. Завела свой пронизывающий напев свирель, задрожали хрустальным звоном струны олля.

Тальзар стоял в центре, растерянный, в одной набедренной повязке, отчего казался беззащитным и уязвимым.

К музыке добавился звук, и юноша не сразу понял, что его издают люди.

– О-о-о-у-у, – глухим гулом неслось по полюне.

– А-а-а-л-л, – выводили высокие голоса.

– Лаворхя-ааа-л-л!!! – вступили Тонин, Керри и Эгесс.

Воздух гудел, звук, вибрируя, распространялся по полюне, отражался от скал, возвращался и прибойной волной накрывал тело. Тальзар чувствовал, как звуки входят в него, пропитывая, просачиваются в каждую клеточку. Страх исчез. Тело содрогнулось от непонятого толчка изнутри. Прямо перед ним стояла Эгесс. Звезданы, обнявшись, обступили нолеана, приблизились – и Тальзар оказался зажатым их телами. Он ощущал их руки на шее, под лопатками, ниже поясицы. Прикрыв глаза, они зывали к Лавор. Два круга звездан, также обнявшись, вторили им. Звук повисал в пространстве, делая его хрустально чистым. На миг юноша увидел себя внутри цветка, заботливо и нежно окружённым множеством лепестков, он сам был этим цветком... От страхов Тальзара не осталось и следа; прикрыв глаза и словно погружаясь вовнутрь себя, он отдался ощущениям. Его руки сами поднялись, обнимая Эгесс. Поразительным было то, что они непостижимым образом были одним целым, слитым и раздельным одновременно. Он не чувствовал себя мужчиной, её тело совсем не волновало его, он не воспринимал Эсси как женщину, впрочем, как и остальных. На сердце стало светло и радостно, словно в далёком детстве, когда чувствуешь, что весь мир любит, защищает и понимает тебя, а ты, его частичка, отвечаешь взаимной безусловной любовью.

«Неужели так бывает?» – мелькнула мысль, почему-то вызывая восторг, и, движимый непонятым порывом, он подхватил:

– Лаворхя-ааа-л-л-л!!! – Его голос, кажется, перекрыл весь женский хор, он глянул на Тонин. Жрица, приоткрыв глаза, чуть улыбунулась и одобительно кивнула. – Лаворхя-а-а-а-л! – воодушевлённо заревел Тальзар. Его голос креп, обретая уверенность, сотрясая своей мощью пространство.

Ноги горели, спина выпрямилась: словно копьё пронзило его и, выйдя через макушку, не давало изменить положение тела. Лёгкий холодок охватил голову. Обятия распались, он ощутил прикосновение к плечу, открыл глаза. Тонин отошла, а звезданы, расступившись, раскинув руки, кружились. Эгесс, кивнув Тальзару, присоединилась к ним. Поняв, что от него ждут того же, Тальзар

начал медленно, а потом всё быстрее кружиться на месте. Его руки сами собой поднимались, и вскоре он уже не чувствовал их. Мир мчался вокруг с огромной скоростью. Мелькали кусты, трава, деревья, скалы сливались в единую серо-зелёную массу. Плясала под ногами земля, огромным куполом раскинулось безоблачное небо. Тальзар потерял ощущение времени, а тело стрелой рвалось в эту глубокую синеву. В какой-то миг перед глазами появился жук. Он висел на одном месте – зелёный, подняв надкрылья, из-под которых виднелись расправленные перепончатые прозрачные крылья.

«Такого не может быть, – подумал юноша. Жук висел. – Колдовство какое-то», – жук шевельнул крыльями и уплыл куда-то в сторону.

Небо приблизилось, юноша словно погружался в него, и казалось, не он, а весь небосвод кружится вокруг. Исчезли скалы и зелень трав. Тальзар ощутил странную, но упоительную свободу. Казалось – он мог всё. Небо стало стремительно темнеть, исчезли голубые тона, синие сменялись фиолетовыми. Неожиданно, словно пасть чудовища, раскрылась тёмная бездна – и юноша провалился в неё. Он осмотрелся: бархатная чернота, звёзды, а рядом сияющий сине-зелёный шар в радужном ореоле. Тревога, подкрадываясь, охватывала сердце.

– Где я?! – вскрикнула мысль.

– Ты дома... – пришла другая. Она неуловимым шепотом словно выплыла из темноты.

– Кто ты? – озирался нолеан, каким-то образом зная, что это не его мысль, но ничего, кроме мерцающих звёзд, не видел.

– Мать...

У Тальзара сжалось сердце.

– Моя мать умерла.

Перед ним словно вспыхнула точка, она росла, превращаясь в туманное пятнышко. Через мгновение возник силуэт человека. Юноша взгляделся: на него смотрела лицо матери.

– Как же это?! – не веря своим глазам, но не желая сомневаться, Тальзар рванулся навстречу.

Образ растворился, волна любви и нежности охватила его, погружая в негу безмятежного умиротворения. Все волнения, сомнения отступили, показались мелкими, суетными, ничего не значащими по сравнению с этим всеохватывающим, понимающим и согревающим чувством любви.

– Я хочу остаться с тобой, – не то сказал, не то подумал юноша.

– Я дождусь тебя. Но твой срок ещё не пришёл.

– Меня ничто не держит.

– Ошибаешься. У тебя остались долги.

– Всё – ничто по сравнению с этим... – он не знал, как это назвать.

– Так кажется в первый миг. Потом, когда ты будешь видеть родных и друзей, память начнёт глотать тебя. Твоя душа будет рваться охранить, предупредить, и долги не дадут уйти дальше в Сияние Вселенной.

– И так вечно?

– Нет, пока все, кого ты знал, не придут сюда, пока не закончится твой срок, отведённый гюфиями времени.

– А ты?

– Я жду тебя, но не могу вернуться. Я не имею выбора, а ты можешь и должен завершить дела.

– Я не знаю как. Я запутался, подскажи...

- Не могу, человек сам делает выбор.
– Я хочу поступить правильно.
– Поступишь. Я верю в тебя и благословляю – всё, что могу сказать.
– Я в отчаянии! Я среди врагов, которых перестал ненавидеть, которыми восхищаюсь. Как, побывав здесь, посмотреть в глаза своим?
– Здесь нет звездан и нолеан, здесь все свои. Здесь есть жизнь и любовь, и если ты служишь им там, тут это – единственно правильное.
– А ложь, предательство, жестокость?
– Всё там. Здесь раскаянье в неверных поступках.
– И ничего нельзя изменить?
– Искупить. Собравшись все, мы вернёмся и пройдем путь заново, не совершая ошибок.
– Почему нельзя сразу? Почему никто не знает? Как рассказать Керри, Эгесс?
– Никак, это нужно чувствовать, но они знают.
При воспоминании о Эгесс сердце Тальзара забилося, томящее чувство тоски и любви сдавило грудь.
– Видишь, а ты говорил – ничто не держит тебя, и нет долгов.
– Но я...
– Тебе пора, иначе трудно будет вернуться, ты и так задержался.
Образ растаял, туманное облако сгустилось, сжалось, стремительно уменьшаясь. Вихрь с нарастающей скоростью закружил Тальзара.
– Я хотел спросить... – в отчаянье воскликнул юноша.
– Твоё сердце знает ответ, спроси у него, только сумей услышать и принять...
Голос стихал, и Тальзар уже не был уверен: слышит ли он его, или это пронеслась мысль в его голове. Грудь пронизывала боль, дыхание перехватывало; вращаемый вихрем, Тальзар нёсся по гигантской спирали куда-то вниз, в темноту, звёзды смешались, кажется, он потерял сознание.
Тальзар открыл глаза. Безоблачное небо сияло своей синевой. Приподняв голову, осмотрелся. Он находился на поляне, завёрнутый в плащ, в центре круга, обозначенного камнями. Рядом, прямо на земле, заложив под голову руки, лежала Эгесс. Она, шурясь, смотрела в небо, жевала колосок, золотистые волосы рассыпались по траве.
«Волосы Повилики», – вспомнил юноше танец звезданы. Он сел, освобождаясь от плаща.
– Вернулся? – перевернувшись на бок, она внимательно смотрела на него.
– Да уж, точнее не скажешь, – ответил нолеан и подумал: «Интересно, она не сказала: проснулся».
– Как чувствуешь себя? – она сверлила его взглядом серых лучистых глаз.
Тальзар прислушался к телу, оно было лёгким.
– Сейчас взлечу, – пошутил он.
– Значит, с тобой всё в порядке, – улыбнулась, – не все так спокойны после увиденного.
– Что это было? Не могу ни понять, ни описать...
– И не пытайся. Каждый видит по-своему, то, что именно его волнует.
Главное: что ты чувствовал?
– Я не хотел возвращаться.
– Знакомо, – кивнула девушка, – но что чувствовал?
– Любовь... – несмело произнёс Тальзар.
– Почему же смущаешься?
– Это было ошеломляюще, явственно, но... – он замаялся в сомнениях.

– Непривычно? – подсказала Эгесс. – Но ты молодец, Таль. Справился. Поверь, не каждому это удаётся. Должна признать, ты отважно выстоял, не испугался.

Тальзар, не удержавшись, рассмеялся. Эгесс вопросительно подняла бровь.

– Когда Тонин сказала о жертве, я не на шутку струхнул. Припомнив рассказы, лихорадочно соображал, что делать.

– Да, рассказы впечатляют, знаю, – согласно кивнула звезда.

– Но зачем?

– Чтобы зевак поменьше было.

– И много таких, как я?

– Нет. Влюблённых, ошивающихся вокруг, всегда хватает. Их терпят, кто гонит, кто привечает, они уходят и приходят. Некоторым даже удаётся увлечь за собой девушку, другие теряют надежду, возвращаясь домой. Но иногда появляются мужчины, такие, как ты, их ведёт любопытство, интерес не к нам, а к тому, что происходит. Их мало, и часть из них пугается при первой встрече с неизведанным, но они есть. Раньше их появление однозначно пресекалось. Священность наших обрядов, наказание за нарушение покоя жриц – смерть или рабство – все это с детства вбивается в мозги мальчиков. Для подавляющего большинства достаточно запрета, других можно и пугнуть, третьих заставить потерять желание любопытствовать. И всё же находятся не побоявшиеся запрета, не испугавшиеся, проскользнувшие мимо охраны. Такова природа мужчины: лезть на скалу вопреки здравому смыслу. Не потому, что так надо, а потому, что опасно, можно свернуть шею, но именно это подстёгивает, обламывая ногти, надрывая жилы, карабкаться вверх, во имя риска.

– Их убивали?

– Кто знает, что было раньше? Ты видел и на себе убедился, что мы можем. Помнишь, как вышел на поляну?

– По правде говоря, не собирался, – припомнил юноша. – Ноги сами несли куда-то, а в голове засела мысль: «в посёлок».

– Могла бы быть другая – и очнулся бы у посёлка, гадая, как сюда попал, или спящим и ничего не помнящим.

– Почему же этого не случилось?

– Ну, первый раз, признаться, мы прозевали, ты успел скрыться. Именно твоё бегство и обратило внимание охраны.

– Я испугался, как ни постыдно это звучит, неожиданных, необъяснимых ощущений.

– Но вернулся.

– Меня что-то манило, влекло. Я хотел понять. Когда узнал, что вы собрались, не мог остановиться.

– Так, – кивнула Эгесс, – именно манит, властно, всепоглощающе. Мы называем это Зовом Богов. Ты услышал его. Тебя ждали и не ошиблись. Ты вернулся и доказал, что можешь отдать волю Богине, следовать за ней по тропе постижения таинств Праматери Вселенной. Если захочешь, конечно.

Она сняла с пальца серебряное кольцо, подала Тальзару. Оно было широкое, простое, гладкое, только изнутри выдавлен силуэт бабочки.

– Это подарок Тонин, – она улыбнулась, – пропуск в наше логово. Когда всё кончится, если останешься жив, покажи его любой жрице Лавор. Тебя примут или помогут найти Тонин, Керри, меня. Лучше, если ты сразу найдёшь нас.

– Почему?

– Не всякая община принимает мужчин. Среди Старших жриц нет единого мнения, стоит ли допускать мужчин к нашим обрядам.

Тонин из тех, кто доброжелательна к таким, как ты. С некоторых пор Керри приняла её сторону.

– А ты?

– Не знаю, Таль. Я привыкла доверять Тонин. И пока я в её общине, подчиняюсь. Время покажет. Я на распутье. Хотя, должна признать, ты восхищаешь меня своими способностями, и я начинаю понимать Тонин. Отец её детей – идущий тропой богов.

– Наверное, это подарок богов – найти такого спутника-мужа?

– Возможно. Никто не знает.

– Ты была против моего посвящения, или мне показалось?

– Не показалось. Отчасти. Я уже сказала, что не до конца приняла идею

Тонин. Мужчина, получивший эти знания, подобен ребёнку, играющему с огнём в сарае с сеном.

– А может, этот ребёнок спрятался в сарай, потому что ему запрещено играть?

Не разумнее ли позволить пользоваться огнём открыто? Объяснив опасности, научить? Может, тогда он и не полезет в сарай?

– Возможно, Таль, ты и прав. Время покажет.

Настало неловкое молчание. Звездана задумчиво смотрела в сторону. Тальзар, опустив глаза, стал рассматривать кольцо.

– Никогда не говори, что с тобой тут было. Ни с кем, – не глядя, тихо продолжила девушка, – но помни: если решишься, это кольцо – пропуск в мир, полный загадок, труда, обязательств. Став одним из нас, ты получишь защиту, но и ответственность не только за свои поступки, но и за мысли. Нас мало. Обычай, страх охраняют наш покой, и всё же находятся любопытные смельчаки, готовые переступить через страх и запрет. Им дают шанс.

Неожиданно, посмотрев в упор, она приблизилась, погладив по щеке, задержала руку и тихо, не то в сомнении, не то в неуверенности, сказала:

– У тебя доброе сердце, Таль, но... – она, вздохнув, замолчала, а нолеан не мог отвести взгляда от её лучистых печальных глаз. – Мне хочется верить тебе. Очень хочется. Я боюсь ошибиться. Мне будет больно, очень больно, если ты... – она снова смолкла, обрывая себя. – Пора идти...

Тальзар, задержав её руку, крепче прижался щекой к её ладони.

– Эг, – замирая, сказал он, – жизнь сложна и жестока, но я скорее умру, чем сделаю тебе больно.

– Жизнь делают жестокой люди, Таль. Они выбирают. В том числе, и причинить ли боль. Пойдём, – мягко взяв его за руку, она встала. – Лит принесла твою одежду. Соберём немного хвороста, чтобы расспросов не было.

Дмытро Павлычко

(Перевод на русский язык Марка Некрасовского Луганск)

ЖИД

Ночь. Рождество. В горах село.
Из окон свет и всюду дети.
Поют они: «Не вечно зло –
Сын Божий есть на белом свете.
Ликуйте все – Сын Божий есть.
Он всем несёт нам искупленье».
И чтоб дошла благая весть
Вертеп играет представленье.
Еврей, волхвы и сатана...
Одеты все согласно роли.
Забудьте, люди, что война,
Недолго длиться вражьей воле.
Ну, вдруг облава. Крик. И тишь.
Фашист подходит и гогочет.
Театр? Хорошо! Поймал я мышь.
Жидёнка. Спрятаться он хочет.
– Играю роль... и я не жид...
Народный театр... Вертеп... Обычай.
Фашист звереет и кричит
И взгляд от ненависти бычий.
Кричит: «Беги!» – И пистолет
Наводит прямо на ребёнка.
Спасись от пули, шанса нет.
Всё замело. Шуршит позёмка.
Все на коленях перед ним,
И Божья Мать, и Бог рождённый,
И Сатана, и Херувим.
Кричат ему: «Он не виновный,
Он не еврей, – твердит народ, –
Его мы знаем от рожденья».
Палач довольно кривит рот –
Своё устроил представленье.
А мальчик бросился бежать.
Звук выстрела. Паденье в поле.
К нему спешит на помощь мать:
В беде сынок. Какое горе!

Он бездыханен. Кровь из ран.
Его берёт она на руки.
Несёт сыночка на майдан.
Как выдержать такие муки?
Идёт на немца с сыном мать.
И как икона, сына тело.
– Стреляй, раз начал ты стрелять.
Ты это делаешь умело.
Она твердит на все лады:
– Стреляй нас всех. Мы дети Бога.
Мы для фашистов все жиды.
У нас у всех одна дорога.

ДЕТИ

*Посвящается праведникам мира
Наталье Семенюк, вдове М. Черемшины, и
Михаилу Посадскому*

Местечко Снятын. Час войны.
Час боли, смерти и печали.
Евреев всех Галичины
Собрали вместе. Расстреляли.
А двух детей спасла вдова –
Она украла их из гетто.
И пусть твердит теперь молва –
Ублюдков нагуляла где-то...
– Что мне молва, что мне позор.
Соседи не находят места?
Я не стыжусь: ведь я не вор
И не христова я невеста.
Мой муж известен был вокруг,
Он был писатель знаменитый.
Он умер. У меня есть друг –
Детишки вместе с ним прижиты...
К вдове явился полицай.
Она его узнала сразу.
Он был известный негодяй.
Чьи дети? – первой была фраза.
Ваш умер муж давным-давно.
Любил народ, твердят так люди.
Мне это, впрочем, всё равно,
Поэзией ведь сыт не будешь.
Скажу я откровенно Вам,
Что от культуры толку мало.
Что нужно нашим мужикам?
– Горилка, масло, хлеб и сало.
Культура портит наш народ.
Она причина бед на свете.
Она как камень в огород.

Вот Вам, зачем чужие дети?..
Вдова твердит: «Они мои.
Смотри, как сильно мы похожи.
А, родила что без семьи –
И девушки рожают тоже...»
– Но Снятын наш не Вифлеем.
Не нравится мне сказка эта.
И чтобы не было проблем,
Жидят я забираю в гетто...
– Убьешь детей? А как же грех?
Ты невиновных убиваешь
А ей в ответ ехидный смех.
– Зря адом ты меня пугаешь.
Не верю в силу неба я,
Не верю также в силу Бога...
– Не веришь, так бери меня.
С детьми теперь моя дорога...
– Ты украинка. Посмотри.
Всегда губили Украину
Жида-пиявки, корчмари
Нас унижали, как скотину.
Есть шанс избавиться от них.
Всех истребим мы поголовно.
Нам надо дело. Хватит книг.
Я говорю не голословно...
– Нет, не евреи нам враги
И не от них у нас напасти.
Пекут несчастий пироги
Для нас всегда «родные» власти.
Тут призадумался подлец –
Вдруг немцы суд решат устроить,
Вдруг обнаружится отец,
Народ тогда не успокоить.
Начальство голову снесёт:
Оно не любит поражения.
Здесь нужен с хитростью подход.
Чтоб все рассеялись сомненья.
– Ты назови отца детей.
Должны мы знать: кто он, чем дышит,
Не враг фашизма, не еврей
Приказ получен мною свыше...
На миг задумалась вдова
А в памяти мелькали лица.
Кого не устрасит молва?
Кто стать отцом им согласится?
Кто им сыграет роль отца,
Ни с кем ведь нету договора.

Родить детишек без венца –
Для местных нет страшной позора.
Должна его предупредить,
Чтоб не было в ответах фальши,
Не в Снятыне он должен жить,
А должен жить как можно дальше.
Вдруг вспомнился ей мужа друг,
Женат. Львовянин. И учёный.
Он подлостью не пачкал рук,
В семью и Родину влюблённый.
Его назвала и бежать
На поезд, едет что до Львова.
Спешит, чтоб немцев обогнать –
Решительность – побед основа.
Как медленно ползёт вагон.
Как быстро время пролетает.
Ну, вот и Львов, вокзал, перрон.
В квартиру друга забегает.
А он ей сразу говорит
– Здесь немец был, и я всё знаю.
Имел он очень странный вид.
Спросил – я в Снятыне бываю?
Он так скабрезно пошутил –
Ублюдков делают герои.
Что сразу я сообразил.
Сказал, что есть и даже двое.
Он дальше продолжал допрос:
Рога кто сделал Черемшине?
Ему в ответ и я вопрос –
В том разве есть позор мужчине?
Грехи он смаковал, свинья,
Любитель покопаться в грязи.
И я добавил – папа я,
Детишки все от тайной связи.
Вы можете спокойно жить:
Не тронут Ваших они деток.
Клеймо им не прилепят «жид».
Мой «грех» врагам теперь как вето.
Есть двое малышей у Вас.
Вы их спасли. Нашлась ведь сила.
А я своих не смог, не спас...
И их темница погубила...

Виталий Свиридов Алчевск

ПЛАТОН МНЕ ДРУГ...

*«Amicus Plato sed megis
amica est Veritas...»*

«Платон мне друг,
Но истина дороже», –
Признался Аристотель...
И, похоже,
С тех пор
На дружбу
Спрос упал в цене...
А Истина?..

«In vino veritas!» –
Да!..
Истина в вине...

**Перевод с русского языка на болгарский:
Красимир Георгиев**

ПЛАТОН Е МОЙ ПРИЯТЕЛ

*«Amicus Plato sed megis
amica est Veritas...»*

«Платон е мой приятел,
но истината е по-свята!» –
признава Аристотел.
Оттогава
обезцени се дружбата,
загина тя...
А истината?
(«In vino veritas!»)
Тя си е във виното..

**Вариант перевода с русского на украинский язык:
Петра Голубкова**

«Платон мій друг, та істина дорожче» –
Зізнався Аристотель... З тих пір, схоже,
На дружбу попит дуже впав в ціні...
А «veritas»?.. – Так!.. «Істина – в вині».

ПЕГАС-УЛЫБАЕТСЯ

Лариса Вольная Луганск

ХЭППИ-ЭНД Иронический рассказ

День был осенний, но безоблачный. Жизнь вокруг «била ключом». Беззаботные (далекие от сессии) студенты, поедая несметное количество мороженого, весело прогуливались по аллеям. В то время как у неработающего светофора незадачливые пешеходы, потя, робко пытались победить нескончаемый поток шикарных иномарок, презирающих новые правила дорожного движения. И не было у них никакого наставника, готового помочь в этой неравной борьбе.

Зато из соседнего бара доносилась популярная песенка – инструкция для влюблённых, обучающая как надо «сначала обнять, а потом обмануть».

Наблюдая за всем этим, одна из сидящих на лавочке в парке старушек грустно заметила:

– Гляжу я на них, молодых, и понимаю, что неправильно жизнь прожила. Не было у меня ХПН-а.

– Чего-чего? КПД – коэффициент полезного действия со школьной скамьи ещё знаю, а про какой-то ХПН не слыхала. О чем это ты? – спросила кокетливо одетая ее подруга, такого же почтенного возраста.

– Какая непонятливая! ХПН – это «хитрость», «пронырливость», «наглость», в результате которых получаешь ХЕППИ-ЭНД – хороший конец, хоть в каком-нибудь деле, хоть в жизни вообще.

– Эка невидаль твой ХПН! Этому всегда можно научиться. Куда проще, чем дом, например, построить или поросенка вырастить.

– При чем здесь поросенок?

– При том, что его нелегко вырастить, а ХПН-а твоего набраться – раз плюнуть.

– Нет, подруга, ХПН для меня непостижим. Этому научиться нельзя.

– Всем можно научиться, – безапелляционно заявила более продвинутая старушка. – Научились же мы есть бананы вместо привычных с детства яблок и груш, которых когда-то было полным-полно в здешних садах. Или вот ещё. Нынче все твердят, что полезней наших вишен и слив какой-то заморский фрукт. Кажется, фейхоа называется. Я тоже не удержалась, купила 100 граммов этого самого фейхоа. Съела. Жду, когда, здоровья прибавится. Так и не прибавилось. Но жива я осталась? Вот и, слава Богу! Значит, полезно.

– Я с тобой о серьёзных вещах толкую, а ты про какие-то базарные глупости, – обиделась старушка-философ.

Но ее кокетливая подруга проигнорировала столь нелестное замечание. С молодости отличаясь большим напором, она и сейчас, несмотря на критику и скептицизм, не намерена была сдаваться. Поэтому с воодушевлением продолжала:

– Ты все сидишь, киснешь. А надо идти в ногу со временем, правами своими уметь пользоваться. Как-никак, у нас теперь демократия. Значит, время равных возможностей. У тебя, небось, до сих пор во дворе дощатый туалет стоит? А ты биотуалет приобрети. Креативней надо быть!

– Да, словечек западных ты нахваталась! Био-туалет, говоришь? Это на мою-то пенсию? Да ее на доски, чтобы старый залатать, не хватит.

– Так-так, моя милая! Ты права. У тебя явно не хватает этого самого ХПН-а. Вот что тебе скажу. Чтобы жить красиво, надо какую-нибудь сделку повернуть. Но для начала нужна тренировка. Пожалуй, сразу и начнём, займёмся тренингом. Видишь, под тем деревом дед сидит? По виду постарше нас будет, а костюмчик на нем дорогой, да и модная – как ее.? – барсетка у него. А это говорит о том, что пенсия у деда не такая малая, как наша, или дети и внуки богатые есть. Итак, начинаем тренинг. Подойди к богатому старикашке и газету у него попроси, ту, что он читает, якобы телепрограмму посмотреть. Так ты начнешь осваивать два пункта своего ХПН-а: «хитрость» и «пронируемость». Если дед откажет, то, значит, он – жлоб и для нашего плана не годится. А если даст посмотреть, действуем дальше – осваиваем пункт «наглость». Тогда ты должна с ним познакомиться. Правда, вид у тебя не гламурный.

– Не какой?

– Не гламурный. Некрасивая ты, значит. Знаешь что? Надень-ка мою шляпку. Кокетливая дама хотела было предложить и свой широкий шарф, накинутый на одно плечо, как в латиноамериканских сериалах. Но передумала, боялась сама утратить гламурность.

Оглядев подругу в ее новом прикиде, продвинутая старушка командирским голосом приказала:

– Ступай. Осваивай свой ХПН на практике.

«Негламурная» нерешительно поднялась. Потом, по-видимому, вспомнив, что «теория без практики мертва», и надо учиться быть «креативной», направилась к деду, поправляя на ходу шляпку. Удивленный старик потеснился на лавочке, давая возможность сесть рядом «барышне в годах». Потом опять уткнулся в газету.

– О чем интересном вы там читаете? – спросила вдруг неожиданно для себя «негламурная», которая с помощью шляпки считала теперь себя «гламурной».

От такого нахальства дед чуть было не выронил газету. «Мало того, что уселась на тесной скамейке, будто нет вокруг свободных мест, так ещё и пристает!» – возмутился мысленно старик. Без особой любви, он просто протянул нахалке всю имеющуюся у него в наличии прессу:

– Читайте, сами увидите!

Но подбадриваемая с соседней лавочки продвинутой подругой, «негламурная» не отставала:

– А куда я могу вам вернуть газеты? Вы живёте рядом?

Беспардонность дамы почтенного возраста так и вовсе разозлила деда.

– Не надо ничего возвращать! – грубо бросил он и зашагал прочь.

Вернувшись к подруге «не солоно хлебавши», «негламурная» сокрушённо вздохнула. Первый урок ХПН-а потерпел фиаско. Обескураженная тренерша по ХПН-у тоже удрученно молчала. Это был и ее провал. Однако смириться с неудачей она не привыкла, поэтому, спустя некоторое время вдруг оживившись, выдала новую идею:

– Ничего, «первый блин комом». Возьмемся за дело с другой стороны. Старикашка – просто жлоб. Потому это не наше поражение, а его потери (она показала на кипу газет). Мы пойдём другим путём, изучим конъюнктуру рынка. Сейчас отправимся в бутик.

– Да кто нас, старух, в бутик пустит?

– Вот и будем осваивать ХПН. Когда-то мы многое умели. Неужели порочным человеческим качествам не обучимся? Не верю я в это!

Новомодный бутик сиял рекламой и роскошью. Появление немодно одетых бабулек вызвало усмешку у молоденьких продавщиц в мини-юбках. А охранник деловито пристроился в хвост старухам. Так, на всякий случай, чтоб чего не спёрли.

– Женщины, вы случайно не заблудились? Это очень дорогой магазин, – спросила одна из девчонок-продавщиц.

– А кто тебе сказал, что у нас деньги не водятся? – отрезала «продвинутая старушка». – Ты лучше товар показывай!

От наглости подруги, у которой в холодильнике «мышь повесится», «негламурная дама» замешкалась. Но, увидев, что та бойко направилась к дорожным сумкам из крокодильей кожи, нерешительно последовала за ней. Осмотрев сумки, старушки перешли к обувному отделу. И вот тут «негламурная дама» с удивлением обнаружила, что обретает уверенность в себе.

Взяв в руки пару сапог, она саркастически произнесла:

– Разве это качество? Модель, конечно, модная. Но за такие деньги могли бы и получше делать! Красиво, но непрактично. Будто в каком-то сарае состряпали.

Язвительное замечание задело даже охранника. Он, не отходявший от нестандартных покупательниц ни на шаг, и сам взял в руки один сапог. Осмотрел его, не найдя никаких изъянов, поставил на место. А «негламурная старушка» вполне профессионально стала оценивать стоящую перед ней обувь. Тут уж и молоденькие продавщицы подошли поближе, прислушиваясь к комментариям старухи.

Наконец, когда вся коллекция была изучена, одна из девушек (как оказалось дочь хозяйки магазина) дружелюбно сказала:

– Спасибо, что посетили наш бутик. Ну, а за, несомненно, полезную консультацию вдвойне спасибо. Позвольте преподнести вам маленький презент.

Она взяла с витрины недорогой кошелек и подала его «негламурной даме». Та смущенно взглянула на подругу, но подарок взяла. Провожаемые теперь уже приветливым персоналом магазина, обе старушки важно простествовали к выходу.

Однако на улице, к удивлению прохожих, эти весьма немолодые дамы вдруг повели себя совсем несолидно, одновременно громко воскликнув:

– Получилось! Е-е-с!

Разглядывая подарок «продвинутая дама» с удовлетворением заметила:

– Это и есть результат нашей первой сделки – бонус за оказанную услугу. Станем консультантами по обуви, а потом, может, и на какой другой товар перейдём.

«Негламурная» горделиво молчала.

Вечером старушки пили чай из высушенных листочков малины, смородины и разных полезных травок и восторженно пели оду ХПП-у. Сидевший на диванчике серый кот с недоумением взирал на необычайно оживлённых подруг.

Ему и невдомёк было, что, решив начать новую жизнь, они пытаются улучшить и его материальное положение: заменив привычное блюдо на современную яркую пластмассовую миску, как у богатых котов, с модным нынче КИТЕКАТ-ом.

А «креативные старушки» с жаром обсуждая достоинства ХПП-а, как-то совсем забыли, что без знания обувного дела бонуса им бы не получить. ХЕППИ-ЭНД.

Марианна Гончарова Черновцы

ЦВЕТ МЕЧТЫ

Как же я люблю зелёный цвет. Зелёный цвет, говорил конюх принца Чарльза, — любимый цвет Бога. И правильно говорил этот конюх. Иначе почему самое прекрасное на свете, самое значительное или просто милое и симпатичное Бог выкрасил оттенками зелёного — деревья, травы, мой любимый берет, попугайчиков, крыжовник... не надо мне подсказывать, доллары здесь ни при чём! — изумруды, зелёнку, медный купорос, глаза моего kota Мотека, «Тархун», разрешающий движение кружок светофора, арбуз, лягушек...

А вот кстати. Знаете что? Мало мы всё-таки беседуем о лягушках, друзья.

Даня, мой сын, очень много интересного рассказывал о лягушках. У него когда-то была парочка воспитанниц — жабы Глаша и Экселенц. Никак сначала мы не могли понять, кто из них мальчик, а кто девочка. Данька решил: кто первый икру метнёт, того и назначим девочкой. Но потом он и так разобрался, без икры. Потому что у Глаши было трогательное приветливое девичье личико, а у Экселенца — надменное верблюжье. Даня их выпустил в болотце, в их природную среду, потому что началась весна, икра мечется в воду, а у Даньки не было опыта разведения жаб, и он боялся, как бы головастики не погибли. Даня вообще гармонию природы кожей ощущает. Жена его Ирочка рассказывала, что на пляже Даню можно глазами найти в стайке детей на мелководье по торчащей пятой точке в ярко-зелёных (зелёных!) купальных трусах. Он вылавливает мальков, рассматривает подробно и выпускает обратно в море. А наиболее привлекательными ракушками щедро одаривает детвору, разделяющую его досуг. Он из тех, кто, как говорят, и мухи не обидит. Увидит, кто на муху охотится, и просит: не убивай её, а если тебе невмоготу, обидь её словом. И выпусти в окно. И никогда не делит он животных на тёплых пушистых и на холодных скользких. Этому он и меня научил, мой Даня. А особое уважение и жалость он воспитал во мне к лягушкам. Потому что мало того, что они не очень привлекательны с виду — кто знает, какое сердце прячется под их пупырчатой кожицей, — но их ещё режут в мединститутах, на них ставят опыты в различных академиях. И это ещё не всё. Их едят! Какой ужас. Как трагичен их жабий удел.

Когда я стану ветхой костлявой старушонкой, я не собираюсь впадать в уныние от того, что всё уже было и ничего уже не будет, что ушли лучшие годы и мне теперь не оправдать тех надежд, которые на меня возлагали мои мама и папа, мои бабушки и дедушки, а также любимая учительница русской словесности Берта Иосифовна. Нет. Я не буду поучать всех вокруг и раздавать никому не нужные советы, ворчать в троллейбусе на тему «вот мы в наше время» или того хуже — возглавлять домовый комитет, избирательную комиссию или клеузничать. Потому что у меня будут дела поважнее.

Когда я состарюсь окончательно, я уеду в Англию и пойду в переводчики. Нет, вы не поняли. Я буду переводить животных. Через дорогу. В Великобритании — я видела сама — животные шмыгают через дорогу, не зная страха и опасности. Олени, зайцы, лисы, лоси. А главное (сначала я читала об этом, а потом видела своими собственными глазами) — на севере Англии объявление на обочине. Вот такое: «Помогите жабам перейти дорогу». А под объявлением — зелёное (зелёное!) ведро. Соберётся, например, у дороги определенное количество жаб со всех окрестностей, и кто-то, оказавшийся в это время рядом, их бережно подсаживает в ведро. А кстати, самые сообразительные из жаб, кто частенько мотается туда-сюда по делам через шоссе, сами в ведро забираются. И сидят они там, терпеливо ожидая отправления, чинно, вежливо, не толкаясь, учтиво уступая друг другу

места в самых удобных углах маршрутного ведра, напевая что-нибудь про себя, знакомясь, флиртуя друг с другом или сплетничая о том, о сём. И кто-то берёт это самое зелёное (зелёное!) ведро, переносит через дорогу, аккуратно его наклоняет и вытряхивает пассажиров в ближайшие кусты. И жабы скачут себе дальше. Умно? По-че-ло-ве-чес-ки.

Так вот — я мечтаю после выхода на пенсию работать таким вот переносчиком зелёного ведра.

Представляете, кем я стану для этих лягушек и жаб? Страшно подумать, дух захватывает. Для них ведь дорогу перейти — как будто на другую планету перелететь. Или даже в другую галактику. Перелететь, и ко всем радостям, что не попали под колеса автомобиля или грузовика, ещё и обнаружить, что на той стороне тоже есть разумная жизнь, потому что с той стороны стоит такое же зелёное (зелёное!) ведро. И сидят там такие же жабы и лягушки. И ждут того, кто перенесёт их через дорогу. То есть меня. Они назовут моим именем их жабыю книгу судеб, мной они буду пугать своих непослушных головастиков, и со временем этот жабий народец сложит песни, мифы и легенды о Той-что-переносила-зелёное-ведро-через-дорогу.

Нет. Пожалуй, мне одной такая слава не по плечу. Я позову с собой всех своих друзей, которые к тому времени обветшают, как и я. И вся наша развеселая компания пойдёт в переводчики животных через дорогу. И не только в Англии. Планета большая. Животных много. Людей не хватает. Может, кто ещё хочет с нами? Давайте, присоединяйтесь. Помогите животным перейти дорогу. Кстати. Мы тут униформу себе удобную придумали. Универсальную. Комбинезоны и кепки. Цвет? А вы как думаете?

Юрий Кукурекин Луганск НЕУДАЧНОЕ КОДИРОВАНИЕ

Юмореска

Один из достойнейших представителей пьющей братии, весьма обожающий этот процесс, сам медицинский работник, известный своим «тёплым» отношением к алкоголю (ранее он отдавал предпочтение «Брунькам», сейчас — «Хлебному дару»), придумал кое-что, что заслуживает внимания ввиду оригинальности. Среди медицинских работников, которые его знают, он из-за своих глубоких познаний в области медицины и, особенно, наркологии, звался «доцент».

Надумал как-то этот «доцент» кодировать своих друзей, вместе с ним выпивающих, по собственной оригинальной методике. Кодирование производилось на ЧИСЛО: с большим количеством цифр, но такое, чтобы легко запоминалось. Понятно, что у каждого закодированного было своё число.

Совершал ритуал «кодирования», к примеру, на число 00033 (три нуля, три, три). Цифра записывалась на бумажку, пациенту предлагал её запомнить, сама же бумажка помещалась в сейф. Если клиент хотел выпить, он мог применить следующее ухищрение: назвать вслух номер кода, после чего спокойно выпивать без каких-либо для себя последствий (раскодировался на нужное ему время). Если забыл код, то «доцент» открывал сейф, извлекал бумажку, торжественно и с ударением читал её вслух, то есть называл цифру — ту самую, которая была записана (к примеру, три нуля, три, три — 00033). После чего оба — и пациент, и он сам — благополучно «пропускали по соточке», потом — по другой, третьей и так далее, до определённой кондиции.

Словом, всё было прекрасно — и закодирован, вроде бы, и в нужный момент

можно раскодироваться и «треснуть». Надо только код вспомнить и произнести его перед выпивкой.

Но однажды... потерялся ключ от сейфа. А дружку «доцента», назовём его Владимиром Ивановичем, захотелось выпить. Причём, очень сильно, аж мочи не было. Но, кодирование есть кодирование, без снятия кода делать это нельзя – сие Владимир Иванович усвоил достаточно чётко. И обратился, конечно, к врачу, специалисту и другу. Код оба вспомнить не могли. Владимир Иванович потому, что был слаб на память (последствия длительной алкоголизации!), а «доцент» потому, что был уже «вмазан». Пришлось искать ключ от сейфа. Но тот, как назло, куда-то запропастился. Тогда-то и начали вместе вспоминать номер.

Помнили, что были нули и тройки. От этого и «оттолкнулись» в поисках истины. Таким образом и пришло на ум цифросочетание 0033 (два нуля и две тройки), а не 00033 (три нуля и две тройки). Громко и с удовольствием произнесли его в один голос, после чего Владимир Иванович немедленно «квакнул» «соточку». Через пять минут –следующую. И, пошло, поехало, пили... аж до посинения. Потом куда-то звонили, как оказалось: коллеги по работе и... гавкали в трубку – «гав-гав!». Это означало приветствие и пожелание всего хорошего. И так до утра. А утром «доцент», очнувшись, хотел было ещё раз гавкнуть, но не было сил и пересохло в горле, а в кранах – не было воды. «Провокация», – подумал «доцент», с трудом шевеля мозгами и в знак протеста против «провокационных действий домоуправления», как это он полагал, решил на работу не ходить! Три дня! Пусть им всем будет хуже! («Назло кондуктору возьму билет и выйду!» – примерно так).

Но тут-то он и обратил внимание на лежащее на диване тело. Присмотрелся – это же Владимир Иванович, собственной персоной. Только жив ли? И, как в сказке о Буратино, подумал: «Пациент скорее мёртв, чем жив!».

Прошло время, «доцент» для улучшения самочувствия уже принял «на грудь соточку», тогда-то и всмотрелся более внимательно в лежавшее навзничь на диване бездыханное тело. А приглядевшись, понял, что Владимир Иванович был «скорее жив, чем мёртв», но находился в глубоком алкогольном опьянении, чуть ли не в алкогольной коме. Принял меры. Когда тело несколько пришло в себя, вспомнил о том, что номер кода был назван неверно и глубокомысленно заметил: «Вот к чему приводит неправильное раскодирование!». После чего, Владимир Иванович, окончательно оправившись от состояния бездыханности с помощью очередной «соточки», пошёл делать себе наколку-татуировку на запястье левой руки – правильный номер его личного «кода». А, вы спрашиваете, зачем люди делают себе «тату»? – Затем!

Вот такие-то бывают пироги! Так что кодируйтесь себе на здоровье, но делайте это осознанно, и, если код цифровой, лучше сделать себе татуировку где-то на руке! Чтоб долго не искать!

Виктор Некрасовский Луганск ИСПОВЕДЬ НЕУДАЧНИКА

*Погода к осени дождливей,
А люди к старости болтливей.*

К моему великому удивлению я не нашёл ни в газетах, ни в гламурных журналах (любимое чтение моей невестки), ни тем более в книге рекордов Гиннеса моей до сих пор не прославленной фамилии, ведь не каждый может похвастаться тем, что заслуженно носил кличку «Студент» в течение пятнадцати лет.

Как-то играя с моим постоянно выигрывающим у меня на бильярде партнёром, после одного моего замечательного удара (вылетевший со стола шар

стукнул по его любимой мозоли), он, стоя на одной ноге, раздражённо высказался: «Нет, Виктор, такого института в этой стране, который мог бы повысить твой интеллектуальный уровень». Это справедливая сентенция. Большинство моих знакомых женщин не бесосновательно считают меня очень умным. Да, его замечание с одной стороны это подчёркивает мой высочайший интеллектуальный уровень, с другой – низкий профессиональный уровень наших высших учебных заведений, хотя я не берусь судить, какую сторону имел в виду этот мозолистый тип.

В юности, работая на шахте, я зачем-то поступил на заочное отделение института иностранных языков, та как моя мама была преподавателем английского языка, изучением которого она меня терроризировала с раннего детства. Добросовестно проучившись полтора года в этом учебном заведении, где мужчины были в дефиците не меньшем, чем пресловутая чёрная икра, я оставил неизгладимое впечатление на своих сокурсниц, верней на четверых из них, тщетно пытаюсь лишить их давно потерянной невинности. Увы, и в учёбе я был лишь в первой десятке.

Когда я узнал, что после окончания этого вуза моя зарплата будет ниже, чем у уборщицы в нашей шахтёрской нарядной, я, преисполненный скорби о судьбе нашей многострадальной интеллигенции, гордо распрощался с этой организацией, обрекаяющей своих выпускников на кисломолочную диету с чайной колбасой по праздникам. Но мое общение с питомцами этого вуза неожиданно продолжилось. Год спустя, через несколько дней после тяжелой аварии на шахте я получил травму по вине производства. Это было совсем некстати, так как на шахте продолжала работать комиссия. Начальник шахты предложил мне не составлять акт травматизма, а вместо него погулять месяца три с полным сохранением оклада. Сложно объяснить, почему мне был чужд трудовой энтузиазм советского народа, воодушевлённого решениями очередного съезда горячо любимой партии, и я с радостью согласился (с годами спина болит всё больше и больше). Само собой разумеется, что наиболее подходящим местом для моего лечения я выбрал не местную больницу, а крымскую Ялту, хотя я не был уверен, что мой позвоночник нуждается в климатическом лечении. Там я и встретил моих бывших коллег по учёбе, проходивших практику, служа переводчиками у интуристов. Эти три девицы учились на три курса старше меня, но в связи с вышеупомянутым дефицитом мужчин на ниве народного образования в гуманитарных вузах мы были почти родными.

Две из них рьяно способствовали глубокому познанию иностранцами советских людей, ловко задирая ноги на плечи любознательных туристов и с благодарностью принимая от них сувениры, что, как известно, способствует укреплению дружбы и взаимопониманию между народами. Третья, Томка, красивая крупная девица из элитной семьи, не поддерживала патристическую инициативу своих подружек. Именно она устроила меня на временную работу, для чего меня свела с молодым КГБшником, с которым она, очевидно, проводила совместную работу по выявлению шпионов и фарцовщиков и изъятию порнографии, высоко ценимой их руководителями.

Получив соответствующие инструкции и нацепив на безрукавку купленный комсомольский значок, продававшийся во всех газетных киосках, я приступил к работе. Предстоящие встречи с импортными дамами, постигшими новейшие достижения сексуальной революции, волновали меня, так как я всегда ценил в людях общее развитие. Но жизнь — штука подлая. Кстати, я не раз в этом лично убеждался. Вместо женщин с красивым бельём ко мне прицепился

какой-то пролетарий из Уэльса, который, глядя на мой значок, узрел знакомый ему профиль вечно живого вождя мировой революции, прекративший свою деятельность на время пребывания в мавзолее. Энтузиазм, с которым проявлял международную солидарность этот представитель не самого передового рабочего класса Великобритании, меня даже слегка напугал и заставил подозревать нового приятеля в гомосексуализме.

Наконец после консультации с КГБшником я принял его настойчивое предложение сходить в ресторан. Как почти интеллигентный человек я предоставил меню и право выбора беспощадно угнетаемому гадкими капиталистами рабочему из зарубежной провинции. Гость, этот борец с нищетой и бесправием британских рабочих, изъявил желание отведать марочный армянский коньяк, который, как известно, понравился Черчиллю и который регулярно доставлялся премьеру в годы войны. Интересно, Черчилль получал этот божественный напиток с ресторанной наценкой или без неё? Чёрную икру этот сукин Джон решил вкусить из ладьи, так как есть много хлеба вредно для здоровья и т.д. и т.п. Заглянув украдкой в меню, я заметил, что стоимость нашей вечеринки исчисляется астрономическими числами. Моя наличность исчерпывалась двумя червонцами, а его, если он не шпион, вряд ли была намного больше, потому что их доллар наша гордая страна обменивала, знай наших! На пятьдесят шесть копеек, фунт, правда, стоил дороже. Так ему и надо этому разоблачённому мной диверсанту, пусть его разведка заплатит за всё!

И тут этот потомок безжалостных колонизаторов любезно спросил меня, не хочу ли я ещё чего-нибудь, гордо сообщив, что он располагает суммой в те же проклятые два червонца. В этот день я впервые в своей жизни почувствовал пропажу аппетита. Вообще-то у меня имелись самые лучшие часы в мире «Победа», но к этому времени они стояли три рубля ведро. Мое воссоздающее воображение нарисовало следующую картину: озверевшие офицанты с наслаждением бьют меня ногами, а сочувствующая милиция грубо вталкивают меня вместе с братом по классу в милицейский бобик, машину с отвратительными рессорами, так как тряска в автомобиле возбуждает умственную деятельность работников правопорядка или по крайней мере пробуждает их хватательные инстинкты.

Пот тропическим ливнем заливал мне штаны, дышать стало трудно. Деньги у меня были, но для этого надо было добраться до Ливадии. Озираясь, как волк во время облавы, я увидел знакомую женщину, приятельницу моих родителей из города, в котором меня не было почти пять лет. Слава Богу, хоть я и атеист, но узнала меня и, выслушав мой сбивчивый рассказ, одолжила мне сотню.

Расплатившись с официантом, я с удовольствием поел, да и жара перестала быть невыносимой. Мой сотрапезник, которому я искренне желал подавиться, подозвал официанта и барским жестом, по-видимому, свойственным эксплуатированному народу бросил два червонца со словами «сдачи не надо». Наглый лакей вернул мне только десятку, и я купил этому поклоннику Уинстона Черчилля несколько кубинских сигар, которые, несмотря на пламенную любовь к Острову Свободы стоили тогда недорого. Сославшись на занятость, я не пошёл провожать пароход. И с этих пор распространённое мнение о недейственности советской пропаганды нашего образа жизни я решительно опровергал. Через несколько дней Томка передала мне паркеровскую ручку, добротный свитер и четыре порножурнала от пострадавшего в Батуи гурмана. Ещё много лет журналы служили мне верой и правдой. Если мы не успевали приготовить к приходу гостей, то устраивали их просмотр для любознательных, посадить которых потом за стол было нелегко. Милый КГБшник, который по совместительству (совместительство тогда было модным) являлся начальником, бухгалтером и

кассиром, выдал мне, скрепя сердце, два червонца со словами «Чертовы евреи, даже Христос не смог от вас отделаться без потерь».

Всю освободившуюся энергию я направил на поиски бескорыстной любви. И, надо сказать, мне удивительно повезло. Моей Джульеттой на целых двадцать четыре дня стала очаровательная армянка с несколькими несущественными недостатками. Её носик был почти точной копией прославленного носика замечательного артиста Фрунзика Мкртчана, а кудрявые колчучие волосики, достигающие пупка и произрастающие вокруг сосков, делали её необыкновенно пикантной. Я всегда считал себя вдохновенным вруном, т.е. я искренне верил в экспромты, которые мгновенно рождались, и, пожалуй, ещё быстрее высказывались мною во время ухаживания и любви к женщине.

Весь этот период неистой страсти я чувствовал себя молодым, подающим большие надежды учёным, а она, по её словам числилась незамужней студенткой Ереванского университета, воображение которой было значительно выше воображения фотографов импортных порножурналов.

Мир тесен. Прошло около десяти лет, когда я, находясь в командировке, встретил мою Афродиту, с которой я когда-то неоднократно занимался любовью в пене морской. К сожалению, она не только очень заметно поправилась, но и постарела. И виной этому были не жуткие условия жизни уважаемого доцента, заведующего кафедрой, которую я когда-то наивно считал своей ровесницей. Наверно пользовались разным летоисчислением. Я от рождества Христова, она – от сотворения мира. Она познакомила меня со своей напоминающей спелый нежно волосатый персик очаровательной семнадцатилетней дочерью и рассказала мне, что ее муж, армянин из Греции, около десяти лет назад вернулся в Элладу.

В середине сентября, когда количество писающих и какающих детей на пляже заметно уменьшилось, а виноград значительно подешевел, мое садистское начальство вызвало меня продолжать трудиться на благо родины. Помню, мне было жутко обидно. Если уголь пролежал в недрах миллионы лет, то оттого, что он пролежал бы ещё немного, с ним ничего бы не случилось. Тот, кто не шлёпал босыми ногами по грязному и колочему от угольной крошки и пыли цементному полу, не надевал на себя влажную шахтёрку (шахтёрка – это не женщина, а брезентовая роба), не мёрз под непрерывным дождём и холодным ветром у шахтного ствола, наверно не поймёт меня. Как бы вы не любили свою работу, но у каждого теплится надежда, что это не навсегда. И я решил учиться дальше.

Почему я выбрал мединститут, объяснить не могу. Несмотря на мою врождённую любознательность, я не мечтал стать гинекологом. Специальности хирурга и психиатра меня не привлекали. Скорей всего я стану терапевтом. Буду сидеть в кабинете в белом халате, но без этой дурацкой шапочки на голове, скрывающей мои тогда ещё густые кудри, ещё лучше стать педиатром, и молодые хорошенькие мамашы будут страстно выражать мне свою благодарность за лечение их ангелочков. Перечитав школьные учебники, я без особых затруднений поступил в мединститут. Хотя теперь можно признаться, что это было невероятной наглостью. Я последние три года учёбы в школе учился в вечерней школе рабочей молодежи, где не было преподавателя химии.

Благо, тогда для имеющих достаточный трудовой стаж имелись льготы, наполняющие институты, особенно медицинские, недоразвитыми недоучками, не осилившими школьную математику. И примерно через месяц до меня дошло, что я опять не туда попал. Больше всего меня донимало, что здесь не надо ничего понимать, а только учить наизусть. Память у меня, тогда ещё не женатого, была хорошей, этакая беззлобная память, т.е. чисто мужская, и учился я легко. Спустя пару месяцев, после окончания кампании помощи деревне, нас стали отправлять в

больницы на санитарную практику. Мне не повезло. Вначале я попал в онкологию, потом в гематологию.

Жёлтый болезненный свет, страдающие безнадежные больные, гнетущий запах умирающих. Жуть. Ну, вот ты выходишь в город. Яркие нарядные витрины, здоровые беззаботные люди, воркующие на скамейках парочки. Жизнь. Нет, медицина – не моя стезя. Особенно мне это стало понятным после одного случая, произошедшего со мной и моим напарником в больнице накануне празднования Великого Октября. Я жил в совнархозовском общежитии, куда меня устроили по большому благу. После шахты я испытывал постоянную потребность в деньгах, пополняя свой бюджет удачной игрой в преферанс. Разумеется, на первые пары я не попадал, а мой напарник, интеллигентный очкарик из другого города, просто-напросто опоздал после посещения родителей. Наказывали прогульщиков по методу нашей суровой дамы-декана следующим образом: отправляли в качестве санитаров на дежурство в больницу. Старшая медсестра, озлобленная развёденка велела нам поставить сифонную клизму несчастной старушке после операции с применением опиумной анестезии. На мой вопрос, что означает сифонную, она посоветовала нам не быть идиотами и сообщила, что из-за таких, как мы, она трижды поступала в институт и так и не поступила.

После небольшого совещания мы стали заливать несчастную старуху. Лили потихоньку, но долго. Вылили мы примерно литра три. К счастью старушка не лопнула. Вначале она жалобно стонала, потом тихонько охала. И все это время мой напарник уговаривал несчастную тужиться. Мне было так жалко старуху, что я тоже тужился в надежде, что она последует моему примеру и его совету. Помогло. Я легко отделился. Только несколько капель попали на мой халат. Мой бедный напарник, как небезызвестный Александр Матросов принял удар на себя. Мало того, что его обделали с ног до головы, капало даже с его очков. Стерва-медсестра, лексикон которой был неистощим, заставила нас вымыть всю палату. И хотя мы были единственными представителями мединститута, об этой истории узнали все. Господи, прости, пожалуйста, наш грех перед несчастной старушкой, ибо мы не ведали, что творили. Никто так бурно не радовался этой истории, как оба моих соперника в борьбе за внимание одной прехорошенькой студентки.

Вылетел я из института довольно быстро. На кафедре химии энергично доживала свой век строгая старушка с взглядами порядочной девушки (она ею так и осталась) юрского периода. Упаси Бог, если какая-нибудь девица, особенно хорошенькая, потеряв бдительность, забыла стереть с губ помаду или её халатик был лишь слегка ниже колен. Нравственная чистота престарелой девушки не допускала даже мысли, чтобы эта молодая кокетка стала врачом. Очаровательная студентка Танечка как-то призналась мне, что при виде в коридоре или на улице мисс Молекулы (кличка, придуманная мной) у нее начинали болеть придатки. Бессмертное произведение Владимира Ильича «Великий почин» стало поводом моего изгнания. Наступил традиционный субботник. Деревьев, которые мы должны были обкопать, было раз в двадцать меньше, чем нас, а лопат было не больше, чем в те годы частных автомобилей на душу населения в нашем постоянно процветающем государстве.

Мне достался лом. Надо же и мне что-нибудь дать. Итак, я стоял, как Павка Корчагин, опираясь на лом, и вдохновенно читал визжащим от восторга барышням высокодейную поэму Баркова «Лука Мудишев». Поэтические вкусы девиц, проводящих свою неповторимую юность в анатомках, весьма специфичны. Оказалось, что всё это время наша химопасная бабушка из окна зорко следила за проявлениями нашего трудового энтузиазма. В понедельник на лекции

бабушка сурово осудила моё неучастие в созидательной работе, заметив, что это свойственно моей нации. Не знаю, отчего я вдруг разозлился, ведь большинство евреев разделяют мнение американского классика Д. Лондона, что ничто так не унижает человека, как тяжёлый физический труд, а я ведь охранял вверенный мне довольно тяжёлый лом в течение всего субботника. Тем не менее, по окончании лекции на её традиционный вопрос «Юносы и девушки, кто что-то не понял и хочет спросить, позалуйста». Бабуля знала всю таблицу Менделеева, но с буквами у неё дело было значительно хуже. Я вкрадчиво и ласково спросил: «Простите, а вы скоро выходите на пенсию». Её реакция меня потрясла, и я почувствовал что-то похожее на угрызения совести, что для меня было не частым явлением. «Молодой человек, – с дрожью в голосе, похожей на рыдание, ответила она, – я умру на кафедре». Почему-то с чисто женской логикой свою ненависть к юному идиоту она распространила на всю нашу группу.

На экзамен я опоздал, как всегда, и застал у дверей её кабинета пять или шесть рыдающих девиц. Решение пришло мгновенно. Одна из особенностей учёбы в мединституте заключается в том, что девицы на сносях до последней минуты рвутся на сессию. Я позвонил в скорую и сообщил, что у нас Авдотья Пасько рожает. Буквально через десять минут на кафедру в сопровождении декана ворвались два дюжих санитаров с носилками и врач мужчина. На вопрос: «Где здесь Авдотья Пасько?». Бабуся, опираясь на палку, доложила: «Я – досент Авдотья Пасько». На что полудебильный санитар ответил: «Тю, а нам сказали, что вы рожаете». «Я же девушка», – возмутилась старуха и ухватила за сердце. Часть – по второму заходу, часть – по первому, но все сдали её заму, а мои коллеги сдали меня декану в этот же день и без применения пыток. Так что разоблачения я не избежал. Но особенно на моих соучеников я не обиделся. В самом деле, среди учеников самого Христа святых апостолов, нашелся Иуда. А в таком большом коллективе можно было ожидать случившегося.

Особенно буйствовал зампарторга некий Галушка, отставной майор, читавший нам гражданскую оборону. Странно, но я до сих пор люблю этого человека. Помню его первое появление в аудитории. Огромная туша протиснулась в двери и представилась «Мене звать Марк Аверьяныч, а фамилие моё Галушка. И я не какой-то армянин или даже еврей (половина аудитории составляли «даже»), а поэтому уважать мене можно». Основным содержанием его дисциплины были рекомендации на случай атомной бомбардировки. Однажды заметив, что во время его потрясающей лекции я гладил божественные коленки нашей старосты, он вызвал меня к доске и сурово спросил: «Так что ты, понимаешь, доктор выявился, будешь делать при взрыве атомной бомбы?»

– Спрячусь, товарищ майор.

– Куды спрячешься?

– В противоатомный бункер.

– А если его нема?

– Тогда не спрячусь, товарищ майор.

– Гвардии майор, – поправил он и добавил, – иди сидай. Бомба – это тебе не бабу мацать.

И с жестом, напоминающим Ленина на известном плакате «Верной дорогой идёте, товарищи!», висевшем у нас в коридоре возле туалета, отправил меня на место. Всё было бы ничего, но у нашего лектора была прескверная привычка, свойственная всем убогим преподавателям – он обязательно устраивал переключки, лично отмечая отсутствующих. Однажды он заболел. И Вася, сын заведующего кафедрой, по секрету сообщил нам, что у Галушки депрессия. Я с

самым серьёзным видом объяснил ему, что причиной этого заболевания являются темпы нашей жизни.

– Послушай, – сказал я, – утром майор проснулся, а радио сообщило о начале войны Израиля и Египта. Пока он одевался, евреи вышли к Суэцкому каналу. Заходит в аудиторию, – продолжал я, указывая на Пинскера, Когана и Зальцмана, входящих в анатому, – а они уже там.

Откуда я знал, что наш Вася примет этот анекдот за истинную правду и сообщит о моем диагнозе папаше. Анекдот разошелся по институту, а декан неожиданно стал здороваться со мной. Теперь наш отставник, обращаясь к ректору, с искренним возмущением произнёс «Этот студент (пауза для нахождения нужного слова), неустойчивый студент».

В общем, меня выгнали. И это, пожалуй, единственный случай, когда желание руководства совпало с моим.

Прошло несколько лет. За эти годы одной моей хорошо знакомой очаровательной девушке жутко не повезло – она вышла за меня замуж и родила мне сына и, преодолевая бесконечные трудности, все эти годы нянчит и воспитывает обоих вампиров. Я протирал штаны в НИИ, перебирал гнильё на овощебазах, помогал строителям, колхозникам и, как написано в моей производственной характеристике, внёс большой, но, к сожалению беспроцентный, вклад в науку, являясь автором свыше десяти изобретений и дюжины публикаций. Занимался я вечерами на кухне, чтобы не беспокоить домашних. За эти годы у меня выработался устойчивый рефлекс – воровать по ночам из холодильника и проглатывать пищу не разжёвывая, чтобы бдительная жена не застала меня на месте преступления. И в этих условиях мне удалось совершить настоящее открытие в науке, связанной с физиологией позвоночных. Мне всегда было достаточно крошечной чашки некрепкого кофе, чтобы бодрствовать всю ночь, сладко мечтая о находке толстого, туго набитого деньгами портмоне. Но даже целый графин крепчайшего кофе не действовал на меня, стоило мне прочитать пять-шесть страниц учебника по начертательной геометрии и т.п. Всем страдающим бессонницей рекомендую мой опыт. И хотя моё пребывание в горном институте было недолгим, всего каких-то двадцать лет, но мучительным. Несмотря на это, я прошёл путь от лаборанта до старшего научного сотрудника. И, благодаря моей неукротимой любознательности, а точнее – любопытству (что из этого получится?), стал автором полутора десятка невнедрённых авторских идей.

Пришёл черёд пединститута. Здесь я учился на заочном отделении исторического факультета. Учился не спеша и с удовольствием. Большинство моих соучеников составляли низовые политработники в армии, сельские училки после педучилища и патриотично настроенные комсомольские работники. Последние твердо убеждены, что все жертвы революции, Гражданской и Отечественной войн были принесены для того, чтобы они могли занять достойное место в жизни... Объясняю для тех, кто не понимает, что такое достойное место. Это хорошо оплачиваемое и, конечно, не обременительное, специально созданное для отпрысков колхозной аристократии и руководящих работников поселковых администраций.

Встречался я со своими однокашниками редко. На то существовали две причины: мне получение диплома было не к спеху и к тому же в аудиториях, где ещё с послевоенных времён для сбережения тепла окна были забыты гвоздями, дурно пахло. Поэтому я был более или менее знаком с несколькими поколениями жаждущих получить высшее образование. Любил я их всех безумно. Да и как их было не любить!

Будущая учительница языка и литературы спросила у меня: нет ли у меня книги Льва Толстого «Пиперкалоид инженера Гранина». Бедная дочь директора автобазы(!), на её несчастную головку слишком много развелось Толстых в нашей литературе. Попахивающая хлебом грудноносная Маруся по окончанию истфака, наконец, заинтересовалась генеалогическим древом семейства Романовых, в связи с чем задала мне вопрос: «А Екатерина Вторая – дочь Петра Первого или Второго?» А Романов(!) – второй секретарь сельского райкома комсомола. На госэкзамене по педагогике у него пытались выяснить: кто автор метода наглядного обучения. Напрасно пытались. Набывшийся отрок, молчавший до этого как Зоя Космодемьянская на допросе, с надеждой уставился на меня. Я скорчил умную рожу и ухватился за мочки ушей.

– Ухинский, – догадался однофамилец великомученика, потому что сельская интеллигенция говорила уши, а не уши, как говорят проклятые москаля.

Затем в течение многих лет я сеял разумное, доброе и вечное подчас в каменистую почву. Работал на две ставки, но в последние годы почти бесплатно. Вначале при попытке построить социализм с человеческим лицом, потом при капитализме с рыночной харей.

Когда слово «перестройка» стало модным, мой приятель, рафинированный интеллигент, всегда с опаской относившийся к таким предметам, как молоток или отвёртка, затеял перестроить покосившееся крыльцо. Нанял двоих. Один плотный и красноречивый как Гайдар, другой шустрый и подвижный как Чубайс. После двух пол-литра работы, проникшись новым мышлением, развалили стенку и обрушили крышу.

Однако долго исповедоваться негуманно. И батюшка трапезу пропустит, и у любознательности есть границы. Пора обратиться к потомкам: «Дети мои, внуки и ещё не родившиеся правнуки, учиться надо. Образованному человеку не так обидно, если он нищий. Его не мучит зависть. Он знает, за что и почему он беден, а свобода, как учили марксисты, это осознанная необходимость, а в наше интересное время бедность это расплата за старомодную порядочность. Интеллигенты наследственные вы мои, цените вашу свободу от шмоток и харчей, наслаждайтесь, глядя на телевизионный экран, прекрасными пейзажами популярных курортов, потому что дома всё-таки лучше».

Итак, я – неудачник. Карьера моя не состоялась, и я ничего не добился в своей пока ещё продолжающейся жизни с убогой пенсией. Далее следовало бы написать, что несчастья и бытовые трудности избороздили глубокими морщинами моё чело. Но я писатель-народник, тем более, что критического реализма, благодаря моей жене, мне хватает. Я прожил счастливую и прекрасную жизнь.

Я люблю свою библиотеку, которую я собирал почти пятьдесят лет, я люблю свою уютную кровать и бра, висящее над ней. Я люблю своих друзей, а они, в особенности женщины, любят меня, что свидетельствует об их хорошем вкусе. Но больше всего на свете я люблю свою жену и чувствую себя счастливчиком, потому что сорок шесть лет назад она, лучшая в мире женщина, вышла за меня замуж. Наверно ей не очень повезло.

ПЕГАС У АВТОРОВ ПОЭМ

Игорь Карамнов Харцызск ИЗ ПОЭМЫ «ДЫХАНИЕ ТАЙНЫ»

1

Напротив гостиницы «Спасской»,
над Вологодским Кремлём,
летят наяву, будто в сказке,
пять чаек серебряным днем.

Я жду на свиданье Оксану,
она ведь сказала «приду»...
Цветы подоконной герани –
как розы в приморском саду.

Темнеет, и звёзды все ближе,
эх, если б влетела в окно,
хотя бы одна, чтоб обижен
не пил я разлуки вино.

Полёт бы увидеть Оксане,
не мне ж одному здесь глазеть...
О, боже, как звёздочка манит,
как хочется песню запеть

о том, что не вымазать сажей
звёзд россыпь над дивным окном...
Ах, ноченька, ты ведь не скажешь:
Оксаны дыхание пьём!

Прошло сколько лет или вёсен,
священных несдавленных дней:
бег времени – многоголосен,
бег времени – сердца быстрее.

Однажды размашистым летом
рассветы – как будто с нуля,
как будто бы в песни одета
золотой арфы земля.

Машук чуть склонился к востоку,
блестящие горы – вдали,
и, кажется, что ненароком
плывут там вдали корабли,

плывут, серебрясь и сверкая,
быть может, к любви островам,
а, может, и – к самому раю:
я верю, а значит: я – там!

2

Погасло дневное светило,
огни танцплощадки – угли,
и песня – любимая...

Ты ли,

Оксана?

Аль звёзды зажгли?
Но девушка возле эстрады
такая – как будто бы ты...
И – приглашению рада,
над нами – блеск темноты!

Танцуем мы медленно, нежно,
я так ещё не танцевал,
и я – уже, хоть меня режьте,
но будто счастливейшим стал.

У Бунина счастье иное:
цветущий незыблемо сад
и воздух, и воздух весною...
Как сладко о нём говорят!

Как сладко! Ни тени сомненья,
дискуссий не плавится медь.
Вот так! Значит жизнь во Вселенной
должна никогда не стареть!

Я девушку вновь приглашаю,
от песен я пьян, от любви,
ни Вологде, ни Варшаве
меня не остановить.

Но девушка строго и прочно
сказала неласково: «Нет...».
И я – как на стыке обочин,
а «нет» – как судьбы силуэт.

Не верите? Словно бы камень
теперь на душе чуть живой,
а песни... А песни – как пламень!
Хоть волком, хоть музою вой!

Евгения Перетятая-Бабенко Перевальск

ГИМН ВЕРНОСТИ

*С чувством безграничной признательности
Маргарите Тучковой (Нарышкиной) и Александру Тучкову,
одному из четырёх братьев-генералов Героев Отечественной
войны 1812 года и всем защитникам Отчизны.*

*Слагаю сердцем, трепетно дрожащим,
Гимн верности Отчизне! И – любви!*

Пролог

*Журнала старый номер вдруг попался –
Подписки было море у меня,
Но в море островок не потерялся,
И долго сна потом не знала я:
В «Семейном чтении» прочла я залпом очерк
И до сих пор взволнованно хожу,
История представилась воочью.
Хотите, вам стихами расскажу?*

*...В шестнадцать вышла замуж Маргарита.
Мечтала: счастья будет через край!
Но – не судьба... Пути Господни скрыты.
Перед Нарышкиной померк замужний рай.*

*Казалось, огонёк души потушен,
Разбиты и надежды, и мечты,
И думала, что ей никто не нужен,
Что сожжены навеки все мосты.*

*И вдруг, как вспышка молнии, явление!
Оно преобразило жизнь её!
О счастья таком – мечтать не смела:
Красавец-генерал! Судьба брала своё.*

*Сам Александр Тучков – один из братьев,
России верных преданных сынов!
(Есть в Эрмитаже, не могу соврать я,
Портрет его. От нас ему поклон).*

*Он на гравюре юн, почти мальчишка,
Но доблести ему не занимать.
Мечтательный и вдохновенный слишком,
И от портрета глаз не оторвать!*

*Случайно у Нарышкиных он дома,
Знакомясь, нежным голосом её
Сражён был, как стрелою Купидона,*

И это – не воображение моё.
Она была умна. И лучезарна!
Он понял вмиг – не устоять ему.
И Маргарита, сердцем вспыхнув страстно,
Решила так: быть, значит, посему.

Бутоном ярким запылали чувства,
И радуга свои цвета зажгла!
Но тут с преградой им пришлось столкнуться:
Семья на брак согласие не дала.

Родительское сердце осторожно:
О новом ли замужестве мечтать!?
Вдруг счастье будет снова хрупко-ложным!
А коль судьба, их Бог сведёт опять.

Она послушна маменькиной воле,
Родительское слово – ей закон,
Знать, никогда не быть счастливой боле,
Нет Александра – за границей он.

И заметалась девушка в горячке –
Так, значит, вовсе не нужна ему!
И слёзы горькие свои не прячет,
Жизнь без любви похожа на тюрьму

Томительная долгая разлука,
И Маргарита вся в мольбах о нём,
Но, слава Богу, прекратились муки,
Судьбу ведь не объедешь и конём.

Дождалось всё же весточки сердечко
И объясненья пылкого в любви.
Прошло четыре года, и колечком
Союз сердец сам Бог благословил!

Любовь пришла с удвоенною силой!
Сердца от счастья взмыли к облакам!
Он восторгался Маргаритой милой,
В его руке её была рука.

... Стройна! Светла! Она, как лучик солнца,
Покинула свой дом лишь для того,
Чтоб чашу жизни с ним испить до донца,
В походах чтоб не покидать его.

И довелось познать житьё в обозе:
Гул артиллерии и дым пороховой...
Пошли ей силу и терпенье, Боже,

Храни любовь до доски гробовой.
И днём, и ночью к бою наготове –
Досталась им в приданое война.
Картель... Воронки... Смерть на полуслове,
О, сколько тягот вынесла она!..

Всего страшнее было ожиданье,
Душой всегда с возлюбленным была,
Сраженьям не было, казалось, окончанья,
Затишье пролетало, как стрела.

Но ей любовь особый дар откроет.
Увидеть было (сон – не сон) дано:
На небе буквы, наливаясь кровью,
Сложились словом роковым: БОРОДИНО.

И разбудила мужа Маргарита,
Поведав про видение ему.
От них ещё то слово было скрыто:
– Может, в Италии?.. – не верил сам тому.

Приподнялся спросонок над соломой,
Жену плащом укрыл, поцеловал,
Постель поправил ей у изголовья:
– Не бойся! Я с тобою! – он сказал.

Наука объяснить того не может –
Предчувствие на свете всё же есть
И заглянуть в судьбу оно поможет.
Ждало их на поверку слово: ЧЕСТЬ.

... А ведь могло быть в жизни всё иначе,
Ушёл бы муж в отставку, наконец;
Такое право им дано, тем паче,
Она ведь мать уже, а он – отец!

Добраться до большой библиотеки,
Воспитывать бы сына своего,
Родители нуждаются в опеке –
Так мало мирной жизни у него.

А сына-то Николкою назвали
В честь старшего Тучкова. И они
В часы «отбоя» сына целовали,
И в радостях скупых летели дни.

Но над страну туча нависала,
И не для них – семья, уютный дом...
Об этом думать им не полагалось,
Была война. А личное – потом.

...Захвачены врагами земли предков,
Москву стремился взять Наполеон,
Но, оседлав походную карету,
Кутузов в поиске: как выставить заслон?

Настало время Бородинского сраженья,
Вселенской болью сердце заболит,
Теперь понятно: сон – не наважденье.
Муж – генерал Тучков – в бою убит.

Но Маргарита верить в то не станет –
Убитым же не видела его.
(И брат Тучкова – Николай смертельно ранен.
Ослепнет матушка: смотреть ей – на кого?..)

Война несла народу много бедствий,
И долго приходилось отступать,
Но неприятель обратился в бегство,
С таким народом, как не побеждать!

...Усеянную мёртвыми телами
От недруга святую Русь спасли,
Себя прославя ратными делами,
Бессмертие в потомках обрели!

У Маргариты теплится надежда,
Средь ночи через лес бежит на тракт:
Вдруг муж вернулся и спешит к ней где-то,
И долго-долго будет длиться так...

В тоску всё больше думы погружала,
Сын подрастал. Как на отца похож!
Тучкова поле брани навещала,
Построила сторожку – каждый вхож.

Святого места берегиней стала,
И делу доброму дала толчок
В России первой. На века ей слава
За то, что сердце билось горячо!..

В ход драгоценности пошли – зачем ей? –
Нерукотворного Спасителя встал храм!
Тянулись толпы вдов со всех губерний
За убиенных помолиться там...

Ещё судьба несла ей испытанье:
Навек ушёл сынок в пятнадцать лет,
И дорогого самого не стало,
Всё для неё теперь – в родной земле...

И Божий храм стал центром притяженья
Для тех, кто обездолен был войной,
И кто искал для сердца утешенья –
Здесь каждый друг для друга был родной.

А положив отцово состоянье,
Она воздвигла женский монастырь,
Чтоб облегчить душевное страданье,
Евангелие здесь читали и Псалтырь.

От станции «Бородино» легла дорога
Потом до самого монастыря –
Открытый путь из дальнего далёка
Для всех, кто сердце с Богом примирял.

И приезжали признанные люди,
Чтоб оказать почтение своё.
Тучкову Маргариту не забудем –
Как подвиг чтим земную жизнь её!

... А умерла игуменья весною,
Её земле готовились предать,
Разжали кулачок – листок с собою,
От мужа о любви – храня всю жизнь! –
хотела взять...

Поклон от нас им до земли низайший –
Пролило столько кровушки-крови..
Слагаю сердцем, трепетно дрожащим,
Гимн верности Отчизне!

И – любви!..

ПЕГАС О ЧЕТВЕРОНОГИХ ДРУЗЬЯХ

Алевтина Евсюкова Севастополь

ПРОША, ПРОША...

Его назвали Прошей. Эдуард Владимирович привёз его домой такого жалкого, дрожащего всем своим крохотным тельцем, с едва открывшимися миру мутно-зелёными глазами. Он, жалобно мяукая, пытался приткнуться к тапочку своего спасителя.

– О, Господи, Эдик! Где ты его взял?

– Нашёл, Катюша, нашёл. Не смог пройти мимо... Уж очень он мал и жалок.

– Ты же не любил животных...

– Вот, только не надо риторики. Любил – не любил. Я не был готов нянчиться долгие годы: работа и прочее. Вот и сопротивлялся Иришкиным желаниям, а позднее и прихотям внука. А может, я раскаиваюсь...

– Ну, принёс, так и ухаживай!... Я-то больше по больницам обитаю – сам знаешь – не до того мне ...

– Конечно, Катюш, конечно же. Вот и молока купил. Да оно, на мой взгляд, холодноватое для него. Может быть его подогреть?

– Обязательно, Эдик. Он же совсем маленький – простынет от твоего холодноватого молока.

– Ну, ладно, не ворчи, Катюша, всё сделаю как надо. И, конечно же, куплю все кошачьи придамбасы. Вот, только перекушу.

Напоив котёнка, Эдуард Владимирович поместил его в коробке, и отправился в супермаркет.

Проша, так его назвали из-за требовательного напоминания о себе, рос быстро, стремительно набирая вес. Чёрный, как антрацит, он, озорно поблескивая светящимся взглядом зелёных глаз, постепенно обследовал пространство трёхкомнатной квартиры и все её закоулки. Не было места, где бы он не успевал натворить дел, причиняя хозяевам массу хлопот. То прочно застрял между звеньями горячего радиатора и истошно вопил до тех пор, пока его не удалось высвободить. То свалил с полки батареи коробок с обувью, слетев вслед за ними и угодив прямо в ведро с подхлорированной водой для мытья пола. То спрыгнул с посудных антресолей в медный таз с остывающим черничным вареньем, жалобно попискивая от тщетных попыток выкарабкаться.

А однажды, забравшись на самый верх мебелиной стенки, застрял в узком пространстве между нею и стеной. Екатерина Михайловна, наглотавшись лекарств от приступов гипертонии и стенокардии, не могла пошевелиться. А супруг изнывал от изнуряющей изжоги и давящих спазмов в желудке. Пришлось звонить дочери с зятем и соседу, чтобы отодвинуть массивную мебель и вызволить перепуганного чертёнка, как выразился Прошкин благодетель.

Но всё это принято считать неизбежностью, связанной с появлением подобного рода существ. А вот у этого индивида была одна умопомрачительная и непредсказуемая особенность. Сосательный рефлекс достался этому существу от природы, но по непонятным для него причинам не был реализован с кошачьей мамой, исчезнувшей невстё куда. И Прошка с первого же дня проявил его на своём покровителе, а вернее, на его любимых старых шерстяных спортивных

трико. Видимо, он сразу же окончательно и бесповоротно решил «уматерить» своего благодетеля вместо настоящей матери. Для реализации своего намерения Проша посчитал, что в самый раз в данном случае подойдут штаны Эдуарда Владимировича.

Наверное, здесь надо упомянуть об одной немаловажной детали – об образе жизни самого Эдуарда Владимировича. Он и в былые-то времена любил поваляться с газетой в руках на диване, расположенном перед тумбочкой с телевизором. А уж когда ушёл в отставку, то и вовсе узаконил этот вид коротания бесконечно длинных дней. Покидал диван Эдуард Владимирович по причине возникновения чисто физиологических потребностей. И лишь иногда, по принуждению, спровоцированному с чьей-либо стороны. Это, стало быть, при возникновении острых по злободневности обстоятельств, инициируемых со стороны близких; или когда любимая им супружница взыскательно назидала. А именно:

– Эдик, ты не устал лежать? Отдохни-ка чуток – сходи, пожалуйста, в супермаркет. У нас кончились запасы продуктов. Вот и список.

– Катюша, так я же недавно...

– Это было, Эдик, не недавно. Это было, мой дорогой, давно!!!

– Надо же, как время летит...

Но, поскольку выручать его в столь пожарный момент было некому, то ему ничего не оставалось, как, вздыхая и кряхтя, поднимать своё тощее тело с дивана. Неторопливо облачив его в хорошо сшитый костюм (непрерменно с галстуком), слегка сдвинув свою любимую фетровую шляпу набок и повернувшись перед трельяжем и так, и эдак, он спешил сообщить:

– Катюша, я готов, дорогая.

– Слава Богу, Эдик! И, пожалуйста, не забудь купить туалетную бумагу, салфетки с бумажными полотенцами, моющие средства и пакеты для мусора, о которых ты вечно забываешь.

– Постараюсь, Катюша.

– Да уж постарайся.

И, конечно же, придя домой и облачившись в привычный «наряд», он, как всегда, спешил принять горизонтальное положение на излюбленном, хотя и давно продавленном, диване, не забыв прихватить с собой криминальное или иное чтиво и, обязательно, толстенный экземпляр кроссвордов.

Ну, а с тех пор, как в доме появился Проша, то и он, тотчас спешил удобно примоститься где-либо у ног своего кормильца, и, выбрав удобное для него место захвата ткани штанов, предварительно прожевав эту часть ткани, принимался сосать, самозабвенно прищуриив посоловевшие глаза, и мирно урча. С тем и засыпал, чем напрягал Эдуарда Владимировича, обрекая его на неудобства, лишая его комфортного отдыха, в котором он так нуждался. Эдуарду Владимировичу надо бы повернуться на другой бок, или принять иную позу, удобную для него – а не тут-то было... Ведь, тем самым он потревожит спящего бесёнка, и примется этот бесёнок искать новые полигоны и объекты для экстрима (!). В итоге, ему же, Эдуарду Владимировичу, приходилось невольно расставаться с кроссвордом ли, или с понравившейся телепередачей, а то и с транслируемым сногшибательным международным футбольным матчем, и, вынужденно покинув своё лежбище, принимать экстренные меры. В результате, на любимейших трико Эдуарда Владимировича образовалось множество выпуклостей подозрительно странной формы для чужого взгляда, по цвету отличающихся от остальных частей ткани, пока ещё свободной от посягательств этого маленького, но весьма преуспевающего эскуатора.

Проша вырос, и уже давно. Но его резвость не поубавилась, хотя уже и

поступь его стала тяжелей и, казалось бы, солидней. А мощность его движений действовала более разрушительно на предметы быта, долженствующие создавать определённую гармонию уюта квартиры. Но в какой-то из моментов они были избраны Прошей для его неистощимых происков. Результаты его посягательств на целостность этих вещей или посуды были, в лучшем случае, обескураживающими либо губительными. Благо всякой посуды, статуэток и сувениров фарфоровых, пластиковых, гипсовых и иных было множество. Мода в прежние времена диктовала хозяйкам домашнего быта условия следования ей. И Екатерине Михайловне не удалось избежать её влияния. Поддавшись искушениям, она не думала – не гадала, что её вкусы совпадут в необозримом будущем с чьими-то другими. Теперь же это стало очевидным фактом, ибо Проша, совершенно для неё неожиданно «обращал внимание» на самые любимые предметы её богатой коллекции. А результаты его «поклонения» перед ними становились разрушительными.

– Эдик! Да уйми же ты своё чадо, ради Бога! Спасу нет от него!

– Катюша, что я сделаю?

– Что, что!? Возьми его к себе, погладь и положи с собой! Когда он спит – тебе же спокойнее.

– Да уж... Мои штаны...

– Вот-вот, твои штаны! ... Они – единственное, что спасает нас с тобой.

– Катюша, не надо издеваться над пожилым человеком...

– Это я издеваюсь?! Это твоё чадо издевается над нами!

А чадо, притомившись от столь энергичных происков и суеты, будто только и ждало, когда радетель возьмёт его на руки. Неважно, что нередко и за шкуру, и неважно, что и потреплет весьма для него чувствительно, что само по себе неприятно и болезненно. Но что поделать с подобной неизбежностью? Надо терпеть... Он-то знал, что, в конце концов, его непременно начнут гладить. Тут уж он, насладившись лаской, от чего невозможно было не заурчать, испытывая восхитительное удовольствие, обязательно присасывался к очередному бугорку ткани и мирно засыпал, очевидно, в полной уверенности полагая, что ничто и никто не помешает его блаженству.

Но пришло время, когда наступил момент весьма важный в кошачьей жизни. Природа чувств даёт о себе знать, пробуждая всевозможные инстинкты, иногда оказывающиеся тревожными и болезненными для подобного рода существ. Но, к удовольствию или к досаде, они неизбежны. И снова, неистощимый на непредсказуемые фантазии (теперь уже не чертёнок, а чертяка), Проша выбрал себе в «подруги» одну из ног того, кто на протяжении его непростой и бурной жизни исполнял материнские обязанности.

Здесь стоит упомянуть о том, что выросший в квартире кот до безумия боялся очутиться за дверью, хотя бы на короткое время. Когда Эдуард Владимирович пытался приучить Прошу к прогулкам во дворе, то тот, едва очутившись в коридоре, а тем паче в лифте (их квартира была на девятом этаже), неистово вопил, судорожно цепляясь когтями в своего попечителя, и остервенело царапая его. Пришлось оставить эту затею.

Но зато Проше понравились прогулки по странному для него архитектурному сооружению (скорее, на мой взгляд, излишеству) в виде карниза, беспрерывно тянущегося по периметру всех этажей девятиэтажного дома. Летом для Проши это сооружение не представляло опасности. Исследуя его, он с каждым разом увеличивал дальность своих прогулок. В конце концов, исследовав весь маршрут по периметру дома, оставил эту затею и уже не удалялся так далеко и надолго.

Наступила осень, и прогулки для Проши становились день ото дня сложнее. Но ему по-прежнему нравилось гулять. Тем более, что вторично наступил тот самый тревожный момент теперь уже взрослой его жизни. По-видимому, он интуитивно отправлялся на прогулки в поисках неведомой для него, но настоящей подруги. Его осязаемые стремления и подвигали Прошу на риск, ведь к тому времени карнизы уже были покрыты наледью от погодных перепадов. Но он отважно следовал своим инстинктам, продолжая опасные прогулки. И однажды опасность превратилась в зловещую реальность.

Никто в квартире (ни дочь, ни зять, ни внук, пришедшие в гости) не заметил Прошиного исчезновения. Эдуард Владимирович после праздничного обеда мирно посапывал на излюбленном ложе. Гости, расположившись в креслах, иронически комментировали новости по ОРТ. Внезапно раздался долгий пронзительный звонок в дверь. Испуганно сорвавшись с дивана, Эдуард Владимирович, будто что-то почувствовав, ринулся в прихожую и поспешно распахнул дверь. Заметно побледневший, у порога стоял Васька (сосед по площадке). Дрожащим от волнения голосом он хрипло проговорил:

– Эдуард Владимирович, там Ваш кот, в шиповнике...

В чём был, Эдуард Владимирович поспешил вниз. Его Проша качался в густых зарослях шиповника, растущего под окнами дома. Он медленно, с трудом перебирая лапами, тщетно пытался высвободиться из цепких объятий колючего кустарника, колеблющегося от его тяжести. Оцепенев было в ужасе от такого зрелища, Эдуард Владимирович, не помня себя, ринулся на помощь Проше, не обращая внимания на боль и кровь. Домой он нёс своего подопечного бережно, словно ребёнка, свисавшего с его рук безжизненной плетью.

Что тут сказать? – Хорошо ли, плохо ли, что Екатерина Михайловна в то время находилась на стационарном лечении? Может быть, и к лучшему. Ведь её сердце и без того слабо. Эдуард Владимирович делал всё необходимое для того, чтобы ни Проша, ни его Катюша не почувствовали себя заброшенными. И Екатерина Михайловна вернулась домой, и доньне радует своим гостеприимством родных и близких. И Проша, болезненно пережив столь суровое испытание таким необычным образом, остался жив и здоров. Вот только не избежал он ещё одного испытания, последовавшего за выздоровлением – современного способа избавления от мартовских и сентябрьских тревожных периодов для кошек, когда хоть вой, но не помогут никакие Прошкины ухищрения. Операцию он пережил со смирением, видно, глубоко чувствуя свою обречённость на проявления неожиданностей, не Бог весть от чего возникающих в его жизни.

И всё же, Эдуарда Владимировича постоянно смущает подлая Прошкина привычка оставлять подозрительные бугорки и пятна на его спортивных трико, видавших и перевидавших виды... Но что делать? Менять их на новые – всё равно, что обречь свои чувства на такое же глумление. Так стоит ли рисковать? По всей видимости, нести ему этот «крест» суждено до конца...

Виктория Колтунова Одесса О БРАТЬЯХ НАШИХ... МЕНЬШИХ?

Хотелось бы знать, когда человек придёт, наконец, к трезвой мысли, что он отнюдь не «венец творения». Не единственный и неповторимый начальник природы. И живущие на планете миллионы других существ, хвостатых, крылатых, имеют равные с ним права на жизнь. Поскольку не он им эту жизнь давал, не ему отнимать. Для некоторых хомо сапиенс эта мысль невыносима. Потому они стараются всеми способами утвердить свое превосходство с помощью винтовок,

палок и других орудий самоуважения. А ещё у человека есть хитрость. То, чего начисто лишён щенок, подбегающий к нему на кусочек сосиски, и не понимающий, что эта сосиска – лихо задуманный приём. И станет последней в его короткой жизни.

Пройдитесь по улицам, на которых размещены пивные будки. Это именно «венец природы» валяется под ними в невменяемом состоянии, обср...мшись, и обос...мшись. Конечно, среди животных не было ещё на планете ни одного Эйнштейна или Сахарова. Но зато и «венцов под забором» тоже не было никогда.

Довелось мне как-то три года опекать двух бомжих, мать и взрослую дочь. Я поселила их в подсобке своего офиса и в течение трёх лет помогала деньгами, одеждой и чем могла. Кроме того, дочь ежевечерне ходила ко мне ужинать, а для матери я накладывала ей в пакет еды. Однажды Аня, сидя за моим столом и, глядя в тарелку со мною же сваренным борщом, сказала с придыханием: «Как я вас ненавижу! Вот убила бы, этой крышкой по голове убила бы, если б могла!» Я опешила: «Аня, за что!?» И услышала сказанное звенящим от злобы голосом: «А почему это у вас все есть, а у меня нет? Вон у вас целый пакет колгот на стуле, там даже ещё ненадёванные есть!»

Ну какая собака или кошка, обласканные мною, позавидовали бы мне на целый пакет «Педигрипала» или «Вискаса»? Нет, на это способен только «венец творения», у которого все остальные чувства и мысли вытекают из одной, основополагающей черты – зависти к ближнему. Зависти, от которой сводит скулы, прерывается дыхание, и если «венец» не может убить предмет своей зависти, то готов просто покончить с собой, лишь бы не терзала душу эта невыносимая глущая страсть.

Животные же, не лишённые чувств сострадания, любви, ревности, юмора, самопожертвования, начисто лишены краеугольной составляющей человеческого характера – зависти.

«Эка хватила! – скажете вы. – Любви, ревности, самопожертвования... Это слишком. Животные не имеют интеллекта, они живут инстинктами».

Но на протяжении жизни я сталкивалась с разными животными и многие из них оставили самый благодарный след в моей душе, именно тем, что вызывали радость встречи с чем-то интеллектуальным и возвышенным.

Я хочу рассказать о некоторых из них, и прошу вас вдуматься, какие же эмоции, какие черты характера, какие, наконец, соображения руководили моими четвероногими героями, когда они совершали то, о чём я пишу. И пусть эти воспоминания послужат скромным памятником тем живым, тёплым существам, которые жили, любили, страдали без ненависти и зависти. И тем самым были куда выше и моральнее многих и многих «венцов творения».

РАШИК

Мне было 8 лет, когда, однажды, проснувшись, я увидела около кровати маленькое серое существо, без шерсти, похожее на собачку. Это и оказалась собачка, щенок невиданной тогда у нас породы японская голая. В Одессе гастролировал известный клоун Карандаш, и, как потом выяснилось, щенок сбежал из цирка и прибрлудился к нашей квартире. Назвали его Рашиком в честь любимого моими родителями певца Рашида Бейбутова. Этому способствовала удивительная способность Рашика... петь! У нас по вечерам собиралась одесская богема и моя мама, обладавшая прекрасным сопрано, пела оперные арии, а Рашик, усевшись на табурете и вытянув вверх мордочку подпевал ей абсолютно в тон.

Маму он обожал, считал её главой семьи, при всяком удобном случае признавался ей в любви, а именно: лез на руки, пытался лизнуть в лицо и лапами

охватывал её шею, стараясь обнять.

Было странно, как в этой маленькой головёнке, размером не больше моей детской ладони, умещалось столько интеллекта. Он будто понимал всё, что говорили вокруг, сидя за столом на собственном высоком табуретике, и поворачивая головку в сторону говорящего.

Казалось, вот-вот он заговорит. И однажды это случилось. Мы снимали дачу на Фонтане, и Рашик, забредший в конец участка, наступил лапой на осу. Она его, естественно, ужалила. От сильной боли и страха он взвыл и помчался на веранду к маме. И, несясь к своей спасительнице он, запорокинув морду, орал по-человечески, по-русски – ам-мамааа!

Погиб он случайно. Вылез на окно погреться на солнышке и свалился вниз. Не прямо на асфальт, а на плечо прохожего, а потом уже на землю. Потому остался жив и прожил ещё две недели. У него были отбиты почки. За месяц до этого родители уезжали в Москву. Рашик не давал маме выйти из квартиры, отчаянно скулил и лапами обхватывал её ноги. Обнимал. Наверное, чувствовал, что видит её в последний раз.

Когда он лежал на мраморном столе в ветеринарной клинике, раздувшийся от уремии, я, прощаясь с ним, хотела наклониться и поцеловать его. Он открыл тускнеющие глаза, и медленно, с трудом повернув голову, лизнул мою руку. Не я ему, а он мне сказал последнее «прости»...

ЛАДА

Моя приятельница пришла перед отъездом и оставила нам на пару дней свою собаку. Оказалось – навсегда. Это был черный терьер, девочка, золотая медалистка, по имени Лада, четырёх лет отроду. Она как-то сразу вошла в нашу семью, сама определила себе место в углу моей комнаты. Более благородного существа я не встретила в жизни.

Она могла просидеть на кухне около стола, на котором размораживалось мясо, несколько часов, не позволяя себе ни схватить его, ни даже заскулить. Только натекала на пол лужица слюны. Она чётко знала, что на кровать ей нельзя, но после купания, завёрнутая в полотенце, вскакивала на диван, потому что после купания это было можно. Безошибочно угадывала, кто друг семьи, а кто нет, и ворчала на непрошенных гостей, стоя между ними и хозяевами. Когда приходила прачка забрать в стирку бельё, Ладу приходилось запирать в другой комнате, потому что хозяйское бельё она не отдала бы ценой своей жизни.

Я подсчитала, что Лада знает значения 104 слов, включая, налево, направо, во двор, на улицу.

Зимой, мои маленькие тогда ещё дети, впрягали её в санки, и она с удовольствием бегом прокатывала их по улице. Однажды мы пошли в парк Шевченко кататься с горки. Сначала на санках скатывались дети, а потом вслед за ними, усевшись на свой круп, с восторгом, повизгивая, скатывалась вниз огромная лохматая терьерша.

Как-то, неся по коридору тяжёлую пишущую электромашинку, я споткнулась об Ладу и уронила машинку ей на спину. Собака взвыла от боли. Я стала извиняться, объяснять, что нечаянно. Лада тут же стала меня успокаивать, лизать руки, мол, я понимаю, что ты не хотела, не расстраивайся, всё в порядке. Ну, как она поняла, что я не хотела причинить ей боль, что я расстроена?

Однажды я подвернула ногу, а семья была в отъезде. Лада без моих просьб, сама перешла спать из угла комнаты к моей кровати, и когда я вставала с постели, подставляла свою спину, чтоб я на неё опиралась.

Настал момент, когда в нашу Ладу влюбились. Не смейтесь, чем это не

любовь? Маленький дворовый кобелёк ежедневно (!) в то время, когда Ладу выводили гулять, приходил к нам в парадное и садился под дверь. Он не доставал Ладе до плеча, он был жалок и беспороден, и ни на что не претендовал. Только бы посмотреть на свою любимую. А Лада, гордо звеня медалями, усыпавшими её ошейник, выхаживала мерной поступью, не поворачивая к нему головы. А ведь подойди, кто другой к нашей двери, разорвала бы. Значит, понимала, что это к ней, и жалела, наверное, потихоньку этого дворнягу.

О каких инстинктах идёт речь? Это самые настоящие социальные и высокоморальные отношения между животными.

Из недостатков у Лады были, пожалуй, только тщеславие и хитрость. Без медалей она на улицу выходить не хотела, упиралась. А хитрость её была достаточно безобидной. Сидела мама возле окна на любимом месте Лады. Та несколько раз подтолкнула руку мордой, попробовала сдвинуть маму плечом. Мама вставать не хотела. Тогда Лада подбежала к двери в сад и ударила по ней лапой. Мол, по нужде мне надо. Мама встала открыть, а Лада тут как тут, уселась возле окна и, довольная, уставилась на маму.

Сказать, что мы любили её, нашу защитницу и преданнейшего друга, значит, ничего не сказать. Но думаю, что Лада всё-таки любила нас ещё больше. Она обволакивала своей любовью.

Умерла Лада от рака. И мы, с мамой, сидя у стола, с поминальными по ней блинами, вдруг признались другу другу в одном и том же.

– Знаешь, сказала мама. – Я думаю, что этот рак был суждён кому-то из нас.

И Лада взяла его на себя.

Я думала то же самое.

НЮСЬКА

Полосатый пушистый комок прижался к двери моего офиса. Его била крупная дрожь. Оказалось, котёнок. Кошачий подросток, девочка. Я надела резиновые перчатки и отнесла её к врачу. Но врач сказал, что она здорова, и дрожит просто от страха. Видимо её выбросили из дома, и она впервые оказалась на улице. Я взяла её к себе и назвала Нюсей.

Похоже, она испытывала ко мне самую горячую благодарность. Мурлыкала она очень громко, кажется, на улице было слышно. Но мурлыкала только в связи со мной. Каждое утро, когда я выходила на работу, Нюська провожала меня по лестнице вниз, затем на улицу и до угла. Потом она возвращалась домой. К шести часам она приходила на этот угол и ждала. Завидев меня ещё издали, начинала радостно мурчать. Затем мы проходили один и тот же ритуал. На протяжении квартала Нюська описывала восьмерки между моими ногами, громко рассказывая всем, как она счастлива, что у неё такая хозяйка. Если я приезжала домой на машине, то она сбегала по лестнице вниз, чтобы встретить меня на первом этаже. Звук моей машины она знала безошибочно, на чужие не реагировала.

Её можно было попросить: – Нюся, скажи что-нибудь.

И она тут же отзывалась длинным «докладом». Мяу-мяу, мррр...мрррр...

Так же как когда-то Рашик обнимал мою маму, она любила залезть ко мне на грудь, обхватить лапами шею и блаженно затихнуть. Тогда я просила: – Нюся, поцелуй меня.

И она тыкалась ротиком мне в щёку.

Не знаю, чем мешало моим соседям Нюскино ежедневное пробегание по лестнице. Она была очень чистоплотна. Но они требовали, чтобы я убрала её куда-нибудь. Однажды, возвращаясь с работы, я не увидела на углу терпеливо поджидающий полосатый силуэт. Пришла домой. Во дворе сказали мне, что

видели, как соседи по лестнице положили её в мешок и унесли. Я две недели обходила близлежащие рынки и дворы. Если бы Нюся была где-то рядом, она пришла бы ко мне. Либо её увезли далеко и выбросили, либо убили.

Рашик, Лада, Нюся... И другие мои верные четвероногие друзья, члены моей семьи, прошедшие через моё сердце и мою жизнь. Никто не докажет мне, что вы жили инстинктами. Вы были полноценными личностями, со своими характерами и своей судьбой, своими привязанностями и моральными ценностями. Вы только не умели говорить. И любили нас, людей, больше, чем себя.

СИЛЬВА

В апреле 2005 года новые хозяева Одесской киностудии художественных фильмов отравили мышьяком 19 собак, много лет несших службу на территории студии. Посчитали, что высокие заборы, вертушка и амбал на входе надёжнее живых существ с их ежедневной кормёжкой (кормили их, кстати, работники студии за свой личный счет).

Им мешали собачьи будки и расставленные около будок миски для еды. От собак лай и грязь, решили новые хозяева. И велели разложить мышьяк для ничего не подозревающих четвероногих студийцев. Собаки умирали в течение нескольких часов в страшных мучениях. Тогда я написала об этом статью «Люди или животные», имея в виду, что в данном случае люди оказались животными, а животные людьми. Я хочу привести здесь цитату из той статьи, посвящённую одной из собак.

«Учёные утверждают, что животные не мыслят, а подчиняются инстинктам. Среди отравленных собак была Сильва, щенная, с 4 щенками. Когда Сильва почувствовала недладное, она стала отталкивать носом щенят, чтобы они не сосали отравленное молоко. Голодные щенята тыкались носом в материнский живот, она корчась, отползала от них. Потом собралась с последними силами и бросилась с обрыва, чтобы не травить щенков. Люди стояли молча, потрясённые. Святой материнский инстинкт собаки оказался в миллион раз выше, достойнее человеческого разума».

БЕЗЫМЯННАЯ

У края шоссе, ведущего из Одессы в Овидиополь, стоит памятник. Неизвестной, безымянной дворняге. История его такова.

Трое жителей близлежащего села, отец, мать и дочь, девочка 7 лет, шли по шоссе в сторону Овидиополя. Рядом трусцой бежала какая-то дворняга. Из-за поворота вылетел грузовик. Родители отошли на край дороги, а девочка внезапно побежала на противоположную сторону. До беды оставались считанные секунды. И вдруг дворняга бросилась наперерез машине. Она успела вытолкнуть девочку из-под колёс, но сама была раздавлена. Ещё два часа она умерла на глазах у плачущих людей, которые не могли ей помочь. На этом месте благодарные родители поставили ей памятник. Какими инстинктами можно объяснить подвиг самопожертвования собаки, отдавшей свою жизнь за жизнь чужого ей человеческого ребёнка?

НЕЗНАКОМКА

Я шла по Малой Арнаутской улице. Впереди меня шагал какой-то мужчина, который свернул в близлежащий двор. Из подъезда навстречу ему выбежала маленькая рыжая дворняжка. Увидев мужчину, собачка присела на передние лапы, угли её пасти приветливо раздвинулись, затем она побежала дальше. Она поздоровалась! Она выразила радость при виде знакомого ей человека! И выразила её самым, что ни есть, человеческим способом – поклоном и улыбкой. Не значит ли

это, что домашние животные, проживая с людьми столько тысячелетий, переняли от них способы общения между собой, их эмоции и переживания?

СОБАКА НА ПЛОЩАДИ

Как-то осенью на площади Независимости в Одессе прогуливалась собака. Она была очень старая и больная. Её лапы были искривлены подагрой, шерсть на боках вылезла, она еле передвигалась, опутив голову. Ходила она только по проезжей части. Когда люди сгоняли её на тротуар, она стояла там какое-то время, а потом снова спускалась на проезжую часть и ходила взад и вперёд. Все видевшие это люди понимали – она ищет смерти под колесами транспорта, потому что у неё уже нет сил жить. Она знала, что транспорт несёт смерть, и добровольно пыталась уйти из жизни. Именно знала, и приняла решение. Как человек.

ОРАНГУТАНГ

По телевизору показывали передачу о фауне Африки. В одном из кадров я увидела орангутанга. Он сидел на повалившемся дереве и смотрел вдаль, на океан. На левой руке у него сидел детёныш, а правой орангутанг накрыл его головку, как бы защищая от мира, и в то же время лаская. Это была типичная поза человеческой матери с ребёнком на руках.

Но самое интересное – это было выражение лица обезьяны. Она сидела задумавшись.

Её глаза были устремлены в океанскую даль, лицо сохраняло спокойное, и я бы даже сказала, философское выражение. Так она сидела долго, по экранному времени минут пять. Затем вздохнула, и, прижав детёныша к себе левой рукой, правой взялась за ветку и взмыла с ним вверх.

МЫШЬИ ДЕТИ

На заре своей трудовой деятельности я работала в лаборатории мединститута. Ухаживала за подопытными крысами и мышами, кормила их и проводила над ними медицинские процедуры. К белым лабораторным мышам привыкла настолько, что могла взять в одну руку сразу пять штук, зажав между пальцами мышинные хвостики, чтобы другой рукой удобнее было втыкать иглу шприца в мягкий белый бочок.

Однажды я услышала какие-то звуки, доносившиеся из ящика с документами. Открыла его и увидела, что в ящик забрались сбежавшие из взрослой клетки мышата. Мышата рождаются голенькими и слепыми. Эти уже были подростки, с открывшимися глазками, но ещё голые, розовые. Они гонялись друг за другом и пищали, они играли как самые настоящие дети! Крохотные, величиной с фалангу моего пальца, они уже были социальным сообществом и вели себя, как члены этого сообщества. Как человеческие дети, как котята и щенки. Я никогда не забуду этого, поразившего меня зрелища.

СЛОНЫ

Когда умирает слон, собратья не покидают его до тех пор, пока животное живо. Только убедившись, что слон окончательно мёртв, остальные расходятся. Возможно, они это делают для того, чтобы не подпустить к умирающему собрату его врагов, которые могли бы причинить вред уже беспомощному животному. Но самое удивительное то, что когда тело животного истлевает или его растаскивают хищники, и остаётся голый остов, слоны собирают его кости в кучку. Налицо примитивное захоронение. А ведь именно из факта наличия захоронений у предков человека, ученые делают вывод о наличии у них духовности.

Многие священники считают, что у животных есть душа. Такого же мнения придерживаются те учёные, которые исследовали ауру человека и животных

в лучах Кирилан. Отец Александр Мень благословлял домашних животных, которых ему приносили прихожане.

Настало время пересмотреть наше отношение к животным. На каком основании даже те люди, которые относятся к ним с любовью, называют их братьями нашими меньшими? Кто это положил так – эти старшие, эти меньшие? Они просто другие. И не надо их жалеть, их надо уважать. А из уважения вырастет и любовь к ним.

Вот в чём разница между интеллигентом и жлобом: напившись, интеллигент просит у всех прощения, рассказывает, как он всех любит и как он всех уважает. А жлоб, напившись, требует уважения к самому себе, любимому. «Вася, ты меня уважаешь!? А не то я тебя!..» Так давайте относиться к животным не по-жлобски.

Иногда рассказывают страшные истории, как в семью взяли тигра или медведя, окружили любовью, а тот задрал своего благодетеля. Я думаю, что в основе такой благодетельности лежит тот же эгоизм и дешёвая показуха: вот я, мол, какой крутой, у меня даже тигр в подчинении. А то, что тигру, возможно, неудобно на паркете и двигаться негде, – плевать. Если б права этих хищников понастоящему уважались, то и хозяев своих им бы загрызать не пришлось.

Мы не одни на этой планете. И если другие, равноценные с нами, в чём я абсолютно убеждена, существа не могут конкурировать с человеком в хитрости и коварстве, то не надо по этому признаку, считать их ниже себя.

И кто знает пути Божьи, что неисповедимы? Кто знает, какое наказание положил Господь убийце собаки – Божьей твари? Никто не вернулся оттуда и не рассказал. Пусть хоть такие практические соображения заставят задуматься тех, для кого жизнь животного стоит столько, сколько его мясо и шкура!

Владимир Михайлов Кременчук ИЗ ЦИКЛА РАССКАЗОВ «ВАСЕЧКА»

Васечка сидел в кустах, наблюдая за воробьями, которые оживлённо о чём-то спорили.

– И, что же они не поделили? – спросил себя хитрый охотник, – сейчас я их быстро помирю!

И он без промедления выскочил из засады, но проворные пернатые мгновенно разлетелись в разные стороны. За происходящим, из-за угла дома, наблюдала Маруся, став, таким образом свидетелем неудачи охотника. Но старый хитрец, присосанившись, расправил усы и с важным видом подошёл к воспитаннице.

– Как он оправдается? – пыталась угадать красавица.

Но Васечка не заставил себя долго ждать.

– Ну, чё, – видели, – спросил он, – как не надо охотиться?

– Да, учитель, – скрывая улыбку, ответила Маруся, – я поняла.

Расстроенный неудачей, Васечка поторопился уединиться. Зализывая хвост и покусывая от досады паразитов в нём, погружался в размышления.

– Кагаракта, артроз, – сетовал он на болезни, – как буду жить дальше?

Ему казалось, что никто и никогда не замечает его неудач. Но как он ошибался. На крыльце стоял хозяин. Его сочувствующий взгляд был понятен без слов.

– Видел, видел из окна, как ты промахнулся, – сказал, словно укол, хозяин, – стареешь, браток, ждёт тебя заслуженный отдых.

– Отдых, отдых, – хотелось возразить Васечке, – он обрадует лишь ленивого

Шарика.

Оптимизм всегда был главным достоинством резвого кота.

– День без добычи, – подумал он, – невелика беда, есть ещё вечер и ночь.

Сумерки съедали кошачье уныние. С темнотой рождались новые идеи, и Васечка торопился их воплотить в жизнь.

– Посидим на крыше, – сохраняя в секрете задуманные планы, предложил он Марусе.

– Посидим, учитель, – быстро согласилась талантливая ученица.

– Вы не поверите, дитя моё, – начал рассказ старый охотник, – я вчера пощадил птенца и его папашу. Вы не представляете, насколько трогательной была картина.

Васечка рассказал, как из гнезда выпорхнул юный воробышко. Как он пытался на слабых крыльях поднять своё тело, но с каждой попыткой точка взлёта опускалась ниже и ниже.

– На помощь самоуверенному младенцу, – продолжал рассказчик, – прилетел взволнованный папуля.

– И Вы позволили этим потенциальным жертвам остаться живыми?

– Милая моя, я проникся уважением к настоящему отцу. Он не только учил ребёнка летать, но и с удивительной скоростью находил гусениц, поддерживая силы воспитанника. Разве такой поступок не достоин подражания?

– Восхитительно! Благородно! Я горжусь Вами, учитель!

На смену сумеркам опустилась темнота. Вдруг, нарушив тишину, что-то зашуршало в кустах.

– Ба! – воскликнула Маруся, – это же Пушистик! Никак, из парикмахерской вышел.

– Да нет! – возразил Васечка, – линяет, а в кустах ускоряет смену зимнего одеяния на летнее.

– Так вот почему он прячется днём, стесняется своего облезлого вида!

– Конечно! Он заложник Вашего хрупкого сердца, поэтому и не желает показаться в неприглядном виде.

– Ха-ха-ха! – громко рассмеялась Маруся.

– Тише, тише! – сказал охотник, – мыши летят!

– А разве мыши летают?

– Это летучие мыши, сидите тихо, сейчас будем ловить...

Ночная охота, как и дневная, закончилась неудачей.

– Не расстраивайтесь, учитель, – сверкая в темноте глазами, успокаивала Маруся, – хозяйка у нас добрая, утром накормит.

– Да я не о том, Марусечка, – он почесал за ухом, а потом добавил, – как встретишь утро, так и день до ночи проведёшь.

Любовь Цай Луганск РАЗМЫШЛЕНИЯ ТАКСЫ

Собака – друг человека. Собака любит, охраняет, защищает, спасает, лечит. А ещё она может подсказать некоторые мудрые вещи. И если бы она могла говорить, то непременно рассказала бы много интересного о своих жизненных наблюдениях.

Я – Степанида или просто Фаня. Вот такое интересное имя придумала мне моя Хозяйка. Не какое-то там вычурное – Фифи, Джули, Долли, Лэсси, – а совершенно простое, но от этого не менее замечательное и волшебное имя. Таким

именем раньше называли девочек – призабытое, знаете ли, красивое женское имя. Я из породы миниатюрных такс – кто знает, может быть, моим пра-пра-дедушкой был любимец Наполеона Гренуй или же мне досталась хоть капелька крови от Хины Марковны, любимой таксы Антона Павловича Чехова?.. Небольшого росточка, лёгенькая, так что домашние частенько носят меня на руках (многие ли мои братья и сёстры могут похвастаться этим!). Конечно, это не только оттого, что я мало вешу, просто меня очень любят. А ведь есть за что: я послушная, воспитанная собака, и об этом говорю не зря, чтобы лишний раз похвастаться собой, а исключительно из гордости за свою Хозяйку и всю её семью. Моя Хозяйка – умная женщина, она знает, что и собак, и детей надо терпеливо воспитывать, тогда жизни и тех, и других будет протекать в правильном русле. Моя Хозяйка – светлая женщина, и зовут её Светланой. Я прекрасно понимаю человеческий язык, а моя Хозяйка, похоже, понимает наш, собачий. Осмелюсь даже предположить, что она знает, что я знаю, что её зовут именно Светланой. Знает она ещё много других хороших и разных вещей. И люблю её не только я, а и вся её семья: Сын, Муж... А ещё её сотрудники. Слово-то вычурное какое, скажу я вам! Вот когда-то слышала близкое по значению – коллеги – так оно мне почему-то больше нравится...

Она очень вкусно готовит – я же вижу, как светло и приятно на кухне вечером или в выходные, когда вся семья собирается за столом, оживлённо что-то обсуждает. Бывает, и спорят, но исключительно по-доброму, по-хорошему, без злобы и недоверия.

Она разбирается во многих вещах, я даже слышала, как она объясняла Сыну тригонометрические функции, «котангес» или «котанген» какой-то, причём только здесь кот – никак не пойму. Похоже, Сын понял, потому что, во-первых, объяснение длилось недолго, и, во-вторых, по его глазам было видно, что ему всё стало понятно, ибо он после её объяснений вприпрыжку (а это, кажется, соответствует хорошему настроению) побегал в свою комнату, освободив тем самым внимание моей Хозяйки для меня. Замечу в скобках: когда мы были на даче в гостях у Подруги моей Хозяйки, мне доводилось слышать, как та жаловалась моей Хозяйке, что ей приходится делать уроки с сыном, потому что сам он, видите ли, не привык, постоянно требует опеки и внимания, а ещё лучше (правильней – ужаснее) – просто требует выложить ему готовое решение, чтобы скорей переписать это и умчаться гулять на улицу.

На работе от неё, видимо, зависит очень многое, потому что я слышу, как часто ей звонят по телефону или при встречах задают вопросы. Я-то уже научилась различать по интонации, когда звучат вопросительные нотки в голосах, обращенных к моей Хозяйке. И всегда она обстоятельно, чётко и вразумительно отвечает на них. По-видимому, на том конце провода случаются не всегда понятливые коллеги – я ведь отчётливо слышу, как меняется интонация моей Хозяйки. Больше про работу сказать не могу, потому что там мне ещё бывать не приходилось, таким образом, и составить своё собственное собачье мнение о рабочем дне моей Хозяйки я не могу. Может статься, конечно, что я и удостоюсь такой чести или понадоблюсь Хозяйке на её работе. Как знать? Что ж, я с удовольствием посмотрю на это своими глазами.

Она очень тепло и трепетно заботится обо мне. И я готова платить ей тем же. Это я про заботу. Я бы конечно приносила ей тапочки. Или любимую книжку (я даже знаю, какая у неё любимая книжка). Но даже тапочки слишком велики для меня. Да и книжка тоже. Да, забыла сказать: её любимая книга – это сочинения Марины Цветаевой в одном томе. Увесистый такой, знаете ли, фолиант. И только по моим преданным глазам она может прочесть, что я для неё и ради неё готова

совершить подвиг. Да, да подвиг. Не смейтесь – я прекрасно знаю значение этого слова, я помню, как Хозяйка читала Сыну интересные детские книги про смелых и отважных мальчиков, и как Сын всё время просил: почитай, мама, пожалуйста. Я даже точно знаю, что Сын уже и сам умел читать, но он так любил, когда именно мама читала ему. И ничего, что это случалось всё реже и реже, но наблюдать такие картинки, поверьте, чрезвычайно приятно и умирительно. Тем, кто хочет знать, что любят слушать, а позднее и сами читать хорошие мальчики, к которым, я, безусловно, отношу и Сына моей Хозяйки, я с удовольствием вам назову: «Честное слово» Леонида Пантелеева, озорные рассказы Николая Носова и Виктора Драгунского, «Каштанка» Антона Павловича Чехова, толстенные книги про волшебного мальчика Гарри Поттера... Я бы тут могла, конечно, продолжать этот список до бесконечности, и тогда мой рассказ превратился бы, пожалуй, в целую повесть.

И мне остаётся только любящим взглядом смотреть в глаза моей Хозяйки и благодарить её за то, что я у неё есть. А ведь это тоже дело случая! Меня сначала захотели (т.е. просто захотели завести собаку), потом захотели именно меня (т.е. собаку именно такой породы или, иначе говоря, собачьей национальности), потом меня выбрали, именно меня, а не кого-то из моих сестёр или братьев. А ведь они у меня были! Я хорошо помню, что нас было много, и мы все забавно тыкались мордочками в тёплый мамин бочок. Как-то сложилась их судьба? Выбрали ли их? Так же ли им хорошо, как и мне? Не холодно ли? Не страшно ли? В жизни ведь всё бывает, и судьба, хоть и собачья, тоже складывается по-всякому.

Однажды во время прогулки мы с Хозяйкой оказались недалеко от рынка и увидели интересную картинку: на тротуаре, выставив лапы перед собой, лежала огромная собака, кавказская овчарка. Она была без поводка, лежала смирно. Трудно было понять: то ли Хозяин оставил её ненадолго, отлучившись по своим делам, то ли она потерялась в городской сутолоке. К собаке подошла сердобольная Студентка и, порывшись в своей сумочке, достала оттуда аппетитную сардельку и пирожок, положила всё это ей на лапы. Ни один мускул не дрогнул на собачьем лице! Тут вспомнилось мне из детской книжки, что моя Хозяйка читала когда-то Сыну, – про дворового пса Бобика, попавшего в гости к домашнему псу Барбосу. Помните, как Барбос показывал Бобику холодильник, в котором как угодно долго может лежать и не портиться сосиска... На что Бобик ответил: «у меня бы не лежала...». А тут – вот она, сарделька, аппетитная, дразнящая... Так всё и оставалось нетронутым, пока мы некоторое время наблюдали за этой картинкой. К сожалению, мы вскоре должны были уйти, и поэтому так и не узнали, чем всё завершилось. Но я временами возвращаюсь в мыслях к этому эпизоду. Так хочется верить, что собака ушла домой вместе со своим Хозяином...

Идя рядом со своей Хозяйкой, я заглядывала ей в лицо, я давала ей понять, что тоже так бы смогла выстоять и не взять из чужих рук пусть даже самое расчудесное лакомство на свете. Она мне улыбалась так, что я поняла, что она поняла...

А что ещё нужно собаке (и собаке ли только?) для полного счастья! Чтобы тебя понимали. Помните, в одном очень популярном фильме ученик написал сочинение, в котором была всего лишь одна (но какая!) строчка: «Счастье – это когда тебя понимают». Хозяйка несколько раз смотрела этот фильм, а я, как всегда, была рядом с ней...

Рядом с ней... И большее счастье даже трудно придумать и предположить!

Татьяна Янковская США, Нью-Йорк
Из цикла «РАСКРАСКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ.
Зарисовки и рассказы-недоростки»
МАСЯ

Снег сменился дождём, и ничто уже не пахло так, как раньше.

Вокруг были ноги, много ног. Вот по-птичьи вышагивают высокие каблуки на длинных-длинных ногах. Если поднять голову, виден край юбки, а дальше не видно. Тяжело переваливаются толстые ноги в широких коротких сапожках, над ними колышется необъятная шуба. Если бы это было дома, ты бы вцепилась в эту шубу зубами, пока никто не видит, – ты уже так делала когда-то и получила за это от Хозяина по попе. Но сейчас не стоит рисковать, да и некогда. Надо спешить искать дом, еду, хозяев.

Хозяйка тоже иногда покрывает себя мехом и надевает сапоги, когда вы идёте гулять, но она двигается легко, иногда даже бегает с тобой. Говорит при этом на уличном языке, короткими словами: go, sit, no, stop. А дома чаще говорит с тобой на домашнем, который ты любишь: иди поешь – на кого ты там лаешь – лапочка моя – ах ты, дрянь такая – ну иди, поцелуемся. Когда на улице холодно, на тебя надевают зелёное пальтишко. Зелёное идет рыжим, к тому же это цвет Ирландии, а ты чистопородный ирландский терьер. Носочки ты сразу невзлюбила, норовила стащить их с себя, и Хозяйка перестала их тебе надевать. И правильно, не такая уж ты неженка. Когда выпадает снег, каждую неделю Хозяин берёт тебя с собой в лес. Он прикрепляет поводок к поясу, и вы мчитесь рядом по лыжне. Он размашисто скользит по снегу, а ты радостно бежишь рядом, изредка лая о избыток чувств...

Расшнурованные кроссовки с налезавшими на них джинсами шаркают по мокрому асфальту. Одна нога поднимается, хочет тебя пнуть. Ты увёртываешься, убегаешь. Нырять вместе с толпой вниз и оказываешься под землёй. Среди множества чужих ног бежишь по долгому проходу и слышишь знакомую мелодию, её часто играют Хозяйкины ученики. Но они играют на пианино, а этот человек держит на колене чёрный инструмент со складками в середине, то растягивая их в стороны, то сжимая. Пальцы бегают по кнопкам, на полу шляпа. Ты обнюхиваешь шляпу, чувствуешь запах, немного напоминающий дом, и садишься рядом, а человек продолжает играть. Люди бросают деньги в шляпу. «Смотри, Каштанка, как у нас с тобой бизнес пошёл», – подмигнул баянист. Вот он играет твоё любимое место, и ты поёшь. Хозяйке с Хозяином нравятся твоё пение, и гости всегда смеются, когда ты поёшь, а этот говорит: «Тихо, рыжая! Ты хорошая, но погонят ведь меня вместе с тобой. Иди, иди отсюда», – подталкивает он тебя, освободив руку из-под ремня баяна. Он тоже говорит на домашнем языке, но почему-то называет тебя Каштанкой, а не Масей.

Вокруг почти все говорят по-уличному, как Хозяйка с учениками, а некоторые – как рабочие, которые делали ремонт у вас в квартире. Иногда слышна речь, совсем незнакомая твоему слуху. А вот эта пара говорит, как любимый Хозяин ученик со своей худенькой узкоглазой матерью. Маленькие лаковые туфельки на тонких матовых ножках становятся на цыпочки перед большими грубыми ботинками, над которыми поднимаются узкие коричневые брюки.

Рядом останавливаются другие ботинки, над ними синие брючины со стрелками, на поясе висит кобура и что-то металлическое.

– You should take your dog away.

– She is not mine .

Человек с кобурой наклоняется к тебе, это женщина. Вообще-то они тебе больше нравятся, они добрее. Но эта пытается схватить тебя за ошейник! Ты уворачиваешься и со всех ног пускаешься бежать дальше по проходу. Прибегаешь на платформу и прыгаешь вниз, в широкую яму с рядами металлическими полосок, разделённых столбами. Тебя оглушают крики, ты в панике спешишь к освещённой платформе на другой стороне, и вдруг, добежав до середины, слышишь грохот и видишь надвигающийся поезд. Делаешь шаг вперёд и видишь приближающийся встречный поезд. Многогрудый вдох и – молчание на платформах, только слышен стук колес. Поезда уходят в темноту. Общий выдох облегчения, разноголосица.

– She's OK!

– Слава богу, жива!

– Está bien !

Ты выскакиваешь на противоположную платформу. «А я уж думал, всё, мля. Ну чисто Анна Каренина!» – слышишь ты, пробегая к лестнице за чьими-то спешащими ногами. И вот ты на улице. Видишь странную собаку – идет на поводке, перебирая передними лапами, а вместо задних ног маленькая платформа на колёсиках, поддерживающая тело. Но ведь так не бывает, не должно быть! У всех собак есть задние ноги! Тебе неприятно, тревожно, страшно. Очень хочется залаять, но ты умеешь сдерживаться, когда надо, – не зря ведь тебя водили в собачий школу. На первом уроке вас с Хозяйкой даже попросили уйти, чтобы не мешать другим – твой лай завёл всех, и вести урок стало невозможно.

– Что так рано? – спросил Хозяин.

– Нас выгнали из класса.

– Почему?

– Мы лаяли.

– Ну, что ты лаяла, я не удивляюсь, но Маська – не может быть! Она же умница. Иди сюда, рыжик!

– Не ходи, не ходи к нему, Масыя!

– Масыя, ко мне!

И ты, не двигаясь с места, громко залаяла. А ночью, подремав на кровати, где ты обычно спишь с Хозяином и Хозяйкой, а сегодня спал он один, ты вышла из спальни и нашла Хозяйку на диване в гостиной. Ты легла рядом, потеснив её сильным крепким телом, и заснула, согревая её своим теплом.

А когда ты окончила школу и Хозяин с Хозяйкой пришли на специальную церемонию по этому случаю, им вручили твой диплом с наклеенной золотой звёздочкой, а тебе повязали на шею зелёный платок-бандану. На обратном пути Хозяин сказал «теперь наша Масыя доктор философии, не меньше» и обнял Хозяйку за плечи, а ты протиснулась между ними и несколько раз прошла туда и обратно, чувствуя боками их ноги. Где они теперь?

Вот собака-поводырь, ты таких видела раньше. Ты начинаешь её обнюхивать, но она идёт, как по команде «к ноге», не обращая на тебя внимания, а перед ногами, рядом с которыми она идёт, со стуком мечется зигзагом палка. А эта маленькая белая собачка похожа на соседского Ская, твоего товарища по играм в Вайоминге, откуда вы недавно переехали. Его полное имя – Beautiful Wyoming Sky, он весёлый и глупый. А вот идёт рыжая в зелёном пальтишке, как у тебя, и с сумочкой на боку – у тебя такой нет, ты тоже хочешь. Жаль, Хозяйка не видит, она бы тебе купила. А пальтишко твоё осталось дома. Где же дом?!

Широкие ступени ведут вверх к красивому зданию с высокими резными дверями. Ты поднимаешься и видишь грязного человека в пончо, сидящего

на ступенях. У хозяйки тоже есть пончо – яркое, красивое, оно пахнет духами и Хозяйкой, а у этого человека пончо из мешковины, с сильным человеческим запахом и целым букетом других. Он ест сэндвич. Ты садишься рядом и часто дышишь, глядя на него. Он вынимает из сэндвича кусочек ростбифа и протягивает тебе. Ты жадно хватаешь кусок. Дома тебе не дают такую еду, разве что гости, а дошкольницей ты иногда воровала её со стола. Ты облизываешься. «Come!» Нищий приподнимает край пончо. И вот ты сидишь с ним, щека к щеке, просунув голову в отверстие пончо. Нищий гремит мелочью в консервной банке. Прохожие бросают в банку деньги. «Not bad! Business is picking up, thanks to you Red Hair!» Молодая девушка смущённо протягивает гамбургер: «This is for the dog!». Нищий ловко перехватывает его, и гамбургер исчезает где-то в складках одежды под пончо. Ты грешь нищего и сама согреваешься, но тебе надоело сидеть неподвижно. «Time to move on, uh? Hey, it's up to you. Thanks for the company».

Ты ещё немного кружишь по улицам и ложишься у двери, из-за которой вкусно пахнет едой. Люди входят и выходят, некоторые обращают на тебя внимание, но никто не трогает. Наверно, думают, что ты ждёшь хозяина. И вдруг ты чувствуешь едва различимый знакомый запах! Ты вскакиваешь на ноги, лаешь и слышишь возглас «Мася!» Ты бежишь навстречу, встаёшь на задние лапы, чтобы лизнуть Хозяйку в лицо, опускаешься, трёшься об её ноги, снова вскакиваешь на задние лапы. О радость! Хозяйка целует тебя в нос, пристёгивает поводок, ведёт в машину. «Господи, Маська! Ты, наверно, так испугалась, когда этот жуткий питбуль на тебя кинулся! Я сама чуть концы не отдала, но ты так быстро убежала! И не вернулась. – Она вытирает глаза. – Он уже всем надоед, двух собак покусал на собачьей площадке. Я всех собачников подбиваю потребовать, чтобы его туда больше не водили. Или – в наморднике и на поводке. Совсем житья нет нормальным собакам!» Ты уверена, что Хозяйка добьётся своего, все собачники всегда её уважают. Ещё в Вайоминге она ездила с тобой на выставку, помогала организаторам, а ты получила тогда золотую медаль. Ты была единственным ирландцем, так что серьёзной конкуренции у тебя не было, как объяснила Хозяину Хозяйка, но всё равно они гордились тобой.

Вы медленно отъезжаете от тротуара и Хозяйка включает радио. Она всегда слушает классическую музыку, но утром машину брал Хозяин и переключил на другую волну. Объявляют песню Тома Уэйтса, «Rain dogs». «You know how after the rain you see all these dogs that seem lost, wandering around. The rain washes away all their scent, all their direction», – хрипит голос, потом так же хрипло, совсем не в хозяйкином вкусе, поёт.

Give my umbrella to the Rain Dogs
For I am a Rain Dog, too...
Oh, how we danced and you
Whispered to me
You'll never be going back home

«Про тебя, Маська, – говорит Хозяйка, дослушав до конца. – Но ты, слава богу, нашлась. Масенькая моя. Я знала, что ты вернёшься».

Она гладит тебя по голове и переключает радио на Баха.

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ

Виктор Гоняйло Северодонецк

ЧЁРНАЯ КОШКА

Сл. и муз. В. Гоняйло

Не всегда предо мною стелилась прямая дорожка –
По колдобинам вечно петляла сквозь горы и лес.
И встречалась не раз у обочины чёрная кошка
С намерением явным – рвануться мне наперерез.
Ну, куда ты? Стой! Ну, погоди немного! –
Ты из-под колёс не сможешь убежать.
Не перебегай мне, кисонька, дорогу –
Я на тормоза успею ли нажать.

А колдобины жизни – куда покрупнее дорожных,
И любая из них оставляет на сердце свой след.
И печально, что как ни стараешься быть осторожней,
Так, бывает, тряхнёт – все старания сводит на нет.
Только я на то смотрел не слишком строго –
Падал и вставал, и двигался опять...
Не перебегай мне, кисонька, дорогу –
Мне на суеверья эти наплевать.

Так давайте, друзья, чёрных кошек пугаться не будем,
Будем сами решать: где – помедлить, а где и рискнуть.
Ведь не зря же удача лишь тем улыбается людям,
Кто назло чёрным тварям всегда продолжает свой путь.
Что там впереди – известно только Богу –
Как я проживу, и где прервётся нить...
Не перебегай мне, кисонька, дорогу –
Ты мою судьбу не в силах изменить.

СОРОКАЛЕТИЕ

сл. и муз. В. Гоняйло

Да, сорок – не весна, но всё же и не осень!
Не мучает склероз, и не дрожит рука,
И, в общем-то, в душе, ну, где-то двадцать восемь –
На сорок я себя не чувствую пока!

Не чужды мне ещё мечтанья под Лунною,
И музыка звучит, и пишется строка,
И хочется любить, особенно весною –
На сорок я себя не чувствую пока!

Хоть видится мне жизнь не в радужную призму,
И битым был не раз, дожив до сорока,
И все ж мой оптимизм под стать авантюризму –
На сорок я себя не чувствую пока!

И дух больших дорог по-прежнему мне дорог –
Никак не надыхусь романтикою трасс.
И лишь дорожный знак «Ограничение – сорок»
Напомнит невзначай: пора бы сбросить газ...

Но хочется пожить, не думая о смерти,
Пока не захлестнёт Забвения река...
Прошу Вас, моему вы паспорту не верьте –
На сорок я себя не чувствую пока!

Владимир Спектор Луганск

ОППОЗИЦИЯ ШОУ-БИЗНЕСУ

Интервью с Сергеем Зарвовским

«Нет мудрее и прекрасней средства от тревог, чем ночная песня шин. Длинной-длинной серой ниткой стоптанных дорог штопаем ранения души...». В этих словах Юрия Визбора – всё, чем замечательна авторская песня – душевность и доброта, искренность обращения к слушателю, как к другу. Не зря ведь следующая строчка начинается: «Не верь разлукам, старина...» Где ещё сейчас можно услышать такие слова? Да и не только сейчас. С самого возникновения, как жанра, авторская или, как ещё её называют, бардовская песня была своеобразной отдушиной для тех, кому ветер в ушах свистел не «БАМ», в смысле Байкало-Амурская магистраль (для тех, кто не помнит), а «К большой реке наутро выйду, наутро – лето кончится. И подавать не буду вида, что умирать не хочется». Это Александр Городницкий, которого вместе с Визбором, Окуджавой, Галичем и Высоцким называют отцами-основателями всего этого движения. Популярность его в 60-70-е годы была просто фантастической.

Пафосность и лицемерие политико-социальных вокальных произведений и идиотский примитивизм так называемых молодёжных и любовных сочинений советской эстрады («Ты моя рука, ты моя нога, ты моё моё, я люблю тебя...») отвращали от себя всех нормальных людей, автоматически привлекая их к, казалось бы, тихим и задумчивым полупесням-полуречитативам исполнителей, чей голос, тем не менее, раздавался на всю страну, собирая на фестивали авторской песни десятки тысяч человек. Сейчас можно сказать, это была своеобразная оппозиция официальной эстраде, да и, в какой-то мере, общественному строю.

Впрочем, авторская песня, в лучших своих проявлениях и сегодня остаётся такой, составляя тихую оппозицию буйному отечественному шоу-бизнесу, продолжая говорить о любви и дружбе, чести и порядочности, обо всём том, что составляет суть жизни, но почему-то исчезает из содержания произведений массовой культуры.

Хотя, может быть, я и не прав, в чём-то идеализируя жанр и его представителей. Ведь есть и масса дурацких, малопрофессиональных песен, абсолютно пустых и самодовольных, которые причисляются к авторским только из-за наличия гитары у исполнителя и надрывных мотивов в голосе. Что происходит с авторской песней

сегодня, когда всё разрешено, когда идеалы круто изменились, когда на смену стареющим бардам пришло новое поколение, для которых Окуджава – это что-то из прошлого века? Почему в радиозфере авторские песни стоят рядом с блатными? Это прихоти формата или вынужденное братание во имя выживания? И, наконец, как развиваться жанру дальше после появления проекта «Песни нашего века», поднявшего исполнительскую планку до небес и показавшего, как прекрасные поэтические тексты в мастерском исполнении и аранжировке звучат на уровне современных хитов.

Об этом мы сегодня поговорим с одним из организаторов многих фестивалей, поэтом и журналистом, членом Межрегионального союза писателей Украины Сергеем Зарвовским.

В.С. – С чего, на ваш взгляд, начиналась авторская песня?

С.З. – Наверное, неправильно привязывать точку отсчёта к какой-то фамилии. Например, упоминая Визбора, забывают о том, что Окуджава начал писать песни гораздо раньше, сразу после войны.

Но до Булата Шалвовича творил не забытый и сегодня Михаил Анчаров, первая «проба пера» которого в этом жанре относится ещё к концу тридцатых годов. А ещё раньше писал песни Александр Вертинский, а до него, во второй половине XIX века, существовали авторы многочисленных городских романсов, да и герой войны с Наполеоном Денис Давыдов тоже известен как автор песен собственного сочинения. Сообщу вообще кажущийся невероятным факт: лет 15 назад квартет Пермской филармонии исполнил несколько песен, сочинённых самим... Иваном Грозным! В каких-то архивах нашли слова с нотами, правда в те времена нотная грамота была другой, отличающейся от сегодняшней, но её расшифровали, и появилась возможность услышать, чем же услаждал слух бояр в часы досуга Иоанн Васильевич, которому тоже было не чуждо чувство ритма и рифмы. А до него... Так что, мне кажется, идя таким путём, мы можем обнаружить истоки авторской песни где-нибудь в неолите, кода шаман, играя на костяшке с дырочками или натянутых на доску жилах, бубнил заклинания собственного сочинения.

Но корни того, что сегодня мы называем современной бардовской или авторской песней, найти можно, если вести отсчёт не от конкретных личностей, а от начала её массового появления, которое пришлось на первую половину 50-х годов. Именно в то время, отстроив страну после войны, народ получил возможность немного передохнуть, и в моду начали входить вылазки на природу. Ну а там, как известно, душа поёт сама. Вначале появились тексты на туристско-лирическую тематику, которые исполнялись на музыку известных эстрадных песен, затем, наиболее смелые, начали сочинять не только слова, но и собственную музыку. Я знаком с организаторами первого КСП в Советском Союзе Анной Яшунской (недавно мне стало известно, что её, к сожалению, уже нет среди нас) и Сталиной Мишталъ, которые рассказывали, как это происходило в их родном Ленинграде. Именно после таких вылазок на природу, в которых кроме них принимали участие Валентин Вихорев, Валентин Глазанов, ставшие впоследствии известными бардами (чуть позже в их компании появился молодой геолог Саша Городницкий), и появилась идея создать клуб, который назвали «Восток». Именно здесь получили первое «боевое крещение» перед аудиторией Городницкий, Визбор, Высоцкий и многие-многие другие, сегодня хорошо известные барды.

Кстати, этот этап появления нового жанра зафиксирован не только в устных воспоминаниях свидетелей, многие из тех, первых, авторов дожили до появления послеперестроечных пластинок «Мелодии» с их записями, которые мы можем

услышать. Когда я на радио делал передачи об авторской песне, то обнаружил на пластинке Бориса Полоскина уникальную запись – его первую песню, которую он написал именно в начале 50-х! Это действительно необычный случай, ведь первая песня по прошествии стольких лет либо забывается, либо не исполняется, поскольку была наивной и несовершенной. Например, Ю.Кукин, «засветившийся» в 60-х годах благодаря песне «А я еду за туманом», говорит, что свои первые шесть песен он исполнять стеснялся, настолько они неказисты по сравнению с теми, что он написал впоследствии.

В.С. – А как произошло знакомство с авторской песней у Вас?

С.З. – Тот, кто хоть раз в жизни посидел у ночного костра с песней под гитару, не останется равнодушным к тому, что там исполняется, ведь на природе душа просит не назойливых шлягеров, а настоящей, душевной песни.

В такой же обстановке и я познакомился с творчеством тех, кто сегодня считается классиками этого жанра. Слушая исполнение песен Юрия Кукина, Александра Городницкого, Юрия Визбора, я не только не думал, что когда-нибудь буду пожимать авторам руки, но и не подозревал, кому эти песни принадлежат. Знакомство произошло гораздо позже, до того же времени я с удивлением открывал для себя тот факт, что песни, считающиеся чуть ли не народной классикой в туристской среде, имеют конкретных авторов. И те не только живут и здравствуют (сегодня, к сожалению, уже не все), но и выступают с концертами, на которые можно попасть и заново пережить в зале те ощущения, которые охватывали тебя под звёздами Кавказа, Урала или Хибин.

Совершенно случайно я узнал о существовании в Луганске клуба самодетельной песни – КСП, как тогда назывались такие объединения, которым руководил Виктор Забашта. Вот тут-то и началось узнавание тех, кому принадлежали хорошо известные песни и знакомство с новыми (ныне широко известными) молодыми авторами, такими, как москвич Юрий Лорес, киевлянин Анатолий Лемыш, днепропетровец Александр Медведенко, запорожец Сергей Кучма и многими другими, которые в то время часто приезжали с концертами в наш город. Почти со всеми поддерживаю отношения и до сих пор.

В.С. – Да, во времена Виктора Забашты, который сейчас, кстати, является одним из руководителей Московского клуба авторской песни, Луганск чуть не превратился в бардовские Нью-Васюки. Приезжали не только вышеперечисленные авторы, но и такие звёзды, как Визбор и Дольский, Никитин и Розенбаум, Дулов и Суханов, Долина и Семаков... Билеты на концерты достать было довольно трудно. Да и луганская школа заявила о себе именно тогда. Кроме Забашты побеждали на фестивалях Александр Анищенко, Сергей Черкашин, Ирина Лубяницкая, Светлана Берлова, Лилия Третьякова, Стелла Зубкова. Позднее к ним присоединился Антон Ворожейкин, который стал своеобразным «последним из могикиан». Новых громких имён так и не появилось. Хотя, безусловно, таланты не исчезли. Изменилось время и отношение к авторской песне. Да и она сама изменилась. Как Вы считаете?

С.З. – Всё время своего существования авторская песня постоянно развивалась, тексты становились более совершенными, музыка и авторское исполнение более профессиональными, внутри самого жанра появились разные музыкальные течения. Тем не менее, жанр неоднократно «хоронили», пожалуй, первым, кто заявил о том, что авторская песня умирает, был, как это не странно, Булат Окуджава. Возможно, исповедуемая им песня действительно потихоньку отходит в небытие, но это не означает, что пишущие по-иному не являются бардами. Творчество покойного классика оказало большое влияние на несколько

поколений авторов и просто почитателей, поэтому простим ему брезжание, возможно, он просто решил, что если сам отошёл от сочинительства песен, то на его место никто не может претендовать.

Но никто и не собирался этого делать, молодые имена заявляли о себе в совершенно иной манере и стиле. Достаточно послушать продолжающих писать авторов среднего поколения Юрия Лореса, Александра Мирзаяна, Александра Вербицкого, Владимира Каденко, Виктора Байрака и более молодых – Алексея Бардина, Вадима Волкова, Шухрата Хусаинова и многих других.

Можно по-разному относиться к их творчеству и к тем музыкальным направлениям, которые они представляют, но то, что это талантливые ребята, сомнений быть не может. Поэтому слухи о смерти авторской песни явно преувеличены, тем более, что подобные рассуждения уже имели место по отношению к другим видам искусств – с появлением кино хоронили театр, а с проникновением в наш быт видео, заявляли о смерти кино. Однако, пережив определенный кризис, они возрождались уже в более совершенном виде. То же самое происходит и в авторской песне – зародившись у костра, и проведя «детство» на кухнях, она сегодня проникла в престижные концертные залы. К этому явлению тоже можно относиться по-разному, но наличие огромных аудиторий слушателей только свидетельствует о её востребованности, о чём говорит популярность проекта «Песни нашего века».

В.С. – Проект, действительно, уникальный, и отношение к нему неоднозначное. Что Вы о нём думаете?

С.З. – С моей точки зрения, это чисто коммерческое мероприятие, благодаря которому его участники смогли неплохо заработать. Но, лично мне не нравится хоровое исполнение авторской песни, да ещё в больших залах. Этот жанр требует камерной обстановки, более тесного контакта со слушателем. Нетрудно собрать на одной сцене десяток-полтора голосистых, хорошо владеющих гитарой авторов и исполнителей, но это уже не бардовская песня, а отработанное шоу. Мне вспоминаются слова уважаемого мной Юрия Кукина, видимо, ещё лет 20 назад предвидящего подобное развитие обстоятельств, который говорил: «Представь ансамбль песни и пляски имени Александрова, хором исполняющий «Выхожу один я на дорогу...». Правда мне легко так рассуждать, поскольку если не лично знаком со многими участниками проекта, то бывал на их сольных выступлениях, а у многих молодых почитателей авторской песни, может, это была единственная возможность увидеть своих любимых бардов, да ещё в таком количестве одновременно. Возможно, для популяризации авторской песни такой способ подачи может иметь право на жизнь и своих слушателей, а, может быть, это и есть один из элементов её развития. Но я всё равно предпочитаю авторов слушать поодиночке и в небольших залах.

Правда, сегодня, в связи с известными трудностями, далеко не в любом городе можно организовать концерт. Если раньше всё делалось на энтузиазме организаторов и при содействии любителей бардов среди руководства города или комсомольских работников, то сейчас это сделать не так просто. Организация бардовского концерта в небольшом городе никогда не было коммерческим мероприятием, доказательством этого может служить отказ участников «Песен нашего века» выступать после Донецка в Луганске. Поэтому пригласить выступающего, это, значит, понести определённые расходы, которые могут и не окупиться – надо заплатить за аренду зала, аппаратуры, выплатить гонорар и т.п.

В.С. – А какво сейчас состояние авторской песни в Донбассе?

С.З. – Когда-то в Луганской области клубы были практически в каждом крупном городе, сегодня их можно пересчитать по пальцам. Но, несмотря на трудности, возродилось бардовское движение в Стаханове, где после нескольких лет затишья Владимир Алидзаев вновь открыл клуб, бывший когда-то одним из лучших на Луганщине.

И сегодня ребята уже проявляют себя: Оксана Быстрицкая, Владимир Алидзаев и Игорь Петренко – лауреаты фестивалей «Большой Донбасс» и «32-е мая», дуэт Татьяна Варгановой и Игоря Петренко стал лауреатом одного из престижнейших фестивалей в Балаклаве.

Их соседи из Брянки, руководимые Владимиром Шуссером, стараются не отставать – Вадим Петренко и Алексей Кузнецов – лауреаты фестивалей в Черкассах, Кривом Роге и других городах. Виктор Гоняло из Северодонецка обрёл всеукраинскую и международную известность. Продолжают радовать любителей жанра Александр Анищенко, Антон Ворожейкин, Стелла Зубкова, Сергей Салов, Дмитрий Энтелис, Михаил Квасов. Весомо заявила о себе Алина Башта... Не так давно в Луганске по инициативе Елены Зеленцовой, Антона Ворожейкина, да и всех нас, кому не безразлично это движение, был вновь открыт Клуб авторской песни. Мы проводим концерты, приглашаем гостей, и сами ездим с дружескими визитами. Воспитанники Ольги Шумаковой стали лауреатами нескольких фестивалей в других городах (а один она с помощью колледжа искусств организовала здесь). Зарегистрировано отделение авторской песни при Межрегиональном союзе писателей Украины. Вручаются премии имени Татьяны Снежиной...

В.С. – Есть такие строки: «Зачем всё это? Зачем земля, зачем планета...» Продолжая, можно спросить: «Зачем авторская песня? Сегодня, когда главное – деньги, власть, когда доброта и порядочность, порой, кажутся анахронизмом...»

С.З. – Прошлым летом я задал подобный вопрос председателю Бахчисарайской районной администрации: «Зачем он каждый год в течение двух месяцев бесплатно предоставляет участок на берегу моря под бардовский лагерь?». Честно говоря, такого ответа от молодого хозяина района я не ожидал. В течение долгого разговора он объяснял мне, что транслируемое по радио и телевидению даже условно нельзя назвать «культурой», только бардовское искусство способно тронуть душу человека, даже если он впервые с ним столкнулся, только искренняя песня и настоящая поэзия могут конкурировать с попсой, активно навязываемой слушателю. С этим утверждением невозможно спорить, за многие годы, отданные этому жанру, я неоднократно наблюдал за выражением молодых лиц, впервые слушающих настоящих бардов – вряд ли после этого они побегут «наслаждаться» группой «Руки вверх» или «Отпетыми мошенниками». Возможно, одна из причин, по которой авторская песня жива и будет жить, это то, что если раньше она не подчинялась власти, то сегодня она не подчиняется шоу-бизнесу.

«До свиданья, дорогие! Вам – ни пуха, ни пера. Пусть вам встретятся другие, лишь попутные ветра...» Так может сказать только друг. И этот друг – авторская песня. Она живёт и развивается, несмотря ни на что. Ведь дружба не умирает.

ПЕГАС-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Григорий Ладыженский Германия

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА «ИТАЛЬЯНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ»

... Несколько недель назад, ранним утром, на центральной площади небольшого старинного немецкого курортного городка Меерсбурга, раскинувшегося на берегу Боденского озера, отделяющего южную часть Германии от северных кантонов (провинций) Швейцарии, собралась разноязыкая, разноплеменная, разновозрастная группа людей. В их числе находился и автор настоящего очерка. Нас, не знакомых друг с другом «детей разных народов», в это субботнее утро объединила любовь к путешествиям, жажда познаний, интерес к новому, доселе неведомому...

В 5.45, строго по графику, подкатил туристский автобус «Neoplan», мы погрузились в него и отправились в 17-часовое путешествие. Нам предстояло обогнуть по северному и восточному берегу Боденское озеро, проследовать по туннелям под Альпами, преодолеть многие десятки и сотни километров по автобанам и серпантинам красивейших горных дорог, «покорить» высокогорный перевал, посетить два курортных города на юге Швейцарии, познакомиться с двумя живописными итальянско-швейцарскими озёрами и поздно вечером вернуться на исходные позиции...

Первый час мы потратили на то, чтобы, объехав близлежащие города и городки Боденского побережья, забрать там местных экскурсантов и укомплектовать автобус. В баварском городе Линдау, взяв «на борт» последнюю «порцию» туристов, мы взяли курс на юг. Там, почти на границе с Италией, нас ждал уютный полуигрушечный швейцарский городок Лугано. Его называют «солнечной прихожей Швейцарии», «швейцарской Ривьерой», «европейским Рио-де-Жанейро», «бриллиантом итальянской Швейцарии», «малым элегантным космополитическим городом». Лугано действительно заслуживает таких эпитетов, и ещё многих других, но что же такое «итальянская Швейцария»?

Несколько слов о самой Швейцарии. Официальное название государства – Confoederatio Helvetica, то есть Швейцарская Конфедерация, сокращённо – СН. Эта небольшая страна граничит с Францией, Италией, Германией и Австрией. Швейцарского языка, как такового, в природе не существует. Но при этом в стране 4 государственных языка! Это немецкий (в регионах, граничащих с Германией и Австрией), итальянский (на границе с Италией), французский (на границе с Францией). И, наконец, рето-романский язык, на котором говорит всего 1% населения страны. Соответственно, существуют «немецкая» Швейцария, «итальянская» и т. д. Основная административная единица страны – кантон. Швейцарцы уважают своё государство, любят свои города. На каждой улице, чуть ли не на каждом доме, вывешены государственные флаги (белый крест на фоне красного полотнища), флаги с гербом соответствующего кантона, даже флаги городков.

На полпути к цели нашего путешествия мы «сделали привал». На 45 минут остановились на стоянке для отдыха. Подобными стоянками, соседствующими с автозаправками, теннисными площадками со скамьями и столиками, придорожными закусочными и магазинами, изобилуют многие западноевропейские дороги. Но стоянка на окраине одного из небольших швейцарских городков, где мы остановились для отдыха, была необычной. Здесь каждый вновь прибывший автобус встречают маленьким театральным представлением. Его разыгрывают для гостей механические

куклы в импровизированном театрике, размещённом в широком окне башенки, возвышающейся над зданием ресторана. Здание окружено по периметру галереей, сплошь усаженной цветами. Ресторан, супермаркет и даже, пардон, общественный туалет выполнены в виде своеобразных гротов – пещер с неровными стенами, со старинной мебелью, с оригинальными светильниками. На огороженной лужайке перед рестораном живёт семейство малых декоративных ручных козочек – безрогая мама, рогатый папа и несколько миниатюрных козляток. Всё это очень умилает многочисленных туристов. И восторгает ребятишек...

Пока я Вам всё это рассказывал, мы уже почти подъехали к первому городу из двух, запланированных сегодня нами для посещения.

Итак, город Лугано. Он находится в кантоне Тичино, в «итальянской зоне». По количеству местного населения он в 10 – 12 раз меньше своего «тёзки» – восточноукраинского Луганска. Во время курортного сезона население резко возрастает за счёт туристов и отдыхающих. На улицах звучит в основном итальянская речь (впрочем, в разгар курортно-туристского сезона, на каких только языках не говорят гости города!), вывески и местные газеты – тоже на итальянском. Крупнейший кафедральный собор города назван именем Сан-Лоренцо (одного из итальянских святых). Лугано населён преимущественно «луганчанами» и «луганчанками» итальянской внешности, итальянского происхождения. Сотни предприятий общепита предлагают жителям и гостям города блюда и лакомства преимущественно итальянской кухни. Для нас исполняются неаполитанские песни, звучит мелодичная итальянская музыка. Ну и так далее.

Наша экскурсия, рассчитанная на западноевропейских туристов, проводилась на немецком языке. Кстати, немецкие турфирмы, по крайней мере, та, с которой мы ездили в Швейцарию, проводят экскурсии совсем не так, как известные мне русские. Гида, как правило, нет. По пути к месту экскурсии водитель автобуса (капитан теплохода) по бортовой радиосети кратко рассказывает о городах и о местности, куда мы едем, а также о тех местах, мимо которых следует автобус (катер). По прибытии к месту назначения туристам сообщается, в котором часу и в каком именно месте города предстоит посадка в автобус (на судно) для продолжения путешествия. После чего турист на 2 – 4 часа предоставляется сам себе, и теперь главное для него – не заблудиться в незнакомом городе и не опоздать. Здесь предполагается, что у каждого цивилизованного человека, в том числе у любого туриста, дома есть компьютер с Интернетом. И прежде чем собраться в путешествие, будущий экскурсант заранее может (если хочет) в той или иной степени заочно познакомиться с объектом предстоящей поездки.

Итак, прибыв в Лугано, наш автобус подрулил к пристани. Прежде всего, нам предлагалась часовая прогулка по Луганскому озеру. И вот мы – на борту катера, совершающего экскурсионный рейс по Luganer See, или по-итальянски – Lago Lugano. Озеро на редкость живописно. Неправильный, многократно изломанный, абрис линии берега. Узкие извилистые бухточки глубоко врезаются в берега – то швейцарские, то итальянские. Удивительный, постоянно меняющийся, цвет прозрачной воды – от бирюзового до тёмно-зелёного. Под водой мелькают стайки всякой рыбной мелкоты, солидно проплывают крупные рыбыны. На водной глади можно видеть лодки с рыбаками (дело было в субботу). Рыбаки приветствуют нас, вскидывая руки вверх.

Холмистые берега Луганского озера – не что иное, как отроги Южных Альп. По крутым береговым склонам разбросаны городки и местечки – швейцарские, итальянские. Линия границы прихотливо вьётся, перебегая с долин на холмы, с извивов узеньких речек на зеркала небольших озёр. Вон в зелени прядется великолепная вилла, а над ней, на вершине холма, виднеется полуразрушенный замок. А во-о-он там, нет-нет, чуть правее – видите, из-за деревьев выглядывают мрачные монастырские стены с острой стрелой часовенки, устремлённой вверх...

Наш катерок проходит совсем близко от итальянской деревушки. Черноглазые

ребятишки машут нам руками с берега, что-то кричат. Три-четыре деревенских улочки сбегают с крутого берега к урезу воды. Некоторые дома, как в Венеции или в Брюгге, «растут» прямо из воды. Основное занятие жителей – рыболовство, да ещё изготовление на продажу изделий ширпотреба, на которые так падки многочисленные туристы и курортники, отдыхающие в этих благословенных краях!

Со стороны озера хорошо видно, как на высоте нескольких десятков метров над уровнем озера из горы как бы вырывается шоссейная дорога и, пробежав сотни полторы метров по крутому карнизу, снова прячется в туннель. Многочисленные, снующие по дороге, авто не дают ей (дороге) ни минуты отдыха...

Прогулка по Лаго Лугано продолжается. Шкипер, он же владелец катерка – пожилой итальянец – на почти правильном немецком рассказывает об озере и об объектах, просматриваемых нами на берегах.

Мы узнаём, например, что площадь озера – 49 кв. км; что его длина составляет 33, а максимальная ширина – 3 км. Озеро относится к довольно глубоким – до 288 метров. Как поясом, пересекается озеро (итальянцы, как было сказано, называют его Lago Lugano, а ещё Ceresio) двумя мостами и дамбой, по которым проложена Сан-Готардская железная дорога.

Итак, «водная» часть прогулки по Лугано завершена. По причалу сходим на берег и приступаем к самостоятельному знакомству с городом. Я в таких случаях обычно предпочитаю прогулку в одиночестве, без спутников. Вся прибрежная зона отдана отдыхающим. Недаром Лугано считается (и является!) самым посещаемым городом альпийской республики. Здесь, как говорят, швейцарская эффективность удачно сочетается с итальянским очарованием. Говорят, этот город – третий по значению финансовый центр Швейцарии. Респектабельные здания банков. Бесконечные отели, пансионаты, бары. Знаменитое казино. Величественный собор Сан-Лоренцо поражает как внешним видом, так и интерьером. Он является подлинным шедевром ломбардского ренессанса. Стены изнутри расписаны фресками. Привлекают внимание барельефы эпохи Возрождения, скульптуры, выполненные в стиле рококо.

Вагончиком «горного трамвая» – фуникулёра – я поднялся на холм, возвышающийся над центром Лугано, к железнодорожному вокзалу. Полюбовался отсюда великолепной панорамой – видом на окрестные горы, на город, на озеро. Особенно интересно наблюдать, как отдельные вершины как бы пронзают облака и возвышаются над ними. В озере всё это отражается, как в зеркале.

Спускался от вокзала к берегу пешком. Заблудиться здесь невозможно: почти все улицы, перпендикулярные к линии берега, спускаются к озеру. Хорошо, что в этот летний день солнце, периодически прикрывающееся кружевами облаков, на улицах субтропического города палило не слишком сильно. В моём распоряжении было немногим больше полутора часов, поэтому мне не довелось посетить ни одного из многочисленных парков, скверов и музеев города. Не побывал я также у концертного зала, где проводятся традиционные Луганские джазовые фестивали. Но всё же смог по достоинству оценить своеобразную красоту итальянской застройки обширной пешеходной зоны Лугано, его старинные дворцы и храмы, памятники истории и архитектуры. На набережной полюбовался растущими в грунте пальмами различных пород, а также двумя великолепными фонтанами. Множество магазинов, рассчитанных на любой вкус и любой кошелек. В здешних бутиках, говорят, можно приобрести одежду и обувь, сработанные самими известными фирмами. Цены при этом здесь более доступны, чем в домах моды недалёкого отсюда итальянского Милана – признанного центра и законодателя мод.

В тот субботний день по особенно доступным ценам можно было купить буквально всё, что угодно, причём по доступным ценам, на «фломаркте» («блошином рынке»), попросту говоря, «барахолке», развёрнутом на одной из центральных площадей и прилегающих улицах. По рынку я прогулялся, как по музейным залам...

Конечно, неполные три часа – ничтожно малое время для знакомства с таким

городом, как Лугано. Но всё же город запомнился мне не только благодаря изыскам южной природы и творениям человеческого гения. Зеркальная водная гладь, величественность окружающих гор, поросших лесом, ласковое солнце, обилие зелени и цветов, привлекательность и дружелюбие местных жителей, мелодичный итальянский говор, пестрота нарядов – всё это – город Лугано и Луганское озеро...

В назначенный час наша группа собралась на набережной, у отеля «Walter», с тем, чтобы снова погрузиться в автобус и продолжить путешествие. Через час езды по живописным горным дорогам мы переехали из Лугано в другую жемчужину кантона – самый романтический и самый солнечный город страны – Локарно. Подсчитано, что солнце светит здесь в среднем целых 2300 часов в год, или по 6,3 часа в день! Ещё в античные времена эти места считались важными со стратегической точки зрения, и в то же время здесь римские патриции отдыхали от трудов праведных, свершённых на мирной ниве и на военной тропе. Вообще, Локарно внесло и продолжает вносить немалый вклад в историю и культуру Европы, а, значит, и мира.

Несколько слов из истории города. Процветал он, например, в XII-XVI веках. А затем попал под власть итальянцев, которые превратили его в захолустье. Летаргия города продолжалась вплоть до начала XIX столетия. Затем, с появлением республики и образованием кантона Тичино, Локарно стало «пробуждаться». Проявилось значение города как прекрасного международного курорта. Седьмой десяток лет Локарно имеет завидное, хоть и неофициальное, название «города мира». Дело в том, что после Первой мировой войны, в 1925 году, здесь, на Локарнской конференции, был подписан Локарнский мирный договор, определивший статус государственных границ в Европе.

Небольшой городок Локарно, повторяю, является одним из признанных центров культуры нашего континента. Да и не только нашего. Например, здесь, на Пьяцца Гранде («Большая площадь»), считающейся красивейшей площадью страны, в августе проходит традиционный Международный кинофестиваль, на который съезжаются и слетаются буквально миллионы любителей и знатоков киноискусства. Город регулярно принимает также международные фестивали музыки.

За время краткого пребывания в Локарно я успел обойти почти все улочки и переулочки его исторического центра – Старого города, архитектура которого сформировалась в основном в XVI-XVII столетиях. Как и Лугано, Локарно расположено в основном на склонах холмов, спускающихся к озеру. Как и в Лугано, в Локарно чуть ли не каждое здание привлекает взор своей неповторимостью, соразмерностью пропорций и просто красотой. Как и в Лугано, в Локарно на улицах растут субтропические деревья, кустарники; воздух напоён ароматом миллионов цветов. Как и Лугано, Локарно расположено на берегу очень живописного, причудливой формы, озера, также окружённого горами, – Лаго Маджоре. Кстати, интересно, что озёра соединены между собой естественным путём: из Лаго Лугано вытекает, а в Лаго Маджоре впадает река Треза.

На обратном пути из итальянской Швейцарии наш автобус притормозил в глубоком ущелье. Мы только что высочили из очередного туннеля и готовились нырнуть в следующий. Над нами возвышалась отвесная стена высотой несколько десятков метров. Обрыв под нашей стоянкой уходил глубоко вниз тоже почти вертикально. Там, на дне ущелья, пенился стремительный поток, в который серебристым водопадом с мелодичным журчанием вливался неширокий горный ручей. И – всюду жизнь! – из расщелин в скалах тянулись вверх деревца, отчаянно цепляясь за свою опору, цепляясь за жизнь. Зрелище было волшебным, поистине неповторимым. Наш водитель во время этой краткой передышки, стоя у невысокой ограды над пропастью, пересказывал нам легенды, связанные со здешними местами. Он также приглашал нас на последующие экскурсии, обещал показать нам новые интересные места, созданные человеком и самой природой...

Валерий Медин Луганск

Обезображено
Лицо ракушки
Морщиной, ямочкой,
Шляпным огрызком.
Счищая воздух
Ватной круговертью,
Старая глупо,
Не познавши смерти.

Непорочным страхом
Залатаю дыры,
Обморожу веки
За стеклом слегка.
Взглядом издеваясь
Над своею дурью,
Беспардонного внутри,
Зарождающего зла.

Уколюсь сознанием,
Искусав препоны.
Разбивая страхи,
Прошлое кляня.
Перепутав с вечностью,
Взгляд из – под иконы.
Мёртвого, замершего
Из груди тепла.

Ржавой потерей
Оплёвано время.
Клоунским стоном
Чёрного дня.
Вросшего в тело,
Бледностью сна.
Страхом убитого
В мыслях дитя.

Похотью.
Лезвием.
Кровью.
Дырой.
Семя изгнано с тела грехом.
Ангел бескрылый вой.

Стекла
отрыжка
Укор немой.
Взгляд портсигара
Из прошлого
Скорбящий,
Стон предков
Помнить
О себе молящих.

Уколюсь безверием,
Омертвив препоны,
Разбивая страхи,
Прошное броня.
Перепутав с вечностью.
Молодые годы.
Так и не потухшего,
Глупого огня.

Покрывало время
Голову,
Седея.
Взглядом молодухи
В голове старухи,
Сколько лет томиться.
Выпусти меня.
Но молчанье за стеклом.
Седа давно коса.

Дорогой страха,
Пером из раны,
Рождаясь вопреки
Забытого тепла.
На холоде сосулькой,
Тяжело вздыхая,
Отрезав крылья,
Незадачливой строки
Забытого тепла.
Беспечно в суете,
Как спичка,
Вспыхнув, угасаю,
Смыв безверием себя.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ГОЛГОФЫ

Консервной банкой
Оттопырив вены,
Закручивая дней
Железную слезу,
Заржавленной строкой
Плету цветы
Бумажной карусели.
Из яви снов.
Из прошлого безвинною рукой
Себя в безвременьи ищу.

ПЕГАС-САМОБИТНЫЙ

Анатолий Биндюков Луганск

ХРЮША

Пришёл Год свиньи. И мне вспомнился один случай. Было это много лет назад. Работал я тогда на совхозной свиноферме ветврачом. По соседству со мной жил дед Стецько со своей бабкой Фёклой. Оба были великие любители сала. Дня не могли прожить без него. Выпьют, бывало, по чарке; крикнет дед, приговаривая: «Хороша, чертяка.»

Потрёт весело ладони и примется закусывать салом с цибулей. «Вот это закуска! – скажет он. – Не знаю лучшей. Не зря ж говорят: «хохол без сала, что телега без колёс». Каждый год он резал кабанчика к Новому году. Приобрёл и в тот год ма-а-ленькую свинку. Первое время кормил молоком из бутылочки. Та жадно, взахлёб смоктала, часто прося добавки. «Ну и прожора, – возмущалась Фёкла, – таких у нас ещё не было».

– Пусть ест, – бурчал дед, – не жадничай.

Привязалась свинка к деду, как цыплята к квочке. Шустрая, ласковая, то и дело похрюкивала. За что и прозвали Хрюшей. Шло время. Хрюша росла не по дням, а по часам. Может, и отстала бы от деда, да, зная слабость свиней, он то и дело почесывал ей бока. Понравился Хрюше дедов массаж, стала требовать: чеши мол, раз приучил. И дед чесал. Хрюша, бывало, ляжет на бок, приплющит глаза и похрюкивает от удовольствия. Стецько чешет да ухмыляется. Полюбила Хрюша деда, не отходила от него ни на шаг. Разве что на ночь запирал в свинарник. Куда он, туда и она. Село много знало разных чудес, но такое... видело впервые.

Ушла весна. Перевернуло листья календаря лето. Осень все больше входила в свои права, все чаще устилая землю по утрам холодным туманом. Пожелтевшие деревья и округа в целом навевали печальную тоску. По селу нет-нет да и разнесётся свинячий истерический визг. Услышав его, Хрюша останавливалась, вслушивалась в предсмертные вопли несчастной, думала: «Мне это не грозит, мой хозяин меня любит». И всё же что-то внутри, тревожное, непонятное, давило её. Минута, другая – и вопль утихал. А дед Стецько лукаво почесывал ей то один бок, то другой. И Хрюша вновь беззаботно, доверчиво, ластилась к нему. Приближалась зима. Хрюша быстро набирала вес. Была уже где-то килограммов под двести, но передвигалась легко. Глядя на неё, Стецько думал: «Таких крупных свиней у меня ещё не было. К Новому году, гляди, ещё наберёт килограмм пятьдесят, а то и все сто». Но до Нового года не суждено было ждать. Неожиданно для деда и бабки внучка заявила: хочет, мол, срочно замуж за Кольку-конюха. Как ни отговаривали подождать до Нового года, она стояла на своём. «Если ждать до Нового года, – твердила она, – я могу его потерять. Видели бы вы, как Катька, моя подруга, строит ему глазки. Уведёт, точно уведёт». Чуть не плача умоляла: «Бабуля, ну скажи дедуле, пусть не упирается». Растаяла бабка Фёкла и пошла на деда в наступление: «Пусть выходит, раз так сложилось. Возьмёт и отобьёт у внучки жениха. Что тогда?!» – «Что тогда? ... Другого найдёт!» – «Другого... А если по душе Колька?! Сердцу не прикажешь! Это вы, мужики, кто лучше глазки построит, к той и бежите. Вспомни, как я тебя на себе женила. Увела у подруги.

Вспомни... Разве не так было?!» – «Да ладно тебе, перестань». – «То-то ж. Завтра же режь Хрюшку. Понял?! И не упирайся!»

Нехотя точил нож дед Стецько. Нехотя готовил солому для смоления. Фёкла собирала посуду: для крови, кишок и для всего остального. Следующий день выдался хмурым, по-осеннему печальным – с моросью. Казалось, сама природа оплакивала Хрюшу. Едва дед открыл дверцу свинарника, как Хрюша выскочила и к нему. На радостях ластится, похрюкивая. А он, отойдя несколько шагов в сторону, стал почёсывать её бока своими грубыми мозолистыми руками. Хрюша доверчиво улеглась сначала на бок, а потом и на спину, развихнув свои короткие ноги: чеши, мол, и живот. Стецько живо перешагнул через неё ногой.

Подошедшая с горячей водой Фёкла пропищала: «Ну, что тянешь?! Бери нож да коли. Сам знаешь, работы будет много, до ночи может и не управиться». Услышав это Хрюша насторожилась... Чуть приоткрыв один глаз, смотрит: в руках у деда тот самый нож, которым, он, Стецько, в её присутствии отделял курам головы от туловища. «Так вот ты какой, дед Стецько! А я тебе верила, а я тебя любила. Ну нет, со мной такой номер не пройдёт. Фигу вам обоим». «Ну, что тянешь?!» – не довольствовалась Фёкла. – «Да дай сердце найду, чтоб не промахнуться» – бурчал дед. А найдя и размахнувшись, рука пошла на удар. Хрюша резко повернулась на бок, и нож, пройдя мимо, почти по рукоятку влез в землю. Тут же! Вскочила на свои короткие сильные ноги.

Дед мгновенно оказался верхом. С седоком на спине бросилась наутёк. Перепуганный Стецько, чтоб не сорваться, как клещ, вцепился обеими руками в её уши. Распластавшись на спине, кричал: «Стой! Проклятая. Стой!» А Хрюша, визжа на всё село, неслась галопом, словно лошадь, по буграм и кочкам. Длинное тощее тело подпрыгивало, словно мячик. Маленькая, немного сгорбленная Фёкла, чуть задрал длинный подол, чтоб не запутаться, семена ножками, словно сороконожка, бежала, крича: «Дедулька родненький! Держи её, уйдет сало! Уйдёт!»

Подпрыгивая на Хрюшиной спине, Стецько хотел было нанести удар по голове, но, едва размахнувшись, тут же свалился наземь, держась одной рукой за ухо. Визжа, как резаная, Хрюша волокла его по мокрым от мороси кочкам, причиняя новую и новую боль. Вскоре онемевшая рука выпустила ухо Хрюши. Дед, еле поднявшись, грязный как чёрт, хромая на одну ногу, вприпрыжку, как мог, бежал за Хрюшей. А сзади – следом – причитала Фёкла: «Господи! Заступница усердия! Не дай уйти салу...» – слёзы катились по её старческому, полному горя, лицу. «А была такая ласковая, такая хорошая. И за что нам такое наказание? За что?! Помоги, Господи, не дай уйти салу, не дай!»

Освободившись от седока, Хрюша во все лопатки неслась к лесополосу. Напрасно дед с бабкой, до ночи петляя между деревьями, старались найти её. Не дал результата и следующий день поиска. Хрюша как в воду канула.

Каково ж было мое удивление, когда, проводя весенний плановый осмотр, увидел Хрюшу, лежавшую в оградке для маток. А рядом с нею больше десятка ма-а-леньких поросятков, таких же шустрых, как когда-то была она. Впиваясь в соски, жадно смочка, отталкивали друг друга. Хрюша, самодовольно похрюкивая, как бы говорила: не сорветесь, всем хватит. Увидев меня, насторожилась. Понял: узнала. своим умоляющим взглядом говорила: «Христом-богом прошу. Ради них... Не выдавай. Будь милосердным». А я, любуюсь увиденным, отвечал: «Не выдам, Хрюшенька. Не тревожься. Живи спокойно».

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ

Нередко приходится слышать: «Без вины виноватых не бывает. Как не бывает дыма без огня».

Да только я с таким выводом не согласен. Помнится мне, жили по соседству со мной в селе дед с бабкой. Это потом уже перебрались в город. На старости лет увидеть культуры им вдруг захотелось. Имели двух деток. Что интересно, так это то, что мать была одна, да и батька вроде бы тоже. А вот дети получились разные.

Придёт, бывало, к ним сын погостить, выпьют по чарке и «чешут языками». По ходу разговора спросят: «Как проходит мол твоё житьё-бытьё, может, нуждаешься в чём? Гляди, и сможем подсобить».

И был у него всегда один ответ: «Спасибо, всё у меня есть, всё хорошо, нужды ни в чём не имею». Имел парень, так сказать, совесть. А вот дочка, получилась такая хитрая – спасу нет. Жадность имела необыкновенную. За копейку готова была удавиться. И нюх на деньги имела собачий.

Не успеют они у бабки с дедом появиться, как она – тут как тут. Придёт и станет вести разговор издалека. Да так хитро – диву дивишься. Пока не выманит – не уйдёт. А при уходе, бабка ещё сунет ей купюру, и скажет: «Ты ж только ему не говори».

Бывало, станет ей дед говорить: «Чтоб денег хватало, нужно либо побольше работать, либо убавить свои желания». Так эти слова ей в одно ухо входили, а в другое вылетали.

Так было и в тот раз. Бабки дома не было. Сидят это они вдвоём – «базарят».

Видит дед, врёт ему налево и направо, да так ловко. Слушал он её, слушал, а потом и говорит: «Ну до чего же ты всё-таки брехливая. И в кого только такая удалась? Мать, вроде бы, не брехуха, да и в роду брехунов не было». А она ему язвительно:

– В тебя! В кого же ещё.

– И в чём же я брехун? – спросил удивлённо.

– А ты что, уже забыл?! Память отшибло!

– Да не помню такого случая...

– Не помнишь! А кто говорил, что твоя свинья по радио хрюкать будет?!

Указал день и время. Хрюкала?!

– Да не свинья, а «Хрюша».

– А Хрюша что, по-твоему не свинья?!

– Ну не было так будет. Значит где-то получился сбой. Бывает такое.

– Так я тебе и поверила... Не такая я уже дура, чтоб брехуну верить!

Вот так он и стал, без вины виноватым.

А дело было так: в то самое время должна была выйти в эфир более важная передача, вот и отодвинули его рассказ в сторонку.

Ей бы выслушать... Войти в курс дела, у старых людей опыта, да и ума побольше. Да куда там!

Молодость – она приткая, умеет судить только других... А когда коснётся их, – куры курами. Другого слова не подберёшь.

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

Наталья Витаева Луганск

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ОТ ГНОМА

Тень отбросив на равнину,
Спит гора великим сном.
Зажигаем мы лучину.
В гости к нам приходит Гном.

Тихо-тихо дверь прикроем –
Гость пришёл, других не ждём.
Если волк в лесу завоет, -
Не волнуйтесь ни о чём.

Гном приносит нам фонарик,
Полный разноцветных снов,
Да воздушный жёлтый шарик,
Да мешок волшебных слов.

Гном рассказывает сказки
В тихом тиканьи часов.
Закрывайте, дети, глазки...
Самых нежных, сладких снов!

Наталья Романова Луганск

ПОХИЩЕНИЕ

Большое несчастье! Мышиного папу
Вчера утащили котята за лапу.
У норки мышинной висит объявление:
Готовьте за вашего папу соленья
И баночку шпротов. Нет, лучше четыре!
Четыре селёдки и ключ от квартиры.

Мышонок заплакал: мой бедный папаша!
Когда же увидим тебя мы, когда же?!
И мама Мышиха на кухне рыдала,
Платочком в горошек свой нос вытирала.
– Мышонок, Мышуля, мои вы сиротки!
Ну, где же найти хоть кусочек селёдки?

– Я знаю, что делать. – сказала Мышуля. –
Котяткам отдам я букварь за папулю!
Но мама упряма: тебе же учиться!
Придётся нам, дети, с утратой смириться.

И вечером грустным малышка Мышуля
Пошла посмотреть на страданья папули.
Увидела в спальне котят возле кресла
И в вазу на тумбочке старой залезла.

Вдруг видит: поправила Кошечка платье
И гладит мышинный костюм на кровати.
А папа Мышули на крошечном кресле...
Сидит и смеётся с котятками вместе!

Смеётся Котёнок, и Кошка хохочет:
– Умора! умора! смеяться нет мочи!
Доволен Мышинный папаша работой:
Он – мастер рассказывать всем анекдоты!

Отправили мышек домой с угощением:
Селёдкой, соленьями, банкой варенья.
Картошечки дали и хлебушка корку.
Залезли Мышуля с папашею в норку.
– Кормилец вернулся из плена с наградой!
От счастья все стали плясать до упаду.

С тех пор поменялись порядки в квартире:
Живут в ней котята с мышатами в мире.

КОТОКРОТ

А у нас в беседке летом
Солнце, зелень! Красота!
В ней живёт в костюм одетый
Кот, похожий на крота.

Он красивый, добрый, ловкий.
Садит в кружечки морковку,
Из хрустального кувшина
Поливает апельсины.
Полет лук и кукурузу,
Фрукты-ягоды, арбузы!

А соседку кошку Киску
Угощает он редиской.
Ну, а бабушку Кротиху –
Бутербродом с облепихой.

Отчего же котокрот
Так уж любит огород?
Почему в беседке нет
Ни сосисок, ни котлет,
И на мордочке – румянец?

Он же – вегетарианец!

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	2
СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	3
ПРОЛОГ	4
БОРИС ПАСТЕРНАК	
ПЕГАС-КЛАССИК О ПУШКИНЕ	5
ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ, БОРИС ЛАСТОВЕНКО, МАРИНА ЦВЕТАЕВА	
ГОСТИ НА ПАРНАСЕ	10
АНАТОЛИЙ АВРУТИН, ОЛЕГ ЗАЙЦЕВ, МАКСИМ ЗАМШЕВ, СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ, ИННОКЕНТИЙ МЕДВЕДЕВ, ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН, ЮРИЙ ПЕТРАКОВ, АЛЕКСАНДР РЕЗНИК, НАТАЛЬЯ САВИНА, ВЛАДИМИР ШЕМШУЧЕНКО	
ЛИЧНОСТЬ	34
ЯКОВ СМОЛЯРЕНКО, ВАЛЕРИЙ СНЕГИРЁВ	
ПЕГАС-ЮБИЛЯР	47
ЭЛЕОНОРА БУЛГАКОВА, БОРИС ГУЦАЛО, ЛЮДМИЛА ДЕЕВА, ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ, МИХАИЛ КОРОБКА, ЮРИЙ ЛЕБЕДЬ, ЕЛЕНА МОРОЗОВА, ВИКТОР МОСТОВОЙ, КОНСТАНТИН СЕРЕБРЯНЫЙ, ЕЛЕНА СИКИЛИНДА, ЛЕОНИД СТРЕЛЬНИК, ГЕНАДИЙ СУСУЕВ	
КЛИО В ГОСТЯХ У ПЕГАСА	105
ТАТЬЯНА ЧЕБРОВА ОБ АЛЕКСАНДРЕ МЕЖИРОВЕ	
МЕТРОНОМ	112
ВАЛЕРИЙ БАСЫРОВ, ВАСИЛИЙ ДУНИН, БОРИС ЖАРОВ, АЛЕКСАНДР КОРЖ, СЕРГЕЙ КРИВОНОС, ВАСИЛИЙ ТОЛСТОУС, ЛЕОНАРД ТУШИНСКИЙ, ИВАН ЧАЛЫЙ	
ВОСПОМИНАНЬЯ В ДУШАХ НЕ СТАРЕЮТ	131
КИМ ИВАНЦОВ	

СОДЕРЖАНИЕ

ЛУГАНСКИЕ ПОЭТЫ.....	137
АЛЕКСАНДР АКЕНТЬЕВ, СЕРГЕЙ БОНДАРЕНКО, АНТОН ВОРОЖЕЙКИН, ИРИНА ГИРЛЯНОВА, ЛЮДМИЛА ГРЕЧАНИК, АНАСТАСИЯ ДАИАУРИ, ВИКТОР ЕРЕТИН, СЕРГЕЙ ЗАРВОВСКИЙ, ЮРИЙ КНЯЗЕВ, НАТАЛИЯ МАВРОДИ, НИКОЛАЙ МЕЖЕНИН, СЕРГЕЙ МОКРОУСОВ, ТАТЬЯНА НАБОКА-ПИТЕРСКАЯ, ЛЮБОВЬ ПАРАМОНЕНКО, НАТАЛЬЯ РОМАНОВА, СВЕТЛАНА ТИШКИНА, ЮРИЙ ЦЫГАНКОВ-СЕРЕБРЯКОВ	
СВЕТ ДАЛЁКИХ ЗВЁЗД.....	170
ОЛЬГА БОНДАРЕНКО, АЛЕКСАНДР ДОВБАНЬ, ПЁТР ПАРХОМЕНКО	
ПЕГАС-ПУБЛИЦИСТ.....	186
ТАМАРА ГОРДИЕНКО, АЛЕКСАНДР НАБОКА	
ДРУЗЬЯ-ПОЭТЫ.....	194
ЛЮДМИЛА БУРАТЫНСКАЯ, ИГОРЬ ГОДЕНКОВ, СЕРГЕЙ ЕВСЕЕВ, ТАМАРА ЕГОРОВА, АЛЕКСАНДР КОНОПЛЯ, АНДРЕЙ ЛИННИК, ЕЛЕНА МЕЛЬНИК, ВЛАДИМИР МИРОНОВ, ЛЮДМИЛА НЕКРАСОВСКАЯ, СВЕТЛАНА ОСТРОВ, ЛИНА ПЯТАК, ПАВЕЛ СЕРДЮК	
ИНТЕРВЬЮ ПЕГАСА	219
ТАТЬЯНА ЯНКОВСКАЯ, ИНТЕРВЬЮ МАРИАННЫ ГОНЧАРОВОЙ ДЛЯ МОСКОВСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЭКСМО», АЛЕКСАНДР МОРОЗОВ	
КНИЖКА В АЛЬМАНАХЕ.....	236
ЮРИЙ КИРИЧЕНКО	
ПЕГАС-МИНИАТЮРИСТ.....	246
НАТАЛЬЯ ГОЛОВКО, МИХАИЛ КВАСОВ, ЕВГЕНИЙ МАТВЕЕВ, ЮРИЙ ПОЛИССКИЙ, НИКОЛАЙ СЕМЕНЧЕНКОВ, ИВАН ЧАЛЫЙ, ВЛАДИМИР ШЕСТАКОВ	

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ИМЕНА.....	257
ТАТЬЯНА БОГДАНОВА, ЛАРИСА КОВАЛЬЧУК	
ПЕГАС-ПРОЗАИК.....	261
ПЛАТОН БЕСЕДИН, ОЛЬГА ВОРОБЬЁВА, НИНА ДЕРНОВИЧ, ЮЛИЯ ДУБЧАК, МИХАИЛ ЛИСИЦКИЙ, ЛЮДМИЛА МАШКОВСКАЯ, ВИКТОРИЯ МИЛЛИАН, НАДЕЖДА ПЕТРОВА, НИКОЛАЙ РЕМНЁВ, ИРИНА РУДЕНКО, ЕВГЕНИЙ РУДОВ, АННА СОЛОДКАЯ, НИКОЛАЙ СПИРИДОНОВ, ВИКТОР ШЕНДРИК	
ПОЭТИЧЕСКОЕ БРАТСТВО.....	327
ИВАН ВОЛОСЮК, ЕЛЕНА ГУРЬЕВА, СЕРГЕЙ ЗАГОРОДНОВ, ЕЛЕНА КИСЛОВСКАЯ, ЮРИЙ КОЛОМИЕЦ, ВАСИЛИЙ КУЗЬМЕНКО, ДИАНА ЛИПКА, АЛЕКСАНДР МОРОЗОВ, ЛЮДМИЛА МОСИНА, ТАТЬЯНА МЫХЛИК, ИВАН НЕЧИПОРУК, ВЛАДИМИР ПРЕДАТЬКО, РИНА ЦА, ВИТАЛИЙ СВИРИДОВ, ЛИДИЯ СОКОЛКО, ФЁДОР ТАРАСЕНКО, ЕЛЕНА ХЕЙФЕЦ, ЛЕОНИД ШЕПТОВИЦКИЙ	
ПЕГАС-КРАЕВЕД.....	357
АННА ДРАЙ	
ПЕГАС-ФИЛОСОФ.....	361
ВЛАДИМИР ПЕТРУШЕНКО	
ПЕГАС-ФАНТАСТ.....	363
ЕЛЕНА МАТВЕЕВА	
ПЕГАС-ПЕРЕВОДЧИК.....	372
МАРК НЕКРАСОВСКИЙ, ВИТАЛИЙ СВИРИДОВ	
ПЕГАС УЛЫБАЕТСЯ.....	377
ЛАРИСА ВОЛЬНАЯ, МАРИАННА ГОНЧАРОВА, ЮРИЙ КУКУРЕКИН, ВИКТОР НЕКРАСОВСКИЙ	

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕГАС У АВТОРОВ ПОЭМ.....	390
ИГОРЬ КАРАМНОВ, ЕВГЕНИЯ ПЕРЕТЯТАЯ-БАБЕНКО	
ПЕГАС О ЧЕТВЕРОНОГИХ ДРУЗЬЯХ.....	397
АЛЕВТИНА ЕВСЮКОВА, ВИКТОРИЯ КОЛТУНОВА, ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ, ЛЮБОВЬ ЦАЙ, ТАТЬЯНА ЯНКОВСКАЯ	
АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ.....	413
ВИКТОР ГОНЯЙЛО, ВЛАДИМИР СПЕКТОР	
ПЕГАС-ПУТЕШЕСТВЕННИК.....	419
ГРИГОРИЙ ЛАДЫЖЕНСКИЙ, АЛЕКСАНДР НАБОКА	
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ.....	423
ВАЛЕРИЙ МЕДИН	
ПЕГАС САМОБЫТНЫЙ.....	426
АНАТОЛИЙ БИНДЮКОВ	
ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА.....	429
НАТАЛЬЯ ВИТАЕВА, НАТАЛЬЯ РОМАНОВА	

ББК 84 (4Укр-4Луг)6-5
С25

Свой вариант. Альманах. Межрегионального союза писателей и Конгресса литераторов Украины. Под ред. В. Спектора. – Луганск: «Элтон-2», 2012. – 436 с.

ISBN 966-7588-47-5

© Спектор В., 2012.
© «Элтон-2», 2012.

Литературно-художественное издание

СВОЙ ВАРИАНТ

**альманах Межрегионального союза писателей
и Конгресса литераторов Украины**

№ 18

Главный редактор:
Владимир Спектор

Зам. главного редактора:
Наталия Мавроди-Морозова

Редакционная коллегия:
*Елена Доруничева, Василий Дунин, Юрий Кириченко,
Юрий Лебедь, Виктория Мирошниченко,
Александра Фрольченкова, Любовь Цай*

Художник: *Тамара Коршунова*

Вёрстка: *Антон Орловский*

**Официальный сайт МСПУ: <http://mspu.org.ua>
Редколлегия альманаха «Свой вариант» принимает
материалы по электронному адресу:
svoiy-variant@yandex.ru**

Работы не рецензируются и не возвращаются.

*Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до
Державного реєстру видавців, виготовників і розповсюджувачів
видавничої продукції серія ДК № 878 від 29.03.2002 р.
Свідоцтво про держреєстрацію друкованого засобу масової інформації
серія ЛГ № 795 "Свій варіант. Альманах МСПУ" від 30.06.2005 р.*

Підписано до друку

*Формат 60x84/16. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Друк різнографічний. Ум. друк. 50,4 арк.
Наклад 150 прим. Замовлення №101*

*Видавничо-поліграфічний центр ТОВ «Елтон-2»
91016, Луганськ, вул. Коцюбинського, 2/2; тел./факс 55-19-83.*